

К 100-летию Вооружённых Сил Республики Беларусь

ОТЕЧЕСТВУ СЛУЖИМ

Сборник прозы и поэзии

УДК 358.33(476)091
ББК 68.516(4Бей)
0-82

Составители
В. И. Чудов, В. А. Павлов

Выпуск сборника осуществлён
по заказу и при финансовой поддержке Министерства обороны
Республики Беларусь

Отечеству служим : сборник прозы и поэзии. — Минск : Книгасбор, 2018. —
0-82 400 с.
ISBN 978-985-7180-85-1.

Сборник посвящён 100-летию Вооружённых Сил. В него включены произведения писателей нескольких поколений: классиков белорусской литературы и современных белорусских поэтов, прозаиков, публицистов. Предоставлено слово и молодым талантливым авторам. Работы посвящены защитникам Отечества, славным боевым традициям Вооружённых Сил на разных этапах существования нашего государства. Для воинов белорусской армии — это напутствие беречь родную землю, сохранять верность славным традициям, приумножать славу наших Вооружённых Сил.

УДК 358.33(476)091
ББК 68.516(4Бей)

ISBN 978-985-7180-85-1

© Коллектив авторов, 2018
© Оформление. ЧУП «Книгосбор», 2018

ОБРАЩЕНИЕ МИНИСТРА ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Уважаемые читатели!

23 февраля 2018 года белорусский народ отмечает 100-летие Вооружённых Сил Республики Беларусь.

Именно этому знаменательному юбилею посвящена книга, которую Вы держите в руках. В ней немало интересных литературных произведений, посвящённых защитникам Отечества, славным боевым традициям Вооружённых Сил на разных этапах существования нашего государства.

В истории нашей страны 23 февраля — это важнейшая символическая дата, с которой ассоциируются героизм бойцов и командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии, её решающий вклад в Великую Победу над фашизмом, боевая мощь Советской Армии, оберегавшей Советский Союз от угрозы ракетно-ядерной войны.

Верность священным традициям защитников Отечества — это надёжное обеспечение мирного труда белорусского народа в современных условиях. В этих целях успешно реализуется очередной пятилетний план строительства и развития Вооружённых Сил, уровень которых и впредь будет соответствовать инновациям в военном деле, чтобы в любых условиях обстановки гарантировать мир, безопасность и стабильное развитие страны.

В ходе многолетней истории нашего государства профессия защитника Отечества всегда символизировала высокую культуру и нравственность, верность воинскому долгу. И эта стержневая традиция сохраняется.

Сто лет... Огромный путь прошли Вооружённые Силы. Если бы собрать воедино всё, что написано о ратных подвигах защитников Отечества, это составило бы огромное количество томов.

Сборник «Отечеству служим» — лишь небольшая часть этого духовного богатства. Это бесценное наследие — вдохновенный творческий труд белорусских прозаиков и поэтов нескольких поколений. В то же время это и литературный памятник тем, кто пал в боях за нашу Родину, и венок славы побед. Для воинов белорусской армии — это напутствие беречь родную землю, сохранять верность славным традициям, приумножать славу наших Вооружённых Сил.

Желаю всему личному составу, ветеранам Вооружённых Сил, читателям крепкого здоровья, счастья, благополучия, успехов в службе и труде на благо нашего Отечества!

*Министр обороны Республики Беларусь генерал-лейтенант
А. А. Равков*

КЛАССИКИ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О КРАСНОЙ АРМИИ

Мы сложим стихи и песни о славных бойцах

Дни манёвров БВО были для трудящихся Советской Белоруссии днями величественного праздника единения народа и Красной Армии, праздника нерушимости границ нашей социалистической Родины.

Мы, которым выпала высокая честь наблюдать на полях «сражений» замечательные операции «красных» и «синих», в эти дни воочию увидели всю силу несокрушимой мощи нашей доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Мы видели, как молодые сыны нашего социалистического Отечества доблестно выполняли боевые задания под руководством командиров, имена которых овеяны славой легендарных боёв гражданской войны.

Мы не были праздными наблюдателями. Замечательные события из боевой жизни на манёврах помогут нам дать нашей родной Красной Армии стихи и песни — наш вклад в художественную литературу, поставленную на дело обороны страны.

Наш пламенный привет бойцам и командирам БВО, успешно закончившим боевые учения!

*Янка Купала, Якуб Колас, Андрей Александрович, Михась Лыньков, Алексей Сурков,
Виктор Гусев, Илья Гурский, Петро Глебка, Изи Харик, Петрусь Бровка.
(Газета «Рабочий» от 12 сентября 1936 года)*

Двенадцать песен

(отрывок из поэмы)

Посвящается Красной Армии

Товарищи наши! На наших границах
Вы встали заслоном, надёжным и крепким,
К вам шелест полей белорусских стремится,
Вам песни поют белорусские реки.

Наши хаты мы украсим,
Мы завесим их венками,
Мы уставим, словно в праздник,
Стол колхозными дарами:

Хлебом, мёдом, мясом, сыром,
В дом наш скромный, но любимый,
Вас, бойцы и командиры,
Приглашаем от души мы.

Это будет час веселья.
Где друзей найдём мы краше?
Как цветы в садах весенних,
Расцветёт беседа наша.

Чем богаты, тем и рады.
Все своё — питье, закуски.
Сок плодов родного сада
Вина ягод белорусских.

И в семье своей колхозной
Мы припомним наши были,
Как мы в час лихой и грозный
На врагов своих ходили.

Как мы шли литой колонной,
Сердцем партии согреты.
Силу армии Червонной
Показали всему свету.

Сунься, враг! — и песня спета.
Гость незванный будет битым.
Пусть же твёрдо помнит это
Враг — и тайный, и открытый.

*Я. Купала, Я. Колас, А. Александрович,
П. Бровка, П. Глебка*

Янка Купала

Слава табе, армія!..

За лясы шумлівыя,
За лугі зялёныя
Слава табе, Армія,
Армія Чырвоная!

З-пад няволі панскае
Беларусь Заходнюю
Вывела ты, Армія,
На шляхі свабодныя.

Свята з намі святкуюць
З ласкаю жычліваю
Браты нашы з Захаду,
Вольныя, шчаслівыя.

З думкай пераможнаю,
Урачыста важная,
Ў госці да нас сходзіцца
Грамада сярмяжная.

За лясы шумлівыя,
За лугі зялёныя
Слава табе, Армія,
Армія Чырвоная!

Зноў будзем шчасце мець і волю

Лютые Гітлер ашалелы,
Яму у Германіі зацесна,
Яму пад ногі дай свет цэлы,
Хай гіне ў муках свет балесных.

Ускормлен мясам чалавечым,
Крывёй народнаю скупаны,
Народам волю абязвечыў,
Лютые кат пад звон кайданаў.

На Беларусь, маю радзіму,
Як шакал, рынуўся галодны,

На Беларусь, што леты, зімы
Жыла шчасліваю, свабоднай.

І рэжа, вешае нявінных
Бацькоў, дзяцей і старцаў кволых.
Крывавым полымем, скаціна,
Папеліць гарады і сёлы.

Мой край расквечаных прастораў
Сваім салдацкім топча ботам...
Ой, і адпомсціць за усё гора
Народ, за кроў, за сон пад плотам!

Ужо нядоўга панаванне
Яго разбойніцкае дзічы, —
Усенароднае паўстанне
Яму апошнія дні ліча.

Паўстаў народны гнеў і помста,
Паўсталі грозна партызаны,
Б'юць фашыстоўскі зброд прахвостаў,
Б'юць, дабіваюць гнід паганых.

Чырвонай Арміі ў падмогу
Ідзе народ з байцамі разам
Да шчасця церабіць дарогу,
Знішчаць нямецкую заразу.

Так дзень збліжаецца расплаты
За усё, што выцерпелі гэтак,
За нашы спаленыя хаты,
За нашых выразаных дзетак.

Ачысцім нашы лес і поле
Ад Гітлера, ад яго бандаў,
Зноў будзем шчасце мець і волю
У сваіх адноўленых прысадах.

Загоім раны, адбудуем
Свае сялібы зруйнаваны,
Сваю краіну маладую
Святлом асвецім нечуваным.

Зірнуць зноў нашы ўвысь палацы,
Святочна прыбярцуца людзі,
Як красаваўся, красавацца
Чырвоны сцяг над намі будзе.

На магілах герояў

Ускрай старых магіл, дзе хвоі
Угору вынеслі шатры,
Знайшлі прыпынак і героі,
Святой зямлі багатыры.

Стаіць у рад, з армейскай зоркай,
Шарэнга стромкіх пірамід.
Жанчына пройдзе, ўздыхне горка
І кіне вочы на іх шчыт.

Пісалі рукі чыесь шчыра:
Хто, дзе загінуў і калі,
Партрэт байца і камандзіра
На памяць людзям прыняслі.

За агароджай на магілах
Ляжаць вянкi з раслін жывых.
Гурток дзяцей, сіротак мілых,
Так дбала ходзіць каля іх.

Яны — ахвяра злобы лютай,
Спазналі жах і боль вайны.
Адбітак цяжкае пакуты
Паклаў ім след свой патайны.

Цяпер мінулі іх напасці,
Яны пазналі ласку зноў:
Вярнула радасць ім і шчасце
Пралітая байцамі кроў.

І так хвалююць, цешаць вока
Стараннасць дзетак, дбаласць іх
Аб тых, што ў Прусіі далёка
Злажылі голавы за іх.

І не забыць хвіліны гэтай,
І вас мне, дзеці, не забыць.
Прымеце ж дзякуй ад паэта
За ваша сэрца — так любіць.

Гадуйцеся ж вы племен дужым
Пад родным матчыным святлом:
Не прыйдзе больш забойца вужам
І не разбурыць ён ваш дом.

Абаронцам роднай зямлі

У кожны міг, у кожны час
Душою, сэрцам я між вас,

Браты мае, байцы-сябры,
Зямлі святой багатыры!

Вялік прастор, шырок прасцяг —
На сотні міль пралёг ваш шлях.

На тым шляху і ўдоўж, і ўшыр
Бурліць смяротны бой, як вір.

Тэўтон-бандыт, фашыст-удаў
Бандытаў полчышчы нагнаў.

Ды пад навалай чорнай цьмы
Галоў сваіх не хілім мы.

І ўсё, што ў нас святога есць —
Радзіма, воля, слава, чэсць, —

Мы пранясём праз гром, агонь,
Варожых сіл раскрышым бронь.

Другіх дарог нам больш няма,
Сыноў жа цьмы агорне цьма.

Байцы-сыны, сябры, браты!
Мы выпаўнім наш доўг святы

І над раскутаю зямлёй
Узыдзем яснаю зарой.

Няхай вам свецяць сонца, дзень,
А ворагаў агорне цень!

Развітанне сына

Не сумуй па мне, старая,
Будзь здарова, маці!
Вораг край мой разбурае —
Ці ж сядзець мне ў хаце?

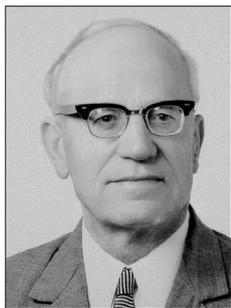
Ці ж на тое палівала
Ты зямліцу потам,
Каб яна цяпер стагнала
Пад фашысцкім ботам?

Ці ж на тое мне пра волю
Пела над калыскай,
Каб марнела наша доля
Пад пятой фашысцкай?

Лепш свабодным легчы в полі
Ад варожай кулі,
Чым аддаць сябе ў няволю
І цябе, матуля.

Бараніць пайду свабоду,
Біцца з гадам лютым,
Што нясе майму народу
Здзекі і пакуты.

Будзем жывы — будзем рады
Лёсу маладому,
А пакуль не знішчым гадаў
Не чакай да дому.

Байцам-беларусам

Вам, сябры, раскажу,
І далёкім і блізкім,
Пра журбу,
Што ніяк не прагнаць з галавы:
Захацелася мне так сягоння да Мінска, —
Ды навошта казаць,
Самі знаеце вы.

На вайне, між атак,
Між цяжкімі баямі
Выпадае на момант
Для спачынку нам час.
Паглядзіш —
Журавы праплываюць ключамі —
Колькі думак яны забіраюць ад нас!

Крыкнуць хочацца ўслед:
— Прашуміце вы крыллем
Над курганнем дзядоў,
Дзе паніклі крыжы;
Там, над тою зямлёй,
Дзе мы з маці хадзілі,
Дзе слядоў нашых век
Не размыюць дажджы.

Ёсць такая ў мяне
Ад маленства прыкмета:
Там хаціна мая,
Дзе бары загудуць;
Нават страціўшы зрок,
Абыду я паўсвету,
А да родных мясцін шлях заўсёды знайду.

Хай у ростані мне
Доўга быць давялося, —
Я дарогі знайду,
Што ў прысадах вярбы,
Той мурог,
Дзе стаяў першы раз у пракосе,
Тыя пушчы, ў якія хадзіў па грыбы.

Я надзею нашу
І ніколі не трачу,
Што пабачу ізноў дарагія куткі:
Той ручай,
Па якім човен плыў мой дзіцячы,
Той пад ліпамі пруд,
Дзе пускалі вянкi.

Мне нішто,
Мне нішто боль душы не заглушыць!
Я хачу аднаго —
Толькі-б зноўку прыйсці.
Сын расце у мяне...
Я павінен,
Я мушу
Ўсе ўладанні яму перадаць пры жыцці.

Палачанскае неба,
Што затканае ў зоры,
Неспакойныя хвалі шырокай Дзвіны,
І лясы, і палі,
І гаі, і азёры,
І крыніцы, ў якіх нашы думы відны;

Скарбы матчыных песень,
Сэрцу родныя словы,
Шум вясновых дажджоў
І красу навальніц;
Зіхаценне вясёлак,
Усмешкі зарніц,
Нават птушак усіх
Па гаях і дубровах.

Што ж,
Мы будзем, сябры,
Зноўку ўсім уладарыць.
Сніцца кожнаму з нас
Свой прываблівы сон.
Ёсць у кожнага з нас
Незгасальная мара —
Свой куток,
Свой парог,
Свой над вокнамі клён.

Цяжка нам у бядзе,
Але мы не заплачам;
Мы за праўду
Насмерць і бязлітасна б'ём.
Шмат ісці нам дарог,
Падаць, зноў узнімацца,
Толькі веру —
Дахаты напэўна прыйдзём.

Перавяжам мы кужалем
Раны на целе,
Стому з твараў
Абмыем расой ледзяной,
На заранках праменных прасушым шынелі,
Па святочнаму кругу
Пройдзем з чаркай адной.

Апарожняць яе
Пехацінцы, танкісты,
І стары партызан,
Што вярнуўся ў калгас,
І заграюць вясёла
Дружбакі-цымбалісты
Сказ аб тым,
Як нядоля пакінула нас.

Байцу, які першы ступіў на беларускую зямлю

Не знаю, хто ты — баявы уралец
Ці дужы, каранасты сібірак.
Падправіўшы спраўней паходны ранец,
Прайшоў ты першым па маіх барах.

Ты першы кроплі горкіх слёз сірочых
Сваёй рукой з дзіцячых твараў сцёр.
Ты першы паглядзеў прыветна ў вочы
Бацькоў маіх любімых і сяцёр.

Ты ў бой ішоў з пагардаю да смерці,
Каб ратаваць мой край.
Ты парадніў
Сябе навекі з беларускім сэрцам,
З дубровамі, з красою нашых ніў.

Усё, чым нашая зямля багатая,
Цяпер тваё — і вішні пад акном,
І песні звонкія, і стромкіх сосен шаты,
І беларуса дом — твой родны дом.

Ты зноў у бой...
Над Нёманам далёкім
З надзеяй хвоі шэпчаць: «Ён ідзе!»
Ідзі, баец,
Хай будзе шлях твой лёгкім,
Хай куля не кране тваіх грудзей.

Ты будзеш жыць, ты жыць цяпер павінен
За тых, каго замучылі яны.
Ты стаў цяпер для многіх матак сынам,
Народжаным у цяжкі час вайны.

Па ўсёй зямлі разносіцца, як казка,
Твой кожны стрэл, твой кожны новы крок.
Ідзі, баец, ідзі, наш сокал ясны,
Цябе чакаюць Мінск і Беласток.

Два лісты

1

«Прывет табе, усходні вецер!
Адкуль бы ты, мой брат, ні быў —
З высокіх гор, марскіх глыбінь —
Я рад заўжды з табой сустрэцца
І расчыніць сваю душу,
Як расчыняюць людзі вокны,
Каб твой жывы вясняны шум
У песні век маёй не моўкнуў.
Цябе я знаў з юнацкіх год,
Цябе любіў, і ты, як брату,
Памог сустрэць вясны прыход,
Памог скрышыць няволі краты.
Калі ж варожыя палкі
Прыйшлі таптаць маю радзіму, —
Іх ахінуў ты ў саван дыму
І кінуў мёртвыя пяскі
На іх бяслаўныя магілы.
Ты партызанам памагаў
Паліць кастры і расцілаў
Іх полымя па небасхіле.
Ты ажыўляў палі, лугі,
Ты асушаў слязу пакуты,
Ты нашы калыхаў сцягі
Пад пераможны гром салютаў.
І на свабодны голас твай,
Нібы на кліч вясны жаданай,
Грымяць, абнятыя зарой,
Вяршыні Татраў і Балканы.
Вітай жа ўсіх маіх братоў
І ўдаль ляці па белым свеце!
Прывет табе, усходні вецер!
Шчаслівых сонечных шляхоў!»

«А што табе ў маім пасланні,
Заходні вецер, перадаць?
Праклёны, што яшчэ звiняць
На папялішчах здратаваных,
Праклёны мёртвых і жывых,
Апаленых, зламаных сосен,
Якім у грозны час прыйшлося
Сустрэць навалу хмар тваіх.
Цябе я знаў нямала год
Па тых завейх-непагодах,
Што замяталі шлях народа,
Гасілі сонечны усход.
Ты песню звонкую маю
Глушыў, але яна — жывая,
І з ёй на варце я стаю
Свяшчэнных меж — граніцаў краю.
І калі посвіст крыл тваіх
Я зноў пачую, — песня ўздыме
Кіпучы вал з глыбiнь марскіх
І на сустрэчу ў наступ рыне».
І вось паслаў я два лісты,
Усходні вецер майго краю
Калыша спелыя жыты.
Адказу з захаду чакаю.
Чакаю, бо мне трэба знаць,
Пакуль у сэрцы поўна жару,
Ці з песні кулю адліваць,
Ці для вяселля — згоды чару.

Да будет свет

(отрывок из романа «Зенит»)

Вернулся из артиллерийского блиндажа Тужников и дал команду отдыхать.

Я остался с расчётом, в котором была Надя. Словно чувствовал вину перед этой девушкой — столько месяцев не замечал её. Действительно, я виноват не только перед ней — перед всеми прожектористками. Напрасно мы так мало уделяли им внимания, считали приставленными к архаичному виду оружия. А оно вон где понадобилось! На самой передовой. Хотя замысел командования был всё ещё непонятен. «Светить — и никаких гвоздей». А зачем? Вероятно, чтобы ослепить противника в момент, когда наши начнут переправу. Где-то там впереди, над обрывом или в залитой весенними водами пойме, прячутся сапёры, понтонщики и штурмовые роты. Их дыхание тоже чувствуется. Как будут разворачиваться события, об этом знают в самых высоких штабах. Но несомненно одно: укладываемся отдыхать в историческую ночь. Или ожидаем исторического рассвета.

Сказал об этом расчёту прожектора. Но мои пафосные слова вряд ли дошли до усталых людей. Во всяком случае, никто на них не откликнулся.

Командир установки оказался опытным и предусмотрительным человеком — когда дневали в лесу, захватили в кузов еловых веток. Как знал, что понадобятся. Лапник положили на сырую землю под станиной прожектора, и там легли все в один ряд — «деды», девчата, сержант и я. Примостился с краю, возможно, именно потому, что заметил: крайней легла маленькая Надя, с немецкой стороны. Прикрыл её от ветра, от шальной пули.

По-деревенски пьяно пахли ёлка и земля. Но и этот острый аромат жизни забивал смрад войны: когда светили наши прожекторы, чувствовалась горелая краска. Или, может, пахли так близкие орудия — тянуло и пороховой гарью, и бензином, и — странно! — конским потом, солдатскими портянками. Неужели кто-то недалеко просушивал портянки? По-прежнему ощущал я — неотвязное представление! — дыхание не одного расчёта — многих тысяч людей. Это и поднимало дух, и страшило: сколько нас на одном пяточке земли, а за рекою — смерть, она и не таится даже в ночной мгле. Понятно, почему мы так скупно отвечаем на их огонь. Но в конце концов все дыхания утонули в одном, затаившемся, по-детски трогательном, — в сопении простуженного носика.

Спросил шёпотом:

— Ты спишь, Надя?

— Нет, товарищ младший лейтенант. Но я усну. Я усну. У меня хороший сон. Крепкий.

— Ты из деревни?

— Из деревни.

— Из какой области?

— Из Орловской.

— Немцы до вас доходили?

— Нет, до нас не дошли.

— Какая у вас семья?

— Обычная. Отец в колхозе работает, он инвалид, ему ещё молодому молотилкой руку повредило. Мама... Она коров доит... Старшие сёстры помогают. А я в полевой бригаде работала. Нас трое, сестёр. И братьев трое. Но Ваню убило на войне, под Сталинградом. Мама сознание потеряла, когда похоронку увидела. А Пете в мае будет семнадцать. Как вы думаете, окончится до мая война?

— Окончится. До первого мая окончится.

— Ой, правда? Вы это знаете?

— Сегодняшняя ночь всё решит.

— Ой! Их всех перебьют?

— Кого?

— Немцев.

— Ты имеешь в виду фашистских солдат?

— Да.

— Всех не убьют, конечно. Но они сдадутся...

— Вы верите, что они сдадутся?

— А куда им деваться?

— Это правда. Столько артиллерии нашей. Не ступить — всюду пушки и пушки. А куда мы будем светить?

— Дали бы вы поспать, — отозвался рядом недовольный девичий голос. — Ваш шёпот хуже пушек.

Мы умолкли.

И я уснул. Провалился в ту глубину, в какой не видишь даже снов. Хотя, кажется, всё же снилось — детство. А может, оно привиделось позже — в короткой яви или потом в бреде?

Разбудил нас сам командир роты не громким и привычным криком «Тревога!», а тихим голосом, чуть ли не отцовским, ласковым:

— Подъём, девочки, подъём. По местам! Сейчас светить будем. Но до того — никакого света.

Глубокая ночь. И удивительная тишина. Мы привыкли к тишине — в Петрозаводске. Но после дневной артиллерийской канонады и весёлой вечерней переключки пулемётов тишина эта в полной темноте показалась зловеще-страшной. Единственное живое просветление: порвало тучи и кое-где из космических глубин смотрели на оглушённую и истерзанную землю одинокие звёзды. Я нашёл Большую Медведицу, от неё — Полярную звезду. Низковато она здесь; в Мурманске — чуть ли не в зените.

Безветренно, но всё равно холодно. Или это нервное? Лихорадило. Не одного меня. Под наводчицей по азимуту брэнчало сиденье. Знакомый звук — почти тот же, что и на орудии.

В системе звукоуловитель-прожектор Надя высчитывала координаты шума моторов. Здесь же звуковых установок не было. И её сделали связисткой. Но она не сидела при аппарате, она носила его на плече, время от времени слушая шумы на линии — нет ли разрыва. Стоял рядом с ней и чувствовал, что её тоже лихорадит.

Командир предупредил: приказ о пуске динамо-машины будет дан по телефону. Поэтому боялись слово сказать, чтобы не пропустить важного сигнала. Командир прожектора отдавал приказы шёпотом. Но казалось, и шёпот его гремит на весь мир.

Нет, лихорадило не от холода — от нетерпения: когда же поступит команда?

Вдруг... в чёрное небо взлетела тысяча разноцветных ракет.

И тут же оно расколосось — небо. Или земля? И небо. И земля.словно бы взорвался гигантский — на всю Германию — склад снарядов.

Горячая волна сорвала с меня фуражку. Сержанта сбросило с площадки прожектора. Ударила батарея, стоявшая за нами, чуть ниже на пригорке. Били четырёхстволов на ширине позиции, занимаемой прожекторной ротой. Извергали смертельный огонь двадцать две тысячи орудий и миномётов — знаем мы теперь из истории, из мемуаров военачальников.

На том берегу забушевало далеко вглубь сплошное пламя разрывов.

К грому орудий, миномётов присоединился знакомый гул сотен моторов. Шли бомбардировщики, штурмовики. Там, за рекой, над огромными пожарами, бросавшими пламя в небо, высвечивались на разворотах серебряные силуэты самолётов и чёрные бомбы, что сыпались из них.

— Вот вам! Вот вам! За Ваню! За Ваню! — кричит, разобрал я, Надя, прижимая, как ребёнок, телефонный аппарат к груди.

Сердце бухало, готовое разорваться от счастья, как рвутся стволы от перегрева. Кажется, я тоже кричал:

— Вот вам! Вот вам!

А мне на ухо кричал старшина роты Павел Манкевич, земляк, с ним мы призывались вместе:

— Какой огонёк, тёзка! Какой огонёк! — И хохотал так, что мне даже страшновато стало за него — не плохо ли у человека с головой?

Во время этого, показалось, очень долгого огненного шквала, смётшего на вражеском берегу всё живое, я снова не понимал, зачем же прожекторы. Хватит света и без нас!

Команду запустить динамо-машины я пропустил, да и не услышал стрекотание мотора в пушечном гуле. В отблеске артиллерийских залпов, кажется затухающих, увидел, как Надя схватила трубку аппарата и замахала ею, протягивая сержанту с радостным криком:

— Светить!

— Да будет свет! — весело повторил я библейское выражение.

Особая команда, пожалуй, и не нужна была. Миг — и тысячи солнц вспыхнули над Одером. Осветили на том берегу каждый кустик, каждое деревце, хотя и немного их там осталось, развороченную чёрную землю, вывернутые брёвна

блиндажей и... маленькие фигурки в серых шинелях, перебежавшие с места на место, искавшие щели — спрятаться от «солнца» в миллион свечей.

В отблеске прожекторов было видно, как на нашем берегу поднялся человеческий девятый вал, скатился вниз к Одеру. Река покрылась плотами, понтонами, лодками.

Только тогда, опомнившись, ответили далёкие неподавленные немецкие дальнобойные батареи. Дошёл наконец до них замысел советского командования.

Фонтан огня перед нашим прожектором. Звон. И он потух. Я находился в десяти шагах, между установкой и автомашиной. Горячая волна швырнула меня на землю. Но я подхватился и бросился к машине, решив, что прожектор погас из-за неполадок в электрической системе. Да тут же сообразил — его разбило. Кинулся назад. И вдруг почувствовал, как левую ногу пронзила острая боль, в сапоге захлюпала тёплая жидкость. Все раскаты слились в монотонный глухой водопадный шум. Ранен. Контужен. Но не до своей беды. Что с людьми? Что с девушками?

Сержанта увидел лежащим на платформе головой вниз. Первый номер Фрося Круговых осталась на сиденье, но уронила голову на приёмник азимута. Я схватил её за плечи, и она тяжело осела на платформу. Убита. Неужели убита? Хотел припасть ухом к её сердцу, но сообразил, что оглушён — не слышу даже пушечных залпов, взрывов бомб. Взобрался на невысокую прожекторную платформу. А когда соскочил, ногу пронзила такая сильная боль, что, видимо, на некоторое время потерял сознание. Во всяком случае, подняться на ноги больше не мог. Ползал по мокрой земле. Звал Надю. Где Надя? Почему Надю? Этого никогда потом не мог объяснить.

Потух ближайший прожектор, хотя дальние ещё светили. Я ползал в полумраке. И я нашёл её, Надю. Нащупал руками. Потом, кажется, услышал её стон. Позвал — не отозвалась. Но тело её судорожно билось под моими руками. Рана... где рана? Быстрее перевязать! Рванул пуговицы её шинели. Провёл руками по груди, по животу... И ужаснулся... Снова в живот! Как Катю. Как Лиду. Почему их ранит в живот? Что за напасть! Убивают не одну... Убивают тех, кто мог бы появиться на свет.

— Надя! Надечка! Сестричка моя! Живи! Живи! Прошу тебя. Прошу.

Обливал девушку слезами, не очень умело перевязывая поверх окровавленной сорочки, чтобы зажать рану, остановить кровь.

Кажется, она что-то говорила, кого-то звала — по побелевшим губам видел, но ничего не слышал.

— Надечка! Победа же! Победа!

Несколько дней июня (главы из романа «Минское направление»)

1

Когда началась артподготовка, Черняховский вышел на наблюдательный пункт.

На всём пространстве, где был враг, взлетали столбы земли, вспыхивали огни, ползли тучи дыма. Несколько минут он взволнованно оглядывал простор, слушал рёв и клочкотание, наполнявшие всё вокруг. Но и в этот момент, когда то, что он видел и слышал, было таким новым, должно было бы так волновать, лицо его, со следами многодневной бессонницы и напряжения, было по-прежнему беспокойным, озабоченным.

Всё время, пока он стоял на НП, то ли подавшись вперёд, приблизив глаза к окулярам стереотрубы, в кружке которой всё было очень близким, резко очерченным, то ли отступив от стереотрубы, выпрямившись, смотрел прямо в амбразуру, его мучило неотступное, неприятное беспокойство. Беспокойство это жило в нём давно как предчувствие, со вчерашнего дня оно стало реальностью, одной из самых больших его забот. Его породила разведка боем, которую вели вчера его войска на некоторых участках фронта.

Бои эти велись также и на других фронтах, не только на тех, которые должны были наступать, но и на тех, которые в наступлении не участвовали. Бои вели по приказу Ставки: они ставили своей целью отвлечь внимание немцев от приготовившихся к наступлению, помочь войскам лучше понять положение противника. Бои эти и выявили некоторые обстоятельства, которые сейчас тревожили Черняховского. Нет, его беспокоило не всё: на правом фланге фронта результаты разведки были очень обнадеживающими: войска Крылова с ходу форсировали реку Суходоревку, захватили первые позиции врага, а кое-где и вторые. Он уже приказал строить через речку мосты для тяжёлых танков. Но в районе магистрали и на юг от неё бои оказались такими неудачными, что хуже и быть не могло. Он и сейчас жил памятью о них. В тот день он много раз подходил к стереотрубе, следил, как идёт наступление в гвардейском батальоне, штурмовавшем врага впереди. Безжалостно была артиллерия по немецким позициям, всё было объято огнём и дымом, но каждый раз, когда поднимался в атаку батальон, ряды его прямо на глазах редели. Уцелевшие прижимались к земле, роты вынуждены были возвращаться. Только на исходе третьего часа необычайно упорного боя батальон смог штурмом пробиться к первым траншеям, захватить их. Захватил, — но ценой каких потерь!

За ночь Черняховский попробовал сделать всё возможное, чтобы учесть то, что обнаружила разведка: перенацелил часть артиллерии и авиации, усилил части, наступавшие в полосе магистрали, подтянул вперёд некоторые дивизии на правом

крыле. Но тревога, вызванная неудачей боёв на магистрали, не оставляла его. Да и как было не тревожиться, если сзади, в полосе магистрали, стоял, ждал, когда откроется путь, 2-й гвардейский танковый корпус, а ещё дальше — затаившаяся в лесах возле Гусина 5-я гвардейская танковая армия. Которым отводилась такая важная роль во всей операции и которые надо было как можно раньше вывести на оперативный простор.

Беспокойное ночное раздумье над тем, что обнаружила разведка боем, всё больше убеждало командующего, что положение требует иного решения относительно 2-го танкового корпуса. Утром он вызвал к себе генерала Родина — командующего бронетанковыми войсками — и приказал перебросить корпус в леса на север от магистрали, с тем, чтобы ввести его в прорыв через Остров Юрьев, Межево, через заболоченный район, где оборона немцев оказалась более податливой.

Все эти заботы жили в Черняховском сейчас, когда он наблюдал, как работает артиллерия. К беспокойству, оставшемуся от вчерашнего дня, от ночи, прибавилось новое: опытным, пристальным вниманием он отметил, что артиллерия немцев и сегодня сопротивляется, что артподготовка — во всяком случае здесь, в районе НП фронта, — недостаточно эффективна. Снова, как и вчера, он думал, что артразведка, видимо, не полностью справилась со своими обязанностями. Как на беду, он увидел, что залпы немецкой артиллерии накрыли уже третью из наших батарей. Как и вчера, у него появилось тревожное чувство, что удар для немцев здесь не был совсем неожиданным. Видимо, заметили концентрацию артиллерии, засекли батареи. Ждали, похоже...

К этому примешивалось недовольство тем, что уже высмотрел на рассвете и что с НП увидел снова: день был пасмурный, тучи висели низкие, дождевые — авиации не развернуться в полную силу. В памяти засело то, что сообщили утром: в полосе армии Крылова день и ночь шли дожди. Всё залило, размыло дороги, и это — в болотистом, мокром краю, где и без того убивало бездорожье. Надо же — погода подкинула такую неожиданность!

2

Беспокойство о том, как идёт артподготовка на других направлениях, заставило его вернуться в блиндаж КП. Не узнали ли, не пронюхали немцы, что им готовилось? — вдруг снова сильно забеспокоило его. Он подошёл к телефонам, связывающим его со всеми соединениями, управлениями, штабом фронта.

Из армий сообщали, что артподготовка везде началась вовремя, артиллерия действует успешно. Сообщали, что на многих участках немецкая артиллерия подавлена. Едва он, немного успокоившись, встал от телефонов, в блиндаж вошёл начальник оперуправления генерал Иголкин, сказал, что в армии Людникова три полка 19-й гвардейской дивизии бросились в атаку за час до утверждённого командующим часа. Артподготовка приостановлена. На час раньше, чем утверждена графиком. Оперуправление выяснило обстановку: до того, как известие это подтвердилось, стало известно, что в наступление пошёл уже весь корпус генерала Безуголого.

— Как идёт наступление? — коротко спросил командующий.

— В полосе 19-й дивизии захвачены два ряда траншей.

По взгляду начальника оперуправления он видел, что тот ждёт указаний, но ничего не сказал. Наклонившись над оперативной картой, разостланной на столе, внимательно присмотрелся к тому месту, где это происходило. Обвёл его красным карандашом.

Какие указания могут быть? Разве он знает обстановку так, как знают там? Безуглый, Людников — опытные, умные командиры. Если они считают, что обстановка позволяет, — с богом! Вся ответственность на них, они понимают. Понимают: если они поспешили — снисхождения не будет!.. Людников это хорошо знает: не первый день вместе, — как-никак вместе прошли из-под Воронежа до Днепра и дальше, он, Черняховский, — командующим армией, Людников — командиром корпуса в его армии. Может быть, здесь такая же ситуация, которая была у него, тогда командующего 60-й армией, после Курской битвы. Армия тогда только называлась армией, но, когда немцы сняли часть своих войск, он почувствовал, что настал момент, не использовать который — преступление. И он дерзнул — остатками армии ударил, прорвал оборону, посадил пехоту на автомашины, вывел армию на оперативный простор. Открыл дорогу танковым войскам, вместе с которыми пробился к Десне.

Людников тоже знает, что значит — выгодный момент. И как важно не упустить его... Вот и начинают ломаться планы. Судьба самых совершенных планов, к сожалению или к счастью, такова. Черняховский встал, дал знак начальнику оперуправления, что на этом разговор окончен. «Гладко дело на бумаге...» А ходить — по земле!

Он почувствовал, что ему не сидится, и снова вышел на НП. Приближалось время, когда к артиллерии должна была присоединиться авиация. Он несколько раз нетерпеливо взглянул на часы — намеченный для них час подходил, казалось, медленно. Может быть, это чувство было и у лётчиков, потому что первая группа пикирующих бомбардировщиков появилась над немецкими позициями на две минуты раньше. Немцы заметили их только после того, как они сбросили первые бомбы, когда над дымом артиллерийских взрывов выросли горы чёрной земли.

Хмурое небо впереди пронизывали красные нити трассирующих пуль, пятнами частые дымки выстрелов немецких зениток. Но самолёты, которых с каждой минутой становилось всё больше, кружились, бросались на невидимые отсюда цели, поднимали над собой горы развороченной земли. Действовали бомбардировщики, легко, стремительно кружили истребители, охранявшие, помогавшие им. Действовали ближе, дальше, совсем далеко. Небо, казалось, шевелилось...

Было время, когда артиллерия смолкла и стала слышна пулемётная стрельба, сначала с нашей стороны, потом всё больше с немецкой. По ту сторону, должно быть, вылезали из блиндажей, занимали позиции. Черняховский ждал. Вскоре на вражеские позиции снова обвалился грохот, снова закипели огонь и дым. Одну минуту, две, три...

Потом вперёд двинулись танки. Танки и пехота.

Весь этот день Черняховского томило беспокойное, ненужное ожидание. Он не любил копаться в своих чувствах, человек деятельный, озабоченный множеством необходимых, неотложных дел, он привык заниматься тем, что необходимо было решать, а чувства, совершенно ненужные сейчас, упорно лезли к нему в душу, волновали, ослабляли. Что бы он ни делал, его волновало ощущение того, что со вчерашнего дня, а особенно с сегодняшнего утра, с артподготовки, он и все его войска, которыми ему поручили командовать, вступили в новую, долгожданную и вместе с тем — самую ответственную пору деятельности. Его волновало понимание того, что с началом этой поры в его жизни начинается самая строгая, суровая проверка всего, что он делал, чем жил многие дни. Проверка его стараний, расчётов, предусмотрительности, проверка его командирской ценности.

Он надеялся, что наступление в целом будет успешным: то, что он знал о силах противника из разведанных, что знал о своих войсках, подготовленности к такой сложной операции, давало ему основания считать, что наступление в целом должно быть успешным. Он был уверен, что подготовка проведена в целом неплохо, есть, по внимательным подсчётам, достаточный перевес в людях, и особенно — в технике. Есть способные, опытные командиры. Но всё это всё же не давало ему покоя. Он помнил, успех зависел не только от него. Зависел от многого и от многих. Разве мог он быть абсолютно спокойным хотя бы потому, что даже среди тех, с кем он хорошо познакомился, видел: есть и способные, с глубоким, творческим умом, и есть — недалёкие, без божьей искры исполнители. Есть, наконец, и такие, которых он не мог как следует распознать. И в которых, хотя бы по этой причине, не может быть вполне уверен. А кроме этого — кто может сказать, что у него не было никаких ошибок в расчётах, в выборе, например, мест для прорывов? И кто может сказать, как дорого обойдутся его и других командиров ошибки и просчёты? Которые начнут открываться только сейчас, когда не всё можно исправить. Или — исправить с потерями, размер которых невозможно предвидеть.

Он всегда был нетерпеливым по натуре. Эта его нетерпеливость каждый раз давала себя знать перед важным событием. Здесь она особенно беспокоила его: впервые приходилось ему делать такое сложное, трудное и вместе с тем ответственное дело. Его нетерпение, росшее день ото дня, по мере того как приближалось наступление, теперь достигло своей наивысшей точки. Это был самый беспокойный, самый напряжённый для него момент — может, не только за все эти дни, но и за всю жизнь.

Всё собралось, давило вместе: и беспокойство о правом фланге, где был Людников, и о том, как начинают Крылов, и Галицкий, и Глаголев, и настороженность от неведения: как там, по ту сторону. Где по обеим сторонам магистрали, закопавшись в землю, за бетоном и железом сидел со своей упорной 78-й штурмовой дивизией Траут; где вдоль всего фронта надеялись удержаться другие немецкие дивизии.

Как оно пойдёт?..

Первые данные, поступающие с разных направлений, из управлений и армий, казалось, не должны были бы вызвать в нём тревогу. Подготовка, проведённая артиллерией и авиацией, судя по данным, прошла в целом организованно, успешно, войска начали наступление вовремя, в соответствии с планом; немедленно, используя то, что добилась артиллерия. Двинулись вслед за огневым валом, делали всё, чтобы не дать врагу опомниться.

Но хотя будто бы и не было причин для новых тревог, беспокойство в нём не только не спадало, но всё усиливалось, — достигало, можно сказать, наибольшей своей силы. Причиной его беспокойства было то, что именно в этот момент, чувствовал он, должно будет решиться всё, что было для него самым важным, всё, чему он отдал столько сил и что стало смыслом его жизни.

Оттого что он так нетерпеливо, обеспокоенно ждал, время, казалось, тянулось невыносимо медленно. Чтобы преодолеть неприятное беспокойство, подогнать время, Черняховский то садился за стол, брался за работу, то всё бросал, быстро, стремительно ходил по комнате. Будто нарочно, каждый раз, когда он подходил к столу, на глаза ему попадались телефоны, — руки сами тянулись к ним, но он сдерживался. Он знал, что в этот момент все командующие армиями захвачены своими хлопотами. И, кроме того, он знал, что никто из командующих ничего важного, существенного пока не скажет. И что самое главное — ему сейчас нет необходимости говорить: он ничем не может помочь. Ничего не может изменить. Потому что всё только начинается, потому что момент этот зависит от того, что сделано раньше. От того, насколько правильно было определено действительное положение. И от того, что нельзя ни определить, ни предвидеть заранее. И что начнёт открываться только теперь.

Он чувствовал одно: весь фронт начал битву. Самый трудный, напряжённый момент её. Момент, когда враг, как бы ни был он ослаблен артподготовкой и ударами авиации, ещё в большой силе. Когда машина противника работает почти на полную мощность. Когда ещё есть у неё та слаженность, с которой она действовала долгие месяцы.

Черняховский, казалось, чувствовал в себе то напряжение, с которым в этот момент сцепился в битве с врагом весь фронт, все его войска...

Пришло несколько торопливых донесений, что на отдельных участках войсками захвачены первые позиции врага. Хорошо, успешно начинали войска Крылова, новые хорошие новости были от Людникова. Но вместе с тем он чутко отметил, что в армии Глаголева успеха не видно...

Трудно, просто невозможно было сидеть в блиндаже, ждать. И он снова вышел на НП. Заметил: бой шёл почти что на прежнем месте. И по всему полю чернели неподвижные танки. Подбитые, сожжённые. Над некоторыми ещё не осели дымы... Вот ещё один — над башней взорвалось, взлетело пламя. Закрутился дым... Из машины выскочили две фигуры. Бросились назад к ней...

Он отметил: напряжение боя возросло. Противник не собирался отступить...

Вести, приходившие позже, снова то обнадеживали, то тревожили. Как и вчера, очень удачно шли войска Людникова, особенно на левом его фланге. Армия всё глубже врзалась во вражеские позиции, расширяла прорыв. Снова радовали вести из 5-й армии, от Крылова. И снова тревожила славная 11-я гвардейская, Галицкий, — здесь только на север от магистрали войска добивались успеха. И дорогой ценой.

В полосе магистрали войска по-прежнему топтались. Теряли много людей и техники и топтались на месте. Безуспешно пытались сдвинуть противника и войска Глаголева...

Всё же фронт был в движении. То, что целые месяцы считалось неподвижным, теперь во многих местах сдвигалось, отползало. Трещало, ломалось давнее, надоевшее постоянство линии фронта. Пусть трудно, неохотно, но — ломалось!

Да, сначала медленно, не везде успешно — фронт входил в новое состояние, состояние подвижности, которое скоро должно было стать основной особенностью жизни тысяч и тысяч людей. Эта подвижность теперь изменила и настроение командующего фронтом: в однообразное, тягучее ожидание всё чаще, сильнее врывалось нетерпеливое, деятельное стремление — новых и новых перемен. От этого стремления в нём снова всё росла энергия, которая жаждала работы. К нему возвращались прежняя деловитость, сила.

Новые вести всё больше показывали, что почти весь левый фланг не может добиться перелома: и левый фланг армии Галицкого, и армия Глаголева почти не сдвинули немцев с места. Трудно пробивается — всё-таки пробивается! — армия Галицкого на правом фланге, с северной стороны магистрали. Через залитые дождями болота упорно, мужественно движется в направлении Орехи — Выдрица. За наступлением здесь Черняховский следил с особым вниманием: он знал, что здесь, как бы там ни было, — самое чувствительное место немецкой обороны в районе магистрали. Отсюда, пробившись в глубь болот, можно нажать с фланга над их обороной, а потом — и совсем обойти их с тыла, пригрозить окружением. Это не может быть, чтобы не подействовало на них, в том числе и на Траута, при всей его выдержке. Только надо, чтобы Галицкий пробивался вперёд, как бы ни было тяжело...

С правого крыла фронта, из-под Витебска, вести были всё более радующими: подтверждали, что здесь наступление развивается удачно и что успех с каждой минутой всё крепнет. Командующий 39-й Людников, преждевременно начавший наступление, всё глубже входил в размещение врага, всё увеличивал прорыв в ширину. Уже был хорошо виден клин на север от Витебска, клин этот радовал предчувствием большой, важной удачи.

Хорошо продвигалась и 5-я армия Крылова, несмотря на раскисшие от несвоевременных дождей дороги и разлившиеся речки, болота, которых столько было на пути. Войска неудержимо прорывались в направлении на Богушевск, важный город на железнодорожной линии, соединяющей Витебск и Оршу. Удача армии Крылова на Богушевском направлении и радовала Черняховского, и всё больше заставляла возвращаться непрощеными мыслями к магистрали, туда, где стояла,

ждала своей поры танковая армия. Снова и снова беспокоило его, и с каждым часом всё более настойчиво, ощущение, что танки Ротмистрова надо перебросить в район армии Крылова, ввести в направлении на Богушевск.

Как ни усложнялось положение, чем больше обрисовывалось оно, тем более собранным, твёрдым становился Черняховский. Проходило самое неприятное: неуверенность, которая заставляла теряться в догадках, связывала по рукам и ногам; по мере того как вырисовывалось положение, будто обрисовывалось поле деятельности. То, что положение было неровным, что оно изменялось и ставило всё новые задачи, придавало его стремлениям точный, действенный смысл. Он словно втягивался в изменчивое напряжение битвы, в которой сейчас — и со временем всё больше, — чувствовал он, нужна была его руководящая воля. Он уже жил содержательной, целеустремлённой заботой об армиях, корпусах, дивизиях, которые находились в таком изменчивом, разном положении, наступали с таким разным успехом, преодолевали такие разные преграды, пробивались вперёд и топтались на месте. Всё новые и новые задачи возникали перед ним. И он отдавался им, жил ими, уже не замечая ничего другого.

Комаров слышал, как Черняховский просил связать его то с командующим 31-й армией, то с командующим 11-й гвардейской, то с начальником штаба, то с управлениями. Вбегая время от времени по обязанности порученца в блиндаж командующего, Комаров видел, как быстро охватывает он взглядом содержание радиogramм, как, склонившись над столом, делает отметки на карте, всматривается в неё, будто хочет прочесть что-то скрытое в глубине, как сосредоточенно, озабоченно ходит.

Часто Комаров, вбегая, видел его у телефона.

— Развивайте успех дивизии! — говорил-советовал Черняховский, выпрямившись во весь рост, прищурился глазами, не замечая Комарова. — Усиьте её — артиллерией и танками. Её успех открывает перед вами хорошие перспективы. Вы зря недооцениваете его...

— Вы не боитесь за свой левый фланг? Нет? — слышал Комаров, появившись позже, чтобы напомнить о позднем обеде, который третий раз приносили в его боковушку. Командующий взглянул на него, поднял брови, будто спрашивая: с какой новостью? Но Комаров не стал перебивать его, даже вытянулся наготове. — Не боитесь? — сказал Черняховский в телефонную трубку сдержанно, но недовольно. — Зря. За него надо бояться — он у вас плохо прикрыт. — Он нетерпеливо выслушал, что ему говорили, строго отрезал: — Это — не риск! Это просто легкомысленность. Тактика «авось». — И уже тоном приказа: — Прикройте фланг. Немедленно.

— Вы не выполняете задачи, топчетесь! — жёстко, с гневом выговаривал он кому-то. Твёрдо, безжалостно повторил: — Топчетесь, теряете выгодный момент! Дайте немцам собраться с силами! Подводите соседей! Из-за вас наступление под угрозой срыва! А силы, чтобы погнать, у вас достаточно! Погнать как следует!.. — Командующий пообещал: — Я позвоню через час.

Под конец первого дня войска левого фланга 39-й армии пробились на десять — пятнадцать километров в глубь немецкой обороны, форсировали речку Лучёсу. Десять-одиннадцать километров прошли и войска 5-й армии. Фронт войск противника был прорван на ширину до пятидесяти километров. Здесь же, в полосе магистрали, тяжёлые, упорные бои не дали успеха. Несмотря на все усилия, авиация, артиллерия, стрелковые части, много раз поднимавшиеся в наступление, так и не смогли сломить врага в этом районе. Только к северу от магистрали войска 11-й гвардейской армии смогли с нечеловеческим упорством пробиться на два-три километра вперёд.

31-я армия генерала Глаголева, наступавшая к югу от магистрали, под конец этого тяжёлого дня была почти на тех же позициях, что и утром.

С противоречивыми чувствами подписывал Черняховский донесение в Ставку о результатах первого дня наступления фронта. Всё же очень серьёзной была неудача на левом крыле, чтобы можно было закрывать на неё глаза из-за того, что на севере наступление прошло просто отлично. С беспокойством думалось о том, как эта неудача на левом фланге будет оценена в Ставке, особенно как отнесётся к ней Сталин.

Как бы там ни было, уже видно, что наступление на важнейшем направлении не удалось, захват важнейшей коммуникации пока что сорвался. Ясно, что, как там ни будет дальше, неудача эта, хотя бы временно, затормозит развитие наступления, оттянет, задержит большую часть войск.

Как раз в это время генерал Алёшин, начальник разведотдела фронта, доложил, что от пленного офицера-артиллера стало известно, что немцы до начала наступления заметили концентрацию артиллерии в районе магистрали, смогли засечь многие батареи. Эти известия подтвердили то, о чём Черняховский догадывался: он не ошибся, это чувствовалось по тому, как шёл бой, наступление здесь не было для них совершенно неожиданным. В этом немалая доля причины неудачи в этом месте. Неудачи, ответственность за которую должен нести и 5-й артиллерийский корпус прорыва, не сумевший незаметно занять позиции, как следует замаскировать батареи. Отвечать он должен, конечно, вместе с командованием обеих армий, которые не смогли хорошо разведать систему огня противника, точно организовать огонь своих частей...

Кто бы там ни был виноват, в Ставке это будет выглядеть прежде всего его виной, и, может быть, только его виной. И это, наверное, не будет несправедливым: в этом, очевидно, закономерное проявление той ответственности, которую должен нести за всё он, командующий фронтом, кто бы ещё там ни был виноват, кроме него...

Мысли эти почти сразу же отошли. Некогда было думать об этом. Его ждали, беспокоили неотложные заботы. Надо побеспокоиться о завтрашнем дне. Дать распоряжения на завтра. Завтра — очень важный, нелёгкий день.

Он связался со штабом фронта, с начальником штаба генералом Покровским. Александр Петрович — пунктуальный, критичный человек, опытный штабист, Черняховский внимательно прислушивался к его оценкам положения

на отдельных участках фронта и его рассуждениям о перспективах на будущее. Внимательно, подробно обсудили работу штаба, его отделений на завтра. Потом Черняховский вызвал командующего 1-й воздушной армией. Пригласив генерал-лейтенанта Громова сесть, стоя за столом, кратко, в точных выражениях объяснил новое положение на фронте и в связи с этим новые задачи авиации. Подавить сопротивление войск, которые упорно обороняются в полосе магистрали и к югу от неё, поддержать войска, развивающие наступление в районе Витебска и в направлении Богушевска. Сорвать переброску врагом резервов с тыла. И дальше наносить удары по важным станциям, пунктам обеспечения противника. Склонившись над картой, вместе договорились об основных целях, наиболее важных направлениях действий авиации. Командующего бронетанковыми войсками фронта генерала Родина, только что вернувшегося из 2-го танкового корпуса, Черняховский попросил доложить о передислокации корпуса на новый рубеж и о положении в нём. Доложил обстановку в 11-й армии на участке ввода корпуса и предупредил: всё подготовить, чтобы корпус мог в любой момент без задержки в наикратчайший срок переправиться через болота. Сам бывший танкист, он заботился о танкистах с особым вниманием, не удержался, чтобы не дать генералу Родину несколько советов из своего танкистского опыта относительно переправ через болота. Потом перешёл к новой заботе, к 5-й гвардейской армии. Сказал: положение складывается так, что 5-ю гвардейскую танковую армию, может быть, тоже придётся передислоцировать. Ввести в полосу войск Крылова, на Богушевском направлении. Попросил предусмотреть всё, что необходимо для этого...

С начальником инженерных войск генералом Барановым разговор кроме многого другого снова пошёл о 2-м танковом корпусе: инженерные подразделения должны сделать всё, чтобы переправа танкового корпуса через болотный массив шла без задержки. Очистить от мин, выложить, где надо, фашинами насыпь узкоколейки, подготовить мосты. Генералу Барсукову, командующему артиллерией фронта, пришлось послушать немало и неприятного. Черняховский неодобрительно объявил, что артиллерия в полосе магистрали действовала плохо, что он недоволен результатами. Сейчас это факт: вражеские позиции были разведаны небрежно. Нарушения маскировки артиллерии привели к тому, что неожиданность огневого удара была потеряна...

Время шло в беспокойной деятельности. Тогда, когда Черняховский уже давал распоряжения командующим армиями, позвонил командующий 39-й Людников. Генерал доложил о результатах наступления за день, рассказал о состоянии войск, попросил наградить солдат и офицеров, отличившихся отвагой, инициативой. По тому, как внимательно он говорил, Черняховский всё время чувствовал, что командующий армией втайне беспокоится, помнит свою вину.

— Присылайте реляции, награды не задержим, — сдержанно сказал он Людникову, который, видимо, уже думал, что на этом и кончится. Черняховский же помолчал, требовательно спросил: — А почему вы, Иван Ильич, скрыли, как и когда начались ваши атаки? За это, между прочим, тоже кое-что полагается. Только не знаю — орден или наказание...

Людников ответил, что это может решить только командующий.

Черняховский произнёс мягче:

— Хорошо то, что хорошо кончается.

Когда отдал необходимые распоряжения на завтрашний день, почувствовал, что устал. Встал, походил по блиндажу, стараясь отогнать усталость. Усталость не проходила. В голове не было обычной ясности. Видимо, сказывалось многодневное напряжение и недосыпание. И, конечно, сегодняшнее волнение.

Он попросил подать ужин. Поужинав, снова ходил по блиндажу, пробовал развеяться. Но в мысли опять лезло напоминание о неудаче в полосе магистрали. Мысли угнетало сознание — большие потери. Каждый раз, как проходил мимо стола, глаза сами выхватывали то знакомое пятно, которое обозначало неподвижные позиции врага, магистраль, 78-я штурмовая, упорный Траут.

Мысли снова беспокоила 5-я танковая армия. С сожалением подумал: Ротмистров был прав — не надо было пока подтягивать к переднему краю. Теперь придётся отводить назад, к прежнему размещению, и уже оттуда, по рокадной дороге, в полосу Крылова... Снова думал о неудачах, об их причинах.

Бои показали, что и выучка войск оказалась маловатой. Не хватило всё-таки времени. Надо больше учить войска, как наступать. А не без конца копать окопы. Сколько времени убили на окопы, которого было так мало! Кое-что, понятно, надо было копать, для маскировки хотя бы. Но не так серьёзно... И разве надо было так поздно делить фронт, почти перед самым наступлением? Неужели нельзя было сделать это раньше? Столько времени потратили на перестройку!...

Утомлённый беспокойством от неудачи на юге, тревожными мыслями, не дававшими отдыха, он пожалел, что не может оставить НП, ринуться на машине по фронтовой дороге. Взглянуть на всё своими глазами, враз ожить. Не может, обязан быть здесь. Может, только сделать вылазку в блиндаж оперативного управления? Здесь же, под землёй.

Когда он вошёл в блиндаж управления, офицеры, которые обрабатывали поступающие с фронта материалы, сразу заметили его, встали. Они были довольны, что он пришёл. Черняховский поздоровался со всеми, приветливо обвёл взглядом лица. Офицеры смотрели на него с таким видом, будто ждали, что он скажет что-то важное.

Под ногами несколько раз подряд качнулась земля. Содрогнулись жёлтые, из сосновых брёвен стены.

— Не смолкает... — бросил командующий куда-то за блиндаж. В тоне голоса скрывалось что-то большое, значительное.

— Не смолкает!..

Черняховский различил среди других голос щуплого, тихого подполковника Арыки. Командующий давно симпатизировал умному и скромному подполковнику: считал, что он многое может сделать. Талант да ещё трудолюбие...

Черняховский, словно только за этим и пришёл, сосредоточенно, деловито повернулся к начальнику оперуправления:

— Товарищ генерал, прошу последние донесения. И — сводку потерь. Людей и техники.

Снова повернулся к остальным, тоном одновременно и строгим и товарищеским приказал:

— Остальным, кроме дежурных, — спать! Завтра будет много работы!

Когда возвращался в свой блиндаж, снова вспомнил подполковника Арыку. Вдумчивый, трудолюбивый и, кроме того, — какая скромность! Какая человеческая привлекательность!.. Радостным теплом отозвалось, когда вспомнил, какими взглядами встретили. От этого ощущения шёл уже будто без недавней тяжести на плечах. Будто заново увидел, что тяжесть эту разделяют с ним. И разделяют надёжно. Кому-кому, а ему грех жаловаться...

Иголкина не надо было долго ждать. Вместе рассмотрели, обсудили последние донесения. Внимательно, печально изучали сводку потерь. Потери были большие — и самые большие в полосе магистрали. И самые большие и, — что особенно угнетало, — напрасные...

Проводив Иголкина до двери, посоветовав и ему лечь, отдохнуть, Черняховский вернулся к столу. Глаза его невольно нашли на карте дефиле, черту магистрали. Он оторвался от карты, потянулся рукой к аппарату ВЧ: может быть, Василевский уже вернулся. Черняховский знал, весь день маршал провёл под Витебском, в войсках 1-го Прибалтийского и в армии Людникова.

Подумалось, что, видимо, не вернулся: если бы вернулся, наверное, позвонил бы. Черняховский не ошибся: в трубке отозвался голос дежурного при уполномоченном Ставки. Дежурный подтвердил — маршала ещё нет.

Прежде чем лечь, Черняховский не выдержал, снова вышел на НП. На востоке, должно быть, уже светало, а в амбразуре небо было тёмным. Внизу там и сям горели пожары, и от них оно тревожно краснело. Краснело и то поднималось, то опадало.

В непрестанном, близком и далёком грохоте, в белых вспышках ракет Черняховский чувствовал ещё неостывший накал битвы. Напряжённое, частое дыхание бойцов, сцепившихся в последней схватке...

6

И в этот день наступление перед высотой 108,5 шло почти безуспешно. Черняховский, несколько раз выходя на НП, видел, как небо полосуют «эресы», видел, как стремительно, угрожающе проносятся штурмовики.

Весь день без отдыха была артиллерия, земля гремела, горела, дым застилал всё впереди, но пехота, много раз поднимавшаяся в наступление, всё не могла заметно сдвинуть противника. Выходя на НП, Черняховский видел, что бои идут почти на одном и том же месте.

Известия, которые по телефонным проводам, шифрованными радиogramмами, докладами начальника оперативного управления поступали на КП со всех направлений огромной битвы, говорили, что на всём южном крыле наступление идёт по-прежнему трудно, с большими потерями. Если бы надо было судить о ходе наступления только по этим известиям, можно было бы считать, что ему угрожает провал.

Но, как ни беспокоило Черняховского положение на юге, он чувствовал, что с каждой минутой наступление в целом набирает всё большую силу. Даже из армии Галицкого, с правого её фланга, где войска прокладывали себе дорогу через сильные оборонительные узлы, по трясине осиновских болот, шли всё более обнадеживающие известия. Выбив немцев в тяжёлом бою из Острова Юрьева, мощного узла немецкой обороны, войска 11-й гвардейской через узлы в глубине обороны Орехи и Выдрица пробивались на Гришень, на Межево. Успехи войск Галицкого очень волновали Черняховского: по мере того как они разрушали немецкую оборону, приближалась пора, когда сможет выйти на оперативный простор танковый корпус генерала Бурдейного. Этого часа Черняховский ждал с нетерпением, которое почти не забывалось среди всей стихии забот и хлопот.

Известия с правого крыла фронта всё больше радовали. Войска 39-й армии сегодня двигались ещё быстрее. Всё дальше обходя с юга Витебск, 5-й гвардейский стрелковый корпус 39-й армии настойчиво шёл на Островно, на Гнездиловичи, где ему надо было соединиться с частями Первого Прибалтийского фронта, завершить окружение витебской группировки врага.

Радовало Черняховского и то, как шло наступление 5-й армии генерала Крылова, ведущей бои в направлении Богушевска. Армия пробилась к речке Лучёсе, форсировала её с боем, вырвалась на шоссе Витебск — Орша: перерезала вслед за войсками Людникова прифронттовую коммуникацию немцев. Не ослабляя натиска, армия двинулась дальше, на Богушевск, и с ходу штурмом взяла город. Успех войск Крылова был особенно важен потому, что в сделанный ими прорыв стало возможным ввести первую сильную подвижную группу, начать развивать наступление в оперативной глубине немецкой обороны. Уже днём Черняховскому доложили, что группа эта вошла в прорыв. Мехпехота, танки, кавалерия — механизированный корпус генерала Обухова и конный генерала Осликовского — ринулись во вражеские тылы.

С самого утра со всё возрастающим нетерпением Черняховский думал о 5-й гвардейской танковой армии. Чем больше развёртывалось наступление, тем больше мучило его беспокойство об армии Ротмистрова, которую неудача войск в полосе магистрали вынуждала стоять без пользы и сейчас, и неизвестно ещё сколько времени. Понимание того, что такую мощную силу ни одной минуты нельзя было без причины держать в бездействии, заставляло его с пристальным вниманием всматриваться туда, где со всё большим успехом шли войска Крылова. К тому же в то утро генерал Иголкин кроме всего прочего доложил ему: взятый в плен немецкий зенитчик сообщил, что их двадцать пятая зенитная артиллерийская дивизия поставлена в полосе магистрали отбивать танковые наступления русских.

Этот факт, который Черняховский особенно отметил как доказательство того, что немцы больше всего ждут наступления танков на магистрали, вместе с тем был для командующего фронтом ещё одним доводом, сконцентрировавшим его внимание на войсках, наступавших на Богушевском направлении.

Но для того чтобы изменить утверждённое Ставкой решение, которое обязывало ввести армию в прорыв на магистрали, нужно было согласие уполномоченного

Ставки. Ещё по предварительной договорённости маршал Василевский вскоре должен был приехать на КП, и теперь Черняховский с нетерпением ожидал его. Когда с контрольно-пропускного пункта позвонили, что маршал приехал, Черняховский с генералом Макаровым сразу по ходу сообщения пошёл навстречу.

За маршалом Василевским, запылённым, в генеральской фуражке и комбинезоне, Черняховский увидел, тоже усталого и запылённого, командующего 5-й гвардейской танковой армией. Черняховский чуть не усмехнулся: будто нарочно, на ловца — зверь! — но сдержался: встреча была серьёзная. Да и заметил: маршал Ротмистров смотрел из-за очков настроенно, недоволено.

Когда пришли на КП, Черняховский кратко, озабоченно доложил уполномоченному Ставки, как развивается наступление. Особенно подчеркнул, что неудача в полосе магистрали заставляет принять некоторые соответствующие обстановке новые решения. Собранный, решительный, он взглянул на маршала Василевского, произнёс тоном, выразившим твёрдую уверенность в том, что он говорит:

— Товарищ маршал, прошу разрешения ввести 5-ю гвардейскую дивизию в полосу армии генерала Крылова.

Вдумчивый, внимательный взгляд маршала Василевского перешёл на маршала Ротмистрова, сидевшего мрачно, затаившись у другой стены. Черняховский заметил: этот взгляд будто говорил о чём-то прежнем, неизвестном обоим, — но Черняховский не понимал о чём.

Ротмистров сидел, немного наклонившись, усы топорщились, выражение глаз за очками было плохо видно. Черняховский только уловил: Ротмистров беспокойно шевельнулся.

— Я согласен, — произнёс Василевский медленно, сдержанно, но Черняховский почувствовал: маршал, видимо, тоже думал об этом.

Тут же Ротмистров получил задачу: к утру 25 июня сконцентрировать 5-ю гвардейскую танковую армию на исходном рубеже, в полосе 5-й армии Крылова, с таким расчётом, чтобы ночью 26 июня войти в прорыв. Войдя в прорыв, наступать в направлении на Толочин, заняв Толочин, развивать наступление в полосе Минского шоссе в районе Борисова.

7

Утро 25 июня пришло в солнечном блеске. В необычной торжественной тишине. Впервые за несколько суток, проведённых здесь, Черняховский смог выйти наверх, порадоваться солнцу, росистой свежести.

Правда, радость была мимолётной и сдержанной: всё вокруг напоминало о недавнем. Свежие воронки, чёрные пяди среди травы, бесчисленные раны на деревьях — берёзах, осинах. Неподдалёку страшно чернели неподвижные танки — с башнями, без башен...

Озабоченный, Черняховский спустился в блиндаж.

Генерал Иголкин вошёл с таким видом, что Черняховский с первого взгляда почувствовал: с весёлыми новостями.

— «Лёд тронулся», товарищ командующий! — радостно, по-юношески звонко объявил начальник оперативного управления. Низкорослый, сильный, он скло-

нил голую, блестящую голову над картой, пригласил порадоваться: — 26-я и 84-я гвардейские дивизии взяли Шалашино и в хорошем темпе вдоль магистрали выходят на рубеж Юрцево — Бурдюки! Выбрался на простор и набирает скорость 2-й гвардейский танковый корпус. Передовой отряд корпуса перехватил шоссе Витебск — Орша и занял Ключовку. Обе деревни и станция Ключовка были обозначены к югу от Орши. Немцы в Орше почувствовали угрозу окружения. По этой причине у противника, судя по радиоперехватам, началось большое волнение. В том числе — в 78-й штурмовой дивизии генерала Траута...

— Не выдержали нервы у железного Траута, — отозвался Черняховский.

— Не выдержали. 78-я дивизия начала отступать. Правда, ещё огрызаются...

Войска 5-й армии Крылова, которая взаимодействовала с конно-механизированной группой Осликовского, вели бои уже далеко за освобождённым вчера Богушевском. Передовые отряды приближались к городу Сенно, важному узлу дорог. Ещё более важные новости поступали с правого фланга, из 39-й армии Людникова. Часть войск армии прорвалась в Витебск, выбивала врага из города, а другая — 5-й гвардейский корпус — была далеко за Витебском, в районе Гнездилович. Сходилась с войсками Первого Прибалтийского, завершала окружение всей витебской группировки немцев.

Новости были такие, что лучше нельзя было ожидать. Но Черняховский не выдал большой радости, будто принял всё как должное. Это было давнее, неизменное правило: и беспокойство и радость держать в себе, не особенно давать им волю. Чувства расслабляют.

Всё же, как ни сдерживался, всё услышанное сильно волновало его. Захватывал великий, стремительный дух, в котором были сейчас войска фронта, волновало напряжённое бурление огромной мощной жизни. Черняховский с нетерпеливой радостью почувствовал, что ещё один, другой сильный удар — и враг не выдержит, побежит.

Вместе с радостью было и недовольство от того, что момент был таким важным, таким удобным для удара, что так надо было бить изо всех сил, не давать врагу передышки, он чувствовал особое недовольство тем, что мощная часть войск фронта — танковая армия Ротмистрова — пока не участвует в битве. Его не успокаивало, а наполняло ещё большим нетерпением то, что стоять армии пришлось недолго. Что, как сообщили ему, армия уже сконцентрировалась на исходном рубеже. В этом нетерпении было и беспокойное предчувствие того, что сделает армия, которая войдёт в прорыв в полной силе, во всем своём несколько не растраченном могуществе. Чтобы подкрепить эту мощь, прикрыть танковую армию от вражеских самолётов, он выделил из 1-й воздушной армии, поддерживавшей наступление фронта, сильную помощь — четыре авиационных корпуса и две дивизии. Всё, что мог выделить.

Среди множества известий, важных, деловых, приходивших в этот день на КП командующего фронтом, было одно особенное. Не только потому, что оно имело личный характер, а и потому, что сообщало о несчастье. Несло горе.

Все остальные известия дошли, это задержали. Задержали перед самым командующим, на КП.

Взволнованный, член Военного совета генерал Макаров сначала зашёл на КП, настороженно, затаённо взглянул на Черняховского: словно хотел проверить своё опасение. Командующий говорил по телефону, генерала встретил спокойным, углублённым в разговор взглядом. Член Военного совета, как мог, сдержанно дал ему знак: ничего особенного, зайду позже, исчез за дверью.

В соседней комнатке генерал остановился, постоял в раздумье, попросил подполковника Комарова пойти с ним. Когда они вошли в блиндаж члена Военного совета, генерал подошёл вплотную к подполковнику. С болезненным и сердитым взглядом на полноватом лице тихо спросил:

— Алёша, а ты знаешь, что случилось несчастье?..

— Какое несчастье?

— Брат командующего Александр погиб...

— Подполковник Черняховский? Когда?

— Только что сообщил генерал Алексеев. Под Алексиничами... Как ты думаешь — командующий не знает?

— Нет.

— Надо, чтобы он не знал. Я попрошу корпус, чтобы они пока молчали. Надо подождать... У него сейчас, ты знаешь, так напряжены нервы. Надо побережь его. Понимаешь?

— Понимаю, товарищ генерал.

Когда член Военного совета вернулся в блиндаж командующего, Черняховский, взволнованно стоявший в полный рост, нетерпеливо, требовательно кому-то приказывал:

— Надо действовать энергично и быстро! Время не терпит, топтаться некогда!.. Разрубайте на части, бейте по частям! Без отдыха! Чтобы у них искры из глаз! Чтобы ни один не выкрутился! — Мягче, почти добродушно, закончил: — Надеюсь на вас, Иван Ильич!

Положив трубку, повернулся к члену Военного совета, произнёс, ещё взволнованный разговором:

— С Людниковым говорил. Ну, вот, Василий Емельянович, могу порадовать. Первый «белорусский котёл» готов!

— Сколько всего?..

— Пять дивизий.

Черняховский назвал их номера.

8

На следующий день 2-й гвардейский танковый корпус генерала Бурдейного стремительно двигался на юг, в тылу немецких войск обошёл Оршанский узел, вырвался на шоссе и захватил станцию Коханово, в двадцати пяти километрах к западу от Орши. В этот же день, в 4 часа утра, ринулась в прорыв 5-я гвардейская танковая армия маршала Ротмистрова. До вечера, двигаясь в направлении на юго-запад, она пробила больше чем на семьдесят километров и заняла районный центр Толочин, в пятидесяти километрах от Орши. С выходом обоих танковых соединений на магистраль оршанская группировка врага оказалась отрезанной

с тыла, лишилась самого удобного пути к отступлению. Наши же войска, танки 5-й гвардейской армии, могли двигаться прямо до Борисова, до Березино.

Пробилась наконец через вражеские укрепления, через болота, на простор 11-я гвардейская армия генерала Галицкого, начала быстро набирать темп движения. По-прежнему хорошо, всё глубже на запад, шла 5-я армия генерала Крылова, которая в этот день перерезала шоссе Орша — Лепель. Ещё дальше прорвалась конно-механизированная группа.

И в этот день особенно порадовал Черняховского командующий 39-й армией Людников: части его вместе с войсками Первого Прибалтийского фронта очистили от гитлеровцев Витебск, который больше полугода казался таким близким и далёким. Войска Людникова сжимали окружённые части противника, уничтожали их.

Хотя беспокоила забота о том, чтобы не дать немцам прорваться из Орши на запад, чтобы не дать витебской группировке вырваться из окружения, хотя тревога вела дальше на запад, к Березине, Черняховский всё же чувствовал, как спадает недавнее, давящее беспокойство, сжимавшее его все эти дни. Что бы там ни было позже, сейчас уже видно: вражеский фронт разрушен, разломан. Самое трудное сделано, и сделано успешно. Теперь одно: закрепить успех, развить насколько можно.

Здесь генерал Макаров решил, что настала пора сообщить, наконец, то, что он столько скрывал от командующего.

— Иван Данилович, — сказал он, глядя на Черняховского решительно и вместе с тем виновато. — Я вам должен сообщить... печальную новость... — Черняховский взглянул на него, не понимая и, казалось, будто не веря. Макаров смутился, неловко замолчал. Нахмурившись, опустил вниз виноватые глаза, строго, с усилием закончил: — Ваш брат... Александр Данилович... погиб...

— Саша? — Черняховский всё ещё был погружен в какие-то свои далёкие мысли. Не понимал и будто не верил. Потом вдруг произнёс беспокойно: — Откуда вам известно?

— Генерал Алексеев сообщил. Ему передали из корпуса. — Макаров поднял глаза, старался говорить как можно спокойнее, мужественнее. — Кроме того, я сам связался с корпусом.

Черняховский, казалось, долго молчал.

— Когда он погиб?

— Позавчера.

Снова наступила минута молчания. Потом Черняховский требовательно сказал:

— Почему вы не сообщили раньше?

— Это — по моей просьбе. — Макаров говорил теперь спокойнее, будто самое трудное было позади. — Вам тогда было очень тяжело... — объяснил он чутко.

— А сейчас — легко...

Черняховский недовольно помолчал, потом устало опустил в кресло, попросил:

— Что вам известно — как он погиб?

Всё время, пока член Военного совета говорил, Черняховский молча смотрел в одну точку на карте, разостланной на столе. И потом, когда генерал Макаров кончил, тоже молчал.

— Иван Данилович, может, на могилу съездили бы?

Черняховский на мгновение задумался. Сказал с сожалением, но твёрдо:

— Нет, не смогу.

Он встрепенулся, вызвал из соседней комнаты порученца. Когда тот явился, попросил сдержанно, мягко:

— Вот что, Алёша. Съезди на место, где похоронен Саша. Посмотри, всё ли там как следует. Если что надо — сделай. Возьми в части вещи его. На память семье...

Черняховский вышел из блиндажа.

Уже начинало светать. Сонно прокричала неподалёку какая-то птица.

Чистый предутренний воздух охлаждал, бодрил. Медленно проходила усталость. Но на душе у него было тоскливо, тяжело.

«Саша»...

Вспомнилось далёкое-далёкое. Когда похоронили мать, Саша — маленький долго не мог забыть её. Ему сказали, что мать уехала в город, «привезёт хлеба». Он помнил и всё спрашивал — когда же она вернётся?..

Отрывками вспоминалось более позднее. Вести, которые приносили нечастые письма, редкие встречи. Все годы, пока Саша учился, Иван помогал ему — посылал деньги, следил за успехами в учёбе, давал советы. Однажды строго выговорил брату — это было уже на фронте, когда услышал, что Саша много пьёт...

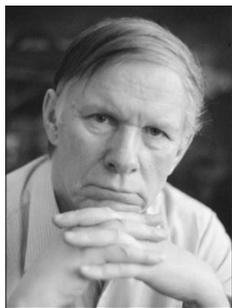
Всё, что приходило на память, сейчас вызывало тоску. «В последний раз не застал меня. Не увиделись и теперь уже — никогда не увидимся...»

Немного пройдя, Черняховский заметил: в леске, поодаль от КП, хлопотливо урчали тягачи. Иногда оттуда доносились весёлые выкрики. Наверное, снималась с позиции тяжёлая артбатарея. Лес, в котором недавно было полно артиллерии и танков, покидали последние пушки.

Всё вокруг опустело. Но это опустение не вызывало грусти, а радовало.

Наступление, которое в передних частях было уже далеко на западе, отводило за собой последние подразделения. Даже здесь, в районе магистрали, столько времени тревожившей его. И командующего не впервые с большой силой взяло нетерпение: скорее надо отсюда и ему, его командному пункту...

Вслед за войсками...

Третья ракета (главы из книги)

9

Начинает светать. На небосклоне всё шире разливается зеленоватый отблеск далёкого солнца, быстро гаснут и без того редкие звёзды. Луна в вышине окончательно меркнет и сиротливо висит над посветлевшим простором. На земле исчезают резкие тени, не спеша, но уверенно выступают из сумерек серые окрестности — травянистое, перекопанное войной поле, столбы на дороге, узкая полоска подсолнуха.

Торопливо и молча завтракаем.

Мы чувствуем, что это последние спокойные минуты, и стараемся подольше растянуть их: выскребаем котелки и тщательно облизываем ложки. Но всё же внутри каждого из нас неотвратимо поднимается дрожащая, как озноб, тревога.

Один только Желтых не медлит. Он первый доедает приправленную тушённой мамалыгу, засовывает в карман оставшийся кусок хлеба и, даже не закурив, начинает собираться к комбату. Вид у него при этом настолько буднично-обычный, что кажется, будто этот колхозный дядька и не подозревает, что может постичь нас через несколько минут. Дождёвая завтрак, он вешает на шею бинокль, привычно закидывает за плечо автомат, глубже надвигает на голову помятую, выбеленную солнцем пилотку, которая всегда приплюснуто сидит на нём от уха до уха. Обмундировка у командира далеко не новая, обычное «БУ», всё остальное, что определяет в нём артиллериста, досмотрено, прилажено и носится даже с некоторым шиком. Узенький ремешок старенького, с выщербленным окуляром бинокля подтянут на шее петелькой. К сержантской полевой сумке с наставлениями, дисциплинарным уставом, бритвой и разной солдатской мелочью, как и надлежит начальству, приторочен за ушки компас. Под утро Желтых обычно надевает свой промасленный, выдавший виды бушлат с помятыми погонами и блестящей самоделкой на рукаве — перекрещенными стволами орудий. Это эмблема истребителей танков. Сапог он никогда не носит, говорит, что в них душно ногам, и ходит в ботинках с обмотками. Накручивает он их низенько — на ладонь от ботинок.

— Кривёнок, разбуди Попова, — приказывает старший сержант. — Я к комбату.

Кривёнок, кажется, безразличный ко всему, что ждёт нас, расслабленно встаёт и развалистой походкой идёт будить наводчика, которого Желтых перед рассветом уложил спать. Попов, конечно, не выспался за этот час. Разбуженный, он минуту сидит на земле и, позёвая, невидящими глазами смотрит перед собой.

Из-за вражеских холмов снова доносится зловещий гул танков. На этот раз гудит ближе, начинает даже казаться, что танки идут сюда, прямо на нас. Мы

встревоженно всматриваемся в сторону врага, но увидеть там ещё ничего нельзя. Этот гул, видимо, окончательно пробуждает Попова. Наводчик встаёт на колени, подпоясывается, берёт свой котелок с завтраком и, поглядывая на сумеречные холмы, идёт к пушке.

— Всё же что-то они готовят сегодня, — говорит Лукьянов и берётся за автомат.

Мы с Кривёнком также берём оружие и занимаем свои боевые места. Возле разостланной палатки с остатками завтрака остаётся один Задорожный.

Какое-то время мы молча сидим на станинах, и по мере того как светлеет, выплывает из сумерек знакомое пространство, усиливается и наше волнение. Кривёнок свёртывает неровную, толстую в середине сигарку и прикуривает от зажигалки. Лукьянов надевает шинель и спокойно пристраивается на снаряжном ящике. Как всегда, на рассвете его начинает трясти малярия. На его худом, увядшем лице с глубокими морщинами вокруг рта — выражение терпеливой покорности. Лёшка, злой и безразличный ко всему, сидит не шевелясь, и эта не свойственная ему сосредоточенность выдаёт его тревогу. Один только Попов, ещё сонный, без всяких признаков беспокойства, старательно выскребаёт из котелка кашу и узкими глазами на приплюснутом лице то и дело поглядывает вдаль.

Мы полны тревожного ожидания. Каждый сосредоточен, говорить не хочется, слова теперь потеряли своё значение. Бойцы насторожились и ждут того самого часа, когда для каждого из нас может решиться всё. И тут каким-то очень обыденным и потому странным голосом отзывается Попов:

— Соли мало.

— Что?

Все поворачиваются к наводчику, удивлённые его словами, а тот по-прежнему невозмутимо бросает:

— Каше мало соли.

Никто ему не отвечает: до соли ль теперь!

И вот в поле появляется наш командир. Он бежит от КП напрямик, и то, что он спешит, ещё больше настораживает нас. Я становлюсь за щитом на колени и делаю первое, что мне нужно сделать перед стрельбой, — открываю затвор. Поворот туговатой рукоятки, и клин опускается, можно заряжать. (Правда, заряжать ещё рано, но мне невтерпёж бездействие.)

Желтых, наверное, издали замечает нашу гнетущую настороженность и, чтобы рассеять её, кричит:

— Ну, мальцы-удальцы! Пальнём сейчас! С первого снаряда — цель, и спать до вечера!

— Как раз! — бросает Лёшка и вскакивает. — Поспишь тут! — Он выходит на площадку, как-то бережно неся перед собой большие, коричневые от загара руки.

Желтых соскакивает с невысокого бруствера, занимает своё боевое место слева, позади пушки, в широком орудийном укрытии.

— Ничего. Не впервой! Держитесь за землю-матушку, она выручит, — спокойно говорит он и вскидывает бинокль. — Так!.. Нет, ещё немножко подождём. А ну, садись!

Встав на колени, мы занимаем свои места: Попов у прицела, я справа от него, за щитом. Меж станин устраивается Задорожный, за ним, возле снарядных ящиков, — Кривёнок и Лукьянов.

Желтых время от времени смотрит в бинокль, одним глазом прижимается к прицелу Попов... Мы понимаем, что вступаем в поединок, исход которого будет решаться тем, кто опередит. Если чуть замешкаемся и немцы засекут нас на открытой позиции, придётся туго.

— Попов, наводить под нижний обрез, — распоряжается Желтых, уже не отрываясь от бинокля. — Та-ак... Зарядить! — спокойно, с чуть-чуть излишней строгостью командует он.

Задорожный натренированным рывком вгоняет в патронник снаряд. Затвор, коротко лязгнув, закрывается. Попов прилипает к прицелу. Мы ждём затаив дыхание.

Последние минуты утренней тишины. Восточная половина неба за нашими спинами наливается отсветом невидимого, но уже близкого солнца. Эти мгновения перед открытием огня особенно нестерпимы, ноют напряжённые нервы — скорее, скорее! Но Желтых медлит, он спокоен и лучше нас знает, когда следует подать команду.

— А почему без каски? Где каска? — неожиданно раздаётся в тишине его строгий голос. Это он Попову, который сутулится за прицелом в сдвинутой на затылок пилотке. — Кривёнок, каску!

Кривёнок приносит из окопа выдавшую виды, исцарапанную каску и нахлобучивает на голову наводчика. И вдруг, не успевает он отойти на своё место, где-то далеко, с немецкой стороны, раздаётся знакомое прерывистое «та-та-та-та». Одновременно что-то лязгает по краю щита, взвизгивает над головами и проносится дальше. Рядом на бруствере взлетает облачко пыли. Я инстинктивно пригибаюсь к казённику. «Опоздали! Прозевали!» — мелькает мысль. Оглядываюсь: сзади низко склоняется Лёшка, а за ним как-то боком, опершись на локоть, опускается на землю Лукьянов. Из-под его пилотки на воротник распахнутой шинели и на дощатый снарядный ящик что-то часто капает. Лукьянов хватается рукой за голову и удивлённо рассматривает ладонь — на ней кровь.

— Сволочи! — ругается Лёшка.

К Лукьянову бросается Кривёнок. Довольно спокойно он спрашивает:

— У кого пакет?

У меня в кармане перевязочный пакет, я бросаю его Кривёнку и хочу сам подбежать туда, но команда Желтых останавливает меня.

— Стой, тихо! Прицел шесть, один снаряд, огонь!

Пули бьют по брустверу, брызжет в стороны земля, я передвигаю по линейке указатель отката, пригибаюсь. Тут, за казёнником, немного спокойнее, чем на открытой площадке. Вся паша огневая курится пылью, разлетаются в стороны кукурузные стебли, лязгают по щиту пули. Что и говорить: неудача.

«Бах!!!» — неожиданно и резко бьёт в уши выстрел. Пушка отскакивает назад, казённик выкидывает в песок горячую гильзу. Из её узкой шейки струится дымок.

Я не вижу за щитом разрыва, но слышу далёкое раскатистое «ках-х-х». В стволе уже новый снаряд, и Попов аккуратно и спокойно подкручивает маховики.

«Фить-фить! Чвик!..» — проносится рядом новая очередь.

«Быстрее! Быстрее!» — бьёт в виски мысль. Я оглядываюсь. Лукьянов лежит на боку, и Кривёнок, неумело раскручивая бинт, обвязывает его голову. Сквозь повязку проступает и расплзается бурое пятно крови.

«Бах!!!» — снова бьёт наше оружие, и правое ухо гложет, будто его заткнули ватой. Я торопливо вглядываюсь в указатель, откат как будто нормальный.

— Прицел семь! — с яростью командует Желтых.

Значит, недолёт, надо ещё пристреливать. Пулемёт бьёт длинными очередями, и это, видно, спасает нас, только первые пули попадают в огневую, остальные рассеиваются вокруг. Все мы жмёмся к земле. Лёшка лежит на боку, прижимая к груди снаряд, взгляды наши встречаются, и в его глазах я не нахожу враждебности. Мне тоже теперь не до злости — Люся и всё, что связано с ней, отступает в давнее, далёкое вчера.

Попов работает ловко и чётко. Огневую сотрясает уже третий выстрел, и тотчас сзади кричит Желтых:

— Отметиться по разрыву!

Это излюбленный приём нашего командира. Есть определённое правила пристрелки прямой наводкой, но Желтых почти всегда пользуется только одним — отметкой по разрыву, этот способ ещё ни разу не подвёл нас. Попов, согнувшись, едва-едва, одними ладонями, касается маховичков наводки и нажимает кнопку спуска. Я выглядываю из-за щита: снаряд, подняв перед стволом пыль, уходит вдаль и рвётся на холме.

— Верно! — радостно и сипло, что есть силы кричит Желтых. — Три снаряда, беглый огонь!

«Слава богу!» Спадает в душе тревожное напряжение. Попали, теперь — добить.

«Бах!» — гремит выстрел, пушка дёргается, из казённика со звоном вылетает гильза. Лёшка, встав на колени, досылает следующий снаряд, и через десять секунд снова: «Бах!».

На огневой — кислотоватый пороховой смрад, пыль. Шестая гильза звонко лязгает о предыдущие, и тут же желанная команда:

— В укрытие!

«Есть! Кажется, удачно! Ещё немножко, ещё...»

Мы все хватаемся за пушку. Я переползаю через: станину, вырываю из оси стопор, кто-то сзади выдёргивает из земли сошник. Желтых хватается за левую станину. Припав к самой земле, налегаю на колесо, пушка трогается с места. Попов, однако, опаздывает толкнуть левое колесо, оружие перекашивается на площадке, и Желтых зло кричит:

— Попов! Не зевай! Такую твою!..

На Попова командир кричит редко. Только в бою под огнём — тут он никого не щадит. Попов не обижается, как не обижается никто из нас. В надвинутой на глаза каске он упирается коленями в землю, плечом в колесо, пушка трогается с места и, тяжело покачиваясь, идёт в укрытие.

«Та-та-та-та!..» — стучит издали пулемёт, но мы уже свернули станины. Я напрягаюсь так, что, кажется, разрывается от натуги грудь, и толкаю колесо обе-

ими руками, пока пушка не начинает постепенно катиться сама. Бойцы и Желтых управляют станинами, и последним, стоя на коленях, вцепившись в правило, толкает сошники сразу похудевший, с окровавленной щекой Лукьянов.

10

И вот мы сидим в нашем узеньком обжитом окопчике и, довольные тем, что всё обошлось, сдерживаем в груди бешено бьющиеся сердца. Несколько пулемётов постреливают по нашей позиции, сбивают с бруствера комья, и песок сыплется нам на головы. Над огневой в чистом утреннем воздухе космами висит пыль. Но крупнокалиберный пулемёт молчит, а остальные нам тут не очень страшны.

— Хватились! — говорит Желтых и довольно смеётся, наморщив заросшее за ночь щетиной лицо. — Всё же одурачили — знай наших!

Потом, посерьёзнев, командир спрашивает:

— Ну, как ты, Лукьянов? Терпеть можешь?

Лукьянов, склонив перевязанную голову, зябко кутается в шинель. Рана у него, видно, не очень страшная, он не стонет, не жалуется, только дрожит от малярии.

— Потерплю, — тихо говорит Лукьянов. — В санчасть же не выбраться.

— Не выбраться, — подтверждает командир. — Жди вечера.

Мы усаживаемся друг возле друга и внимательно вслушиваемся, что делается наверху. На нижней ступеньке Лёшка, в руках у него перископ, и он то и дело тихонько высовывает его из-за бруствера. Пулемёты нам тут не страшны, но вот если ударят миномёты, тогда придётся плохо.

Но вскоре умолкают и пулемёты. Устанавливается тишина — ни звука, ни выстрела. Уже совсем рассвело, всходит солнце, и синева южного неба ярко сияет в потоках света. Первые солнечные лучи кладут свои ещё холодные лапы на пыльные комья бруствера. Обманутый тишиной, где-то в вышине заявляет о себе жаворонок. Как нечто далёкое и не сразу осмысленное, сыплется сверху его извечная песня, а затем и сам он трепетным комочком появляется над нашим окопом. Желтых первый задирает голову, натянув сухую кожу на небритой шее, прищуривает немолодые глаза и искренне удивляется:

— Ого! Гляди ты — запел! И не боится! Вот же малявка...

Мы все смотрим вверх, молчим, и за эти несколько минут в наши сердца, наполненные столькими заботами и страхами, властно вторгается полузабытое ощущение природы и обычной человеческой жизни, далеко отодвинутое этим беспокойным утром. Так оно и остаётся в памяти — это никогда не дремлющее солдатское чувство близкой тревоги и дыхание мирной, уже позабытой жизни.

Об этом мы не говорим, но это чувствует каждый, разве что кроме Попова. Как только утихает стрельба, он начинает томиться без дела, потом снимает гимнастёрку и принимается подстраивать жестяные полоски под погоны. Недавно ему присвоили звание ефрейтора, и Попов несколько дней всё охорашивает свои лычки, из красного немецкого кабеля сделал канты, теперь принялся за металлические полоски-вкладыши. Желтых заметно добреет и с горделивым чувством поглядывает на нас. Лёшка по-прежнему невесел. Кривёнок, склонив голову, возится со своим пулемётом.

— Комбат сказал — к награде представит всех. За пулемёт. Получим по медальке, — говорит Желтых.

Получить медаль всегда приятно солдату (особенно тому, у кого ещё ничего нет), только Желтых вряд ли мечтает об этом — вон у него сколько их на груди. Кривёнку да мне было бы весьма кстати по какой-нибудь награде на наши ничем не отмеченные гимнастёрки, как, впрочем, и Лёшке, который, кроме гвардейского значка, также ничего не имеет. Только Лёшка недовольно поворачивает к командиру свою лобастую голову и говорит:

— Ерунда! Тут пока медали дождётся, пять раз закопают.

— Почему? — добродушно возражает Желтых. — Теперь оборона, это быстро делается. Командир дивизии подпишет, и готово. Даром только ругался вчера: ишь как здорово получилось! — И насмешливо добавляет: — Придёт на свидание Люська, а ты уже награждён. Жених!

От этих слов командира у меня вдруг начинает тоскливо щемить в груди.

«Если он так говорит Лёшке, то, видно, считает именно его достойным нашего санинструктора. Не сказал же он этого мне или Кривёнку, а именно Лёшке. Значит, всё же если ничего и не было, то могло быть у него с Люсей, неспроста такие намёки», — снова печально думаю я.

Но Задорожный недовольно хмыкает:

— Нужна мне Люська... как собаке пятая лапа. Не таких видели.

Я не знаю, что и думать. Не поймёшь сразу, то ли он притворяется, то ли говорит правду. Снова появляются вчерашние подозрения, противные и мучительные. Я стараюсь подавить их в своей душе.

— Хе, Люся! — иронически хмыкает Лёшка. — Мы тут головы под пули подставляем, а она с тыловиками милуется. Тоже медаль зарабатывает. Капитан этот... Как его? Мелешкин. Давно она с ним крутит. Знаю я.

Капитан Мелешкин! Это такой красивый чернявый весельчак с усиками. Действительно, однажды на марше я видел, как он ехал верхом на лошади возле санитарной повозки и всё угощал чем-то девчат и Люсю тоже, а она уж очень счастливо смеялась тогда.

Уныние и раздражённость окончательно овладевают мной. Становится досадно на себя и на всё на свете. Но где-то в глубине сама собой живёт, не соглашается упрямая мысль: нет, не может она быть плохой, не может. Она не такая. А время идёт. В окоп заглядывает солнце и начинает припекать. Плечи и туловище ещё в тени, а головам жарко. Желтых, по-стариковски кряхтя, пересаживается к противоположной стене, в тень.

— Гляди ты: молчат! Ни одной мины. Удивительно! — говорит он. — Ну, до вечера досидим, а там на новое место.

Попов надевает гимнастёрку и любит своей сегодняшней обновкой — погонами. Вся одежда на нём подогнана, пуговицы застёгнуты, над правым карманчиком три узкие полоски-нашивки за ранения. Эти нашивки мало кто носит из нас, хотя многие были ранены, но у Попова они на месте. Как раз под ними рубиновой звездой краснеет орден. На одном зубчике эмаль выкрошилась, и он побелел, но привинчен орден заботливо — на красной суконной подкладке.

Наводчик выглядит аккуратистом, сразу заметна склонность к военной службе, только вот звание маловато — ефрейтор. Но будь он сержантом, думается, его подчинённым пришлось бы несладко — характер у Попова тихий, но упрямый и въедливый. Особенно в мелочах.

— Ты, брат, теперь как генерал, — усмехается Желтых. — Знаешь что? Сделай и мне такие погончики. А? А то эти — будто из них черти верёвки вили. После войны расплачусь. Приглашу тебя в гости из твоей Колымы...

— Зачем Колымы? Якутии! — чуть обиженно поправляет Попов.

— Ну из Якутии. У вас мерзлота, а у нас на Кубани фруктов, дынь, арбузов — завались. Накроем стол в садике, самовар раздуем. Поллитровку, конечно... Ну и остальное. Моя Дарья Емельяновна гостей любит! Всю жизнь бы принимала. Такой характер... Раздавим бутылочку, вспомняем, как под Яссами кукурузу ели, в окопах сидели... Кстати, надо бы написать Дарьке, — вдруг вспоминает Желтых. — С самого Кировограда, пока фрицев до Молдавии гнали, так и не написал. Хлопцы, у кого газетка?

Бумаги у нас нет. В наступлении-то её бывает много — разные там фрицевские блокнотики, записные книжечки с пружинками-скрепками по корешку, а теперь, кроме газеты, ничего — ни на курево, ни на письмо. Попов вынимает из кармана аккуратно сложенный номер нашей дивизионки, и старший сержант начинает выбирать краешек с полем пошире. Попов даёт ему химический карандаш, Желтых старательно его слюнявит и начинает что-то выводить, пристроившись на одном колене.

— Так и напишем: Дарька, я жив, чего и тебе желаю. Маркел Иванович Желтых.

Он отрывает от газеты полоску и, видя наши любопытные взгляды, поясняет:

— А зачем много писать? Главное: жив. Остальное бабе неинтересно. Я вообще несколько раз собирался написать больше, да всё некогда. Известна наша солдатская доля. Только карандаш послунявишь — посыльный от комбата: «Желтых, пулемёт уничтожить!». Пальнёшь по пулемёту — транспортёр отогнать! Там немецкая пехота чуть не за грудки наших стрелков хватает. В неё пошлешь десяток снарядов. А ещё танки. Сколько мороки с ними! Процкий мне говорил однажды: «Ты — мой командующий артиллерией. И помни, чтобы никакой задержки у пехоты». Говорю: «Если я командующий, то почему не генерал?» — «А за генерала ты справился бы?» — спрашивает он. «Ого, ещё как. Если командиром орудия справляюсь, то генералом и подавно. Было бы чем командовать!» — с затаённой гордостью хвалится Желтых и прячет в пилотку своё рекордное по краткости письмо.

Нам хорошо тут. Уходит в прошлое тревожная ночь, постепенно рассеивается страх. Кажется, всё обошлось...

И именно в такой момент, когда расслабляется наше внимание, во вражеской стороне что-то утробно и страшно взывает. Я ещё не понимаю, что это, и только замечаю, как вздрагивает под шинелью Лукьянов. Маленькие глаза командира удивлённо округляются, загораются и вдруг гаснут. Со ступеньки вниз на дно окопа падает Лёшка, и тогда до сознания доходит смысл этого жуткого звука. Это где-то там, за вражескими холмами, разряжаются «скрипуны» — шестиствольные

немецкие миномёты. Едва только утихает их протяжный зловеющий скрип, как из поднебесья обрушивается на нас пронзительный визг мин. Кажется, какая-то невидимая страшная сила низвергается на дрожащую землю. Я тычусь головой в колени Кривёнка. Он падает на бок, сверху сыплется в окоп земля, бьёт в уши — взрыв, второй, два сразу, три... Мы гложнем, задыхаемся в пыли, в песке и земле; пальцы хватаются за что-то в поисках опоры. Земля будто разверзается от грозового урагана взрывов и дёргается, стонет, дрожит, отчаянно сопротивляясь страшной силе разрушения.

Так мучительно медленно тянется время, всё вокруг рвётся, разлетается вдребезги; утро темнеет, будто на землю опять надвинулась ночь. Во рту, в глазах, ушах — лесок и земля. Тело болезненно ноет от неослабного напряжения и каждого близкого взрыва. Всё существо с ужасом ждёт: конец, конец! Вот-вот... этот! Нет... этот! Вверху воет, скулит, падает. Земля перемешивается с небом, всё вокруг во власти безвольного оцепенения. И вдруг сбоку слышится крик:

— Попов! Прицел, так твою!..

Это Желтых. Кто-то, больно наскочив на мои ноги, вылетает в конец окопа. Я открываю глаза — на оружейной площадке в дыму мелькает согнутая спина Попова. Возле меня шевелится в земле Лёшка. Кричит и ругается Желтых, но взрывы и визг заглушают его. Ещё вспышка — удар! На нас снова обрушивается земля. Желтых падает. В облаках пыли кто-то опять переваливается через меня — Попов! Под его неподпоясанной гимнастёркой прицел, наводчик придерживает его рукой. В ту же минуту раздаётся ещё один взрыв по другую сторону окопа. В лицо бьёт пороховым смрадом и комьями земли. Я падаю на чьи-то засыпанные по шею плечи и напрягаюсь, чтобы выдержать...

Неизвестно, сколько мы лежим так, заваленные землёй, оглушённые...

Но вот немцы переносят огонь дальше, становятся глуше взрывы, и первым с силой бранью выкарабкивается из земли Желтых. Вверху, однако, по-прежнему скулит и воет. «Скрипуны» за холмами, задыхаясь, бешено ревут, земля разрывается; небо над ними почернело от пыли и дыма. Но разрывы постепенно отдаляются, и тугие комья перестают молотить наши спины.

«Выжили! Уцелели!» — вспыхивает слабенькая, готовая вот-вот погаснуть радость. Отплёвываясь и моргая, я выгребаюсь из-под земли. Потный, страшный, серый от пыли Желтых долго не может выбраться из окопа, затем встаёт на колени. Слабо шевелится в углу Лукьянов, отряхивается рядом Кривёнок. Кажется, все целы — нам повезло. И в то мгновение, когда я думаю об этом, рядом с диким испугом вскрикивает Лёшка:

— Командир! Танки!!!

11

— Т-т-танки! Т-т-танки! Гляди! — заикаясь, кричит Лёшка, то высовываясь из окопа, то снова приседая.

Смысл этой тревожной вести будто кинжалом пронзает сознание. Я вскакиваю, выглядываю из-за развороченного бруствера — по склону холма вниз в дымном грохоте быстро катится косяк ржавежато-серых немецких танков.

Рядом со мной, часто моргая запорошёнными песком глазами, на мгновение замирает Желтых. Будто не веря, приоткрыв рот, он несколько секунд смотрит на танки и выбегает из окопа. За ним по ступенькам вылетает Попов, потом я. Сзади бегут остальные.

Пригнувшись, через взрытую минами площадку мы бросаемся к пушке.

Я цепляюсь за станины, сошники хватает Кривёнок. Желтых с Поповым упираются в колёса. Пушка движется, но укрытие завалено комьями земли, и она идёт боком. Желтых ругается:

— А ну поворачивай! Станину поворачивай!.. Лозняк? Такую твою...

Я и сам знаю, что надо поворачивать, и напрягаюсь изо всех сил, но спешу, и всё получается невпопад. Кое-как мы всё же вытаскиваем пушку на площадку, заносим станины. Желтых, пригнувшись, кричит, командует, помогает затолкать пушку на место. Низко склонённое усатое лицо его в поту и грязи.

Танки бьют по пехоте, бьют, почти не останавливаясь. В воздухе гремит и грохочет, поднебесье стонет, тяжёлый железный гул ползёт по земле. Мы бросаем станины. Я хватаюсь за стопоры, Задорожный сзади так рвёт правило, что чуть не сбивает меня с ног. Левой рукой я открываю затвор, а Желтых вгоняет в ствол бронебойный.

Танки на передней траншее. Я быстро выглядываю из-за щита. Один горит, видно, подожжённый пехотой, другой мчится почему-то вдоль траншеи. Несколько пехотинцев бегут, согнувшись, по полю в тыл. Желтых что-то кричит. Попов впиается в прицел, и вскоре резкий выстрел бронебойным глушит нас. Пушка подскакивает, больно толкает в плечо, я падаю: ребята не успели упереть в землю станины.

— Сошники! — кричит Желтых, низко пригнувшись за наводчиком, и кулаком толкает в спину Кривёнка. Тот хватается сошник и начинает его загонять в ямку. Второй сошник, стоя на коленях, втискивает в землю ослабевший Лукьянов. Крикливая властность Желтых, как ни странно, успокаивает. Кажется, если командир здесь, плохого не случится, он учтёт всё, скомандует, спасёт, нам — только повиноваться.

«Трах!» — бьёт второй выстрел. Еле заметный красный огонёк трассёра мелькает возле танка, щёлкает о броню и отскакивает высоко в сторону.

— Огонь! Огонь! Не медли, огонь!

«Гах!.. Гах!.. Гах!..» — бьёт пушка, подпрыгивая на колёсах. Трассёры не все заметны — некоторые снаряды бесследно исчезают вдаль. Танки от первой траншеи, направляясь вдоль дороги, один за другим ползут по нашей обороне. На их бортах видны чёрно-белые кресты. Поднимая тучи пыли, машины тяжело переваливаются через брустверы. Длинные их пушки угрожающе покачиваются, грохочут выстрелами.

— Огонь! — ревёт Желтых. — Наводить лучше!

Попов молодчина, наш хороший Попов! Он, пожалуй, единственный тут, кому чужды и страх, и волнение. Он не спешит, не дрожит, теперь он ничего на свете не знает, кроме танка.

«Гах! Гах!» — дёргается пушечка.

«Так, держись, Лозняк! Кажется, наступает твой час, — говорю я себе. — Ну, идите же, гады, идите! Ближе! Ещё ближе!»

Да, они идут. Уже перешли траншеи пехоты... Но что это? В сплошном грохоте с бессильной яростью снова кричит Желтых:

— Не берёт! Дьявол им в глотку! Бей по гусеницам, по гусеницам огонь!

Не берёт. Я тоже чувствую это.

«Гах!» — подпрыгивает пушечка, стремительная искорка трассёра гибкой стрелой мелькает вдали, бьёт в башню танка и отскакивает в сторону. Не берёт! Немцы, видно, пустили на нас тяжёлые танки. Может, это их «тигры»?

Пехота наша рассеяна, вслед за танками идут немцы. Наши уходят. Недалеко от огневой, низко пригнувшись к земле, обессиленно бредёт сержант с потным красным лицом. Одной рукой он тащит пулемёт, другая, будто палка, свисает до самой земли. За ним, то и дело оглядываясь, бежит невысокий боец с патронными ящичками в руках. Кажется, это тот наш ночной знакомый с термосом.

— Стойте! — кричит им Желтых. — Стой, куда удираешь, сволочь! Расстреляю! Стой!

Сержант кричит что-то в ответ, но нам ничего не слышно, тогда он, присев, тычет рукой в сторону дороги. Желтых оглядывается, приседает от неожиданности и ругает уже неизвестно кого.

— Станины влево! — командует он.

Танки прорвались, обходят и быстро несутся вдоль дороги к деревне, в наш тыл...

Мы заносим станины в сторону. Попов обеими руками подкручивает маховики наводки. «Гах! Гах!» — гремят частые наши выстрелы, и коротко позванивают под ногами пустые гильзы. Хлопцы притихли, прижались к земле. Это плохо! «Держись! Как-нибудь держись, — заставляю я себя. — У тебя нет права бояться, трусить. У тебя один выход — драться!»

— Ага! — наконец злорадно вскрикивает Желтых. — Один есть! Огонь! Попов! Огонь!

Не выдержав, я выглядываю из-за щита, и мгновенная радость охватывает меня. Вот стоит он, уронив ствол орудия, в борту торчит откиннутая крышка люка. Рядом останавливается второй. Он чуть медлит, потом поворачивается в нашу сторону, и я понимаю — заметил! «Заметил, теперь достанется!» — мелькает в сознании, и сразу же перед огневой сверкает чёрная молния. Пыль и смрад накрывают огневую. Тотчас раздаётся встревоженный крик Попова:

— Кукуруз!.. Командир, кукуруз!..

Танк за кукурузной кучей, она мешает стрелять. Надо разбросать её, но тут снова удар... Тугая пробка забивает уши... Легкие задыхаются от тротиловой горечи и пыльного удушья.

— Так. Ничего, — глухо успокаивает кого-то командир.

Чувство реальности обострено. Внимание предельное. Мысль работает быстро и чётко. Я понимаю, что надо бежать навстречу танку, но неподвластная мне тяжесть свинцом наливает ноги. Ненавидя себя, я медленно приподнимаюсь из-за щита, а танк, крутнувшись на одной гусенице, сворачивает с дороги и вдруг на-

правляется сюда, покачивая перед собой длиннющим хоботом пушки. Сейчас она снова выстрелит... Сейчас! Сейчас! Во мне всё напрягается — переждать выстрел, затем... Но в это время сзади раздаётся команда!

— Лукьянов, убрать!

Лукьянов! Сразу спадает напряжение. Пойдёт Лукьянов. Конечно, командиру лучше видно, кого выбрать. Назад ему уже возврата не будет.

Вобрав голову в плечи, я жду. Лукьянов в расстёгнутой шинели встаёт из-за ящичков, почему-то оглядывается. В его глазах такая тоска, что кажется, струсит, откажется. Но он не отказывается, только несколько медлит, а потом влезает на бруствер и, пригнувшись, расслабленно бежит к куче. Там он хватает с земли охапку, затем вторую, разбрасывает кукурузу в стороны. Куча уменьшается, но танк — вот он, рядом!..

И тут — трах!

Пыль, песок бьют в глаза, в ушах звон, острая короткая боль...

Через мгновение я вскакиваю. Сквозь редкие клубы пыли, словно ослеплённый, почему-то медленно, наклонившись и спотыкаясь, бредёт Лукьянов. В десяти шагах от него горячо курится воронка...

— Огонь! — басовито ревет сзади Желтых, а во мне всё холодеет. Какая-то полуосознанная вина перед Лукьяновым заставляет меня вскочить на бруствер. Будто издали долетает строгий крик командира: «Стой! Назад!» — но я в три прыжка подбегаю к Лукьянову и хватаю его под мышки.

Задыхаясь, я волоку к огневой тяжёлое тело друга. Навстречу, пахнув в грудь горячей тугой волной, бьёт по танку Попов. В тот же момент где-то совсем чёрный, огненный блеск и — удар! Я падаю, больно ударившись плечом о землю. Не знаю, цел или ранен, вскакиваю и снова хватаю Лукьянова. Танк — вот он! Тяжеленная его громадина ползёт всё быстрее. Прогибается, дрожит земля, бешено мелькают траки, неудержимо надвигается на нас его широкая стальная грудь.

Разгребая сапогами песок, я переваливаю через бруствер Лукьянова и вместе с ним падаю под колёса пушки. Несколько пуль вдогонку хлётко щелкают в щит и рикошетом отлетают в стороны. В окопе строчит пулемёт — это Кривёнок бьёт по пехоте. Командир с Задорожным лежат меж станин. Возле прицела один Попов... Но почему смолк Желтых? Почему не командует, не двигается? Привалился плечом к станине и молчит. На коленях я бросаюсь к нему. Сзади гахает выстрел. Пушка, словно живая, вздрагивает, по спине больно бьёт гильза. Хватаю командира за плечо, он сползает со станины-наземь. Струя тёплой крови откуда-то из горла брызжет мне в лицо, фонтаном обдаёт спину Задорожного. Я припадаю к земле, нащупываю ижимаю под расстёгнутым воротником Желтых небольшую ранку. Но кровь всё равно прорывается и брызжет вокруг. Побледневшие веки Желтых непрерывно вздрагивают, взгляд тухнет, и зрачки закатываются. Он не узнаёт меня.

— Командир! — слышится рядом хриплый запоздавший голос Задорожного. — Хлопцы, командира убило...

Этот истощный выкрик потрясает и меня. Несколько секунд я лежу на земле, всем телом ощущая её непрерывную дрожь... Танка я не вижу, но чувствую: он в

нескольких шагах от нас. Я в оцепенении жду: сейчас всё будет кончено. И тогда, оторвавшись от прицела, оборачивается к нам Попов.

— Заряжай, Лёшка! Собака, заряжай!

Пушка молчит. В окопе трещит, захлёбывается пулемёт Кривёнка. Задорожный гребёт пальцами землю и жмётся под бруствер. В бешенстве от предчувствия неотвратимой гибели я толкаю Задорожного сапогом в бок, кричу:

— Заряжай, сволочь!

Он боком, как рак, медленно переползает к ящикам. Я, оторвавшись от командира, сам хватаю снаряд и окровавленными руками загоняю его в ствол. Из шеи Желтых снова вырывается тонкая струя, но тут же ослабевает и, когда я снова подползаю к командиру, пропадает совсем.

Остекленевшие глаза Желтых останавливаются...

Кажется, всё! Конец!

Я бросаюсь к снарядам — танк в пятидесяти шагах, не больше. Одной гусеницей он подминает под себя остатки кукурузной кучи и взмахивает в воздухе длиннющим стволом. Из-под его днища упруго бьют в землю струи дыма и пыли. Попов секунду медлит и вдруг снова вскакивает со станины. Грохает выстрел.

— В окоп... Быстро!

Сквозь пыль я успеваю заметить, как танк однобоко дёргается вперёд. Будто споткнувшись, с разгона клюёт стволом в землю и замирает. Впереди острыми зубцами торчит направляющее колесо; гусеницы на нём нет. Танк стоит к нам бортом.

Подбили!

Но орудие его вдруг оживает. Скрипнув, описывает полукруг башня, и огромный танковый ствол направляется в нас. Попов, не целясь, крутит маховички паводки, и наш накалённый, короткий ствол с самоотверженной готовностью спешит навстречу.

«Быстрее! Быстрее!!» — бьётся во мне отчаянный крик. Ползком я пробираюсь к ящикам. Головами мы сталкиваемся в пыли с Лёшкой. Стукнувшись, разлетаемся в стороны. К моим коленям падает его пилотка, в дрожащих его руках — снаряд. Сразу же лязгает клин.

— Иди! — вскрикивает Попов. — Убегай!

С завидной ловкостью через меня в окоп кувыркается Лёшка. Дульный тормоз танкового орудия, как-то судорожно дёргаясь, опускается ниже, ниже... Это последнее, что я успеваю заметить, и на коленях, вниз головой бросаюсь за Лёшкой.

Выстрел и взрыв гремят одновременно. Огромная глыба со стены нашего окопа обрушивается на мои плечи. Что-то колючим градом обдаёт затылок. Я, кажется, глухну на несколько секунд и мертваю, полузакопанный...

Вдруг всё умолкает. Становится неестественно тихо. Громовой грохот прекращается. Куда-то пропадают взрывы, лишь издали доносится гул танков и по-прежнему мелко дрожит земля. Я выгребаясь из земли и выскакиваю из обрушенного, разбитого окопа...

Ночной рейд

Рассказ

Бой начался неожиданно.

Разноцветные ленты трассирующих пуль пролетели вдали, на опушке леса, совсем не там, где выползали на поле головные машины, и Витька был удивлён этим; ему казалось, что стреляют не по ним, что где-то там, на той далёкой опушке леса, сидит одинокий пулемётчик и это он, просто со страха, бросил в ночь короткую ленту трассиров. Такое часто случалось, когда Витька водил свою группу на ночное задание и они лежали где-нибудь в удобном месте, выжидая и всё высматривая.

Сейчас времени на это не было. Какую-то минуту назад головной танк выполз из низины и за ним двинулись все остальные. Витька увидел в ночи, впереди себя, жёлто-белую ленту железнодорожного полотна и, всмотревшись, сказал командиру танка, что здесь всё тихо и спокойно, что на этом Глухом переезде фашисты никогда не устраивали засад. Обычно они делали эти засады у леса, где сейчас пронеслась лента трассирующих пуль, а здесь, на этом открытом месте, ходили только патрули — местность с высокой насыпи просматривалась далеко и отходить при возможном столкновении было неудобно. Только однажды Витька рискнул провести свою группу этой низиной, тогда был короткий бой, и группа потеряла двоих человек.

Но для танков это был очень удобный и, пожалуй, единственно возможный маршрут. Справа и слева были леса, сплошь заваленные беспорядочно спиленными деревьями, заминированные — там танкам ночью было рискованно идти. Витька предложил командиру полка именно этот маршрут, и командир одобрил его, и вот уже они два часа шли на предельной скорости, прошли заболоченные участки, вышли на прямую дорогу к Глухому переезду, за которым находилось прямое, как стрела, шоссе, ведущее к мосту через реку. У моста, по обе стороны реки, раскинулся небольшой городок. До него по шоссе — три десятка километров. А если через Глухой переезд пойти напрямик — и семи не наберётся. Но надо знать все повороты узкой извилистой дороги, старой, на которой сожжены все мосточки.

Витька знал эту дорогу как свои пять пальцев. Десятки раз он ходил со своей группой по этой дороге, ночью, в непогодь — не заплутал ни разу. Старый Конаш показал ему эту дорогу, и она верно служила партизанам. Она должна послужить теперь и танкистам гвардейского полка, с которым вчера вечером встретился партизанский отряд. Командир полка, рослый, широкий в плечах полковник, с гвардейским значком на гимнастёрке, недоверчиво смотрел на Витьку, когда командир отряда отрекомендовал его как опытного разведчика и знатока тайных троп.

— Мы должны быть к полудню, никак не позже, у моста, — сказал командир полка и постучал обкуренным до желтизны ногтем по карте. — Можно успеть?

— Можем и к утру, — сказал Витька, — если по Конашевой дороге махнуть. По шоссе дальше.

— Это что за дорога?

— Да так... Зовётся так...

Витька хотел было рассказать полковнику много и подробно об этой дороге, рассказать о старом Конаше, старике с чистой душой, упрямом и твёрдом в любом своём решении, как камень, но, встретив снисходительно-вежливый взгляд командира танкового полка, передумал. Что он расскажет им о Конаше? О том, как той осенней ночью Конаш вывел группу точно к мосту, не отклонившись ни на один метр? Или о том бое у реки, когда старик сознательно пошёл на смерть, спасая жизнь ему, Витьке, и комиссару? Нет, об этом в двух словах не расскажешь, об этом надо говорить долго и подробно... А этот торопит. Да оно и правильно: фронт наступает, тут каждая минута на счету.

— К утру успеем, — твёрдо сказал Витька. — Солнце взойдёт — на мосту будем.

— Да ты посмотри на карту. Вот здесь город-то!

— Вижу. Потому и говорю. Солнце над лесом ещё не поднимется — на мосту будем!..

Полковник чему-то улыбнулся, спрятал карту в планшетку и, забросив её решительным движением за спину, протянул руку, словно только что встретился с Витькой.

— Полковник Рябов. Однофамильцы, значит. Ты, смотрю я, парень ершист. Может, в полк хочешь? Возьму! Я ершистых люблю!

— Мне приказано вернуться от моста. Провести колонну и возвратиться.

— Приказ, значит?

— Да, товарищ полковник. Приказ командира отряда.

— Дисциплина у вас. Армейская дисциплина. — И вдруг, словно Витьки уже не было возле него, повернулся, зычно крикнул: — Сержант Гарбук! С проводником — на мою машину!

Сержант, как и все автоматчики на танках, был в жёлто-зелёном, с большими коричневыми пятнами, маскхалате, запylённых кирзовых сапогах и выжженной солнцем пилотке. А звёздочка на пилотке была новая, красная эмаль на ней ярко блестела. И новенькими были автоматные рожки, заткнутые за голенища — по два за каждым голенищем. Это сразу бросилось Витьке в глаза, и он подумал о Гарбуке: «Запасливый парень...».

— Махнём, а? — по-дружески предложил Витька Гарбуку, когда колонна двинулась и они сидели за башней танка на тёплой броне.

— Чего?

— Да рожки. Хочешь диск за два рожка?

— Чего? — снова нелюдимо переспросил Гарбук, отчётливо и протяжно выговаривая вместо «г» букву «в».

И это «в», и нелюдимый взгляд серых глаз, и резко поднятая правая бровь, от чего лицо Гарбука стало упрямо-насмешливым, словно провели какую-то неви-

димую грань между Витькой и Гарбуком. Гарбук был молод, быть может, даже и не старше Витьки, но маскхалат, пилотка и узкие прямоугольники погон под маскхалатом делали его намного старше, да и сам он этой своей нелюдимостью подчёркивал эту грань, словно давая понять, что он, Гарбук, сержант, а он, Витька, всего лишь партизанский проводник, и ему, Витьке, не следует забывать это.

— А ты на сосну-то лезешь чего? — спросил Витька. — Не хочешь? Так и скажи по-человечески.

Гарбук внимательно посмотрел на Витьку, потом лицо его как-то очень быстро и резко изменилось, в серых глазах зажёгся лукавый смех и брови — обе одновременно — поднялись; он засмеялся, потом резким движением руки выхватил рожок из-за голенища и протянул Витьке жестом великодушным и подчёркнуто-торжественным:

— Владей! У вас, партизан, я смотрю — порядок! Как в танковых войсках!

Диск у Витьки Гарбук не взял, и это ещё больше расположило Витьку, и он заметил, что Гарбук, по-видимому, парень свойский, а потом рассказывал о днях партизанских. Рассказ этот был из коротких фраз, густо пересыпанных междометиями, но выразителен — как это казалось Витьке — и понятен.

Колонна двинулась на закате солнца. Небо над лесом ещё багрово рдело, а Витька уже полностью подружился с Гарбуком. Ему казалось, что он, Витька, давным-давно воюет с этим весёлым и общительным парнем, что давным-давно служат оба в танковом десанте и есть у них очень много общего, много разного, но это, разное, только ещё больше роднит их, делает слова понятными, находит добрый отзвук в сердцах.

Дорога была ровная, танки шли на большой скорости, и за толстыми брёвнами, идущими от башни к задним тракам, было покойно и уютно. Всё было хорошо до той самой минуты, когда впереди засветилась жёлто-белая лента железнодорожного полотна и от дальней опушки ударила длинная пулемётная очередь, расчертившая ночь разноцветными трассирами. Витька не испугался, хоть и была неожиданной эта длинная очередь, он просто удивился — откуда же тут фашисты? — и вдруг с ужасом вспомнил весь разговор с командиром полка и понял, что, быть может, это и есть та маленькая случайность, которую он не предвидел, когда давал обещание Рябову вывести полк к восходу солнца на мост.

— Что там такое? — резко спросил Рябов, выглянув из открытого люка башни.

— Фрицы, товарищ полковник, — быстро опередив Витьку, ответил Гарбук. — Фрицы палят!

— Там что, станция? Проводник!

Голос командира полка был резок, недоверчиво строг. Витька понимал, что от него ждут ответа, знал, что надо ответить, ответить не мешкая, чётко, по-военному, и молчал; с удивительной ясностью он понимал, что именно он и никто иной может дать ответ на вопрос командира полка, ответить правильно, ответить так, чтобы успокоить всех, развеять сомнения, именно этот его ответ может многое решить в судьбе людей и машин, идущих за головным танком. Но этого ответа у него не было, он всё ещё не мог уяснить для самого себя, как же это

получилось, что там, на Глухом переезде, где они только вчера вечером прошли спокойно, где не было никаких укреплений, появился вдруг пулемёт.

Да и не один!

Вот ещё лента трассиров! И ещё правее!..

— Да вдарить туда, товарищ полковник! — быстрым говорком предложил Гарбук. — Пару снарядов и — тишина.

— Стрелять нельзя, — быстро проговорил Витька и торопливо, боясь, что Гарбук не даст ему договорить, добавил: — Станция каких-то километров пять. Услышат — бронепоезд подкатят. Надо просто ехать, и всё. А если там фрицы — из автоматов рубанём. Это тише.

— Так это что? Не станция? Проводник! — всё тем же резким голосом спросил Рябов.

— Это — Глухой. Нам туда и надо, — ответил Витька, понимая, что между ним и командиром полка снова вырастает полоса отчуждения. Да и как же иначе! Опытный разведчик. Всё знал, а машины завёл куда? Это ещё хорошо, если там только пулемёты. А если там какой-нибудь истребительный полк уже оборону занял? Где гарантия, что нет там, на Глухом переезде, этой обороны?..

Сердцем опытного партизанского разведчика и подрывника Витька чувствовал, что, пожалуй, никакого истребительного полка там нет. Не могли они развернуться там за один день. Да и местность там явно не для танков. Вот правее станции, там, на тех высотах у дороги, ведущей на шоссе, давно уже стояли зарытые в землю зенитки, оборона глубоко эшелонирована. Они там ждут танки. Пусть и ждут. А танки пройдут здесь, где их никто не ожидал, где и пройти-то не каждый сможет. А вот они прошли!

И пройдут дальше, и выйдут к переправе точно на восходе солнца, и никто их не остановит. А переезд они должны проскочить, дальше лес, там их никто не остановит, там знакомые, как свои пять пальцев, дороги. И стрелять из пушек не надо, надо проскочить молниеносно и молниеносно уйти в ночь, и на рассвете появиться там, где враг не ждёт. Витька только теперь начинал понимать огромный замысел этого танкового рейда — окажется отрезанной вся та эшелонированная оборона у станции Фариново, и оборона дальше, на берегу Двины, и весь большой железнодорожный узел, и десятки составов застынут на путях, если они, эти грозные машины полка, сумеют выйти к мосту на рассвете.

Рябов исчез в люке башни, и Гарбук сказал, толкнув Витьку в плечо:

— Ты только держись. За брёвна хоронись, когда начнётся всё. И левая сторона твоя. Смотри, если кто гранату под гусеницу подсадит. Понял?

— Понял.

— Молодец, парень. Понятливый, — пошутил Гарбук. — Я сразу заметил: ты пришёл — порядок в танковых частях!

— Да будет. Смотри, опять!

Длинные ленты трассиров снова прочертили ночь; теперь они были уже ближе, но снова уходили в сторону. Танки шли на большой скорости. Впереди вырисовывались широкие кроны старых вязов по обе стороны дороги. Внезапно оттуда, из-под вязов, взлетела в небо красная ракета, осветив всё вокруг. В дрожащем

неживом свете возникли очертания каких-то машин, повозок, потом прозвучала короткая немецкая команда, и огненный ливень полоснул навстречу, словно кто-то горстями сыпал в ночь красные и синие зёрна.

Ракеты взлетали теперь пачками, то слева, то справа, и было совсем светло, но свет этот был дрожащ и неровен, фигуры фашистских солдат казались в нём огромными, удивительно юркими и стремительными, вспышки выстрелов, как огромные яркие бабочки, возникали и гасли, и броня танков звенела от густого града пуль. Шипящей полосой прочеркнул ночь у самого ствола пушки фауст-патрон, ударил в ствол вяза, и ночь словно разрубили багрово-красным полотном. Дерево рухнуло, но рухнуло немного наискось, широкой кроной закрыв дорогу, и Витька, заметив, откуда взлетел фауст-патрон, ударил по этому месту тремя длинными очередями, ударил, не целясь, почти наверняка зная, что пули его не прошли мимо. Пламя взрыва на какое-то мгновение ослепило его, но потом темнота, разорванная искристым светом ракет, стала прозрачная, он видел отчётливо, как падали, словно подрубленные, неестественно изгибаясь, фигуры фашистских солдат, но не слышал теперь ни звуков выстрелов, ни гула моторов, а только чувствовал по дрожанию брони, что танк живёт и движется стремительно вперёд. Потом танк накренился, дёрнулся, Витьку бросило по инерции к башне, отшвырнуло к бревну, и он успел ухватиться за него рукою; что-то затрещало внизу, под гусеницами, заскрежетало, визгливый звук, словно разрывали жёсть, возник и исчез, и Витьку снова швырнуло к башне, и он головой ткнулся в плечо Гарбука.

— Ты чего? Ранило? — крикнул Гарбук, и его голос показался Витьке очень слабым и тихим. — Лево! Лево смотри!

Наперерез танку, слева от дороги, бежала группа фашистов, другая суетилась у какого-то странного предмета, совсем не похожего на пушку. Длинной очередью Витька ударил по первой группе, потом по второй и хотел ударить по первой снова, но в этот миг ракеты погасли, и он, уже не в силах остановить движение своего пальца, нажимавшего спуск, провёл очередью новую линию во тьме ночи, почувствовал под рукой не упругое дрожание приклада автомата, а неподвижную тяжесть — диск был пуст. Он быстро поставил новый, но стрелять уже не стал, всматриваясь и словно ожидая чего-то. Потом он поднялся и тут же осел от острой боли в груди. Ему показалось, что кто-то большой и сильный толкнул его в правый бок, но хорошо почувствовал, что боль возникла совсем в другом месте, в груди, слева, и он удивлённо прислушивался, ожидая, что удар повторится и повторится острая, короткая боль, которая теперь словно заползала в середину груди.

«Видимо, пуля...»

Он удивился не этой мысли, а тому, что, возможно, ошибся и только пугает себя, и, прижав руку к груди, вдруг ощутил под ладонью мокрую липкую ткань рубахи. Теперь он уже точно знал, что пуля не миновала его, что он ранен и, видимо, сильно, но не хотел говорить об этом Гарбуку. Витька понял, что уже никто не сможет ему помочь, что, видимо, это и есть та самая пуля, которая стерегла его все три партизанских года, что совсем недавно, там, на бугре, когда машины выходили из густого орешника и он увидел ленту трассирующих пуль, и предчувствовал,

что скоро с ним что-то произойдёт, и вот теперь это произошло. Он знал, что ему надо сделать что-то очень важное, но не решался сказать об этом вслух.

— Где дорога? Проводник!

Витька услышал голос Рябова и увидел, как командир полка, перегнувшись из люка башни, склонился над ним и молча ожидал ответа. И как тогда, увидев ленты трассиров, Витька медлил с ответом и теперь. Он знал дорогу, он понимал, что она здесь, под гусеницами танка, эта дорога, но он не видел её и признаться в этом боялся. Он чувствовал, что скажи он, что дорога затерялась, что они повернули не туда, и произойдёт страшное, произойдёт непоправимое, и в этом, непоправимом, будет виноват он, Витька; и пугало его не это, а то обстоятельство, что он не мог приподняться, глянуть вперёд, чтобы убедиться в правильности пути.

«...Но ведь это надо сделать!»

Мысль, предшествовавшая этой, ускользала, и он не останавливал своё внимание на ней, а с удивлением заметил, что словно споткнулся именно на этих словах, двух последних словах. Пришло какое-то непонятное облегчение, и боли в груди уже не стало, она расплылась, словно размытая тёплой водой, и он приподнялся и, держась за узкий поручень с левой стороны башни, всматривался вперёд.

— Прямо! Прямо всё! Мы правильно идём!

— Ты что, ранен?

— Мотнуло его маленько, товарищ полковник, — подсказал Гарбук. — Но парень привычный. Танкист! Прирождённый десантник!

— Ты что, ранен? — повторил свой вопрос Рябов.

— Зашибло слегка. О броню... А дорога верная... Я поближе подберусь, чтоб видеть.

— Смотри, под гусеницы не угоди!

— Да что вы... Я — природённый десантник!

Витька увидел впереди старую искривлённую берёзу, знакомую до каждой ветки, берёзу, под которой не раз и не два отдыхала его группа после маршей по болотистой равнине, и здесь, под этой берёзой, подрывники часто курили, и здесь, под этой берёзой, старик Конаш перевязывал Витьке раненую руку... Это было в сорок втором. А в сорок третьем Витька рыдал под этой берёзой, оплакивая смерть Конаша и своё глупое бахвальство, за которое заплатил жизнью этот мудрый и удивительный старик, а рядом сидел, сгорбившись, комиссар, и тогда была такая же предутренняя мгла над берёзой, и в той серой мгле лицо комиссара неестественно застыло, словно вырубленное из гранита. Лицо Рябова было чем-то сейчас похоже на лицо комиссара, и эта схожесть, странная, непонятная схожесть, удивила и потрясла Витьку, и он понял, что испытание, которое суждено ему перенести в эту ночь, именно и есть то главное, ради чего и стоило жить, и что его личная жизнь, жизнь Витьки Рябова, очень мало значит в сравнении с той целью, к которой стремится сейчас танковый полк, прорвавшийся вчера в тыл врага. Он знал, что было какое-то время после боя, ускользнувшее от него; быть может, это было мгновение забытья, а может быть, это только казалось ему, но он знал, что это мгновение уже ничего не может изменить в его жизни и в том решении, которое он принял.

— Здесь уже близко, товарищ полковник, — сказал Витька по возможности бодрым и весёлым голосом. И то, что он сумел это сказать, ещё больше подбодрило его, и он повторил уже со смешком, чтобы развеять хмурь на лице Рябова: — Я же говорил: солнце не встанет над лесом — мы на мосту будем!

— Уже светает. Видишь?

— Да тут осталось-то идти сколько!

— А это куда поворот?

— Не, не! Нам прямо! Прямо-оханько теперь!

Танк грузно качнулся на рытвине, потом хрустнула ель, располованная гусеницами, и ветви хлестнули по башне. Рябов уже не показывался в люке, но Витька пододвинулся вперёд, к концу бревна, прикрученного проволокой к нижним поручням, и лицо оказалось чуть ниже люка. Но здесь было тряско, башня всё время ускользала от него, словно кто-то нарочно отодвигал её в сторону. Витька хотел уцепиться за поручень покрепче, но рука соскользнула, провалилась в узкую щель поручня по самый локоть, и он словно повис в воздухе. Но теперь плечо было плотно прижато к башне, и она уже не ускользала от него, а поддерживала, и он, довольный, что не надо тратить усилий, чтобы удержать себя на броне и не свалиться, хотел засмеяться, но танк снова качнуло, башня накренилась, и тело Витьки дёрнулось к земле, тупая боль пронзила его всего.

Дорога часто поворачивала то вправо, то влево, то вдруг совсем исчезала, и казалось, что впереди нет никакого просвета, и Рябов всё чаще и чаще выглядывал из люка башни, но ничего не спрашивал, и Витька знал, что должен говорить, указывая дорогу, и он говорил, стараясь придать своему голосу бодрость и не стонать от боли. В лесу было темно, и дорога внезапно совсем утонула в тумане, приплывшем из болотца, тянувшегося по обе стороны, и белая, похожая на туман, полоса проглянула вверх, над макушками елей, и Витька, увидев её, догадался, что это уже рассвет, что Рябова, видимо, волнует не только дорога, а именно эта блёклая полоса над вершинами деревьев.

— Правильно, правильно идём, товарищ полковник! — сказал Витька и снова почувствовал, как волной накатила боль, сжал зубы, потом, пересилив и себя и боль, добавил: — Лес скоро кончится. Потом олешик пойдёт. Мы олешиком почти к мосту и подойдём.

— Парню-то надо героя, товарищ полковник, — сказал весело Гарбук, и Витька удивлённо отметил про себя, что почему-то голос Гарбука стал как-то странно непохож на прежний, словно пришёл и заговорил совсем другой человек. — Фрицев-то мы намолотили славно. Они только что на том полустанке разгрузились, не окопались даже.

— Наблюдение! Наблюдение вести надо, товарищ Гарбук!

— Есть вести наблюдение, товарищ полковник!

Рябов снова исчез в люке башни, и Витька, понимая, что командир полка уже не смотрит на него, тихо застонал и тут же подавил стон, прикусив губу. Он хотел повернуться, посмотреть на Гарбука, сказать ему что-нибудь, но не мог этого сделать: малейшее движение причиняло боль, и сразу туманилось в голове, и перед глазамиплыли неровные, светло-оранжевые круги: они то сжимались,

вытягивались, потом расплывались, и Витьке казалось, что по обе стороны машины медленно качается гибкая оранжевая волна. Потом как-то внезапно круги исчезли вовсе, всё вокруг странно прояснилось, даже уплыла куда-то боль, и Витька с отчётливостью, которая почему-то сразу насторожила его, увидел, как в кино, события последних суток: и разговор с командиром отряда, и встречу с танкистами, которые прорвались в тыл, и своё обещание Рябову вывести танки точно к мосту до восхода солнца, и неожиданный бой на Глухом переезде, и странные, похожие в дрожащем свете ракет на сказочные чудовища, машины, и тупой удар в правый бок.

Лес кончился внезапно. Витька даже не мог понять, когда это произошло, он только вдруг заметил, что дорога стала шире, что высокие ели уже отодвинулись, а вместе с ними отодвинулся и туман, и небо над тёмно-серой стеной кустарника густо и чисто засинело. Перед глазами Витьки снова поплыла оранжевая волна, и всё вокруг, казалось ему, качается, дрожит; то отодвигаясь, то приближаясь, почти вплотную плыла перед глазами затравелая дорога. Потом совсем исчезла, закрытая ветвями, и танк шёл, сминая и отбрасывая орешник. Листва мягко шелестела по дрожащей броне, и гусеницы рвали, как нитки, толстые ветки. Как сквозь туман, Витька видел склонённое над ним лицо Гарбука и слышал его хриплый, недовольный и в то же время ласковый голос:

— Эх ты, парень! А я-то думаю, трянуло малость... А она вон как тебя хватанула. Ты держись, держись, а я перевяжу. — Гарбук уже бинтовал рану Витьки и успокаивал его всё тем же хриплым и недовольно-ласковым голосом: — И чего бы раньше сказать. Так молчал же, голова садовая! Ну, ничего, ничего! Там, за нами вслед, к полудню мотопехота подкатит, санбаты подойдут... Тебя заштопают, отремонтируют — сто семь лет проживёшь...

— Ты только ему не говори. А то снимет он меня с танка.

— Да не снимет. Ты только крепись!..

— Пустяки. Уже и не болит вовсе. Только не говори.

— Да ничего он и знать не будет!.. Потом скажем, мужик мировецкий! Мы с ним от самой Вязьмы!

Перевязав рану, Гарбук похлопал Витьку по плечу и с удивлением и восторгом тихо присвистнул:

— Фью-ююю... Да это же мост.

Витька почувствовал облегчение. Рана под бинтами уже не болела, а сухо и тихо жгла, и в теле была какая-то лёгкость, и голова казалась невесомой, и каким-то странно толстым стал язык. Он увидел тёмно-жёлтую насыпь за низкой лентой орешника, белое кольцо реки и черные пролёты моста, которые, казалось, висели в воздухе — снизу от реки поднимался туман. И ещё он увидел, оглянувшись, танки, выползавшие из орешника, большие, тёмные, похожие на те сказочно странные машины, которые он видел ночью в дрожащем свете ракет у Глухого переезда, и вдруг радость, удивительная, огромная, пожалуй доселе никогда не испытанная им, нахлынула на Витьку, и он понял, что победил, победил свою рану, победил свою слабость, победил все испытания, выпавшие на его долю.

На мгновение из люка выглянул Рябов, бросил коротко, жёстким тоном приказа:

— Гарбук! При подходе — сразу же к минам. Обезвредить! И — связь. Всё подчистую. — И вдруг улыбнулся, тепло, совсем необычно, и эта улыбка как-то мгновенно преобразила лицо Рябова, сделала его мягким, добрым и доверчивым. — А ты и вправду — герой, парень. С нами пойдёшь на Берлин!

Впереди уже не было затравелой дороги, она растворилась на широком склоне. Танки мчались по этому склону стремительно, рассыпаясь веером, концы которого нацелены были на чёрные горбатые пролёты моста. Сзади, над низкой лентой орешника и чёрной полосой леса, который стеной стоял за ним, ясно и чисто розовело небо. Солнце было ещё где-то там, за той чёрной стеной леса, но здесь, на склоне, было уже довольно светло, свет утренней зари падал на мокрую броню танков, как бы только что выкрашенных маслянистой краской.

Слева у моста вспыхнуло три ярких огня, и тут же воздух пробуравил визгливый вой снарядов, и мгновение спустя багрово-алое пламя взрывов разрубило зелёный склон, и почти беззвучно неслись навстречу блеклые ленты трассирующих пуль, и ярко-алое пламя из танковых пушек заслоняло их, словно размётывало, гнуло к земле. Танк внезапно содрогнулся, броня зазвенела, и в уши ударил сухой и тёплый воздух, и Витька понял, что это ударила их пушка, и уже видел слева и справа чёрные, похожие на толстые гусеницы, траншеи вражеских окопов, и видел чёрные каски, суетливо мелькавшие в синей утренней мгле. Танк вновь содрогнулся, но звука выстрела Витька не слышал, только почувствовал боль, когда башня тупо толкнула его в плечо, увидел красно-белые искры у своих ног и догадался, что это плющатся о броню пули. Он даже не думал о том, что это пляшет у его ног смерть, и не боялся её, и знал, что она уже близка и не минет его, и знал, что она уже не властна над ним, не властна над Рябовым, над Гарбуком, не властна и ничего не сможет поделать с ними, что уже никакая сила не сможет остановить стремительный бег танковой лавины. И сознание того, что это он, Витька, привёл её сюда, что именно он победил свою рану, не остановился там, в лесу, после ранения и этим сберёг полчаса — каких-то полчаса всего лишь! — но таких драгоценных, обеспечивших им, танкам, скрытность и внезапность удара, и слова Рябова, сказанные ему недавно, слова признания и благодарности, и недавний недовольно-ласковый говорок Гарбука — всё это внезапно так возвысило Витьку в своих собственных глазах, что он закричал от радости и, закричав, почувствовал страшную боль, с которой уже не мог совладеть, уже не хотел успокаивать её, а кричал всё те же непонятные слова, не задумываясь над их смыслом и значением, кричал от радости и боли и, упираясь, чтобы не слететь с брони, ногой в бревно, не целясь, бил длинными очередями по толстым чёрным провалам траншей.

СОВРЕМЕННЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПОЭТЫ О ВООРУЖЁННЫХ СИЛАХ

Михаил Поздняков

Святое

Пусть бегут, пролетают года,
Увлекая в просторы иные,
Только будут везде и всегда
Возвышать нас понятия святые.

День Победы! Отчизна! Народ! —
С этим мы родились и шагаем,
С этим каждый весною идёт
На свидание с праздничным маем.

Май шагает, отвесив поклон
Ветеранам — их мало осталось,
Помня шелест победных знамён,
Помня схваток смертельных усталость.

Каждый третий в пожаре войны
Вечной болью застыл, вечным стоном.
И живём мы, не зная цены
Синим рекам и соснам зелёным...

Хорошо и свободно живём
Среди этой красы величавой,
Каждым сном дорожа, каждым днём
И отцовской немеркнувшей славой...

В Севастополе

Вечер синькой густою
Окрасил причалы.
Зёрна выспевших звёзд
В синеве проросли.
Грустной чайкой вдали
Тишина прокричала.

Море в волнах несёт
Свет живой до земли.

Он всё шире встаёт,
Тишины не нарушив,
И привидится вдруг,
Будто это со дна
Моряков здесь погибших
Просветлённые души
Возвращает живым
На мгновенье война.

Буду молча бродить,
Красотой наслаждаться,
И влюблённых встречать,
И встречать корабли...
И от счастья неметь,
И в поклоне низжайшем склоняться
До святой,
Героической,
Кровью политой земли.

3 июля

Разливается солнечный свет
Миллионами радостных струй.
Шлю тебе свой сердечный привет,
Наш ликующий, светлый июль.

Беларусь благодарна тебе,
Что победным тем солнечным днём
Стал спасительным в нашей судьбе
И счастливым овеял теплом.

Вместе с солнцем с востока принёс
Избавленье от дикой чумы,
Мир, желанный народу до слёз,
Подарил после адовой тьмы.

Я любимой страной горжусь,
Как и надобно всем сыновьям.
Расцветай и живи, Беларусь,
Я в обиду тебя не отдам.

* * *

От Лахвы до Днепра — и луга, и леса
Полонила живая, родная краса.
На полях и на поймах Лахвы и Днепра
Заживила земля наша тысячи ран.

На курганах святых под полыни рядом
Спят солдаты Отчизны расстрелянным сном,
И, как память о славных героях войны,
Сторожат обелиски их страшные сны.

А в заросших траншеях, под спудом лесов,
Каски ржавые тех, кто громил Могилёв,
И осколки от бомб, от снарядов и мин
Ненавистных фашистов с немецких равнин.

Траки «тигров», подбитых в тяжёлых боях
Возле Буйнич, где враг испытал дикий страх.
Их отцы жгли отважные наши,
Слава вечная храбрости воинов павших!

Над Лахвой и Днепром — ветры новой поры.
И купаются в них, отражаясь, боры.
И ласкает наш взор щедрость нив молодых
На былых рубежах, на окопах былых.

Только память живёт, мы не можем забыть
Тех, кто пал здесь в боях, чтобы нам с тобой жить,
Кто в наследие нам дорогою ценой
Отстоял мирный день над землёю родной.

От Лахвы до Днепра мир встаёт молодой,
На траншеях былых — рожь высокой стеной.
И до братских могил, как у нас испокон,
Люди молча идут на сердечный поклон.

Беларусь и Россия

Есть названия извечно святые,
В каждой буковке — искры любви...
Две сестры — Беларусь и Россия,
Две сестры по судьбе и крови.

Обе искренни и синеглазы,
Над обеими — лёт журавлей,
Отражаются ивы и вязы
В чистых водах, что неба синей.

В душах — вольницы вечной стихия,
И от пращуров в них — непокой.
Две сестры — Беларусь и Россия,
Не отделишь одну от другой.

Наступали години лихие...
У пучины на самом краю
Две сестры — Беларусь и Россия
Шли на битву в едином строю.

Мир иной... Но кого ни спроси я,
Эти чувства всё так же остры.
Две страны — Беларусь и Россия,
Две руки...
Две любви...
Две сестры...

В День Победы

Я был опять сегодня на войне,
на той, далёкой, — в сорок пятом...
Она из прошлого пришла ко мне
в шинели фронтовой солдата.

В руинах, в пепле вижу города,
а в сёлах — трубы-обелиски.
Бурьян в полях посеяла беда,
по свету разбросала близких.

Я помню те стальные рубежи,
когда у стен Берлина были.
Степенные солдатские мужи
от пуль меня собой закрыли.

Мы делали работу на войне
сверхтяжкую не за награды.
Ведь день и ночь все годы наравне
и жизнь, и смерть ходили рядом.

На площади Победы не во сне
стою, волнением объятый...
Я был опять сегодня на войне,
на той, далёкой, — в сорок пятом...

Было ль страшно на войне?

В минском клубе в майский вечер
В стоголосой тишине
Прозвучал вопрос на встрече:
«Было ль страшно на войне?».

Бросил реплику курсант,
Ждали все — вопрос избитый,
Что же скажет ветеран?
Отвечал солдат открыто:

«Лгать не позволяет совесть.
Было страшно, не таю,

Страх и долг в душе боролись —
Долг опорой стал в бою.

Было страшно в поле чистом
Оторваться от земли.
Подымались коммунисты,
Впереди в атаку шли.

Сила духа — твёрже стали.
В Курской битве, в Понырях,
Сталь горела — мы стояли.
Месть из сердца выжгла страх».

О своих болящих ранах
Умолчал седой солдат.
Под бронёй его наград
Трепыхалось сердце в шрамах.

Фронтовая жизнь в окопах...
Сколько яростных атак!
Прошагал он пол-Европы,
Был Берлин... И был Рейхстаг...

Вспомнил, как в Берлине хмуром
На клочке живой земли
В день победы ярко, буйно
В скверах яблони цвели.

Дорогами войны

Иду тропой воспоминаний.
Дорогами войны.
Переступаю века грани
В архивы старины.

Год сорок первый. Стужа.
Деревья в серебре.
Шальные вихри кружат
На подступах к Москве.

На снег ложатся взрывы,
На белые поля.
Лохматой чёрной гривой
Вздывается земля...

Остановилось время.
Застыло на века.
Картины впечатлений
Плывут издалека.

Иду тропой воспоминаний,
Дорогами войны.
Встаёт, как в утреннем тумане,
Лицо чужой страны.

Иные здесь уклад и нравы,
Уже сошла на нет
Дурманящая слава
Одержанных побед.

Среди довольства — страх расплаты
Застыл в глазах одних,
Коричневые пятна
Не смыты у других.

Ликует май неповторимый —
Закончилась война!
На улицах Берлина
Грохочет тишина.

Анатолий Аврутин

* * *

Один убит... Другой, ещё проворен,
Фуражку сняв, проходит меж могил.
Быть может, он от пули заговорен
Иль чаще долу голову клонил?

А может быть, на рамочку прицела,
Когда напротив сердца был прицел,
Букашка неразумная присела
И на мгновенье выстрел не успел...

* * *

Привыкнуть засыпать среди войны,
Не слыша миномётного обстрела,
Швырнув своё измученное тело
На скатку у подорванной стены.

И пусть округа грохотом полна —
Так сладко спать,
Когда война не снится...
И оттого мгновенно подхватиться,
Что тишина настала, тишина...

* * *

Погоди, не умирай, слышишь, дядя Гриша?!
Ведь весна своих гонцов шлёт во все концы,
И разбужено сопят голуби на крыше,
И звенит, звенит капель, словно бубенцы.

Ты во дворик выходил чуть сутуловато,
По свистульке вырезал шустрой ребятне.
Мы с тобой почти родня —

как же без тебя-то? —

Ты ведь был с моим отцом на одной войне.

* * *

В годы войны на территории Белоруссии фашисты создали 14 лагерей, в которых полностью забирали кровь у детей, переливая её своим раненым. Тела детишек сжигали.

— Я з Крыніц... Жыва пакуль...

Зваць Алеся.

— З Докшыц я... А ты адкуль?

— Я з Палесся...

Кровь возьмут до капли, всю,

Без разбору.

Было б восемь Михасю,

Шесть — Рыгору.

А Алесе скоро семь...

Время мчится.

Было б лучше им совсем

Не родиться.

Горе-горюшко родне...

Крови алость,

Что немецкой солдатне

Доставалась.

В госпитальной чистоте

Бывшей школы

Перелили в вены те

Кровь Миколы.

Заживляла след от пуль

Кровь Алеси, что шептала:

— Ты адкуль?

Я — з Палесся...

И фашист, набравшись сил,

Встав с кровати,

Нет, не «мутер» говорил,

Плакал: «Маці...»

И не мог никак понять,

Хромоножка,

Почему назвать кровать

Тянет «ложкам»?

Ведь не знал он этих слов...

Как, откуда

У немецких докторов

Вышло чудо?

Не понять ему — бандит —

В мракобесье:

Кровь Миколы говорит,

Кровь Алеси...

Александр Гура, генерал-майор

Защитники страны

Песня

Об армии народ слагает песни,
Её взрастил и верит ей сполна.
Надёжней школы мужества и чести
Не знает синеокая страна.
Ты, армия, крепка своим народом
В боях, в труде и на учебном поле,
В его борьбе за право быть свободным,
Решать судьбу без посторонней воли.

Припев:

Всегда стоим в строю едином, нерушимом,
Прославленной истории сыны,
За Беларусь свою, за честь своей Радзімы,
За мир и процветание страны.

Защитником Отечества зовётся
И стар и млад, учитель и солдат,
Герой полей, рабочий и учёный,
И тот, кто отстоять Отчизну рад.
Нас армия уверенно научит,
Как надо землю защищать,
Чтоб не мешал никто, и даже случай,
Нам сеять хлеб и малышей рожать.

Припев.

Мы вправе своей армией гордиться,
И эстафету мужества несут
Мальчишки, — посмотрите на их лица,
Они, как прадеды, Отечество спасут
От бед, несчастья, злой чужацкой воли.
Сидят за партой, гордости полны,
С тетрадкой, букварём в любимой школе —
Растущие защитники страны.

Припев.

Баллада об офицерах

Я твой сын, синеокая Родина,
Я по праву тобою горжусь!
Берегу тебя, светлая Родина,
Наша добрая Белая Русь.
Нас растила Отчества слава,
Как весенний берёзки побег.
Поколениям сила досталась,
Дух народа и радость побед.

Белой Руси офицеры,
Славы и долга сыны,
Щит и опора Отчизны,
Нашей любимой страны.
Мы ведь с тобой офицеры!
В душах сияет всегда
Символом чести и веры
Каждая наша звезда.

Брест и Минск, вы — побед кавалеры,
Часто снятся вам прошлого сны, —
Здесь стояли на смерть офицеры,
Опалённые вихрем войны.
Кто под танки бросался в атаку
В том буйничском кровавом бою...
Гордо школьную в клетку тетрадку
Кубарями я вышил свою.

Белой Руси офицеры,
Славы и долга сыны,
Щит и опора Отчизны,
Нашей любимой страны.
Мы ведь с тобой офицеры!
В душах сияет всегда
Символом чести и веры
Каждая наша звезда.

Мы Днепра, Сожа, Немана дети,
Оставаясь присяге верны,
Дружбой крепкой спаялись навеки
В час афганской нелёгкой войны.
Это там, за хребтом Гиндукуша,
Защищали страны мы покой,
И сейчас честно Родине служит

Тот из нас, кто остался живой.
Белой Руси офицеры,
Славы и долга сыны,
Щит и опора Отчизны,
Нашей любимой страны.
Мы ведь с тобой офицеры!
В душах сияет всегда
Символом чести и веры
Каждая наша звезда.

Это отблеск души офицера,
В ней — Отечество, совесть и честь.
В Беларусь наша светлая вера,
Ты прикажешь — ответим мы: «Есть!».
Будем видеть мы клин журавлиный
Над Полесьем и Бугом всегда,
Потому что во славу Отчизны
Офицерская светит звезда.

Перамога

Ты ішла франтоў гарачым наступам
З кананадай, гулкаю стральбой.
Столезна сырых магільных насыпаў
Засталося ў свеце за табой.

І цана твая — усім вядомая:
У мільёны выдыхаў салдацкіх,
Хто ляжыць удалечы ад дома
І сягоння у магілах брацкіх.

Ты акапаў кіламетры вырыла
У падзоле глейкім і жвірах
І заўсёды — нежаданым выраем —
Адганяла чалавечы страх.

Сцяўшы зубы, брала ў рукапашную
Пікі безыменныя высот
І хвілінай, гордая, бясстрашная,
Выцірала свой салёны пот.

Ты дымамі шыр зямлі асмужыла
І агнём крышыла і мячом,
Гусеніцай танка поле плужыла.
Чвякала ў дрыгве сырым квачом.

Ля кастроў у слоту часта грэлася
І па сто куляла франтавых.
І, калі атака узгарэлася,
Аддавала ў мёртвыя жывых.

Ты ішла, дзе шпарка, дзе спаволена,
Скрозь прымаючы грудзьмі свінец.
Мроіла ў кароткім сне дазволена,
Што наступіць ёй, вайне, канец.

Свет з руін-пажарышчаў уздымецца,
Выблісне прамень жывой вясны.
І тваім ахвярна-светлым іменем
Назавуць апошні дзень вайны.

Буйніцкае поле

Поле тваё, Магілёў,
Дзікі палын не аплёў:
Юнай нявесты крок,
Раніцы светлы зрок.
Поле тваё жыве,
Быццам крыніца ў жарстве...
Вечнаму полю быць —
Долю ў вяках здабыць.

Як уявіць, што тут
Столькі было пакут,
Столькі было мінут —
Смерць зазірала ў твар?
Поле тваё, Магілёў,
Чэпкі палын не аплёў,
Смерч, што хіжэй атрут,
Грозны прыняў удар.

Поле тваё, Магілёў,
Бачыцца зноў і зноў,
Стаўшы эпохі дном,
Не парасце палыном.
Юнае дотык рукі,
Ўздых над памёрлым гняткі
Здатныя зноў ажывіць
Тое, чаму тут быць:
Кроку жывога жыцця,
Выдыху пачуцця,
Лёсу твайму, Магілёў,
Раніцы між вятроў...

Полям Буйніцкім я
Дыхаю. Памяць мая
Горне з мінулых дзён
Праўды жывой заслон:
Тут устаяў твой дух
Між небыцця завірух,
Што не аддаў Масквы.
Поле, твой кліч — жывы!
Поле, твой зык — агнявы!

Бесмяротны полк

Пакуль ёсць гэты полк —
Народу жыць!
Ідзе... Брусчатка вуліцы
Дрыжыць.

І тысячы людскіх
Упартых ног
Чаканяць крок
Па гулкай маставой.
Ідзе наўпрост
У зьянні перамог
Зарамленых партрэтаў
Вечны строй.

Бясконцы марш...
На праўнука плячы —
Прапрадзед юны
Доўжыць шлях зямны.
Свет, схамяніся,
Стрэчна замаўчы.
Ступае полк —
І гасне цень вайны.

Нас тысячы
На маршы страявым,
І тысячы, прысутных,
На руках.
Па Краснай плошчы
Вечна крочыць ім,
І не згубіцца
Ў будучых вяках.

Полк бесмяротны...
І бясконцы рух...
Не ўчуе ўтомы
Гэты годны марш.
Не ўспыхне больш
Сусветных заварух,
Калі на варце
Полк надзейны наш.

Мацней усёй
Прыдуманай брані,
Трывалей самалётаў

І ракет,
Ён, гэты полк,
Апалены ў агні,
Які адкрыў
Еўропе новы свет.

І заўтра марш той бачыць
Не здаля,
А ўзняць з партрэтам дзедавым
Руку,
Бо, веру, неўзабаве
Ўся Зямля
Салье дыханне
У такім палку.

Пехацінец

*Герою Савецкага Саюза
Івану Львічу Куставу*

Са штольняў руднага Урала
Услед за бацькам і братамі
Яго вайна на фронт забрала.
Ішоў з сябрамі-юнакамі.

Разбіты бомбамі гасцінец
Пабліз Рацова лёг пад ногі...
Вайны Айчыннай пехацінец,
Салдат Вялікай Перамогі.

У дваццаць год са смерцю побач.
Як сябра гібель бачыць цяжка!
Як рэжа ногі кірзай чобат,
Як бок намуляла біклажка.

Байцу гаворыць украінец:
— Здарова, брат! Цябе чакалі.
Вайны суровай пехацінец
Сцінаўся смуткам на прывале.

Пажарам знішчаныя хаты,
І гарады — адны руіны.
І едкі дым, і вораг кляты,
І ў доле гразкім каляіны.

І кут маленства ва ўспаміне
Зірне ратоўча і прыветна.
На Захад крочыць пехацінец
Вайны Айчыннай і Сусветнай.

І вось, даўно сівагаловы,
На плошчу ранішняга Мінска
Ідзе, прымоўклы і суровы,
Да вечнай стэлы абеліска.

І сэрца зболенае стыне,
І кветкі сыплюцца пад ногі...
Вайны апошні пехацінец,
Герой Вялікай Перамогі.

* * *

У Магілёве, над магілай Пысіна,
Асенняя халодная туга.
Паэтам колькі вершаў не дапісана,
Дзе болю чалавечага — уга!

Дзе мужнасці салдацкае — нямерана,
Дзе духу нескаронага — узлёт,
Дзе лёсам слова кожнае праверана,
І сэрца прабівае — навывлёт.

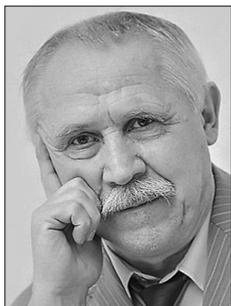
Глухая восень у самотнай зацішы
Лісты страсае, быццам медалі.
Падзей грымотных шмат якіх пабачылі
Дняпровы воды, што даўно сплылі.

Хадзілі тут драпежнымі ватагамі
Захопнікі з няпамятных часін.
І пад крыжамі кмечанымі сцягамі
У жоўты жвір ляглі без дамавін.

Паэт жа змераў вёрстамі суровымі
Без ліку пыльных франтавых дарог,
Над водамі магутнымі Дняпровымі
У родны дол навечна спаць прылёг.

Гучыць радок хвалююча-прыцішана —
Павечны рэпартаж з перадавой.
Святло рабіны над магілай Пысіна,
І Магілёў — плацдарм узяты, свой.

Георгий Марчук

Защитники Отечества

Песня

Слова Георгия Марчука

Музыка Владимира Воропаева

Под небесным шатром
Белорусский наш дом:
Города, и поля, и реки.
С партизанской тропой,
С цитадели стеной
Мы сроднились уже навеки.

Припев:

Защитники Отчества,
Надёжные сыны,
Смелость украшает
Армейские ряды.
Отчизну не оставим
Наедине с бедой,
Мы связаны с народом
Судьбой одной.
И долгу перед родиной
Всегда верны
Защитники, защитники,
Отечества сыны.

Полыхал шар земной,
Шли в решающий бой,
Добывая победу народу.
Завещали тогда
Помнить все имена,
Кто погиб на полях
За свободу.

Припев.

Много добрых вестей,
Много солнечных дней,
Жизнь должна быть
Богата добром.
Чтобы мир сохранить,

Надо сильными быть:
Мы стоим на посту боевом.

Припев.

На службе Родины родной

Песня

Слова Георгия Марчука

Музыка Леонида Шурмана

В который раз тревога:
Ученья на заре,
Солдатская дорога
На суше, на воде,
У пульта в кабинете
И в боевом строю,
Пусть тяжело в ученье,
Зато легко в бою.

Припев:

На службе Родины родной
И генерал, и рядовой.
Храним ваш дом, мир и покой,
И генерал, и рядовой.
Идём дорогою одной
И генерал, и рядовой.

Тепло родного дома,
Берёзка у окна,
Близка нам и знакома
Родная сторона.
Её красу и счастье
Оберегаем мы,
Всегда стоим на страже,
Чтоб не было войны.

Припев (2 раза).

На службе Родины родной
И генерал, и рядовой.
Храним ваш дом, мир и покой,
И генерал, и рядовой.
Идём дорогою одной
И генерал, и рядовой.

Бессмертная дорога

Память сердца не расстанется с войной,
В сны стучится, поднимает утром рано.
Будят годы, что остались за спиной
Где-то в юности седого ветерана.

Он идёт навстречу солнцу и рассвету,
Сбросив годы и ненужную усталость,
Вспоминая опалённую планету
И друзей, кому лиха судьба досталась.

Он идёт неторопливо в птичьем звоне,
Сердце снова манит юность фронтовая.
Он идёт, и вся земля как на ладони —
Благодарная, святая, молодая.

Жизнь порой казалась доброй и беспечной,
И была порой суровой и строгой...
Он идёт навстречу молодости вечной
Бесконечною, бессмертною дорогой.

Никто не забыт

Разве можно забыть опалённый войной
сорок первый,
Как на долгие годы убита была тишина,
Как горели земли до бела раскалённые
нервы,
Как в судьбу миллионов врывалась
без спроса война?

Разве можно забыть нашу радость и боль —
сорок пятый,
Как народы земли обращались с надеждой к нему,
Как победу несли в каждый дом уцелевший солдаты
И как вдовы и матери плакали в каждом доме?
Не вернуться назад пареньки и девчата-
невесты...
Сколько вас полегло — мать-Отчизна поныне
скорбит!

Вам бы встать поутру, вам бы петь
недопетые песни,
Вам бы жить на земле, на которой
НИКТО НЕ ЗАБЫТ.

Вечный огонь

Здесь в чёрном платке и в белой фате
склоняются низко.
Здесь Вечный огонь стучится в сердца,
как пульс обелиска.
Здесь память остывшую, совесть уснувшую
пламя терзает —
И давность, и сроки, и чёрствость —
здесь всё исчезает.
Здесь нет тишины, погибшие здесь,
прислушайтесь, дышат.
И это дыханье грядущие годы
услышат...
Несут ветераны — прошедших баталий
полпреды —
Венки своей памяти вечной
на площадь Победы.

Рывок в... Трептов парк

Бой громыхал, бой был в разгаре
За каждый шаг, за каждый дом.
И вдруг — средь пламени и гари —
На раскалённом тротуаре
Девчушка в платье голубом.

Сжимая личико руками,
Слеплого ужаса полна,
Она звала, просилась к маме,
Но рядом с детскими висками
Рвалась осколками война.

И между взрывов через площадь,
Успеть опередить беду,
Боец рванулся, не на ощупь —
Во весь свой рост, так было проще
Бежать у смерти на виду.

Визжали пули ошалело,
Ревел взбесившийся металл,
А он схватил девчушку смело,
Прижал трепещущее тело
И с ней... взошёл на пьедестал.

Осколок

В стволе берёзы я нашёл его,
Кору надрезал бережно, как кожу.
Когда извлёк — до слуха моего
Шум листьев долетел, на вздох похожий.

Быть может, метил он солдату в грудь —
Тупой, бесформенный металл?
Да вот берёзка преградила путь,
Чтоб мать на похоронке не рыдала,
Чтоб хоть одной могилой меньше стало.

Он не упал. Знать, надо так судьбе.
И ты стоишь сестрой из медсанбата.
Поклон, берёзка, до земли тебе
От имени спасённого солдата.

Женщинам войны

Вас гнули свинцовые ветры
И час не жалел роковой.
Шли девочки — Любы и Веры —
С медсумкой на край огневой.

Война обжигала их лица,
Красивых и нежных девчат,
Которым безумно влюбиться
Не выпал назначенный час.

Которым шагать пол-Европы
Пришлось и в морозы, и в зной.
В солдатских запыленных робах
Венчались с сырою землёй...

Но час был суровым расплаты,
Победой взорвалась весна,
И сняли шинели девчата,
В окопах уснула война.

Из белых снегов медсанбата
Их поднял победный рассвет,
На свадьбы примерили платья
Белее, чем яблони цвет...

Теперь, когда мирно и сладко
Их внуки в кроватках сопят,
Я подвиги славлю солдаток,
Войну победивших девчат.

Страшная война

Всё дальше страшная война
В веснушках пушек,
И грозовая пелена,
И гробовая тишина,
И скрип теплушек.

Всё дальше страшная война
В могилах братских,
И разорённая страна,
И разъярённая стена
Атак солдатских.

И партизанские костры,
Дымки землянок,
И вражьего кольца прорыв,
Друзей предсмертный стон и хрип,
Бинты на ранах.

Всё дальше страшная война
На переправах,
И вкус победного вина,
И долгожданная весна
Славянской славы.

Плывут по небу облака
И песни льются.
Война в окопах спит пока.
И дай же Бог ей спать века —
И не проснуться.

Стихи поэта о войне

Стихи о войне — дар суровой судьбы,
К поэзии всем существом приложимый.
В них танки и взрывы, шинели-гробы
И память о тех, кто останутся живы.

Стихи о войне — как распятыя души
На горьком снегу поседевшего поля.
Такая в них глубь и высокая воля,
Что птицам не виделось в райской тиши.

Стихи о войне... В них глагол не орёт,
Он в море словес — цепенеющий остров,
Свет первой любви, неприкаянной, острой,
Которая, как ни убей, не умрёт.

В них злое желанье забыться во сне
И сердце, как губку, до капельки выжать.
Стихи о войне — приказание выжить
Земле и воде, и голодной стране.

В них чёрные ночи и красные дни,
И годы, припавшие к смертным «наградам».
Такая в них боль и солёная правда!
Всё вроде бы просто! Поди сочини...

Василёчек

Что творим мы, того и стоим,
Но для слов у нас меры нет...
Мне рассказывал старый воин
Незабвенный такой сюжет.
На втором Белорусском фронте
Был геройский пехотный полк.
На привалах везло пехоте:
Силе слова здесь знали толк.
Был рассказчиком, лучшим самым,
Василёчек, полка сынок,
На войне потерявший маму,
Схоронивший отца не в срок.

Как-то раз он, в окопе стоя,
Всем солдатам стихи читал.
Было слово его простое,
Но отточено, как металл...
Вдруг парнишка на слоге сбился,
Отрешённо глаза скосил —
И молчанию удивился:
Слово вымолвить нету сил!
Не щадя ничего святого,
Немец выстрелил — с мезтью слит —
Прямо в горло, туда, где слово
И рождается, и болит...
В наше слово тот снайпер метил,
В слово, ставшее всем судьбой,
Мир спасающее в столетьях,
Обожжённое... мировой...
В слово правды, любви, завета
Целил враг, проигравший бой.
Но священное слово это
Паренёк защитил собой.
Он уже улетал куда-то,
И кричали, не веря в рай,
Ошарашенные солдаты:
«Василёчек! Сынок! Вставай!..»
Сколько пули ни ворожили,
Он, невинный, в земле лежит.
Вещим словом — ценою жизни —
Он в сердцах теперь будет жить.
Небо сделалось васильковым,
По нему разошлись круги...
Не стреляйте в живое слово,
Если вы ему — не враги.

* * *

Каким он был, тот безымянный,
Тот, не известный никому?
Степаном, может быть? Иваном?
Войной пропахшим и в дыму...
Он и не знал, что в нём есть место
Для подвига... Узнай, поди!
Его с войны ждала невеста.
Он ей писал: «Ты только жди...»

Надвинув старую пилотку,
Он — по великой простоте —
Душой поклялся: «Взять высотку!»
Так и погиб на высоте.
У врат, у Отчего порога,
У той невидимой черты...
С тех пор — взыскательно и строго —
На нас он смотрит с высоты.

Медсестра

Посвящается С. А. Кунцевич

«Медсестра!» — слышу эхо зова.
Их, героически спасённых, — рать.
Я пришла, чтобы силой слова
Отобрать у войны печать.
Крик мой яростный дальше, выше:
«Враг, попомни свою вину!
Я пришла в твой Берлин, ты слышишь?
Я пришла, чтоб вернуть весну!
Чтоб закончились муки эти,
Чтобы не было вновь беды.
Я пришла, чтоб на белом свете
Белый цвет обрели сады.
На рейхстагской стене — проверьте! —
Написала за всю страну:
Будут жизни, не будет смерти...
«Я пришла, чтоб убить войну!»

Озаричи

С какой смертельной удалью мы жизнь теряем зря!..
Озаричи, Озаричи — бессмертная заря.
И здесь война проклятая жива до сей поры.
Полесские Озаричи — болота да яры.

Здесь долю делят вороны, убита тишина.
Голодные Озаричи, холодная весна...
Здесь памятью разбужены, мы слышим голоса.
Кровавые Озаричи, земля и небеса...

Здесь радости кончаются, забыт ненужный спор.
Оглушенные Озаричи — с судьбою разговор.
Здесь тихое величие, здесь подвиги просты.
Ослепшие Озаричи — деревья да кресты.

Здесь вечное страдание и вечный непокой.
Распятые Озаричи — застывший крик людской.
Душа заглянет в прошлое... Как слеп ты, человек!
Воскресшие Озаричи — прозрение навек.

Защитник Отечества

Защитник Отечества — так называют
Того, кто в сражение шагнёт, как в огонь,
Кто служит, а не на работе бывает,
Кто не посрамит честь носимых погон.
Защитники знают, чего они стоят
И ради кого им служить столько лет,
Мирясь со своею судьбой непростою,
Покой охраняя на этой земле.
Им не понаслышке знакомы «тревоги»,
И да — полигоны уж снятся порой.
Их будни размеренны, чётки и строги,
Но каждый из них в своём роде герой!
Защитники, будьте опорой надёжной
И семьям своим и, конечно, стране.
Поменьше вам в службе подъёмов тревожных,
Здоровья и жизни — как можно длинней.
В карманы — купюры, улыбки — на лица,
В семейный очаг — доброту и уют.
Мы вами всегда обещаем гордиться
За столь благородный, ответственный труд!

Танкистам

Танк без людей — гора металла,
Но вот в машине экипаж,
Глядишь — и жизнь зарокотала,
И — хоть в атаку, хоть на марш...
Да, танки не боятся грязи,
Их мощь, конечно, велика,
Но мощь танкистов меньше разве?
Ведь эта мощь у них в руках!
Давно прошли проверку боем —
И не одним. Велик тот счёт.
Танкистам, могущим любое,
По праву — слава и почёт!
А каждый танк на пьедестале
За остальных твердит одно:
«Мы не устали. Не устали!».

Танкисты — наша гордость!.. Но
Не каждый быть танкистом может:
Характер нужен — как броня,
Стальные нервы, смелость тоже —
Чтоб обуздать того «коня».
А без терпения куда же,
Без веры в то, что победим,
Без атмосферы в экипаже?..
Настрой всегда необходим.
...С утра на танковой дороге
Шум — посредине тишины.
Танкисты!.. Лица у них строги:
Традициям дедов верны.
И, как и те,— они на страже
Покоя, мира и добра.
«Броня крепка, и танкам нашим...»
Вновь на учение пора!

Мама в погонах

У неё растут трое малышей,
Руки до всего достают едва.
Так порой скребут кошки на душе...
Но она ведь мать. Этим и права.

В суматохе день — служба, дети, дом,
От забот шумит-кружит голова.
Сердце иногда движется с трудом...
Но она ведь мать. Этим и права.

Может, оттого держится она,
Что волшебная сила у погон:
Делают её стройной, как струна,
Закалил её, маму, полигон.

Закалил «Огонь!», закалил наряд.
Сделала прочней служба по ночам.
Оттого её руки не дрожат,
Что из этих рук автомат «кричал».

Нелегка судьба. И нелёгок путь,
Но звучат из уст главные слова:
«Я служу давно. Справлюсь как-нибудь».
Что добавить? Мать — этим и права.

Молодость

Ветеран приехал в часть,
Где служил когда-то,
Жить по-взрослому учась
В качестве солдата.

Простенькое пальтецо
Да рука на трости.
Только светится лицо —
Он приехал в гости.

— Вам кого? — на КПП
Уточнил помощник.
Старичок оторопел:
— А к кому тут можно?..

Пропустили. На этаж.
Был там до отбоя.
Память — прослезился аж —
Унесла с собою.

Побывал среди солдат,
Молодёжи нашей,
Скинул лет так пятьдесят,
Угостился кашей.

Вышел ветеран за дверь,
Хитро двинув бровью:
«Буду к ним ходить теперь
Поправлять здоровье».

Офицеры Беларуси

Песня

Эти звёзды не падают с неба,
Эти звёзды дороже наград,
Эти звёзды как символ победы
На плечах офицерских горят.
Мы немало, друзья, повидали:
Полигоны, учения, бои.
Мы друг друга не раз выручали,
Белорусские братья мои.

Припев:

Офицеры Беларуси,
Мы судьбе своей верны!
Офицеры Беларуси,
Мы Отечеству нужны!
Есть приказ и слово чести,
Мы сильны, когда мы вместе!
Офицеры — это рыцари страны!

Офицерское братство — священно,
В наших душах огонь не погас!
Благородство сердец неизменно,
Офицер выполняет приказ!
Журавлей на бескрайних просторах
И озёр голубых зеркала,
И лесов изумрудное море
Беларусь нам доверить смогла.

Припев.

Этот мир, это вечное чудо,
Не должна потревожить война.
Безмятежным и радостным утром
Пусть от солнца сияет страна!
Наши матери, жёны и дети
Будут счастливы с нами всегда,
Потому что спасительным светом
Светит каждая наша звезда!

Припев.

Пусть ярче светят наши звёзды!

Перед нашими глазами — страна,
Защищать её поручено смелым.
Наша Родина назначила нас,
И доверие оправдано делом.
Мы в готовности всегда и везде,
Наши действия умелы и чётки.
Быть защитником — особая честь!
Это главная мужская работа!

Привев:

Пусть ярче светят наши звёзды,
Пусть наши плечи будут твёрже!
Держите марку, офицеры,
На вас равняются войска!
Родная армия на страже
Святой земли — Отчизны нашей.
Мы Беларуси служим верно,
С народом армия крепка!

Нам завещаны свобода и мир,
Мы победу никому не уступим!
Ни на шаг не отойдёт, ни на миг
Синеокой Беларуси заступник!
Мы в ответе за поля и леса,
За уютный свет в родительских окнах.
Наши головы, сердца и глаза
Рассудительны, решительны, зорки!

Привев.

Музыка нашей Победы

Эти марши играл мой отец —
Музыкант полкового оркестра.
Это музыка наших сердец,
Это память далёкого детства.
Серебристые звуки трубы
Долетали до самого неба.
Эти марши нельзя разлюбить,
Это музыка нашей Победы!

Припев:

Музыка нашей Победы
В сердце стучит, не смолкая.
Марши любимые эти
В праздник оркестры играют.
Марши летят над планетой,
Годы не властны над ними.
Музыку нашей Победы
Время у нас не отнимет!

Эти марши звучали в войну
На холодных, печальных перронах.
Воевать за родную страну
Провожали солдат в эшелонах.
Паренёк на подножке стоял,
И платочком махала крестьянка.
Отдалялся навеки вокзал,
И звенело «Прощанье славянки»...

Припев.

Эти марши играет оркестр
На параде на праздник Победы.
Светит солнце с бескрайних небес —
Словно в золото трубы одеты.
Эти звуки повсюду слышны:
На аллеях старинного парка,
На спокойных просторах страны
Льётся музыка старого марша!

Припев.

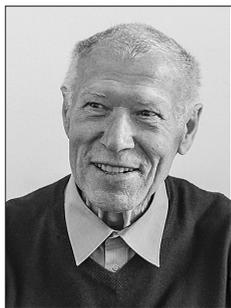

Армии родной

Ты — продолженье
Боевых традиций,
Рождённых
В восемнадцатом году,
Открывшаяся
Новой страницей,
Не уронив ни Знамя,
Ни звезду.
Ты по земле
Уверенно шагаешь,
Судьба твоя —
Быть только впереди,
Ты мир голубоглазый
Охраняешь
С присягой в сердце,
С верою в груди.
И никакие грозы
И ненастья
Не запугают,
Не собьют с пути,
Страны ты символ
И державной власти,
Не меч её, а лишь
Надёжный щит.
Увенчанная славою
Нетленной,
Не забываешь
Ратного труда...
И сколько б ни сменилось
Поколений,
Ты юная, словно восход,
Всегда!

Афганистан

Когда весной зацветут
Тюльпаны
В родимой белорусской
Стороне,
Вновь кажется, что мы
В Афганистане,
На той кровавой,
Проклятой войне.
Опять, как вихрь, вращают
Круговерти,
Бросая без разбора
В страшный бой,
И снова мы за три шага
До смерти,
И всё-таки хранимы,
Бог, тобой.
Афганистан, Афганистан —
Кричат израненные души,
Мы навсегда остались там,
В предгорьях жёлтых
Гиндукуша.
Афганистан, Афганистан —
Сердца, пронизанные болью,
Давно уже для нас ты стал
Печалью чёрной и любовью.
Афганистан...
А по ночам всё так же
Ноют раны
И снятся те далёкие
Года...
Не выбросить уже
Афганистана
Из памяти солдатской
Никогда!
Когда весной зацветут
Тюльпаны
В родимой белорусской
Стороне,
Вновь кажется, что мы
В Афганистане,
На той далёкой,
Проклятой войне...

Зиновий

Под Ленинградом только в одном бою экипаж тяжёлого танка КВ-1, которым командовал Зиновий Колобанов, уничтожил 22 немецких танка.

Дороги, дороги крутые,
А парни, а парни лихие.
Вы в камне и бронзе — святые.
Вас помнит Россия,
Вас любит она.

Земля горела и стонала,
Мужал в сраженьях Ленинград.
И ты, Зиновий Колобанов,
Войны жестокой был солдат.

Врагам незванным был грозой,
В тяжёлой танковой броне
Ты закрывал страну собою
Во имя жизни на земле.

В душе гремит тот бой далёкий,
А жизнь прекрасна и вольна.
И Питер славный синеокий
Колышет мирная волна.

И подвиг яркий твой, Зиновий,
Ещё оценится сполна.
Поклон тебе, бойцу-герою,
Твои найдём мы ордена.

Герой Карват

Горевший глыбою металла,
Звенел и падал самолёт.
Команда лётчику звучала:
«Катапультируйся, пилот!».
Деревня спящая не знала,
Земля удара не ждала,
Пилот не бросил сталь штурвала,
Хоть жизнь мгновением была.

Над Белою Русью
На небе высоком
Летят и курлычут, кричат журавли.
Карвата пилота,
Карвата Героя,
Бессмертную славу разносят они.

И там, на Родине, где пташки
Весною звонко запоют,
Белеют светлые ромашки,
Да без него они цветут.
«Карват Володя», — скажет камень.
«Карват, Карват, — твердит земля, —
Век о тебе не сгинет память
И слава вечная твоя!»

У музеі Вялікай Айчыннай вайны

На паліцы зала — патэфон
З грампластынкай — выжыць выйшаў шанец.
Рарытэтны экспанат здавён
Захаваўся ў непарушным стане.

Побач спраўны кулямёт «Максім» —
Засяроджаны ён ва ўспаміне,
Як салдат, што смерць прайшоў і дым,
Попел Дальвы, Шунеўкі, Хатыні.

І пачуўся мне з нябыту стогн,
Кліч нямы працяў зямлю і воды:
«Не маўчы, забыты патэфон!
Змоўкніце навечна, кулямёты!».

Комбаты

*Командирам железнодорожных войск,
принимавшим участие в строительстве
БАМа*

Незнакомы мне лично комбаты
И герои великой страны,
С сорок первого по сорок пятый,
Что прошли по дорогам войны.

Что в атаку вели батальоны
На исходе безумного дня.
Овдовели без срока их жёны,
Но росли, поднялись сыновья.

И в лицо мне знакомы комбаты,
Поимённо назвать их могу,
Тех, кто, славой отцовской крылаты,
Год за годом штурмуют тайгу.

Им сдалась под напористой сталью
Вечно плачущая мерзлота,
И звенящей, как жизнь, магистралью
Воплощалась в реальность мечта.

Трудно. Холодно. В инее веки.
Но в морозно-горячем дыму
Шли комбаты сквозь горы и реки,
Как когда-то отцы сквозь войну.

Воспоминание о БАМе

Там, где тайга от инея седая
И сопки в долголетье обветшали,
Там жизнь моя легла в суровость края
Стальным звеном бегущей магистрали.

Сегодня суть истории другая —
Погребены заслуги поколений.
Живём на кладбище обещанного рая.
И нет страны. И сожжены идеи.

И только звёзды, в небесах сияя,
Всё помнят. Их ещё не погасили.
И по иронии судьбы, зачем — не зная,
Летит туда мой стих голубокрылый.

Где кряжистые сопки и распадки
Накрыл туман, как будто летаргия,
Воспоминанья и горьки и сладки,
И непонятны, как сама Россия.

* * *

Што для мяне
Айчына?
Найперш —
Мая зямля.
Мой дом
І вочы сына,
І дружная сям'я.
І ў свеце зааконным
Гарэзлівы таполь,
І на куце ікона,
І на стале
Хлеб, соль.
А па другое —
Мова,

Што дадзена
Як кроў,
Як нацыі аснова,
Як сэрца,
Як любоў.

Герои солдаты

Песня

Никто не забудет июньский рассвет,
В который пришло столько горя и бед...
Пылала граница, и Буг был в огне,
Вы насмерть стояли в неравной борьбе.

Припев:

Герои солдаты, солдаты войны,
Вы честь отстояли великой страны.
Вы нас защитили суровой порой,
Вас мало тогда возвратилось домой.

Мы помним сегодня дороги войны,
Холодное утро далёкой зимы.
Где гроздь рябины на солнце горят,
Там шрамы земли о боях говорят.

На месте сражений берёзы шумят
И, кажется, будто проститься хотят.
И плачут они, вспоминая тот бой.
Не слышат их шелест солдаты весной.

Припев:

Герои солдаты, мои земляки,
Стоите всегда вы на страже страны.
Вы мир бережёте и ночью, и днём,
Спасибо, солдаты, за мирный наш дом.

Дымят развалины Берлина

Песня

*Посвящается моему отцу З. К. Юркину,
участнику штурма Берлина*

Дымят развалины Берлина,
Вчера закончилась война.
Судьба, как славная Победа,
Для нас с тобой теперь одна.

Припев:

Давай, мой друг, поднимем за Победу,
За тех, кто шёл в последний бой,
За честь, достоинство и славу,
Кто защитил страну собой.

Мы шли путями фронтовыми,
Цена Победы велика.
И тех, кто пал в бою священном,
Мы не забудем никогда.

Припев.

Дымят развалины Берлина,
Мы возвращаемся домой.
Все будут помнить сорок пятый,
Как победили мы с тобой.

Припев.

Жёнам пограничников

Песня

Гарнизонную жизнь не для славы
Выбирали мы вместе с тобой,
И дорога в фуражках зелёных
Стала нашей единой судьбой.

Припев:

От зари до зари вдоль границы шагаю,
Нет сомнений — ты рядом со мной!
Благодарен судьбе, что свела нас с тобою
Рубежи охранять и Отчизны покой.

Каждый раз, провожая на службу,
Ты в окошко мне машешь рукой.
И всегда моё сердце спокойно
За надёжный мой тыл боевой.

Припев.

Счастлив я, что по жизни суровой
Ты горишь путеводной звездой.
Я уверен, что в дни испытаний
Нас поддержит задор молодой.

Припев.

Когда ты шла с учений
под собственный мажор,
я закрывал учебник
и выбегал во двор...

От памятных походов,
от пламенных костров
нас отделяют годы,
не отделяет кровь.

Мне есть о чём поведать,
и я — тобою жил,
встречал тебя с Победой,
при Жукове служил.

Расчёты боевые
сзывай, моя строка!
Войска мои родные,
Ракетные войска.

И нет иной дороги,
и нету чувств иных,
есть вечная тревога
во имя тишины.

Штрафная рота

*Из воспоминаний деда-фронтовика
Фролова Михаила Ивановича*

Пахло свежестью, пахло весной...
Нам казалось, что всё это снится:
На глазах перед ротой штрафной
Нарядилась даль в русские ситцы.

Разрумянилась, хоть ты студи,
И вся рота молилась на вдохе:
«Мать честная, беду отведи
От непуганой этой дурёхи...»

Жить хотелось, да так позарез —
Молодым, пацанам желторотым.
На рожон только ветер и лез,
Знать, такая у ветра работа.

А с рассветом всех обняла даль,
Перестроив небесную роту.
Нам за Родину жизни не жаль,
Просто жить по весне так охота.

Старый забытый вальсок

С охрипшим ветром в унисон,
Под шёпот первых звёзд,
Звучит вальсок. Тревожит сон.
И пусть мотив тот прост.

И что с того, что город спит
И в полудрёме сад, —
Вновь на скамье один сидит
Былой войны солдат.

Звонят при вздохе ордена,
Струится ввысь дымок,
Когда опять кружит весна
У фронтовых дорог.

Звучит забытый старый вальс
В полуночной тиши,
Но гонит прочь с души печаль
Стук сердца «раз, два, три».

* * *

Всё в мире когда-то не раз повторится:
Поэту о Родине сны будут сниться.
Пророча судьбу на далёкой чужбине,
Он тихо сгорит, как бывало донине.

Всё в мире людей, как и было вначале, —
Во все времена их пороки венчали.
Но кто-то найдётся, пускай однокрылый,
И правду глаголить найдёт в себе силы.

Всё в жизни людей ещё раз повторится:
Как дни, замелькают события, лица,
В пустой суете, в пустословье забавном
Вновь люди не скажут друг другу о главном.

И мудрость осенняя вновь повторится,
И листья вновь под ноги будут стелиться
Небесной зарёй, вспоминая о лете,
Чтоб вновь повториться началу на свете.

Ночной бой

Всю ночь, притаившись,
Молчала
Над полем белёлая
Мгла.
И вдруг по рядам
Прозвучало
Железное слово
«Ура!».
Всё громче и ближе
По полю
Летел это грозный
Призыв,
И гневом, и мезтью,
И болью
Сердца всех бойцов
Захватив.
Солдаты с хрипеньем
И хрустом
Бежали, дыша
Горячо.
И сам я летел
Через бруствер,
Друзьям подставляя плечо.
Горбатился месяц
Рогатый
На дальних форпостах
Весны.
И билось в стволах
Автоматов
Багровое плямя
Войны.

Тревога

Холодная ночь
Опускается быстро.
Солдаты устали,
Их клонит ко сну.
Но голос команды,
Короткий, как выстрел,
В казарме на миг
Разорвал тишину.
«Тревога!» —
Набатное, грозное слово,
Тыходишь в сердца,
Как в обойму патрон.
И в эти часы
Вспоминается снова
И гром канонады,
И пламень знамён.
Готовы к походу
Машины и люди,
Чуть видный, горит
Маскировочный свет.
И в небо нацелены
Жерла орудий —
Стальные сигары
Надёжных ракет.

Посвящается десантникам

Ночное небо, звёзд алмазы,
Плывёт луна.
Уходит в бой отряд спецназа —
Идёт война...

Вам воли, мужества, отваги
Не занимать.
Вы поклялись, приняв присягу,
Мир защищать,

Искоренить войну на свете,
Чтоб в этот век
Всего ценнее на планете
Стал человек.

Чтобы народ под мирным небом
Любил, мечтал,
Жил с песней да с душистым хлебом
И созидал.

...Ночное небо, звёзд алмазы,
Плывёт луна.
Уходит в бой отряд спецназа,
Идёт война.

Стоят на страже Родины сыны

Свой исполняя долг добру на благо,
Стоят на страже Родины сыны,
В военной школе воспитав отвагу,
Они народу и стране верны.

Не посрамите вы солдатской славы
Героев лет минувших и веков.
Вы призваны служить не для забавы,
А защищать Отчизну от врагов.

Вы мирной Беларуси патриоты,
Где мужество в истории веков.

Семьёй единой — батальоны, роты
Достойны вы и дедов, и отцов.

Здесь честь стоит всегда на пьедестале —
Вам с нею жить и Родине служить.
Вы вместе — сплав душевных струн и стали,
И этой честью надо дорожить.

На сердце и душе всегда спокойно,
Когда на страже Родины солдат.
Любви народа армия достойна,
Где города и сёла мирно спят.

И снова в бой

Посвящается сапёрам

1

Удивительно спокойным
Был, подтянутым и стройным,
Капитан сапёрной роты.
Обучал нас строить дзоты
И речные переправы
К берегам солдатской славы.
С миной быть предельно ловким,
С ювелирной сноровкой.
Знал отлично своё дело,
Вдохновлял своим примером.
В марш-бросках шагал с солдатом,
Был ему отцом и братом.
И служили в этой роте
При отеческой заботе
Два товарища — два друга,
Их сроднила войны вьюга.
Был один из них ефрейтор,
До войны играл на флейте.
А второй был выше рангом,
Так как он служил сержантом.
Земляками они были,
Оба музыку любили
И о будущем мечтали.
Между боем вспоминали
Край, фашистами распятый,

Знали: близок час расплаты.
Ротный наш ценил ту дружбу
И отличную их службу.
В переломное то время
Шло на фронте наступленье.
Из-за вражеского дзота
Не продвинулась пехота,
Так как в нём не дремлют фрицы,
Стражи собственной границы.
Лишь взрывчатка к ним влетает,
В тот же миг и вылетает.
Случай вот такой курьёзный,
Стратегически серьёзный.
Добровольцы те, что были,
Так вопрос и не решили...
Но кипит во всех желанье
Погасить то вражье пламя.
Тут друзья всем объявили,
Что с зарядом всё решили,
Лишь дополнили детали:
Шнур бикфордов привязали,
Рассчитав его горенье
В тренировках и терпенье.
Ротный их расчёт проверил,
Дал добро и был уверен:
Эту сложную задачу
Парни выполнят с удачей.
У сапёров так бывает —
Жизнь ошибок не прощает.

2

Настала ночь. Они ползли
В ту неизвестность, что вдали,
В свинцовом, огненном котле,
Прижавшись к матушке-земле.
Казалось, голову поднять —
Уже не жить, уже не встать.
Когда до цели доползли,
Лишь только дух перевели,
Для артиллерии сигнал
Сержант ракетницей послал,
Нажав курок, и яркий свет
На время разбудил рассвет.

Вдруг всё затихло в один миг,
И силуэт во тьме возник.
Взрывчатку с огоньком метнул,
Всю боль души в неё вдохнув
В тот дзот, который, как нарыв...
И молнией взметнулся взрыв!..
Ефрейтор — молодец, сумел,
Ведь он отважен был и смел.
Но, оглушённый, он упал,
А друг его ещё не знал,
Убит товарищ или жив —
К нему на помощь поспешил.
И если ранен — он спасёт,
До медсанбата донесёт.

3

Всё нарастающей волной
Пошла пехота снова в бой,
Без осложняющих хлопот
Друзей миную и тот дзот.
Неслось раскатами «ура!»,
Был сорок третий. Шла война...

Т-34

Я — «тридцатьчетвёртка». Поведаю вкратце:
Сейчас не на жизнь идёт битва, а на смерть.
Мы свято желаем устроить врагу
Кипящую огненным валом Дугу.

У нас с экипажем единые нервы.
Прицелом смотрю я на «Тигры», «Пантеры».
Как много для них я снарядов припас!
Когда прозвучит в шлемофоне приказ,

Ударим по флангам. Обходим вершину.
Ребята спокойны и верят в машину.
Я тоже уверен: я не подведу.
Ну что ж, командир, испытаем судьбу!

И — в самое пекло. И чтоб ни помарки!
Врагу раздаю я стальные подарки.
Мне жарко, мне тяжело, но всё же живой!..
Дерутся собратья бок о бок со мной.

Ведём виртуозно с противником споры;
Мехвод рычагами орудует споро.
Крепка наша сталь, и доселе везло:
Снаряды пока не достали нутро.

И вдруг попаданье! Выходим из драки:
Катки перебиты и порваны траки.
Огонь к бензобакам, за мной плотный смог...
Спасайтесь, ребята, я сделал, что мог!

В агонии огненной меркнет рассудок.
Мне б жизни ещё хоть на пару минуток!..
Скорее, родные! Иначе каюк!..
Три тени скользнули в распахнутый люк...

А после победы столкнулись стаканы
За «тридцатьчетвёрку» —
за танк легендарный.

Сложилось немало историй, легенд
О битве великой на Курской дуге.

Напомнит, как шли по кровавому следу,
Как в тяжких боях приближали Победу.
Как били прицельно во фронт и во фланг.
Т-34. Наш символ. Наш танк.

Бой в море

За бортом море пенится волнами,
Шумит вдали дымящийся прибой,
На камни оплывает бурунами,
Солёной тяжестью воды морской.

Суровый норд порывом рвёт зюйдвестку,
На палубу намёрзла корка льда.
Штурвалу огрызается в отместку,
Буянит беспокойная вода.

Бинокли вжаты в кожу семафора.
Приказ орудья расчехлить отдан.
Задумано сначала дать им фору,
А после отстреляться по бортам.

Ход самый малый. Вклиниться в кильватер.
Укрыты плотной пеленой дождя.
Притихли, по местам стоят ребята.
Орудия вот-вот заговорят.

Секунда. Напряжённо ожиданье.
Секунда. Гулко кровь стучит в висках.
Секунда. Соберись, ты на заданье!
Секунда. Обратилось время в прах.

Корабль вражий курс меняет лихо,
Под залпы подставляя нам борта.
А с мостика ни звука, тихо-тихо,
А в сердце стук: «Когда же? Ну, когда?..».

Команда: «Товсь!..» опасность умиряет.
Движенья чётки, слаженны, точны.
Не важно, что корабль волна швыряет,
Что прыгают в прицеле две луны.

Команда «Пли!» — дана, дана отмашка!
Снаряды! Рвать, топить и жечь врага!

Мокра от пота жгучая тельняшка.
И жизнь как никогда не дорога.

Закончен бой. Прожжён горячей кровью
На палубе обмёрзлой серый лёд.
Надрывно проклиная долю вдовью,
Волна над ватерлинией ревёт.

В глазах живых — немое пониманье.
Их действия быстры, смелы, точны.
Корабль не дастся морю на закланье.
В свидетелях их клятвы — две луны.

Зато вокруг — ни флага, ни форштевня.
Сомкнулись волны, в бездну погребя,
Бушующие мощью вспенив гребни,
Фашистского — останки — корабля.

Спасение разведки

Километры строп, дорог и строчек...
Самолёт наш наискось прострочен.
Не летели б, если б не был срочным
Вызов от затянутых в кольцо
Окружённых братьев из разведки...
Бортстрелок зажал в руке гашетки —
И в «зелёнке» содрогнулись ветки.
Ты шепни, разведка, хоть словцо!

Под крылом всю режут турбины,
Набирает высоту машина.
Только бы хватило керосина
До своих обратно дотянуть!
Засекли. Метают в небо «трассы» —
К нам летят смертельные алмазы.
Километров семьдесят до базы...
Есть удача — лишь бы не спугнуть.

Обошли. Внизу ущелье хмуро.
Вот за борт шагнула десантура.
Их бы защитить от пули-дуры,
Да самих-то кто уберезёт?
Вирази крутые, горки, петли...
Нам самим неясно: живы ль, нет ли?..

Реверансам учится балетным
Наш проворный, юркий самолёт.

Разворот — и снова по «зелёнке»,
Снова трассера поют вдогонку.
Мы ещё померимся силёнкой!
Доворот... Давай, стрелок, строчи!
Вам от нас в лесах густых не скрыться,
Люди на земле — мы в небе птицы.
Снова позывной в эфир ввинтится...
Где же ты, разведка, не молчи!

И — о чудо! — нам ответ приходит:
Четверо трёхсотых в данном взводе, —
«Жди, ребята, помощь на подходе!
Там прижмём, а сзади наш десант!»
А внизу — стрельбы без перерыва,
Крики, стоны, близкие разрывы,
Но несётся в воздух торопливо:
«Держимся. Лети. Спасибо, брат!»

Топлива хватило еле-еле —
Сами не поймём, как долетели —
Люк пробит, и погнуты турели,
И едва раскрылся парашют.
Что бы было, коль подбили б, знать бы,
Но колдуют сёстры в медсанбате,
Говорят, что у ребят до свадьбы
Триста раз все раны заживут.

Молчите

«Не плачьте, — слащавы голоса, —
Забудь про беды!»
Уткнувшись взглядом в небеса,
Я вижу деда.

Я вижу всех, кто не дожил,
Их мириады!
И память вечная для них —
Одна награда.

Молчите все, что говорит:
«Забудь, не думай!
Не стоит давнишний гранит
Твоих раздумий!»

Молчите минимум раз в год
Хотя б минуту,
Кривя в гримасах скорбный рот
Под звук салюта.

Молчите. Век я не предам
Святую память.
Вам не понять — забывшим вам, —
О чём мне плакать.

Сколько вас?

Сколько вас,
По полям, по болотам,
В рощах, тихих дубравах,
Под чужим пулемётом
Утонувшие в травах?
Сколько вас?
Развесёлых и хмурых,
Полных жизни размаха,
В чёрный глаз амбразуры
Заглянувших без страха —
Сколько вас?
Сколько спит вас в могилах
По родной Беларуси —
Чьих-то любимых и милых,
Обещавших вернуться?
Сколько вас?
Ветер память взлохматит...
Вы далёко, но близко.
Целой жизни не хватит
Все почтитьobeliski.
Сколько ж вас!..

Ветэранам

І дзе ж бы мы былі, каб не яны,
І ці жылі б увогуле на свеце,
Каб не вайны дачушкі і сыны,
Якіх хрысціла пекла ліхалецця?

Змагаліся. Трывалі, як маглі.
Наш край уратавалі, дзякуй Богу.
Паклон героям слаўным да зямлі
За скарб бясцэнны — нашу Перамогу!!!

Мой любы дзед...

*Міхаілу Ігнатавічу Стасяловічу —
ветерану Вялікай Айчыннай вайны*

Мой любы дзед, мой слаўны ветэран,
Пра службу мовіць быў ты не ахвочы.
А колькі ў сэрцы незагойных ран,
Мне расказаць змаглі хіба што вочы.

Я зазірнула ў гэту глыбіню:
Там горкіх слёз нявыплаканых мора,
Там рэкі болю, жалю і агню,
І дзікі крык і, безумоўна, гора.

Быў сціплым, медалі ты не насіў,
Ты — наш герой, табою ганаруся!
Дзяцей, унукаў, родны край любіў,
Дастойны сын матулі-Беларусі.

Разумны працавіты чалавек...
Балюча, родны, што цябе не стала.
Прайшоў вайну, пражыў амаль што век,
А я цябе так рэдка абдымала...

Я прычакаю новую вясну
І, як заўжды, прыйду да абеліска,
Каб не забыць пра страшную вайну,
Што так далёка і адначасова блізка.

Каб разам з землякамі памаўчаць
І памяці герояў пакланіцца.
Каб нам такога ж пекла не спазнаць,
Аб гэтым буду ціха я маліцца.

Маналог салдата

Ён глядзіць у бяздоннае неба,
Журавы ў цёплы край адлятаюць.
Мне б глыточак вады, больш не трэба.
Мне б туды, дзе так доўга чакаюць!

Мама! Мамачка! Ты памаліся,
Каб жывы я дадому вярнуўся,
Дзе радня і сябры засталіся...
Мама! Мамка! А як там Маруся?

Развяла нас вайна, раскідала.
Дзе ж цяпер яе буду шукаці?
Мама! Янкі-суседа не стала.
Як жа будзе адна цётка Насця?

Шчырым быў маналог. Абарвалі.
Наступленне. Яго не адкласці.
Іх на верную смерць адпраўлялі.
Што ж, бывай, «басаногае шчасце»!

Не магу я сказаць: «Да сустрэчы!»,
Горкім жалем пранізана сэрца.
Смерць-паскуда кранае за плечы.
І яна не адпусціць, здаецца.

PS: Колькі ж іх не вярнулася з бою,
Колькі душ расстралялі, спалілі,
Каб сягоння жылі мы з табою
І пра подзвіг дзядоў не забылі!

война не снаружи, война — внутри

война не снаружи, война —
внутри.
оружий огни, чертящие шрамы на коже Земли,
суть лишь проекция
здесь и сейчас сцепившихся в драке
двух разных стихий
на внутреннем ринге в каждом из нас.

проще раскрашивать штампом вины
лицо «расцветающей» внешней борьбы,
спокойно съедая свой ужин;
нежели быть на преданной службе
у спрятанной в собственном сердце страны,
попавшей под скальпель гражданской войны.

там инстинкты в заложники взяты моралью,
душа против эго не раз восставала,
ум с шестым чувством презрели друг друга —
и лишь их хозяин способен порвать
цепь порочного круга.

в святыню согласия мы не войдём,
пока не поймём,
что не воином рождён человек —
а судьёй;
что каждый из нас на фронте
собственной личности нужен;
что война может быть лишь внутри —
но не снаружи.

инъекция патриотизма

кусочек сапфира в кармане Европы,
так и не смолотый в порошок,
шлифованный станком истории.
в её грозных болотах
дремлют гены авторитетной
княжеской территории.
на ней вымуштровала себя нация

с самым харизматичным менталитетом,
которая должна быть защищена патентом
хотя бы за то,
что едва ли другую национальную плеяду,
как диэлектрик, огибали монголо-татарские
и крестовые заряды.
междоусобные войны
отрубили этой земле ноги,
политические партнёры и оппоненты
эксплуатировали её инвалидность.
на носилках, по татуированной минами дороге
терпеливость народа смогла доставить страну
в современность.

сегодня эта гордая страна
тихо реабилитируется
в своём вакуумном мире.
свою государственную невинность
она не продала, как многие другие,
порабощаться иждивенческой системой
ей постыло.
лично я капитулирую перед этой трагедией,
поддаваясь соблазнам запада.
и всё же знаю, что вернусь.
моя душа проштампована твоим наследием,
твоим сапфирным блеском, Беларусь.

Анастасия Коротчикова

* * *

Там заросли травой места,
Где место свято помнит бой,
Там было время, где из ста
Вернулось двое лишь домой.

Там шли бои, там кровь лилась,
Там беспощадно гибнул враг.
Там плакал лес, и был лишь шанс
Победный водрузить свой флаг.

Там пахло смертью, не весной,
Природа плавилась в огне.
Был благодарен, кто живой,
Мертвец навечно побледнел.

Там с честью воина бойцы
Собой прикрыли землю-мать,
Там гибли братья и отцы,
Оставшись там навеки спать.

Река была красней зари
От крови чьих-то сыновей,
И только лишь надежды хрип
«Ура» к победе вёл быстреей.

Теперь там тихие места,
Везде поросшие травой,
Но шепчет небо, что из ста
Вернулось двое лишь домой.

Корабли

Сквозь цветочные сны стала часто мне видеться гавань,
На полуденном солнце сверкающий синий залив,
Деревянная пристань упёрлась в лазурь величаво,
Из которой в вояж отплывают стихи-корабли.

То ли в явь, то ли в быль снаряжаю их искренним словом
И бумажно-чернильные ставлю я им паруса.
Поднимаюсь на борт я, уменьем своим очарован,
С благодарностью взгляд поднимая к святым небесам.

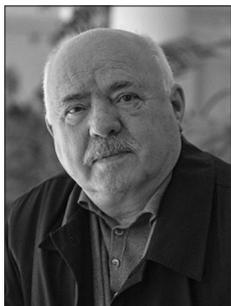
Я своим кораблям и матрос, и внимательный штурман,
И придирчивый, но сомневающийся капитан.
Пусть невзгоды минуют моё незаметное судно!
Пусть без шторма и бури мой путь будет свыше мне дан!

Пусть мои корабли в неизведанно-дивные дали
Далеко отплывут по бескрайней влекущей воде.
И на новой земле чтоб их с радостью люди встречали!
Пусть коснётся мой парус хоть пары любезных сердец!

То ли сплю, то ли нет, но мои корабли отплывают.
Впереди у них долгий и полный опасностей путь.
Но дорога светла, ведь моря маяки освещают —
Настоящая дружба не даст кораблям затонуть.

СОВРЕМЕННЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ВООРУЖЁННЫХ СИЛАХ

Николай Чергинец

СЫНОВЬЯ

(отрывки из романа)

На помощь

Роте капитана Бочарова поступил приказ: немедленно на боевых машинах пехоты ударом с севера обрушиться на душманов, находившихся в районе кишлака Момози, и оказать помощь афганским подразделениям царандоя и госбезопасности.

— Понимаешь, — инструктировал Бочарова командир батальона Бунцев, — афганцы очищают от бандитов кишлак Момози и его окрестности. Этот кишлак уже давно покинуло население. А на днях туда пробрались душманы, и, когда утром афганские роты вошли в кишлак, душманы насели на них со всех сторон. Афганцы по радио запросили помощи. Там находятся две роты министерства внутренних дел и госбезопасности.

Комбат и командир роты стояли у большой карты, развешенной на стене в кабинете подполковника Бунцева.

— Кишлак большой, — задумчиво сказал Бочаров.

— Да, к нему ведут две дороги. Мин на них нет. Духи попытаются уйти в горы к югу. Возьмёшь с собой артиллерию и авианаводчиков. Если понадобится, вызывай вертолёт.

Слушая комбата, Бочаров поспешно делал какие-то пометки на своей карте.

— Как я буду поддерживать связь с афганскими ротами? — спросил он.

— С вами пойдёт афганский офицер, хорошо знающий русский язык, и с ним радист. При подходе к кишлаку договоритесь с командирами афганских рот о взаимодействии. Задача ясна?

— Так точно, товарищ подполковник! Разрешите идти?

— Действуйте, товарищ капитан, только зайдите к начштаба. Связь будете поддерживать со штабом батальона постоянно.

После ухода командира роты Бунцев ещё некоторое время стоял у карты. «Жаль, что сил у нас маловато, — думал он. — В этой ситуации хорошо бы выбросить десант на вершины гор. Вон они как нависают над кишлаком с юга. Ни одного духа не выпустили бы».

За окном заревели мощные моторы, и Бунцев направился к дверям. Штаб батальона размещался в сборном бараке, стоявшем в центре площадки, отведённой для батальона. Из штаба вышел Бочаров и быстро направился к колонне.

Рота Бочарова шла мимо комбата к выездным воротам, а точнее КПП-2. Впереди — бронетранспортёр сапёров. Огромный пёс Цезарь привычно устроился за башней. Он весело посматривал по сторонам, понимая, что, если его посадили за башню, значит, работы не предвидится и ему предстоит приятная прогулка. У ствола пулемёта сидел командир сапёров прапорщик Святцев. Он козырнул комбату. Бунцев ответил взмахом руки. На бронетранспортёре разместились ещё шестеро солдат. Сзади, почти у самых решёток, прикрывающих двигателя, как всегда, прикреплен резиновый баул, в котором сапёры хранили воду.

Вслед за бронетранспортёром шла боевая машина пехоты. Командир роты, сидевший на ней, отдал честь комбату и рукой показал на устроившихся на броне у орудийной башни афганских офицера и радиста: мол, всё в порядке, всё согласовали. По сторонам боевой машины сидели десантники. В касках, бронежилетах, спокойные, уверенные.

Комбат дождался, пока вся колонна пройдёт мимо, и, убедившись, что начальник штаба придал роте Бочарова два танка, которые и замыкали колонну, направился в ЦБУ — центр боевого управления. Начальник штаба был там. Сегодня почти все силы батальона были задействованы. Ещё с утра две роты ушли сопровождать автоколонну с грузом для провинции Логар, расположенной к югу от Кабула.

Подполковник молча окинул взглядом помещение. На стенах густо висели карты, схемы и планшеты. На столах телефоны, рации стояли в нужном порядке. С каждой ротой — постоянная связь. В углу за отдельным столиком сидели старший лейтенант — лётчик, рядом с ним радист. Бунцев спросил у старшего лейтенанта:

— Как, соколы, готовы?

— Так точно, товарищ подполковник, готовы. Два звена вертушек в трёхминутной готовности, экипажи в машинах.

— Хорошо. — Комбат повернулся к начальнику штаба: — Как колонна, идущая на Логар, Иван Павлович?

— Пока идёт нормально. Правда, в районе поворота за Чахарасиабом духи обстреляли колонну из ДШК, расположенного на вершине этой горы. — Майор карандашом ткнул в карту. — Наши подавили пулемёт сразу же.

— Потери?

— Нет, всё нормально. Я только что разговаривал с командиром третьей роты. Он доложил, что замыкает колонну, везде порядок.

Бунцев не хотел вмешиваться в чёткий ритм работы и, сказав, что будет у себя, направился к дверям. У самого выхода на стене его внимание привлекли большие фотографии переносных зенитно-ракетных комплексов иностранного производства, а ниже их тактико-технические характеристики.

— Сегодня привезли?

— Да, утром. Генерал-лейтенант Дубик, как и обещал вчера вечером, лично распорядился эти материалы нам доставить.

Крайней слева висела фотография американского «Стингера». На ней отдельно друг от друга — ракета и пусковой контейнер. Бунцев прочитал: «ПЗРК Стингер» (США). Предназначен для поражения визуально наблюдаемых воздушных целей. Способен вести стрельбу на догонных и встречных курсах. Может поражать цели с околосвуковыми скоростями. Имеет аппаратуру «Свой-чужой», самонаводящуюся головку инфракрасного и телевизионного наведения.

Американские «Рейд-Ай» и «Сейбр», английские «Джевелин» и «Блоупайп», китайская «Хуньин-5» и французская «Мистраль» — все уже хорошо известны комбату. И он просил генерала Дубика прислать эти фотографии и описания не для себя, а для офицеров-новичков и солдат.

— Иван Павлович, прикажи отнести всё это в учебный класс, пусть солдаты знакомятся.

— Есть, сейчас сделаем.

— Держи под пристальным контролем роту Бочарова. Что-то беспокойно у меня на душе. Банда большая и, как говорят наши афганские друзья, вооружена превосходно. Ещё раз предупреди Бочарова, чтобы людей берёг да и бронёй не очень рисковал. Знаю я этот кишлак, на его улочках и ишаку не всегда просторно.

— Капитан Бочаров тоже хорошо знает этот кишлак, поэтому и затылок чесал, когда ко мне от вас пришёл. Держу связь с ним постоянно.

— Я буду у себя. Свяжусь с начальством, попрошу на всякий случай держать наготове мобильное подразделение. В случае чего докладывайте немедленно. — И комбат вышел в коридор.

А рота капитана Бочарова спешила к месту боя. Бочаров жестом пригласил афганского старшего капитана присаживаться поближе. Они спрятались от ветра за башню и, крича друг другу в ухо, советовались, как действовать. Старший капитан показал на карте места, где находились афганские роты, и пояснил:

— Рота царандоя окружена вот здесь, в бывшей школе, а рота госбезопасности — вот здесь, в здании, где раньше была больница.

— Она тоже разрушена?

— Да. В прошлом году душманы и школу и больницу почти одновременно взорвали.

— Да, я помню. Они тогда двух врачей и учителя расстреляли.

Бочаров действительно хорошо знал этот кишлак, который находился на пути от Кабула в район Мусаи Логар, где хозяйничали контрреволюционеры. Ему не раз приходилось участвовать в боях в этих местах. «В кишлак лезть с техникой — гиблое дело, — размышлял командир роты. — Улочки узенькие, не везде и БМП пройдёт, дувалы высокие, из-за них удобно и ручным гранатомётом ударить, и гранату бросить. Духи наверняка наиболее широкие улицы заминировали».

Бочаров решил разместить танки на небольшой высотке, а боевыми машинами пехоты оцепить кишлак так, чтобы у душманов был один выход: уходить к тогу, в горы, а когда они окажутся на склонах гор, то их можно будет бить прицельным огнём из всех видов оружия.

Старший капитан, что-то уточнив через своего радиста у окружённых, наклонился к уху Бочарова:

— Мои сообщают, что у душманов миномётная батарея. Она размещена за рекой в саду у крепости Каллай Мулло. Миномёты пристрелялись, и сейчас нашим очень тяжело.

Бочаров опять уткнулся в карту. К батарее через кишлак не пройти. Единственный путь по полям вдоль реки. Боевые машины на гусеничном ходу там пройдут. Душманы вряд ли станут минировать поля. Техника там не ходила.

Конечно, был и другой выход: вызвать вертолёты. Но Бочарову не хотелось рисковать лётчиками, ведь им надо заходить на душманскую батарею над кишлаком. Душманы смогут из-за деревьев обстреливать низколетящие машины.

Бочаров приказал радисту быстро связать его с командиром второго взвода и, услышав голос старшего лейтенанта Медведева, приказал ему выделить две БМП с десантниками для ликвидации миномётной батареи.

Сразу же за поворотом открывалась панорама кишлака Момози. Рота, разворачиваясь веером, сразу же устремилась вперёд. За считанные минуты боевые машины полукольцом охватили кишлак. Десантники на ходу прыгали на землю и цепью двигались в «зелёнку», откуда доносились звуки боя. Бочаров принял решение ударить по душманам, атакующим развалины школы с фланга, а затем нанести удар по противнику, осадившему бывшую больницу. Ни танки, ни БМП, ни десантники пока огня не открывали. Душманы их не ожидали, и фактор внезапности должен был сыграть свою роль. Бочаров вместе с афганским старшим капитаном и его радистом остался на БМП. Наклонившись к люку механика-водителя, приказал:

— Саня, по моей команде рванёшь прямо по пахоте, левее кладбища. Видишь частые камни, поставленные недалеко друг от друга? За кладбищем — дувал. Протаранишь его с ходу, и мы окажемся во дворе школы.

Черноглазый сержант Саня энергично кивнул головой и сразу же положил руки на штурвал. Бочаров попросил афганского офицера предупредить царандоевцев о своём плане.

— Понимаешь, — объяснил он старшему капитану, — появление нашей машины с её мощным вооружением наведёт у духов приличный шорох.

Старший капитан не понял значения слов «приличный шорох», но он уловил главное, что командир роты решил лично прорваться к школе.

Радист протянул микрофонную трубку Бочарову.

— Вас командир второго взвода вызывает.

Медведев доложил, что две боевые машины с десантниками приступили к выполнению задания.

— Кто старший? — спросил капитан Бочаров.

— Командир первого отделения старший сержант Шувалов, — ответил Медведев и спросил: — Товарищ капитан, чуть южнее меня, метрах в пятистах, есть пологая высотка, вы её должны наблюдать.

— Да, вижу.

— Нельзя ли туда «слонов» направить? Они оттуда в случае чего могут миномётную батарею достать.

— Хорошо, направляю.

Бочаров тут же приказал двум танкам выдвинуться к высотке и поддержать десантников.

А десантники уже вошли в «зелёнку» и, не встречая сопротивления, продолжали движение. Бочаров кивнул механику-водителю, который выжидательно поглядывал на него из люка.

— Саня, вперёд!

БМП рывком тронулась с места и, набирая скорость, прямо по пахоте устремилась вперёд.

И в этот момент душманы открыли огонь по десанникам.

«Не забыли, сволочи, обезопасить свои тылы, — подумал капитан и тут же приказал, чтобы сапёры на своём бронетранспортёре двинулись вслед за ним. — У них кроме бортовых пулемётов есть автоматические гранатомёты, это будет хорошей поддержкой».

Он передал командирам взводов: людьми не рисковать, сковать противника огнём и сообщил о своём замысле.

Бочаров с автоматом в руках вместе со своими солдатами на борту боевой машины рвался к дели. Но мысли его были там, где действовали взводы роты. Капитан крикнул радисту:

— Выясни обстановку у Медведева.

А в это время две боевые машины стремительно неслись вдоль берега на миномётную батарею. Она уже была на виду. Шувалов увидел, как к ним наперерез бросились два душманских гранатомётчика, и рукой показал на них Леонову.

Леонов первой же длинной очередью из ручного пулемёта сразил одного душмана. Второй гранатомётчик успел залечь за невысоким глиняным дувалом. Путь боевых машин пролегал недалеко от этого места. Шувалов по внутреннему переговорному устройству приказал механику-водителю взять резко влево, затем наклонился к Леонову и прокричал:

— Антон, не дай этому духу высунуться из-за дувала!

Леонов согласно кивнул головой. На идущей следом боевой машине, оказалось, тоже заметили гранатомётчика и по дувалу ударили из орудия.

«Порядок! — обрадовался Шувалов. — Теперь он не опасен». И приказал открыть огонь из орудия БМП по быстро надвигающейся миномётной батарее. Десантники работали прямо с борта, и рой трассёров понёсся в сторону разбежавшихся душманов.

Вот и позиция батареи. Боевые машины остановились недалеко от четырёх брошенных миномётов и ящичков с минами.

Шувалов спрыгнул с машины, дал короткую очередь вдогонку трём душманам, успевшим добежать до «зелёнки», и проворчал:

— Тоже мне бой! Пыли больше, чем дела!

Осмотрел миномёты: три английских и один египетский.

Подошёл к ящичкам: все мины новехонькие, подержал в руках английскую мину — доставлена недавно. Возвратился к БМП и, взяв микрофонную трубку, связался с командиром взвода. Доложил, что батарея захвачена.

Медведев спросил:

— Потерь нет?

— Нет, товарищ ноль-десятый.

— Пленные?

— Никак нет, — ответил старший сержант, но тут же, увидев, что Леонов и Кольцов ведут захваченного в плен гранатомётчика, крикнул: — Виноват, ноль-десятый, есть один с гранатомётом.

Кончив доклад, отдал радисту микрофонную трубку и повернулся к солдатам, взявшим в плен душмана.

— Молодцы, мужики! Как вы его?

— Да очень просто. — Бросил на землю уже разряженный гранатомёт Леонов. — Ребята не давали ему высунуться из-за дувала и удрать, ну а мы с Костей с фланга приблизились и скомандовали: «Дреш!». Он улыбнулся и лапки кверху...

— Это он тебе, Антон, улыбнулся, — пошутил Кольцов, — ты ему напомнил духтар.

— «Духтар, духтар», — передразнил Леонов. — Ты лучше скажи, почему остальные гранаты не забрал?

— А где ты их видел?

— В трёх метрах от места, где он лежал.

— А я не видел, — простодушно признался Кольцов и обратился к командиру отделения: — Товарищ старший сержант, разрешите? Я сбегаю!

— Отдыхай! — Шувалов приказал двум другим солдатам забрать гранаты и спросил радиста: — От командира взвода ничего нет?

А радист в этот момент принимал распоряжение Медведева: «Занять позицию и перекрыть путь к отступлению из кишлака».

Ну что ж, для командира отделения и его солдат занять позицию — дело привычное. Боевые машины пехоты с их мощным, скорострельным оружием — на фланги, секторы огня для их орудий и пулемётов — перекрёстные, тяжёлые пулемёты и автоматические гранатомёты в центре, для обеспечения тыла — ручные пулемёты, автоматчики — в цепь. Через несколько минут Шувалов доложил: к бою готов.

А в это время командир роты на БМП пробил в дувале брешь и, давя гусеницами битый кирпич, обрушил на душманов огонь из всех видов оружия, имевшегося на борту. Оглушительно ревя двигателями, в пролом пролез и бронетранспортёр. Гулко ударил крупнокалиберный пулемёт Владимирова. Прямо с борта били автоматчики. По команде Бочарова дружно ударили и все десантники, которые уже подбежали с другой стороны.

Душманы начали разбегаться. Как только они сунулись к окраине, заработали БМП, расставленные у кишлака полукольцом. Уцелевшие бандиты стали отходить к югу, но там их встретил Шувалов со своими солдатами. Деблокированные афганские роты сразу же начали преследование.

Вскоре бой кончился. К разрушенной школе начали сносить трофеи. Шувалов на БМП доставил миномёты и мины к ним. Отличились сапёры, их командир прапорщик Святцев чётко доложил Бочарову:

— Товарищ капитан, мы обнаружили шестнадцать английских переносных зенитно-ракетных комплексов «Блоупайп».

— Где вы их взяли? Это точно «Блоупайп»?

— А я сегодня в ЦБУ видел их фотографии и тактико-технические характеристики. Вот они. — Святцев достал записную книжку, перелистал несколько листиков и начал читать: — Длина — сто тридцать пять сантиметров, диаметр — семьдесят шесть миллиметров, головка наведения — инфракрасная...

Пока прапорщик громко продолжал читать данные «Блоупайпа», командир роты весело переглянулся с офицерами: уж больно в этот момент прапорщик напоминал назидательного инструктора.

Святцев наконец оторвал глаза от блокнота и улыбнулся.

— Так что, эти ПЗРК — железно «Блоупайп». Четыре из них были подготовлены к пуску. Обнаружены рядом с убитыми операторами.

Подшли трое афганских офицеров. Старший капитан, который прибыл в кишлак вместе с советской ротой, представил Бочарову командиров афганских рот и сказал:

— Они благодарят за своевременную помощь. Если бы не вы, дело закончилось бы плохо, боеприпасы уже были на исходе.

— Помогать вам — наша обязанность, — улыбнулся Бочаров и спросил: — Какие у вас потери?

Афганцы ответили, что у них двадцать один человек погиб и двадцать семь ранены.

Бочаров помрачнел.

Командир роты царандоя сообщил:

— В банде был иностранный инструктор. Скорее всего из Европы. Он погиб, а душманы его голову отрезали и пытались унести, но и тот, который нёс эту голову, тоже далеко не ушёл, догнала его наша пуля.

— А зачем голову-то отрезать?

— Если инструктор попадает в плен, то главаря банды ждёт смерть. Поэтому, если инструктор погибает, они хотя бы его голову своим хозяевам в Пакистан несут, чтобы доказать, что тот не попал в плен. Бывают случаи, когда раненого инструктора добивают, если его нельзя унести, и опять-таки голову его с собой прихватывают...

Возвращаться решили все вместе. Советские и афганские солдаты разместились на броне техники, а в грузовики, вызванные по радио, поместили раненых и погибших солдат.

В расположении батальона капитан Бочаров доложил комбату о результатах боя.

— Хорошо, что вы подспели, — сказал комбат и повернулся к своему заместителю по политчасти. — Как, товарищ майор, считаете, отличившихся надо отметить?

— Конечно, — улыбнулся Шукалин, — кто заслужил, того следует отметить.

— У меня очень хорошо действовало отделение старшего сержанта Шувалова. Особенно отличился рядовой Леонов. Он лично уничтожил гранатомётчика, из-

готовившегося к стрельбе по БМП, а затем вместе с рядовым Кольцовым захватил в плен второго гранатомётчика.

— Ну вот и прекрасно, — обрадовался Бунцев. — А мы сегодня подготовили документы о присвоении рядовому Леонову звания «младший сержант». Вскоре надо будет ехать в Союз за пополнением. Направим туда Леонова и Кольцова, а их родителей предупредим, чтобы в Ташкент приехали. Вот обрадуются наши ребята!

Банда в долине

Когда рядовой Коблик прибыл в батальон, Леонов ему сказал: «Увидишь, пройдёт месяц и ты почувствуешь себя стариком, бывалым солдатом». Действительно, дни и недели пролетали незаметно, Николай уже освоился и чувствовал себя уверенно при выполнении боевого задания. Он успел уже заметить, что здесь война особая. Душманы избегали прямого боя. Они укрывались в тайниках, прятались в каризах, которые пронизывали все зелёные зоны, где имелись кишлаки, а когда войска проходили, вылезали наружу и продолжали своё кровавое дело. Поэтому, действуя против них, приходилось менять тактику, атаковать банды немногочисленными подразделениями, незаметно сближаясь или перехватывая душманов на марше, захватывая их склады, блокируя в горах. Эта тактика диктовала и продолжительность боя, который иногда длился только несколько минут. Коблик даже не мог сказать, попал ли он хотя бы в одного душмана.

Николай стоял у стола для чистки оружия и собирал смазанный автомат. Он заметил, что к Шувалову подошёл командир взвода. Шувалов доложил, чем занимается отделение, и они медленно пошли вдоль столов. Медведев остановился у стола Коблика:

— Ну как, рядовой Коблик, привыкли уже к нашей службе?

— Так точно, товарищ старший лейтенант, привык.

— Он молодец, быстро вошёл в форму, действует в бою грамотно, — похвалил солдата старший сержант Шувалов.

— Это хорошо, — улыбнулся командир взвода. — Нам нужны надёжные ребята. Кстати, рядовой Коблик, а вы знаете, что в разведвзводе есть ваш земляк, минчанин, рядовой Чайкин?

— Так точно, товарищ старший лейтенант, знаю. Мы вместе прибыли сюда, правда, с того момента мы и не виделись.

— Ну вот как получается! Заканчивайте сборку оружия и подойдите в разведвзвод.

Вскоре Коблик был у разведчиков. Чайкин, увидев его, обрадовался.

— Молодец, что отыскал меня, а то мы всё время с одного задания идём на другое и я никак не соберусь к тебе. Подожди, я попрошу командира отпустить меня минут на десять, поговорим.

Вскоре Чайкин вернулся, и они направились к клубу, там уселись на низенькой скамейке и разговорились. Вспомнили дом, общих знакомых, удивились, что, участвуя вместе в трёх операциях, не видели друг друга. Затем, прогуливаясь вдоль аллеи, увидели, что возле штаба остановился «уазик» и из него вышли два

генерала. Солдаты взяли под козырёк и вытянулись по стойке «смирно». Чайкин чуть слышно произнёс:

— Генерал-лейтенант Дубик и генерал-майор Щербак. Они вчера были у нас во взводе.

Генералы направились к штабу, где у входа уже стояли командир батальона, замполит и начальник штаба.

В это время подъехал ещё один «уазик», из него вышли советский и афганский офицеры и быстро прошли в штаб. Чайкин сказал:

— Что-то много командиров собирается, жди, могут по тревоге поднять.

Договорившись, что в дальнейшем будут почаще встречаться, парни разошлись.

А в это время генерал-лейтенант Дубик представил собравшимся офицерам высокого, крупного афганца:

— Подполковник министерства государственной безопасности Афганистана товарищ Джалал.

Джалал, улыбаясь, покивал головой. Круглолицый, кареглазый, с обязательными для афганца усами, в тщательно подогнанной форме, он располагал к себе.

Дубик продолжал:

— У товарища Джалала есть для нас информация. Прошу, товарищ подполковник.

Джалал расстелил на большом столе карту и начал говорить на русском языке:

— Вчера днём мы получили данные о том, что в кишлаке Калай-Ато, расположенном в долине Тангисейдан, появилась банда, которая держит в плену двух советских военнослужащих. Чтобы проверить эту информацию, я направил в Калай-Ато своего человека, который сообщил; что действительно в этот кишлак прибыла банда главаря Дангала, человек шестьдесят. Установлено, что в пещере, которая находится в скале, душманы содержат пленников, в том числе одного русского.

— Кишлак расположен прямо в горах? — спросил комбат Бунцев.

— Да. Этот кишлак довольно большой, в нём приблизительно пятьдесят домов. Все дома расположены на склонах гор. Население ушло из кишлака в Кабул ещё два года назад, так как банды постоянно грабили дехкан. Дангал разместил душманов в трёх самых больших домах. Сам занял дом, расположенный недалеко от пещеры.

— Чего они явились? — озабоченно спросил начальник штаба майор Мисник.

— Душманы намерены доставить своих пленников в Пакистан. А задержались они в кишлаке только потому, что Дангал направил троих своих человек в Кабул. С какой целью он их послал, мы пока не знаем. В банде имеются один крупнокалиберный пулемёт и несколько переносных зенитно-ракетных комплексов. По нашим данным, они выставили их на ближних вершинах гор.

Бунцев понимал: раз Дубик прибыл сюда, значит, проводить операцию придётся его батальону. Поэтому подполковник с пристрастием задавал вопросы:

— Дороги, ведущие к кишлаку, наверное, заминированы?

— Конечно. Душманы заранее понаставили там мин. Нередки случаи, когда животные подрывались.

Дубик выждал, пока Бунцев и Мисник выяснят всё, что их интересует, и сказал:

— В операции будут участвовать рота афганской армии и одна рота вашего батальона, усиленная разведвзводом и взводом сапёров.

Увидев удивлённые лица комбата и начальника штаба, пояснил:

— Местность такова, что там нужны и разведчики, и сапёры, поэтому сил не надо жалеть.

Бунцев вопросительно посмотрел на начальника штаба. Тот понял, что хочет командир, и предложил:

— Давайте пошлём роту Бочарова, разведвзвод Иванько и сапёрный взвод лейтенанта Кузнецца.

Комбат повернулся к генералу Дубику и, поддерживая предложение, пояснил:

— И разведчики, и сапёры этих взводов чаще всего контактировали с ротой капитана Бочарова.

— Не возражаю, — ответил Дубик и повернулся к Джалалу: — Товарищ Джалал, когда будет готова ваша рота?

— Она уже готова.

— Уточнив время соединения с ротой Бочарова, Джалал ушёл. Вскоре собрались уезжать и генералы. Дубик не любил мешать подчинённым готовиться к выполнению задачи. Бунцев, провожая генералов к машине, обратился к Дубику:

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите мне пойти с моими?

— А вы что, не доверяете командиру роты? — прищурился Дубик.

— Никак нет, капитан Бочаров очень опытный и знающий командир, но я не люблю сидеть без дела.

— У вас работы хватит, и мы с вами не знаем, что нас ждёт через час-два. Так что, Михаил Петрович, занимайтесь по плану. На всякий случай свяжитесь с лётчиками и договоритесь о взаимодействии, я команду дам.

Дубик взялся уже за ручку дверцы, когда Щербак остановил его:

— Виктор Петрович, вы не возражаете, если я останусь в батальоне? Поговорю с политработниками, заодно посмотрю, как идёт подготовка солдат к походу.

Чуть помедлив, генерал-лейтенант согласно кивнул головой.

— Хорошо, Валентин Григорьевич, оставайтесь. — Он повернулся к Бунцеву: — Товарищ подполковник, генерала Щербака без сопровождения из части не выпускать! Ясно?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

К вечеру колонна боевых машин двинулась из городка. Коблик сидел рядом с Леоновым и Кольцовым на броне третьей машины и искал глазами Павла. Они увиделись позже, когда колонна на окраине города встретила афганскую роту, и, растянувшись почти на километр, двинулись дальше уже вместе. У предгорья колонна остановилась. Вскоре боевые машины образовали круг. Солдаты быстро установили небольшую палатку, от ближайшего бронетранспортёра подали свет. Бочаров и Джалал развернули на складном алюминиевом столе карту и начали инструктаж. Бочаров рассказал офицерам о замысле и предложил план действий.

Затем подполковник Джалал и командир афганской роты определили старших каждой из четырёх групп, а командир сапёрного взвода лейтенант Кузнец выделил для каждой из этих групп по одному отделению.

Убедившись, что советские и афганские офицеры уже согласовали свои действия, Джалал подвёл итоги инструктажа:

— Наш план рискованный и дерзкий. Но если нам удастся ночью незаметно войти в кишлак, то бой завершится быстро и успешно. Я со своей группой буду вместе с разведчиками.

Прошёл ещё час, и длинная цепочка советских и афганских солдат двинулась к горам. Впереди действовали группы разведчиков.

В темноте, стараясь не шуметь, начали подъём. Путь лежал по очень крутой, практически незаметной в ночи тропе, знать которую мог только такой человек, как помощник Джалала, местный житель. Вслед за разведчиками шли солдаты роты Бочарова. Почти на середине подъёма взводы один за другим начали уходить в разные стороны. Им предстояло по крутым, отвесным бокам гор достичь постов противника, окружить их и ждать команды.

Отделению Шувалова предстояло захватить один из постов ПВО. Надо было незаметно приблизиться к самой вершине горы. Судя по карте, высота её три тысячи двести восемьдесят метров. Более чем на километр выше того места, где будет находиться КП капитана Бочарова.

Тяжело передвигаться в горах. Особенно сложно ночью, когда любой шаг может оказаться роковым. Поджидают и пропасти бездонные, и пули душманские, и минная растяжка. Как и положено, люди старались двигаться цепочкой, один за другим. Тихое шуршание мягкой осыпи из-под ног да приглушённое частое дыхание. Глаза видят впереди тень карабкающегося вверх человека. А кто-то сзади, точно также видит тебя.

Коблик двинулся сразу же за Кольцовым, а за ним — Леонов. Николаю казалось, что силы вот-вот иссякнут и он оступится и полетит вниз. Хотелось передохнуть, перевести дыхание, поправить ставший чертовски тяжёлым бронжилет, но Шувалов, двигавшийся первым, упрямо карабкался всё выше и выше. Изредка из-под чьей-то ноги выскальзывал камешек и, увлекая за собой другие камешки, с шумом устремлялся вниз. И тогда всё отделение замирало: не взвьётся ли вверх душманская осветительная ракета, не ударит ли по склону длинной очередью пулемёт?

На небольшой площадке, образовавшейся в едва заметном углублении в скале, остановились на короткий отдых. Старший сержант Шувалов на ощупь пересчитал своих солдат и облегчённо вздохнул: все на месте, никто не отстал. Шёпотом сказал:

— До духов метров триста. К ним подойдём группами. Первым пойду я со своей группой.

Он назначил Леонова старшим второй группы, а сам сразу же повёл первую группу дальше.

Леонов приказал своим:

— Десять минут отдыха.

А афганская рота и оба советских взвода в это время заканчивали спуск по водостоку. Старались не шуметь, стиснув зубы переносили болезненные удары камней, которые срывались из-под ног идущих сзади и больно врезались в спину, а нередко и в голову тех, кто двигался ниже.

Когда наконец спустились, то оказалось, что семь человек получили ранения в голову. Их быстро перевязали, прикрыли чем смогли белеющие бинты и двинулись вслед за проводником к кишлаку.

К четырём часам утра на КП Бочарова поступили доклады от всех групп. Они заняли исходные позиции и готовы были к действию. Кроме захвата постов, роте Бочарова предстояло блокировать кишлак по вершинам гор, и командир роты ещё раз связался с командирами взводов и отделений, предупредил их, чтобы маскировались тщательнейшим образом, так как согласно плану первыми начнут действовать те, кто в кишлаке, а рассвет раньше наступит на вершинах.

После этого Бочаров связался с командиром сапёрного взвода и поинтересовался, каким образом сапёры намерены оказать помощь афганским солдатам штурмовать высокие дувалы. Лейтенант Кузнец ответил:

— Ищем жерди и готовим штурмовые лестницы.

— А шума не поднимете, сбивая эти лестницы? — спросил в микрофон Бочаров.

— Никак нет, мы их вяжем.

— Где берете жерди?

— Немного в одном дворе нашли, а верёвки у нас есть, заканчиваем уже пятую лестницу.

Бочаров протянул радисту микрофонную трубку и мысленно похвалил сапёров за смекалку. Попробуй-ка поднимись на четырёх-пятиметровую стену!

Затем капитан проверил, как устроили свои позиции миномётчики. Убедившись, что все три ротных миномёта были готовы к бою, подошёл к командиру афганской роты, молоденькому, на вид не старше двадцати пяти лет, лейтенанту.

— Как дела, рафик?

— Всё в порядке, товарищ капитан, мои люди готовы к бою.

Разговор вёлся через переводчика — солдата-таджика.

— Миномётами мы отсюда достанем до любого душманского дома, так что если понадобится, то врежем.

Выслушав переводчика, лейтенант смущённо спросил:

— А что такое «врежем»?

Бочаров рассмеялся:

— Это когда мины лягут прямо в цель.

Теперь уже засмеялся лейтенант.

— Хорошее слово «врежем», буду ханум пугать.

— Во-во, — подзадорил капитан, — припугни её, сразу любить станет крепче.

Бочаров понимал, что согласно обычаям в Афганистане не принято говорить с мужчиной о его жене, но если лейтенант сам завёл разговор о ней, то, значит, он не признаёт эти предрассудки, но продолжать разговор на эту тему воздержался, только спросил:

— У тебя сколько детей, рафик?

— Всего семь, — скромно пояснил лейтенант.

— Мы желаем твоим детям и их матери здоровья и счастья.

Иванько, засевавший со своим взводом в двадцати метрах от пещеры, нетерпеливо поглядывал на небо. В кишлаке уже чувствовалось приближение утра. Можно было различить казавшиеся угрюмыми отдельные дома-крепости. Чуть дальше темнело пятно какого-то сада. Сейчас всё чётче и чётче, словно на проявленной фотоплёнке, можно было различать отдельные деревья.

Вдруг из крепости, в которой засел главарь банды, донёсся визгливый крик ишака.

«Пора», — решил Иванько и молча дотронулся до руки лежавшего рядом Джалала. Тот тихо прошептал:

— Можем начинать.

Иванько привстал и, махнул рукой, низко пригибаясь к камням, побежал к пещере. Солдаты взвода, не отставая, бросились вперёд.

Бочаров хорошо видел в бинокль, как поднялся разведвзвод, и, не отрываясь от прибора, приказал радисту:

— Передайте всем — вперёд!

И тут сонный покой ещё не обогретых тёплыми лучами солнца гор разорвался звонкими очередями автоматов, короткими взрывами гранат.

Разведчикам повезло. Они почти без боя, уничтожив четверых охранников, из которых только один успел дать короткую очередь, ворвались в пещеру. Иванько, чтобы не быть мишенью на фоне большого лаза, отступил к выступу и громко крикнул:

— Есть здесь русские? Мы — свои!

Откуда-то слева послышался прерывистый голос:

— Товарищи, мы здесь!

Кто-то из солдат включил фонарик. Луч выхватывал из темноты какие-то лица. Лейтенант рванулся к ним.

— Кто здесь? — почему-то громко крикнул он.

— Я — рядовой Носов.

Иванько осветил говорящего. Перед ним полулежал молодой парень. Обмундирование — одни лохмотья, лицо и голова покрыты сплошной кровавой коркой.

Иванько спросил:

— Есть ли здесь ещё наши?

— Нет, я один. Остальные — афганцы, их пятеро. По-моему, все офицеры.

— Поэтому и таскали с собой, чтобы в Пакистане бакшиш хороший получить, — пояснил подошедший сзади Джалал. — Пленных следует вывести наружу, а мы хорошенько осмотрим пещеру. Она большая, и, может, кто-либо из душманов спрятался.

Иванько протянул Носову руку и мягко сказал:

— Вставай, браток, пойдём отсюда.

— Я не могу, друг, у меня ноги перебиты. Поэтому и успели меня взять.

— Что, на мину напоролся или очередью достали?

— Нет, по-моему, снаряд безоткатки или миномётная мина недалеко разорвалась. Когда пришёл в себя, то уже связанный по рукам и ногам на спине ишака лежал.

Иванько приказал солдатам вынести Носова из пещеры, а сам, чуть хромая — где-то ударил ногу, — направился следом.

По радиации Иванько доложил Бочарову о захвате пещеры. Командир роты спросил:

— Ты видишь дом, где засел главарь банды?

— Да, он метрах в трёхстах от меня, там слышна стрельба.

— Духи смогли отразить атаку и теперь, заняв круговую оборону, яростно сопротивляются. Там наше отделение сапёров. Оставь с освобождёнными пленниками одно отделение, а с остальной частью взвода окажи помощь. На месте разберись, если обстановка сложная, то не рискуй людьми. Отведи наших и афганских товарищей от крепости и обозначьте себя дымами. Мы ударим по крепости из «самоваров».

Так солдаты и офицеры между собой называли миномёты.

Иванько быстро отдал необходимые распоряжения и, договорившись с Джалалом, что он останется у пещеры, бросился к крепости. Пули свистели рядом, и приходилось низко пригибаться к земле.

Бочаров со своего КП хорошо видел весь кишлак. Три группы душманов и их посты на вершинах гор были ликвидированы быстро, вот только случилась осечка с группой главаря. То ли его люди были особенно бдительными, то ли смогли случайно увидеть солдат, окружавших их крепость, но, как бы там ни было, фактор внезапности был утерян и сейчас надо было вести бой с противником, укрывшимся за толстыми глиняными стенами.

Дом, в котором засел главарь группы, действительно оказался крепостью. Высокая стена-дувал квадратной формы казалась неприступной, по углам имелись небольшие башни с бойницами. Ночью там находились караульные. Очевидно, они-то и заметили, как солдаты устанавливали лестницы.

Посоветовавшись с прапорщиком Святцевым, который командовал группой сапёров, и командиром афганского взвода, штурмовавшего крепость, Иванько связался с капитаном Бочаровым и предложил свой план: сбить душманов с дувала и крыш, взорвать большие деревянные ворота, а затем, используя лестницы, одновременно через стены и ворота атаковать крепость.

Ещё до наступления рассвета отделение старшего сержанта Шувалова подошло к посту и залегло, ожидая сигнала.

Когда по команде Шувалова солдаты бросились к камням, где засел противник, то там оказалось только два душмана, а справа по ним полоснула очередь ручного пулемёта. Коблик видел, как туда метнулся командир отделения, и, понимая, что пулемётчику нельзя дать вести прицельную стрельбу, старался не дать противнику высунуться из-за камня. А Шувалов, обойдя пулемётчика справа, короткой очередью сразил его. Коблик решил сменить позицию и вскочил на ноги. Но вдруг увидел, что из-за ближайшего камня поднялся во весь рост душманский автоматчик. Он целился в Коблика. Николай тут же нажал на спусковой крючок,

но автомат молчал: «Осечка?!». И Коблик растерялся. Как заколдованный, он стоял перед душманом и глядел прямо в дуло автомата. И, конечно, стал бы этот миг последним в жизни Николая, если бы не Леонов. Длинной очередью он опередил душмана, и тот упал на камни.

— Прежде чем сменить позицию, надо поменять магазин, — бросил Коблику Леонов и, пригибаясь, побежал туда, где слышалась стрельба.

Вскоре бой был закончен. Все восемь душманов были уничтожены. Кроме ручного пулемёта и пяти автоматов у душманов захватили переносную зенитно-ракетную установку с пятью ракетами и два пистолета. Кольцов пнул ногой треногу установки и шутя обратился к Леонову:

— Товарищ младший сержант, доложите, что за штуковина!

— Одну минутку, товарищ маршал, — ответил Леонов и наклонился к установке. — Так, знакомая игрушка. — Он выпрямился и, напрягая память, сообщил: — ПЗРК «Мистраль» французского производства. Длина — сто восемьдесят один сантиметр, скорость около восьмисот метров в секунду, вес боевой части — три килограмма; она осколочно-фугасная, диаметр ракеты — девяносто миллиметров. — Он помолчал немного, а затем продолжал: — Наведение ракеты на цель — с помощью пассивной инфракрасной головки. Дальность стрельбы шесть километров, высота поражения до трёх километров. — Леонов потрогал рукой треногу: — Как видите, рядовой Кольцов, эта тренога отличается от вашей гитары тем, что на ней имеются оптический прицел, привод для ручного наведения установки и сиденье для оператора.

— Во даёт, — восхищённо воскликнул Попов. — Слушай, Леонов, где ты так нахватался?

— Хватают желтуху или тиф, — философски изрёк Антон. — А мои познания опираются на глубокое знание тактико-технической характеристики оружия противника. И если бы вы, товарищи, не били баклуши, а почаще заглядывали в справочную литературу или хотя бы изучили плакаты с изображением оружия противника, то мне не пришлось бы сейчас тратить своё драгоценное время на лекцию.

А в этот момент прапорщик Святцев наконец-то смог подорвать ворота, ведущие в крепость. Одни солдаты под прикрытием пыли рванулись во двор, другие, забрасывая душманов, засевших на крышах, гранатами, по лестницам начали забираться на дувал. Вскоре всё было кончено. Двенадцать душманов и главарь банды Дангал сдались, остальные были уничтожены.

Джалал и его люди приступили к допросу пленных, а Бочаров вызвал вертолёт для доставки освобождённых из рук душманов советского солдата и афганских офицеров, затем дал команду командирам взводов сниматься с «блока».

Командир второго взвода Медведев по радиостанции попросил разрешения спуститься с высоты всем его отделением самостоятельно, по пологой восточной стороне.

Бочаров понимал, что тащить на себе захваченное у душманов оружие по крутым склонам очень тяжело, поэтому, согласовав место встречи, разрешил им спуск.

К двенадцати часам основные силы советско-афганского отряда прибыли к месту встречи, но взвода Медведева ещё не было, и Бочаров, объявив короткий привал, приказал радисту связаться со старшим лейтенантом. Медведев сообщил, что ждёт подхода отделения Шувалова, которое почему-то задерживается и по радиостанции не отвечает.

Прошло полчаса. Шувалов не объявлялся. Бочаров, внимательно изучив карту, пришёл к выводу, что отделение могло сбиться с пути и затеряться среди ущелий. Смущало то, что Шувалов не выходит на связь. Решили двинуться на соединение с Медведевым и всем вместе организовать поиск.

На душе у Бочарова было тревожно.

Бой в окружении

Шувалов двигался первым. За ним шли в приподнятом настроении солдаты, выполнив боевое задание без потерь. Все с удовольствием, не экономя воду, прикладывались к флягам, рассчитывая быстро вернуться в подразделение.

Тропа становилась всё более пологой, идти было легче. Шувалов часто поглядывал то на карту, то на компас. Через четыре километра поворот на север, а там не более километра до встречи со своей ротой. Командир отделения чуть замедлил шаг и оглянулся. Солдаты передвигаются как и положено, соблюдая дистанцию, в затылок друг другу. Они вышли из узкого ущелья и зашагали по небольшому плато, усеянному крупными и мелкими камнями. Какая-то неясная тревога родилась в душе Шувалова. Он внимательно посматривал по сторонам, а затем, полуобернувшись, коротко приказал:

— Передать по цепочке: быть начеку, интервал между собой пять метров.

Отделению надо было пройти по открытой местности, с двух сторон ограждённой горами. А в них много расщелин, трещин, выемок, в которых можно хорошо замаскироваться.

«Да, фланги нехорошие, того и гляди...» — додумать Шувалов не успел. Справа и слева ударили выстрелы. Он, падая, крикнул:

— Ложись! Огонь!

Полоснув по левой гряде из автомата, Шувалов оглянулся. Они находились на склоне небольшой, с пологими боками высотке. Ни ямки, ни больших валунов, за которыми можно укрыться! Шувалов понял, что попали в засаду в очень неудобном месте и надеяться на то, что душманы скоро отойдут, не следует. «Засекли ещё тогда, когда мы спускаться начали. Успели, сволочи, хорошо подготовиться, да и место выбрали удачное».

— Обложиться камнями, патроны экономить! Бить только наверняка! — Он помедлил секунду и опять, стараясь перекричать грохот выстрелов, крикнул: — Попов, попытайся подавить пулемётчика!

Копать землю было бесполезно, и солдаты сгребали камни впереди себя, закрывали в первую очередь голову.

— Командир! — слышался голос радиста. — Слышишь, командир, у меня радиостанцию разбили!

«Ну вот, начинается!» — чертыхнулся в душе Шувалов и вытащил две красные ракеты. Душманы всегда стремятся в первую очередь вывести из строя радиостанцию. На сей раз им это удалось. Шувалов выпустил в небо одну за другой две красные ракеты. «Только увидят ли их свои?»

Некоторая растерянность, вызванная неожиданным нападением, прошла. Мысль работала чётко и ясно. Шувалов уже прикинул, что предпринять. Громко крикнул:

— Леонов! Бросай дымы направо, я — налево!

Дымовые шашки были только у Леонова и Шувалова.

Леонов действовал расчётливо: бросил три «дыма», и плотная оранжевая полоса растянулась метров на сорок. Шувалов сделал то же, и теперь две стены дыма на время спрятали ребят от душманов. Душманам пришлось вести огонь вслепую. Шувалов вскочил на ноги.

— Мужики, отходим к вершине высоты!

Они подхватили убитого и раненого товарищей и быстро сменили позицию. На самом верху расположились по кругу и начали обкладываться камнями. Каждый понимал, как важно в эти минуты укрыться. Они лихорадочно сгребали камни, подтаскивали куски породы побольше, но и «духи» не дремали. Они поняли манёвр советских солдат и, непрерывно ведя огонь, двинулись через дымовую завесу вперёд. Пригибаясь и прячась за камни, душманы быстро окружили пологую высоту.

Шувалов прикинул, что наиболее удобной у душманов будет позиция справа. Тут невысокая гряда камней позволяла хорошо укрыться, а пологий склон давал возможность быстро приблизиться к окружённым. Шувалов, рукой показывая на гряду, приказал:

— Леонов и Коблик, с ручным пулемётом держите под прицелом вот тот участок. Попов и Кольцов, прикройте тыл. Турлаков! Феликс, — окликнул старший сержант рыжеволосого кучерявого гранатомётчика, — на левый фланг! Бадаев — с ним!

Полоснув короткой очередью по показавшимся из-за большого валуна трём душманам, Шувалов оглянулся:

— Гулямов, как у Банявичуса? Опасно?

Невысокий и юркий рядовой Гулямов, заканчивая перевязку, ответил:

— Сквозное ранение в бедро, кровоточит и правое плечо.

Банявичус приподнялся на здоровое плечо.

— Я могу вести огонь левой рукой.

— Хорошо, Альгирдас. Давай ко мне. Гулямов, помоги.

Шувалов уступил Банявичусу свое место за небольшой каменистой насыпью и после короткой очереди по душману, попытавшемуся занять более удобную позицию, тут же начал сооружать новый бруствер.

Душманы усилили огонь, они пока не рисковали идти в атаку и, словно стая волков, кольцом обложив отделение Шувалова, вели бешеный огонь и выжидали.

Замысел их был ясен: заставить десантников израсходовать боезапас, а затем взять их голыми руками.

Шувалов, яростно обламывая ногти, сооружал защитный рубеж. Гулямов подтащил довольно большой камень.

— Командир, держи!

— Спасибо Гулямов, ты его к Банявичусу пододвинь, видишь, он плохо укрыт. А сам ползи к Леонову и Коблику, по-моему, там будет тяжелее всего. Пока в атаку не идут, ведите огонь только одиночными.

Леонов и Коблик видели, что уже не менее трёх десятков душманов находится напротив их, явно готовясь к броску. Справа от Леонова устроился Гулямов. Он умудрился притащить ещё один довольно большой камень и сейчас маленькой сапёрной лопаткой лихорадочно долбил каменный грунт.

Коблик оглянулся и увидел всех ребят. Они то стреляли, то долбали лопатками землю, стараясь получше укрыться. Только Толя Корж лежал в центре круга. Пуля поразила его в голову, и умер он, не мучаясь. Коблику стало не по себе от мысли, что Толя лежит на виду у противника и совсем не защищён от его пуль.

«Может, попытаться как-то укрыть Толю?» — подумал Коблик и хотел подползти к убитому товарищу. Но тут совсем рядом, у виска, засвистели пули. Одна из них высекла искру из небольшого камня прямо в лицо, вторая ударила в металлический приклад автомата. Нет, высовываться из-за бугорка нельзя! Да и вокруг погибшего поднимаются фонтанчики пыли: попробуй сунься!

Душманы усилили огонь. Теперь они стреляли уже с трёх сторон. Только там, где находились Шувалов и раненый Банявичус, было пока тише.

Шувалов чуть сдвинулся вправо, чтобы помочь Леонову, Коблику и Гулямову. Им приходилось тяжелее всех. Душманов сдерживал только точный огонь Леонова, который короткими очередями из ручного пулемёта осаждал их.

Вдруг Коблик увидел, как между двумя большими валунами тенью проскользнул и залёг душманский гранатомётчик. Николай взял под прицел камень и затаил дыхание. Вот душман чуть-чуть приподнялся над камнем, чтобы выстрелить из гранатомёта. Николай тут же поймал его на мушку и плавно нажал на курок. Бандит как на пружине подскочил, выронил из рук гранатомёт и упал головой на округлый камень.

— Молодец, Коблик! — похвалил солдата видевший всё это Шувалов.

Неожиданно умолк пулемёт Леонова, и душманы сразу же зашевелились, начали перескакивать от одного камня к другому, стараясь ближе придвинуться к десанникам.

Шувалов тревожно посмотрел в сторону Леонова.

— Что там у тебя, Антон?!

— Пулемёт перезаряжает, — ответил за него Коблик.

Странное чувство овладело Кобликом. Они были в окружении, смерть стояла рядом, она витала над головой в любой выпущенной противником пуле, а у Коблика не было страха. Он только в этом бою, увидев, что уже несколько душманов были сражены его огнём, почувствовал себя солдатом. Теперь все они — девять живых и один погибший — были единым, неделимым организмом, который будет сражаться до последнего патрона.

А над головой по-прежнему белёсое небо с раскалённым ярким диском солнца. Попить бы! Но увы, фляга пуста.

Коблик экономил боеприпасы, старался стрелять метко. Он брал на прицел камень, за который только что нырнул очередной душман, и безотрывно следил за ним. В поле зрения попадали и другие «духи», которые перескакивали от одного камня к другому, но Коблик не отвлекался на них, он ждал «своего». И когда душман, пытаясь сделать очередной бросок, выскакивал из-за камня, Коблику не надо было тратить время на прицеливание: одиночный выстрел попадал в цель. Николай намечал себе следующего душмана, стараясь выбрать того, который был ближе других.

Вдруг послышался резкий свистящий звук, и почти в центре круга, который образовали солдаты отделения, одновременно с белёсой вспышкой раздался взрыв. И тут же послышался голос Шувалова:

— Попов, это с вашей стороны гранатомётчик бьёт?

— Да. Но больше не будет, я успел его подловить.

А душманы всё усиливали огонь, всё чаще делали перебежки, стараясь приблизиться к советским солдатам. Теперь Шувалов уже точно знал, что их не менее двухсот. Было ясно, что главарь банды не пожалеет своих людей для того, чтобы захватить в плен хотя бы одного советского солдата. Передав по цепочке, чтобы ребята окапывались как можно лучше, Шувалов тоскливо посмотрел туда, где находились высокие горы: успеют ли свои прийти на помощь? Он достал ещё пару ракет, и вскоре они взвились в небо. Банявичус с сомнением покачал головой.

— Заметят ли ракеты в роте, видишь, какие горы высокие?

Ответить Шувалов не успел. Со всех сторон, казалось, из всего имеющегося оружия, с новой силой душманы ударили по отделению. Они выскакивали из-за камней и бежали к высотке. Старший сержант перевёл рычаг на стрельбу очередями и громко, стараясь перекричать грохот, крикнул:

— Отделение, к бою!

Но все его солдаты были начеку. Громко и зло заработал автоматический гранатомёт Турлакова, звонко ударил очередями пулемёт Леонова, послышались очереди сзади.

«Значит, со всех сторон пошли», — подумал Шувалов и дал первую очередь по душманам. Трое из них, словно споткнувшись, упали. Остальные, низко пригибаясь к земле, продолжали бежать. Банявичус тоже открыл огонь. Превозмогая боль и приложив приклад автомата к левому плечу, он стрелял довольно точно. Это было видно по тому, как несколько душманов сразу же осели. Первыми отбили атаку и заставили «духов» отступить Турлаков и Бадаев. Затем Попов и Кольцов, на позиции которых наступала небольшая группа, смогли противника повернуть назад. Наконец и Шувалову с Банявичусом удалось отогнать душманов обратно. Но на правом фланге обстановка сложилась напряжённая. Душманы подошли в этом месте близко. Их ручные гранаты чуть-чуть не долетели до позиций десантников. Шувалов приказал Банявичусу оставаться на месте, а сам переместился вправо, и его фланговый огонь оказался кстати. Вскоре душманы залегли, а затем начали отползать. Атака захлебнулась. Но передышка была короткой.

— Командир, — позвал Банявичус, — начинается!

Шувалов и сам уже видел, как из-за камней снова показались «духи». Он достал красную ракету и выпустил в небо. Вдруг заметят наконец свои.

Не знал старший сержант Шувалов, что группа разведчиков, высланная командиром роты вперёд, увидела именно эту ракету и сообщила капитану Бочарову. Советские и афганские солдаты спешно двинулись в этот квадрат.

Младший сержант Чайкин находился в группе разведчиков, выдвинутой далеко вперёд. Он-то и увидел первым красную ракету. Павел уже знал, что пропало отделение, в котором служил Коблик, и очень переживал за ребят.

К разведгруппе присоединились основные силы советской и афганской рот. Бочаров, глядя на карту, задумчиво почесал подбородок: «Шувалов скорее всего решил идти на соединение со взводом через невысокий перевал, находящийся в четырёх километрах от того места, где замечена ракета. Только бы они продержались».

А Шувалов и его солдаты продолжали вести тяжёлый непрерывный бой. Боеприпасы таяли, дважды приходилось прибегать к гранатам: так близко подходили душманы. Отделение отразило уже семь атак, погиб Гулямов, ранены Попов и сам командир. Правда, Шувалов получил нетяжёлое ранение, а вот Попов был ранен в голову. Его перевязали, и, когда ему стало легче, он снова взялся за оружие. Шувалов постоянно напоминал:

— Ребята, не давайте вести огонь из гранатомётов.

Парни старались так и делать. Понимали, что если от пуль их небольшие насыпи ещё могли защитить, то от гранаты им не укрыться.

Когда отбили очередную атаку, Шувалов добрался до Леонова и Коблика. Горестно вздохнул, увидев погибшего Гулямова, которого ребята, как смогли, спрятали за небольшую насыпь, затем спросил:

— Ну как, мужики?

— Попить бы, — шевеля запёкшимися губами, хрипло ответил Коблик.

Леонов, не отрывая глаз от камней, за которыми засели душманы, ворчливо сказал:

— Не пойму их, чего лезут. Смотри, уже человек двадцать пять потеряли. Знают же, что всё равно живыми мы не сдадимся, а своих не жалеют.

— Что поделаешь, хозяева гонят темных мужиков, вот и лезут. — Шувалов оглядел позицию. — Как с боеприпасами?

— Осталось восемь гранат и половина боекомплекта.

— Командир, — вдруг встрепенулся Коблик, — а где трофейные автоматы и ручной пулемёт?

— Верная мысль. Их тащили Турлаков и Бадаев. Я выясню. Правда, не знаю, есть ли патроны, я же говорил, чтобы их уничтожили на месте.

— В магазинах должны остаться, — заметил Леонов и пошутил: — А ты, Коля, не хотел бы пальнуть в духов из ПЗРК?

— А что, я ни разу не стрелял из этой штуковины.

— Нет, Коблик, тебе нельзя, — Леонов сделал серьёзное лицо. — Ты же и здесь умудришься самолёт подбить.

Шувалов по достоинству оценил юмор своих боевых товарищей в такой обстановке: «Дорогие мои ребята! Сами бодрятся и меня поддерживают».

Пользуясь передышкой, Кольцов делал перевязку Попову. Шувалов дополз к ним и перевёл дыхание, а потом спросил, как у них с патронами. Кольцов ответил:

— Остался ещё целый боекомплект. Хорошо, что брали по два. Но мы у наших оппонентов одолжили. Смотри, сколько их.

Только теперь Шувалов обратил внимание, что у Попова, кроме снайперской винтовки, имеется автомат. Взял его в руки: западногерманский, девятимиллиметровый.

— А патроны?

— Вот — четыре полных магазина и россыпью штук двести будет.

— А у меня египетский автомат и четыре полных рожка, — подхватил Кольцов.

— Порядок! Поползу дальше. — Шувалов незаметно исчез.

Турлаков и Бадаев набивали ленту автоматического гранатомёта небольшими специальными гранатами.

Шувалов огляделся и понял, что дела на этой позиции обстоят лучше, чем у Леонова и Коблика. Убитые душманы ближе ста пятидесяти метров не лежали. Автоматический гранатомёт — мощное оружие, и душманов он останавливал далеко от десантников.

— Феликс, а где трофейные автоматы?

— Вон в мешке, — кивком головы указал Турлаков.

— Патроны в магазинах есть?

— По-моему, есть. Ты хочешь ими воспользоваться?

— Ага. Передай пару автоматов и все магазины Коблику и Леонову. У них патроны к пулемёту кончаются.

Не обращая внимания на усилившуюся в бедре боль, Шувалов пополз к своей позиции. Не успел он перевести дыхание, как душманы опять начали выползать из-за камней. Начинаясь новая атака.

Возвращение

Валька провела бабушку Прасковью только до калитки, та дальше не разрешила: дул прохладный сентябрьский ветер, моросил дождь.

— Возвращайся, внученька, в дом и закройся. Смотри братика и сестричку, я управлюсь по хозяйству и приду к вам ночевать, — сказала на прощание бабушка.

— Не забудь хлебушка нам принести, — расплакалась малышка.

— Принесу, принесу! И хлебушка, и сальца... Дед Кузьма скоро должен вернуться из Быхова, что-нибудь да принесёт... Картошечку вам приготовлю... Иди, моя сиротинушка, в дом...

Валька ещё немного постояла, смотрела, как бабушка топает по грязной улице, выбирая дорогу посуше. Затем, почувствовав холод, от которого не защищал старый отцовский пиджак, потопала босиком по лужицам на крыльцо. Вытерла грязные ноги сухой тряпкой, нащупала дверную скобу, с трудом отворила дверь и почти впрыгнула в дом. Сняла большой мокрый пиджак и затащила его на печь, которая приятно дышала теплом. Младшие Петрик и Галька ещё не спали, но лежали на койке возле печи, накрывшись одеялом почти с головой. Напуганные бабушкой Прасковьей, что их ухватит злой волк, если они вдруг надумают выскользнуть на улицу, прислушивались к Валькиным шагам и шуршанию на печи. А та прилегла худыми продрогшими плечиками на твёрдый, но ещё горячий верх печи.

С койки послышался тихий, нудный плач Петрика:

— Хочу кушать... — жаловался он сквозь слезы...

— И я хочу кушать, — прибавила свой писклявый, слабый и заплаканный голосок Галька.

— Перестаньте выть! — наконец резко отозвалась Валька, — бабушка Прасковья ушла ужин готовить. Полежите немного, подождите. И дедушка скоро вернётся с базара. Что-нибудь вкусное принесёт.

— Хочу на печь, здесь холодно, — закапризничал Петрик.

— И мне холодно, хочу на печь, — громче заплакала Галька.

— Хорошо. Поднимайтесь ко мне, — согласилась Валька. — Подайте подушки и одеяло сюда.

Она втащила на печь поданные ей вещи, разложила их и помогла младшим брату и сестричке подняться наверх.

Дети лежали на печи втроём и плакали. Галька — сильно, со всхлипываниями. Петрик — немного тише, время от времени переходя на громкий визг. А Валька — почти молча. Ей было всего восемь лет, когда заболела тифом мама. С каждым днём она угасала и угасала, как говорила им бабушка, которая не подпускала их

к матери, и наконец умерла. Петрику вскоре должно было исполниться шесть, а Гальке — всего только четыре года. Отец их воюет на фронте. Вот уже почти три месяца они живут с бабушкой. Но сегодня она почему-то привела их утром в родительский дом, истопив перед этим печь. Вероятно, потому, что заболели тётки Надя, Маня и Зина — дочери бабушки Прасковьи и деда Кузьмы. И, чтобы уберечь внуков, та решила переселиться с ними в их пустующий дом. Возможно, была и ещё какая-то очень веская причина. Валька вспомнила о папином письме. Он писал из госпиталя, куда попал после ранения. Её не было в хате, когда бабушка вслух читала папино письмо, поэтому точно не знает, о чем написал папа. А сама читать не умеет ещё, школа давно закрыта. Война... Но бабушка с дедушкой заметно повеселели после прочтения папиного письма. «Не исключено, что демобилизуют...» — повторяла часто бабушка Прасковья загадочные слова из папиного письма. А что они обозначают, Валька не знает.

«Надо всё же поспрашивать у бабушки, что же это такое — «демобилизуют»? Может быть, привезут папу домой долечиваться? А пускай бы! Я целовала бы, гладила папку, чай травяной ему заваривала бы...»

— Мне горячо! — запричитал вдруг Петрик.

— И мне! — присоединилась к нему Галька. — А где мамка? Мама! Ма-а-а-а! — затянула она, как это часто бывало с нею в последние месяцы, почти навзрыд.

Валька не знала, как успокоить её. Потом, вспомнив, как это обычно делала бабушка, заплакала, запричитала, растирая по лицу слёзы, сама:

— А сиротинушки мои!.. А ненаглядные мои!.. А вашей мамочки нет на белом свете!.. А ваша мамочка на небе, на вас с высоты смотрит и хочет, чтобы вы не плакали, не голосили... Не то ей больно станет и она может свалиться, свои рученьки-ноженьки поломать!.. Ой, не плачьте, мои вы роднёхонькие!..

— Слышала? Не плачь больше, — принялся успокаивать Гальку Петрик.

Валька помогла младшим слезть с печи, стащила подушки и одеяло, приказала брату и сестричке прилечь на койке, старательно накрыла их одеялом.

— Тише! Полежите ещё немного, я вам сказку расскажу про золотую яблоньку. Её мне наш папка рассказывал.

— А где наш папка? — снова расплакалась Галька. — Какой он?

— Он... — запнулась Валька. — Я и не помню, какой он, — призналась она. — Но очень сильный и хороший...

— Не плачь! — отозвался Петрик. — Наш папка воюет. Он сначала на одной войне злых-презлых людоедов прогнал, потом — на другой. А теперь проклятых фашистов в Берлин ему надо прогнать и там их всех в тюрьму посадить, чтобы они никогда больше в людей не стреляли и нашу деревню не жгли...

Валька отыскала в шкафчике старую потёртую книгу без обложки, которую ей когда-то читал папа. И, поглядывая в неё, принялась рассказывать удивительную историю про золотую яблоньку. Даже не заметила, как малыши уснули... Отложила книгу в сторону, прилегла, натянула одеяло. Но уснуть никак не могла.

Внезапно кто-то постучался в дверь, на крыльце послышались чьи-то тяжёлые шаги.

«Кто же это? — испугалась девочка. — Бабушка Прасковья так не стучит и голос подаёт...»

— Откройте! Я — свой! — послышался незнакомый мужской голос.

У Вальки сильно забилося сердце, пересохли губы. Она затаила дыхание...

— Откройте, детки! — снова долетел требовательный, но добрый голос. И Вальке показалось, что она когда-то ранее уже слышала его. Что-то в этом голосе было знакомое, близкое...

Как-то неосознанно она двинулась к двери и открыла засов. Через порог переступил высокий, стройный и красивый солдат. Был он в длинной шинели, высоких сапогах. За плечами у него висел большой вещевой мешок, а на голове надета настоящая пилотка с красной звёздочкой.

Могучая, тёплая, приятная волна, казалось, полностью окатила, захлестнула растерянно-счастливую Вальку.

— Дядечка, а кто ты? — слабым и непослушным голосом спросила она, поглядывая на того удивлёнными глазами в предчувствии настоящего чуда. А с койки на удивительного незнакомца уставились ещё две пары оторопевших глаз.

Солдат словно застыл и потерял дар речи. Он стоял посреди хаты и молча плакал. Из его голубых глаз катились, лились по небритым щекам крупные слёзы. Руки солдата, протянутые вперёд, застыли без движения. Его губы дрожали, и он ничего не мог произнести. Наконец тихо, а Вальке показалось, что очень громко, произнёс:

— Деточки мои, я ваш папка...

Валька бросилась к солдату, чувствуя в нём самого дорогого и долгожданного человека.

— Папочка!!! — выкрикнула она впервые в своей жизни так невообразимо радостно это родное слово. — Я знала, знала, что ты придёшь! — И крепко обняла его ноги своими худенькими ручками.

А с койки уже летели к ним Петрик и Галька. Отец взял их троих на руки и долго целовал, обливая горячими слезами.

— Деточки мои, — шептал он, — не плачьте. Меня навсегда отпустили к вам... Теперь всё у нас будет хорошо...

Затем он снял свой вещевой мешок, развязал его и принялся доставать хлеб, консервы, кусковой сахар и ещё что-то завернутое в блестящую бумагу.

— Ты прогнал фашистов в Берлин? — гордо спросил Петрик.

— А ты расскажешь нам сказку про золотую яблоньку? — вздохнула Галька, не сводя с отца своих счастливых глазёнок.

— Прогнал, сынок!.. Расскажу, доченька, — улыбался сквозь слёзы счастливый отец. — И про Сивку-Бурку расскажу, и про доброго волшебника...

— А навсегда прогнал? — не унимался Петрик.

— Навсегда, сынок! Навсегда, мои золотые колёсики...

С улицы долетел голос бабушки Прасковьи, которая торопилась в хату, чтобы скорее обнять своего сына.

Дядя Давыд

Мой дядя по отцовской линии Поздняков Давыд Кузьмич погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Безусловно, рождённый позже, в 1951 году, я никогда не видел его воочию. И узнал о нём только тогда, когда учился в шестом классе, получив задание от учителя истории проследить судьбу родственников, воевавших против фашистов. Меня, конечно же, заинтересовали в первую очередь мои папа и мама, которым посчастливилось выжить в ту ужасную пору. Отец принимал участие в трёх войнах: во время освободительного похода Красной Армии на территорию бывшей Западной Белоруссии в 1939 году, в советско-финской войне 1940 года и Великой Отечественной 1941–1945 годов. Мама была партизанской связной, доставляла в лес хлеб, соль, медикаменты, ценные сведения. Неоднократно оба бывали в шаге от смерти, но Бог миловал... А вот про дядю Давыда, к моему стыду, я почти ничего не знаю. Кроме того, что жил до войны в нашей деревне Забродье, что погиб где-то на территории России, что оставил после себя двоих сыновей, моих двоюродных братьев Анатолия и Валентина. Кстати, когда я был ещё ребёнком, они уехали из села сразу же после окончания семилетней школы и живут где-то в глубине России. Никаких документов о гибели дяди Давыда я не видел. Тётю Сашу, вдову его, расспросить не удосужился. Просто ничто и никто при её жизни не подтолкнули меня к этому, не пробудили интереса к его судьбе. И это непростительно. Почему не интересовался? Может, из-за того, что вокруг очень много кто погиб? Возможно, люди не хотели ворошить очень болезненное? Но скорее всего — из-за неумения заниматься судьбой рода, познавать своё родословное древо. Слабо, значит, способствовала этому и школа, общественная жизнь. Оборвалась и связь с сыновьями Давыда. Может быть, они и владеют хоть какой-нибудь информацией о том, как, где воевал их отец, когда и где погиб...

Но вот в июне 2010 года в составе белорусской писательской делегации я принимал участие в работе Пленума Союза писателей России. Пленум проходил три дня в городе Курске, куда съехались делегаты со всех регионов России, а также почётные гости-литераторы из Беларуси и Украины. Кроме пленарных заседаний и обсуждения насущных вопросов творческого союза участники пленума посещали музеи, другие учреждения культуры, встречались с читателями, знакомились с жизнью города и области. Была налажена поездка и в музей, посвящённый битве на Курской дуге летом 1943 года. На территории музейного комплекса меня поразило всё, особенно Храм. Величественный, он притягивал какой-то особенной таинственной силой, утешал после услышанного о жестоких боях, о пролитой крови, мужестве и жертвах. В самом Храме меня удивило то, что на стенах золочёными буквами были начертаны имена героев невиданного сражения, которые сложили свои головы на Курской дуге... Я принялся вчитываться в фамилии. Их было так много, что я понял тщетность своего замысла «пройти» глазами по всем спискам. Поэтому вскоре после фамилий на первые буквы алфавита перешёл к стене с фамилиями на букву «П». Машинально. Я никого не искал. Подсознательно решил поинтересоваться, есть ли герои с фамилией, похожей на

мою. Каким же тёплым, радостным и одновременно жгучим было моё чувство, когда увидел фамилию «Поздняков». Это приятное открытие и в то же время внутренняя боль неимоверно возросли, когда столбик с такой фамилией длился и длился. Я насчитал около пятидесяти человек... Значит, и мои однофамильцы, а может быть, и отдалённые родственники (прапрадед мой был сибиряком) отважно сражались с ненавистным врагом, решительно и бесстрашно защищали Родину, её будущее... Однако каким непередаваемым чувством я был охвачен, когда, просматривая инициалы напротив каждой этой фамилии, неожиданно выхватил взглядом «Поздняков Д. К.»... Невозможно передать, что творилось в моей душе... Вероятно, это мой родной дядя погиб здесь, на Курской дуге... Не знаю, сколько бы я простоял в оцепенении в том величественном Храме, если бы наша писательская группа не уезжала. Меня позвали. Все заметили, что со мной что-то происходит, ведь вид у меня был то ли растерянно-встревоженный, то ли возвышенно-возбуждённый. Я рассказал в двух словах о произошедшем в Храме...

Вечером, выступая на большом литературно-песенном празднике в Курской областной филармонии, я сообщил об этой открывшейся для меня впервые волнующей новости. И прочёл своё стихотворение «Три сестры», посвящённое Беларуси, России и Украине, их кровному и духовному единству. Зал взорвался бурными аплодисментами. Когда я шёл через зал на своё место, многие громко благодарили меня и даже пожимали руки...

Назавтра все писатели — участники Пленума Союза писателей России группами по 10–12 человек разъехались по районным городам Курской области. Моя группа направилась в Понири. Встретили нас очень радушно. Мы ознакомились с жизнью города и встретились с местной интеллигенцией. Предоставляя мне слово для выступления, руководитель нашей группы, председатель Уральского регионального отделения Союза писателей России Александр Кердан, не преминул упомянуть и о моем дяде Давыде, якобы погибшем под Курском летом 1943 года... Все с особым вниманием слушали меня. После творческой встречи и праздничного обеда нас отвезли на поле, где в тот памятный военный год шли тяжёлые, кровопролитные бои. Там ко мне подошёл русский поэт из Ижевска Василий Глушков и рассказал, что на этом поле сражался его старший брат...

С той минуты мы с ним не расставались. Бродили по полю, всматривались в пейзажи, читали стихи, беседовали, словно родные братья, которых связывает очень многое. Нас, седовласого старика и человека зрелого возраста, породнили и это героическое курское поле, и мужество его брата и моего дяди, и её величество Поэзия, которая и познакомила на бессмертной и священной славянской земле в центре России. На той земле, которая навсегда приютила наших родственников, которых нам помнить, прославлять и защищать, как и миллионы других соотечественников, погибших, сгоревших заживо в кровожадном пламени чудовищной войны, заслонивших собой мир, жизнь человечества от фашистской чумы. Защищать от тех, беспамятных и одичавших, кто на западе и востоке, на севере и юге снова пытается размахивать позорными знамёнами со свастикой, оголтело по-звериному уничтожая инакомыслящих. Однако правда истории, высокий Божий суд, наши святая память и решительное осуждение не позволят им толкнуть мир в бездну.

Педагог в генеральском мундире

Очерк

С генерал-полковником Алексеем Зайцевым судьба свела меня далеко от родного дома. За тысячи и тысячи километров от его родины, привольно раскинувшегося российского села Сутупово, да и от моей деревеньки-белорусочки Затитовой Слободы, что по-над Свислочью хаты свои растянула, за тысячи и тысячи... Мне, тогда юному старшему лейтенанту, на минуту-другую зачем-то понадобилось выглянуть из редакционного кабинета многотиражки, которую вместе с майором Добрыниным выпускали на острове Свободы в гарнизоне советской военной бригады. А когда возвращался, увидел «чужую», судя по номерам, совсем не бригадную машину, сердце немного затрепетало: «Что за гости у нас такие?..». И редактора как раз нет на месте. А уж когда зашёл в холл, так и вовсе опешил — с солдатами из типографии разговаривал известный мне только по фотографиям Главный военный советник Революционных вооружённых сил Республики Куба генерал-полковник Зайцев. Один, без свиты, без адъютанта. Признаться, оторопел и онемел. Но генерал улыбнулся и сам первым протянул руку, чтобы поздороваться, да ещё в объяснения ударился: «Да вот, мимо проезжал, решил заглянуть, знаю, что здесь в типографии мою рукопись переплетают, хочу побыстрее в Москву в Воениздат передать, торопит ваш брат...». А дальше так и вовсе оправдываться начал: «Не захотел никого тревожить, всё равно рядом проезжал...». Рукопись наш начальник типографии Артём Вардазарян давно переплёл, кто-то из солдат принёс увесистый том из цеха. Генерал поблагодарил, но уезжать не спешил. Задал вопросы о нашем обустройстве, о возможностях типографии, спросил у меня о прежнем месте службы. Коротко доложив, я осмелел и уже сам начал что-то спрашивать. Конечно же, о войне, поскольку в рукопись воспоминаний уже заглянул и знал, что Зайцев воевал в разведке. Но поговорить вдоволь тогда не удалось. Всё-таки какие-то дела главного военного советника торопили, а смелости у меня договориться о встрече в Гаване в другое время не хватило. Да вскоре Зайцев уехал в Союз. Прошло едва ли не 20 лет — и вот вместе с ещё одним «кубинцем», полковником из белорусского Министерства обороны, мы сидим в гостях у генерал-полковника в отставке Алексея Зайцева. Они с супругой уже давно переехали в Минск, живут в самом центре столицы, неподалёку от православного храма Александра Невского. Преклонный возраст — генералу уже перевалило за 80 — совсем не помеха для активной жизни: участвует Алексей Николаевич в работе общественной организации «Белорусский Союз офицеров». Продолжает работать над мемуарами. С радостью принимает приглашения, если просят выступить перед курсантами и слушателями Военной академии. Случается возможность — наведывается в

родное российское Сутупово. Село, где некогда только Нестеровы и Зайцевы и жили, помнит своего знаменитого уроженца. Местные краеведы шлют в Минск Алексею Николаевичу письма с расспросами о военной биографии, рассказывают о своих новостях.

На фронт Лёша Зайцев попал в октябре 1941 года добровольцем. Пацану, выпускнику педучилища, всего-то 17 лет и было. Типичное для того времени начало. Вскоре тяжело ранили. Полгода отмаявшись на госпитальной койке, попадает в пулемётное училище. Весной 1943-го — лейтенант. Победу встретил старшим лейтенантом. Карьера не самая блестящая, но хорошо, что жив остался. Правда, с войны в 1946 году на первую побывку приехал в родное село с полным орденским «иконоostasом». Отец, георгиевский кавалер Первой мировой, даже позавидовал: «Откуда столько-то?!». А старший лейтенант, на груди которого блестили эмалью четыре ордена Красного Знамени, два — Отечественной войны, да ещё орден Красной Звезды и почти полдюжины медалей, не знал, что и сказать. Хорошо, что отец, будучи всему рад, о карьере военной не спрашивал. Не знал он и того, что сын дважды за войну представлялся к званию Героя Советского Союза. Может, и к лучшему, что не знал... Карьера состоялась сама по себе уже после войны. И о служебной лестнице, и о войне, и о временах нынешних — обо всём сразу пришли мы поговорить с генерал-полковником Алексеем Николаевичем Зайцевым, минчанином, человеком насколько легендарным, настолько, как нам кажется, и скромным. Орденов у него прибавилось — к советским наградам добавились румынские, болгарские, монгольские, а ещё и кубинские.

Всё смешалось в военной судьбе Зайцева — освобождённая Европа, азиатские просторы, Латинская Америка и родные российские просторы... Разве что в Африке не воевал, разве что там сынков-солдат уму-разуму не учил. Но про военно-полевую экзотику с Алексеем Николаевичем разговаривали мало. Используя генеральский вес, ветеран всю инициативу взял в свои руки и прочитал если не лекцию, то монолог уж точно, который нам показался небезынтересным. Может быть, меньше всего генерал-полковник рассказывал о мужестве и отваге на войне, совсем промолчал о личных подвигах.

«Жизнь на фронте мне спас будущий маршал...»

Когда меня спрашивают, почему не сумел за войну пройти звёздную карьеру, я даже не знаю, что и ответить. Случалось ведь и такое, что другой офицер, придя на фронт лейтенантом, в Берлин входил никак не меньше, чем командиром полка. Может быть, я мало думал о назначениях на новую должность, хотя за порученный участок дела всегда переживал. Возможно, внешнее впечатление иногда портила моя прямолинейность. Но она и главным жизненным принципом для меня стала. Сказать правду, доложить вышестоящему командиру реальную картину боевой обстановки — вот главное. Иначе какой же я разведчик, если юлить или выгадывать буду?! Это я выучил как молитву. Этим во всех боях и операциях и руководствовался. Так было в битве под Москвой, на Курской дуге,

при форсировании Днепра, на Букринском плацдарме, при форсировании Тиссы, в Румынии и Будапеште...

Однажды случилась такая история. Корсунь-Шевченковская операция — в самом разгаре. Лютый январский мороз. В разведке попадаем в хорошую передрягу. Ранило в голень правой ноги и в бедро левой. Хлопцы вынесли меня на плащ-палатке. Под вечер вышли в эпицентр наступления, спрятались в глубоком овраге. Не так далеко шли вражеские танки. Через какое-то время их остановил мощный огонь «катюш». Двинулись мы дальше по оврагу. Когда сумерки сгустились, один из нашей группы, Ясырев, заметил большую группу офицеров. Даёт мне бинокль. Вижу, что наши, из штаба дивизии. Впереди — комдив, рядом шагает начопер майор Петров. Прошу ребят, чтоб двигались к ним. Метров за тридцать поднялся с плащ-палатки и, опираясь на палку с железным наконечником, иду навстречу комдиву. В голове всё гудит. С каждым шагом острая боль пронизывает всё тело. Не успеваю что-то сказать, как тревога обволакивает меня и уже едва не в лицо смотрит чёрный зрачок пистолета. Грянул выстрел. Я машинально дёрнул головой. Но спасло не это. Майор Петров толкнул рукой комдива, собиравшегося пристрелить меня. Уже позже я узнал череду неприятностей и потерь, постигших нашу дивизию. Виноватых генерал нашёл в нашей разведроте...

Прошли годы, судьба нас с Петровым сводила не однажды и после войны. Мне очень хотелось отблагодарить спасителя. И — на всё воля Божья — случай такой представился. Уже в мирной жизни. Петров был комдивом (а вообще-то для тех, кому не известна эта личность, хочу заметить, что довоенный школьный учитель Василий Иванович Петров стал впоследствии Маршалом Советского Союза), а я командовал полком. Шли тактические учения. В девять вечера мне передали по радиации: «Первый выехал к вам, встречайте». Отдал распоряжение, чтобы к приезду комдива был горячий ужин, а сам стал готовиться к докладу. Поначалу я не волновался, что Петров задерживается. Но вот проходит часа три, да ещё из штаба требуют уточнить, когда прибыл Первый. Тогда я понял: что что-то случилось в дороге. Беру ЗИЛ, БТР, разведчиков и выхожу на маршрут. Видимости никакой, пурга заметает. На дороге — снежные заносы. Время от времени «спешиваемся» и лопатами пробиваем путь. Часа через два натыкаемся на сугроб, из которого торчит антенна. Оказалось, это и есть машина комдива. Откапываем газик, у которого закончилось горючее. Петров и ехавшие с ним полковник, радист и водитель были в таком состоянии, что не могли расцепить зубы. И всё-таки спасение пришло вовремя... Приехали в штаб. Ужинать комдив не захотел, а вот чаем долго отогревался. Глядя на продрогшего Василия Ивановича, дремлющего полковника, я подумал, что учения на какое-то время будет дан отбой. Потому смело и предложил:

— Василий Иванович, вам надо отдохнуть, место приготовлено.

Но не тут-то было.

— А кто будет воевать? Через час чтобы все командиры доложили мне о готовности к маршу. А сейчас слушаю ваш доклад.

Я, признаться, растерялся. После такого поворота докладывал сбивчиво, многие вещи говорил невразумительно. И не потому, что не был готов. Во-первых,

немного обиделся, а во-вторых, думал совсем о другом. Вспоминал, конечно же, войну. Была и радость, что «должок» вернул, что вот так фактически спасли мы Петрова. Казалось, что улыбался про себя, но всё это было у меня на лице написано.

Петров отреагировал по-своему:

— Зайцев, ты чему улыбаешься? Ни черта не знаешь, а улыбаешься... Чтоб тебя таким не видел!..

Мне только и оставалось, что извиниться. А уважение к Петрову выросло ещё больше. Ведь он-то меня и командирскую стезю вернул. После 1945-го направление у карьеры складывалось иначе, чем того хотелось. И если бы не Василий Иванович, вероятно, быть мне начальником кафедры какого-нибудь общевоинского училища, и никак не больше.

«Воевал я люто-зло, в званьях медленно везло...»

В начале лета 1945 года нашу 38-ю стрелковую дивизию расформировали в Софии. Меня отправили в полк офицерского состава в Белую Церковь. Ничего не объясняя, вызвали в штаб Киевского военного округа. Там назначили адъютантом начальника штаба. Год уговаривал начальство: «Из меня подносчика портфелей не получится. Отправьте меня в войска». Отправили заместителем начальника штаба 22-го отдельного мотострелкового батальона в город Глухов. Словом, и на адъютантском поприще большой должности не выслужил. Так что, будучи уже в отставке, «исповедался» в стихотворении, где есть и такие строки: «Воевал я люто-зло, в званьях медленно везло...».

Приехал однажды к нам в Глухов на проверку командующий округом — тогда генерал-полковник Андрей Антонович Гречко. Всё у нас было хорошо, а по физподготовке получили «двойку». Командующий спрашивает у полковника, проверявшего «физо», есть ли хоть один офицер, сдавший упражнения, нормативы только на «хорошо» и «отлично». Назвали меня. Гречко сразу и сказал: «Вот вам начальник физподготовки и спорта бригады». Пробую сопротивляться: мол, нет у меня достаточных организаторских способностей. Гречко перешёл на крик: «Прекратить разговоры! Юношей всю войну прошёл, орденов больше, чем у любого полковника, — и не организатор?! Вытянешь физподготовку, на учёбу пошлю! Не справишься — накажу!..».

Затем — должность начфиза дивизии. В 1949 году выдерживаю предварительные экзамены в Военно-педагогический институт. Вдруг медкомиссия обнаруживает последствия контузии 1941 года. Учёба и служба под угрозой. Пробился на приём к министру — Маршалу Советского Союза Василевскому. Александр Михайлович час со мной беседовал. На следующий день прохожу повторную комиссию в госпитале. Заключение: «Практически здоров». С того времени ещё полвека на каждой медкомиссии мне говорили, что к службе годен. После института — преподавательская работа в Благовещенском военном училище. Узнал, что в одном из гарнизонов округа служит командиром полка Василий Иванович Петров. К нему и поехал в отпуск. Сам не заметил, как отпуск превратился в «службу», каждый день в полк приходил, смотрел, как Петров устраивает жизнь, организует

занятия, учения проводит. Где-то и я свой «пятак» вставлял. Василий Иванович как-то и говорит мне: «Твое место — в войсках». Так началась, можно сказать, новая моя служба. В которой уже и звания были. И должности тоже — командира полка, дивизии, корпуса, командарма, первого заместителя командующего Южной группой войск, первого заместителя командующего Одесским военным округом. Так что и жаловаться вроде бы грех.

Кубинская «пятилетка»

«Советовать» Революционным вооружённым силам Кубы попал я в 1985 году. Несколько раньше решался вопрос с отправкой на похожую должность в Эфиопию, но что-то сложилось не так и в результате оказался на острове Свободы. Новая и несколько непривычная для меня должность так увлекла, что, кажется, о другом завершении службы и не мечтал (в Гавану ведь прибыл, когда было уже за шестьдесят). Но отсиживаться, почивать на полупенсионных лаврах — это не для меня. Наверное, и кубинцам моя деятельная натура пришлась по душе. Судите сами: просто советовать, как мы воевали ещё в Великую Отечественную, Раулю Кастро — военному министру, другим компаньерам было как-то не с руки. Кубинцы к середине 1980-х сами повоевать успели немало. У них воинское звание «полковник» не присваивали, если за плечами у офицера не было боевых действий в Анголе, Эфиопии или Никарагуа. Не говоря уже о том, что ещё служили офицеры, прошедшие Плайя-Хирон. И если забегать наперёд, то надо сказать, что на должности советника больше двух лет не держали. Мне же почему-то отмерили два с половиной срока. Причина, по-видимому, в военном командовании, в политической власти Кубы. Их такой человек устраивал.

Получалось так, что особо одеяло на наш советский опыт не тянул, просто обращал внимание на то, что знал, чем занимался когда-то в полку, в дивизии, в корпусе, в армии, на должности первого заместителя командующего округом. Приезжаю как-то с главным политработником РВС в танковую дивизию. Слово за слово, генерал бригады (по нашему генерал-майор) называет среди других проблем «самоволки». Вот и в этот день в соединении не было около 600 солдат. А может, и больше. На построения и проверки солдаты и сержанты мало внимания обращали. Меня это страшно удивило и расстроило. Говорю: «Такая дивизия не боеготова». И командир, и сопровождающий политический чин в один голос заявляют: «Поднимем дивизию по тревоге — и все, кто не займёт своё место в боевых расчётах, сядут в тюрьму». Как раз в этом, говорю, зная порядки в вашей стране, сомневаться не приходится. Но, продолжаю, зачем вам плодить контрреволюционеров? Выйдет человек из заключения — уже никогда он сторонником власти не будет. Не проще ли создать роты образцового порядка, где занятия организовать по 6–8 часов, остальное время — на спорт и другие обязательные мероприятия. Отменить встречи с родителями, девушками, исключить увольнения. Словом, наказывать занятостью, а не сидением за тюремной решёткой. Видите, что кто-то исправляется — присвойте звание ефрейтора, другим образом солдата поощрите. Прислушались. Создали такие подразделения. Через полтора

года приглашает меня на приём Фидель Кастро и говорит: «Спасибо, у нас резко сократились в армии «самоволки». Как вы это придумали?...». Так я же, отвечаю команданте, по образованию и в душе педагог.

Попадаю однажды в провинцию Матанзас. Знакомят меня со столовой танковой бригады. По старой командирской привычке проверяю количество поставленных на довольствие. Говорят, что всего — 1200 военнослужащих. Вижу невооружённым глазом, что столы накрыты на 850–900 солдат. Остальные, спрашиваю, питаются во вторую смену? Да нет, все в одну смену. Никто меня не понимает или делают вид, что не понимают. Выясняем вместе с начальниками соответствующими: человек 300–350 питаться не приходят, а формально на довольствии числятся, причитающиеся им продукты перекочёвывают в кафе, чайные, где уже на более высоком качественном уровне и, разумеется, за деньги солдаты, сверхсрочнослужащие и питаются. Мне всё стало ясно. Попустительство в службе тыла, как сейчас говорят, выше крыши. Столовыми, продовольствием в РВС Кубы заправляли гражданские и, отладив механизм, смело зарабатывали себе «на карман». Об этой поездке доложил Раулю Кастро. Конечно же, никто в воровстве никого не обвинял. Но и намёков хватило, чтобы министр задумался и назначил самую серьёзную проверку. Нашли и виновных, многие были наказаны. А главное — исчезла порочная практика. Не единожды докладывал об увиденном Раулю Кастро, при встречах высказывал свои соображения и Фиделю Кастро. Всегда был искренним, и кубинские товарищи понимали, что болею за дело.

Частые визиты в воинские части не обходились без посещения баз, складов. И во многих случаях удивляла захламлённость, загруженность помещений. Иногда вижу, что кубинцы и сами не представляют, что у них есть, а чего нет. Однажды заметил тюки со стекловатой. Спрашиваю у одного высокого начальника: а зачем вам в тропиках утеплитель? Ответ услышал самый невразумительный: мол, так его же вместо ваты можно использовать. Только вот в этой вате-то и стекло есть, рассмеялся я. К чести военачальников РВС, никто на меня не обижался, а к замечаниям прислушивались.

Но всё хорошее рано или поздно заканчивается. Так и мне сообщили о замене. Были торжественные проводы в Военной академии РВС Кубы. Кстати, в этом элитном заведении тогда училось немало советских офицеров. Знаю, что некоторые из них сейчас служат в Вооружённых Силах Республики Беларусь. Как и полагается, подарки — сувениры. Фидель Кастро наградил орденом Че Гевары и перед самым отъездом принял меня. Присутствовали ещё Рауль и переводчик. Главнокомандующий спрашивает: «Насоветовались?». Отвечаю, что получил большое удовлетворение, столько лет отработав в замечательной стране, рад тому, что с ним познакомился и с Раулем. «Что бы вы ещё хотели нам посоветовать?» — спрашивает в свойственной ему несколько ироничной манере Фидель. А пожелания я высказал самые простые. Больше внимания уделять молодёжи, она не только быстрее развивается технически, но и способна принимать более смелые прогрессивные решения. Прививать офицерам побольше педагогического такта. Командовать легко, гораздо труднее — воспитывать. Что касается боевой работы, учебно-боевых задач, максимально развивайте средства связи и пункты

управления. «А вам мой совет, — говорит в свою очередь Фидель, — поменьше читайте газет и поменьше смотрите телевизор». Подоплёку я понял. Не понимали на Кубе нашу перестройку, называя её достаточно образно: «Перекройка...». Сказал я ещё, что без дела сидеть не собираюсь и на пенсии буду жить интересами армии, возможно, попробую написать книгу о своих кубинских впечатлениях.

Прошло пятнадцать лет, но я и сейчас держу связь с островом Свободы. Спасибо моим кубинским друзьям, что не забывают, приглашают в гости. В Гаване на испанском выпустили книгу моих фронтовых воспоминаний. А я, насколько позволяют возможности, слежу за тем, что происходит на Кубе. Радуюсь, когда у моих друзей-амиго всё складывается, огорчаюсь, когда на кубинцев семь бочек арестантов катят и дорогих мне братьев Кастро во всех грехах обвиняют. Таких руководителей-патриотов ещё поискать надо! Иногда Куба кажется мне похожей на Беларусь. Ведь и на нашу страну под микроскопом смотрят, часто с такими линзами, через которые спешат соринку за бревно принять.

...Такая вот простая и вместе с тем яркая, звёздная судьба у генерала Зайцева, у человека, который карьеру свою сотворил, свершил благодаря полученному от природы и затем получившему своё развитие педагогическому дару. Вот и думаешь, что офицер, генерал — профессии сродни воспитателю и наставнику.

Генерал, который был самим собой
(главы из книги)

Глава 6.

Наступление. В составе 1-го Белорусского фронта

8-й гвардейский танковый корпус несколько месяцев после доукомплектования находился в резерве Ставки Верховного Главнокомандования, затем вошёл в состав 1-го Белорусского фронта.

Белорусская наступательная операция проводилась четырьмя фронтами: 1-й Белорусский (генерал армии К. К. Рокоссовский), 2-й Белорусский (генерал-полковник Г. Ф. Захаров), 3-й Белорусский (генерал-полковник И. Д. Черняховский), 1-й Прибалтийский (генерал армии И. Х. Баграмян) с 23 июня по 29 августа 1944 года с целью разгрома немецкой группы армий «Центр» и освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

В составе четырёх фронтов находилось более 2,4 млн человек, 36 тыс. орудий и миномётов, 5 тыс. танков и САУ, более 5 тыс. самолётов.

Войскам четырёх советских фронтов противостояла группа армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Э. Буш, с 25.6 — генерал-фельдмаршал В. Модель), которая имела в своём составе 1,2 млн солдат и офицеров, свыше 9,5 тыс. орудий и миномётов, 900 танков и штурмовых орудий, около 1350 самолётов.

Войскам советских фронтов посильную помощь оказывали партизанские соединения.

Ивановский прошёл ещё одну превосходную школу военного руководства — школу генерала армии Константина Константиновича Рокоссовского, готовившего вместе с командованием армий, корпусов и бригад Белорусскую наступательную операцию. Не единожды Ивановский участвовал в работе штаба фронта по организации взаимодействия между объединениями и соединениями как войск Белорусского фронта, так и других фронтов, слышал содержательные, деловые выступления К. К. Рокоссовского в ходе постановки оперативных задач, при рассмотрении дополнительных мер по предотвращению возможных контрударов противника. Евгений Филиппович, слушая выдающегося полководца, не переставал восхищаться мудростью его решений, взвешенностью оценок, умением предвидеть ход развития событий, спокойствием в нервной, быстро меняющейся фронтовой обстановке. Он учился у К. К. Рокоссовского воинскому мастерству, сдержанности, стоическому терпению.

8-й танковый корпус А. Ф. Попова с началом Люблинской операции действовал в составе 2-й гвардейской танковой армии генерал-полковника С. И. Богданова, Героя Советского Союза, с началом войны командовавшего дивизией, потом корпусом. Он руководил танковыми войсками в операциях Западного, Украинского

и Белорусского фронтов. Евгений Филиппович Ивановский учился, перенимая опыт, и у генерал-полковника С. Богданова, который в составе фронта Рокоссовского проводил все операции по освобождению Польши от немецко-фашистских захватчиков. Его восхищала в действиях командарма Семена Богданова чёткость и в отдаче приказаний, и в принятии решений на операцию.

Перед началом Люблинско-Брестской операции (18 июля — 2 августа 1944 г.), проводимой левым крылом 1-го Белорусского фронта, начальник оперативного отдела 8-го гвардейского танкового корпуса подполковник Е. Ф. Ивановский в числе других военачальников 1-го Белорусского фронта принял участие в командно-штабной игре на картах, проводимой Г. К. Жуковым и К. К. Рокоссовским. На большом столе находилась рельефная карта местности с нанесённой обстановкой. Игра на картах включала в себя отработку основных вариантов наступательной операции, доклады командующих армиями, начальников штабов и управлений, командиров корпусов, других военных руководителей по решению поставленных перед соединениями войск задач на начальный и последующие периоды операций с целью совершенствования навыков руководящего состава войск в подготовке сражений и операции и управления войсками в ходе боевых действий. Участники игр на картах и местности исполняли весь комплекс своих обязанностей и функций по управлению дивизиями, корпусами, армиями, штабами и управлениями в условиях сложившейся обстановки.

Е. Ф. Ивановский позже вспоминал: «8-й гвардейский танковый корпус движется двумя колоннами, — сказал маршал Жуков, обозначив на карте указкой предполагаемые маршруты выдвижения соединения. — Какие силы противника могут ему противостоять?

Маршал неожиданно остановил свой взгляд на мне.

— Начальник оперативного отдела штаба 8-го гвардейского танкового корпуса подполковник Ивановский. Докладываю, товарищ Маршал Советского Союза. Ожидается выдвижение 78-й пехотной дивизии противника.

— Откуда? — резко спросил Жуков.

— Выдвижение дивизии следует ожидать по Варшавско-Люблинскому шоссе, товарищ Маршал Советского Союза.

— Решение?

— Бригадам корпуса избрать маршрут движения не по шоссе, а параллельно по просёлочным дорогам с захватом переправ и последующим выходом во фланг противнику.

— А если подвижная группа нанесёт фланговый удар по вашим бригадным колоннам? Что тогда?

— Движение бригадных колонн, товарищ Маршал Советского Союза, будет обеспечено корпусным резервом и мотострелковой бригадой, — не долго раздумывая, ответил я.

— Это ваше мнение. Понятно. А вы уверены в том, что это единственно правильное решение?

— Уверен, товарищ Маршал...

— Хорошо. Пойдём дальше...

Г. К. Жуков чуть заметно согласно кивнул и задал вводную задачу следующему военачальнику. Я заметил одобряющий взгляд К. К. Рокоссовского...»

На свои оперативно-тактические вопросы Г. К. Жуков не от всех участников слышал точные, взвешенные ответы. Тогда маршал с присущей ему резкостью, строго глядя в лицо военачальника, прерывал его:

— Вы не разобрались в деталях! Не взвесили силы противника и свои возможности! Зачем переться в лоб? Ни черта не соображаете, генерал! На дворе 1944 год, а вы мыслите, как в 1942 году, — опасливо и трусливо. Война изменилась, теперь требуются напористость, смелость, риск и взвешенность своих возможностей. У вас танковые бригады, а не дивизия кавалерии! Садитесь! Командующий фронтом Рокоссовский займётся вами, генерал!

* * *

В Белорусской наступательной операции 8-й гвардейский танковый корпус в составе 2-й гвардейской танковой армии С. Богданова и вместе с 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова вёл бои на левом фланге фронта Рокоссовского в направлении Люблин–Брест–Варшава. Прогноз начальника оперативного отдела корпуса подполковника Е. Ивановского оправдался — 78-я пехотная дивизия вермахта выдвинулась по Варшавско-Люблинскому шоссе, а танковые колонны корпуса шли параллельно по просёлочным дорогам, с боями продвигаясь к Люблину. Первой в Люблин ворвалась 58-я танковая бригада, а за ней — 62-й гвардейский тяжёлый танковый полк, вооружённый танками ИС-1 («Иосиф Сталин»), способными без особого труда пробивать бетонированные укрепления.

За участие в освобождении Люблина Евгению Ивановскому было присвоено очередное воинское звание — полковник.

Стремление вперёд и только вперёд нередко порождало необоснованную лихость, нарушение мер безопасности и пренебрежение такими важными элементами боя, как инженерная разведка. В одном из затяжных боёв большая группа танков корпуса «напоролась» на умно расставленные немцами минные поля с противотанковыми минами. Слабым оказалось взаимодействие с дивизиями стрелкового корпуса, более того, на переднем крае часть танков корпуса подорвалась на... советских минах, расставленных по решению командиров сухопутных войск офицерами стрелкового корпуса, когда пехотинцы какое-то время находились в обороне.

О гибели людей узнал представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Он потребовал от командующего фронтом маршала Рокоссовского подробного разбирательства, наказания виновных и в гибели танкистов, и в повреждении танков и как можно скорейшего восстановления техники.

С докладом к Жукову был отправлен полковник Ивановский. Он справился и с этой нелёгкой задачей.

Восстановление повреждённых танков началось сразу же. Бойцы, инженеры и командиры рембата срочно приступили к ликвидации повреждений — а это и сварка, и замена траков на гусеницах, и установка повреждённых бронеплит. Сразу стало ясно — ремонтников и уцелевших экипажей не хватит для выполнения

приказа Жукова. Тогда начальник политотдела поспешил в соседнюю стрелковую дивизию. Оттуда помогли — и людей дали, и сварку, и специалистов из бывших заводских слесарей. Та ночь, когда люди без сна трудились более суток, стала серьёзным испытанием для бойцов и командиров. Особенно отличились мужчины сорока—пятидесяти лет, за спиной у которых была нелёгкая трудовая жизнь, молодые бойцы не выдерживали и иногда на короткое время невольно засыпали.

К концу дня необходимое количество готовых к боям танков стояло в батальонах и бригадах...

Полковника Ивановского после опыта штабной работы стала больше привлекать командирская должность, но комкорпуса генерал-лейтенант Попов сказал ему:

— С таким опытом надо готовиться к должности начальника штаба корпуса! Да и где я возьму замену начопера? Назови мне хотя бы одну фамилию. Молчишь? Думай! На тебе штаб держится! Ты — мозг штаба корпуса!

— Есть начальник штаба генерал Кошелев, — возразил Ивановский.

— Всё правильно, есть начальник штаба, но сколько времени он бывает в штабе? Он то на НП, то в войсках! А в штабе — твоя светлая голова! Командирская служба не всегда благодарная. Такие приходится получать накачки от начальства, так накасят, что земли под собой не чувствуешь. Чего тебя потянуло на командирскую стезю?

— На картах я повоевал более чем достаточно, войну-то я начал комбатом, хотелось бы и закончить её командиром на самой новой технике.

— Ладно, убедил. Кто вместо тебя? Называй!

Ивановский назвал фамилию начальника штаба одной из бригад корпуса.

— Потянет? — засомневался комкор Попов.

— Меня научила и служба, и вы, генерал Попов, и начальник штаба Кошелев. Не боги горшки обжигают, Алексей Фёдорович.

— Ну что ж, Ивановский, собрался, рвёшься — иди в командиры! У тебя большое будущее. Дерзай! За службу спасибо. Мне тебя долго не будет хватать! Сегодня оформим документы, подпишу представление — и в путь!..

Глава 7.

Место командира определяет... бой

Служба в полку постоянно требовала от командира не только строгости и требовательности, но и заботы о людях, а главное — полк должен всегда находиться в боевой готовности. Тяжёлых танков ИС и КВ в полку числилось всего двадцать один. Танки ИС, последнее и лучшее достижение конструкторской мысли, вызывали у личного состава полка и корпуса восхищение и гордость, уверенность в своих силах. На нём можно было вести бой с самыми грозными «пантерами». Танкистов радовала и толстая броня ИС — 120 мм, и мощный двигатель — более пятисот лошадиных сил. Такая махина могла без усилий разрушить бетонные укрепления, на равных вести бой с немецкими тяжёлыми танками и не бояться ударов с воздуха «юнкерсов» и «хейнкелей».

Ивановский с интересом осваивал ИС, доверив заботу об исправности машины механику-водителю Г. Желнину, от которого многое зависело: и надёжность всех механизмов, и безотказность вооружения, и действия отделения автоматчиков, располагавшихся на броне. От механиков-водителей зависели во многом не только выполнение боевой задачи, но и жизнь экипажа.

— Танки ИС и КВ-122, — делился впечатлениями Ивановский, — могли прорвать практически любую оборону противника, таранным ударом «снести» всё, что было сооружено на переднем крае — «передке», обеспечив действия мотострелковых подразделений и в обороне, и особенно в наступлении. Танки ИС и КВ — ударная решающая сила корпуса, а иногда и общевойсковой армии. Что такое быть в постоянной боевой готовности? Это означает находиться тяжёлым танкам хорошо замаскированными в обвалованных капонирах, пристреленными по направлениям, ориентирам и объектам с готовыми запасными позициями, иметь надёжную связь с морально и профессионально подготовленными экипажами. И все эти обязанности на плечах командира полка! Его танк почти не покидает поля боя или НП корпуса.

Ивановского волновал вопрос: где быть командиру полка, впереди или же в середине группы, откуда лучше и удобнее управлять? Или идти позади, под прикрытием всей группы? Он настойчиво искал на поле боя это оптимальное место — ведь без командира полк не сможет выполнить боевую задачу, пока не пришёл к единственно верному решению: место выбирает не командир, а сам бой! Именно ход боя, ибо динамичность и исход боя настолько непредсказуемы, что заранее определить место командира просто невозможно. И чтобы определить своё место, командиру необходимо тщательно отслеживать динамику боя, стараться избежать непоправимой ошибки.

— Главное в танковой атаке тяжёлых, не очень поворотливых машин, — говорил Ивановский, — умение командиров гибко управлять в бою подчинёнными ему командирами экипажей ИС или КВ. Именно ротный командир всегда в гуще боя, он и позаботиться может, и защитить, и помочь в отчаянные минуты боя, ему и определять своё место, исходя из поставленной командиром полка задачи ротам...

...Почти вся осень прошла в боях и сражениях, и только в ноябре 1944 года 62-й гвардейский танковый и Люблинский танковый корпуса вывели в резерв 1-го Белорусского фронта. Полк получил новые, прямо с заводов, танки, и сразу началась учебно-боевая подготовка личного состава молодого пополнения: боевые стрельбы, завершившиеся полноценным тактическим полковым учением. Танкисты постигали науку боевых действий по 10–12 часов в день, учились осваивать боевую технику. Здесь наконец люди побывали в настоящей бане и питались в столовой горячей пищей, а не размоченными в холодной воде сухарями. Люди отсыпались, писали домой письма, подолгу не получая ответа, так как полевая почта отставала от наступающих войск Красной Армии.

По данным разведки, предстояло прорвать оборону противника большой глубины с преодолением минных полей, противотанковых рвов, траншей полного профиля первого оборонительного рубежа и второго, расположенного в двадцати километрах, — с наличием дотов, дзотов, узлов сопротивления.

Командиры, штабы, политработники, инженеры с сапёрами изучали сложнейшую систему обороны противника, маршруты выдвижения танков, места переправ, районов огневых позиций артиллерии, порядок взаимодействия между руководителями артиллерии, стрелковых, танковых и авиационных полков, бригад, дивизий и корпусов.

Глубокой осенью Ивановский узнал о смене руководства фронтами. Командующим 1-м Белорусским фронтом был назначен Г. К. Жуков, командующим 2-м Белорусским фронтом — К. К. Рокоссовский.

Полк Е. Ф. Ивановского вместе с 8-м танковым корпусом активно готовился к предстоящим боям, ему изменили дислокацию, и полк оказался в составе войск 2-го Белорусского фронта маршала К. К. Рокоссовского. Войска готовились к наступательной операции в Восточной Пруссии, и вскоре командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский побывал в 8-м гвардейском танковом корпусе. Он беседовал с танкистами 62-го гвардейского тяжёлого танкового полка, с командирами танковых рот, с командирами экипажей танков. Рокоссовский возлагал большие надежды на танкистов, имевших в распоряжении много новых тяжёлых танков ИС и КВ, на их боевой опыт. Командующий фронтом полагался на них как на свой надёжный резерв, высоко оценивая их крепкий моральный дух, боевую дерзость, смелость и мужество.

— Часть бойцов и командиров, — делился своими размышлениями К. К. Рокоссовский, — думали, что немцы станут бежать, оставляя населённые пункты, но вскоре увидели, что это не так. Гитлеровские войска сражались остервенело, успели возвести железобетонные укрепления, нанося по нашим войскам контрудары, массированно используя артиллерию и авиацию. Так что, товарищи танкисты, готовьтесь к боям основательно, бейте гитлеровцев напористо, упорно и мужественно. Успехов вам, танкисты!

Ивановскому была памятна каждая встреча с маршалом К. К. Рокоссовским, он внимательно вслушивался в его спокойный голос, в его доводы и рассуждения. Константин Константинович умел убеждать людей. И Ивановский учился у него этой нелёгкой науке.

— Я многому научился у Константина Константиновича Рокоссовского и благодарен судьбе за возможность слышать, видеть этого обаятельного, скромного, талантливого человека. Это — мой учитель! И я горжусь им! — как-то сказал Евгений Филиппович, выступая перед офицерами округа.

Наступление началось 14 января 1945 года с марша и выдвижения в заданные районы. Двигались в условиях плохой видимости — стоял густой предрассветный туман, над землёй нависла плотная серая облачность. Это спасало советских танкистов от ударов «юнкерсов», как, впрочем, спасало и немецкие войска от ударов ВВС Красной Армии. Гвардейцы ждали команды «вперёд», но её долго не было — вражеская оборона не была прорвана и колонны танков только вечером по условному сигналу двинулись на северо-запад. И сразу же преграда — река Нарев, но её с ходу преодолели по наведённому сапёрами мосту...

Полк Ивановского, как и все части 8-го гвардейского танкового корпуса в полосе 2-й ударной армии генерала И. И. Федюнинского, с ружанского плацдарма

вскоре вошёл в прорыв, но чуть позже гитлеровцы бросились в контратаку. Усиленные резервами и артиллерией фронта, танкисты продолжали углубляться в оборону противника. Почти одновременно развивали наступление 98, 70, 65-я армии. Вскоре ширина прорыва немецкой полосы обороны увеличилась до 110 километров — от Остроленки до Модлина. Временами гитлеровцы бросали против танкистов 8-го корпуса наспех подготовленные группы вермахта остатки дивизий СС армии Гимлера, что приводило к обострению огневых схваток, усилению противоборства. Тяжёлые танки ИС и КВ 62-го танкового полка Ивановского и огнём танковых пушек, и мощью тяжёлых корпусов уничтожали и давили артиллерийские и миномётные батареи, огневые точки крупнокалиберных пулемётов. Танкисты опасались фаустпатронов, способных продырявить моторный отсек и поджечь двигатель, и потому старались не подставлять корму танка под огонь противника. Но в боях даже тяжёлые танки получали повреждения, гибли экипажи, росло число раненых и обожжённых.

В то же самое время войска 1-го Белорусского фронта Г. К. Жукова после тяжёлых боев освободили столицу Польши Варшаву, вышли к реке Варта, обеспечив успех действий левого крыла 2-го Белорусского фронта маршала К. К. Рокоссовского. Успеху левого крыла 2-го Белорусского фронта способствовали и действия 5-й гвардейской танковой армии сталинградца генерал-полковника В. Вольского — её глубокий рейд по тылам гитлеровцев позволил с ходу взять города Цеханув и Млаву.

К 26 января 1945 года вся восточно-прусская группировка вермахта была расчленена войсками 2-го и 3-го Белорусских фронтов и отсечена от центральной группы гитлеровских войск.

В Восточной Пруссии войска 2-й Ударной армии и 8-го танкового корпуса овладели городом Танненбергом (ныне Грунвальд, Польша). Город известен тем, что здесь в июле 1410 года объединённое войско польское, русское и литовское разгромило войско немецкого Тевтонского ордена. С Танненбергом связаны и события Первой мировой войны, когда в августе 1914 года 8-я армия Гинденбурга (Германия) нанесла тяжёлое поражение 2-й армии генерала А. Самсонова, что способствовало снижению престижа и стратегического авторитета России в Первой мировой войне.

После разгрома гитлеровских войск под Танненбергом 8-й танковый корпус и 2-я Ударная армия с боями продвигались на Мариенбург и вскоре вышли на побережье Балтийского моря к заливу Фришес-Хафф.

Танкисты и командир полка Ивановский выскочили из машин и с радостными криками бросились к заливу. Над водной гладью раздавались бодрые разгорячённые возгласы: «Ура! Мы в Балтийском море! Слава танкистам! Ура!».

В период наступления активно действовала 4-я воздушная армия генерал-полковника К. Вершинина: только за один день, 16 января 1945 года, было совершено 2500 самолётовылетов, сброшено на вражеские позиции и укрепления немецких войск 1800 тонн бомб, проведено большое количество воздушных боёв и штурмовок боевых порядков противника.

В боях, сражениях и битвах рождались новые приёмы боевой и тактической деятельности — военачальники учились воевать в условиях массового применения новейшего оружия и тщательно организованного взаимодействия между родами войск: между артиллерией, авиацией и пехотой, между артиллерией и танками, между флотом, авиацией и сухопутными войсками. И Евгений Ивановский, командир тяжелого танкового полка, не исключение — и он учился, присматривался, впитывал опыт старших военачальников: Жукова, Рокоссовского, Василевского, Воронова, Ротмистрова, Катюкова.

Боевые порядки танковых частей в атаках слагались из подразделения средних танков Т-34, на флангах продвигались тяжёлые танки ИС или КВ. Вся танковая группировка действовала под прикрытием САУ — самоходных артиллерийских установок. Немцы тщательно отслеживали боевые порядки советских танкистов в ходе боёв и сражений, и как только замечали, что фланговые тяжёлые танки ИС или КВ выходили вперёд, создавая возможность для окружения, сразу отводили свои войска.

Подобные прорывы позволяли перейти к последующему преследованию отступающего противника с меньшими потерями. Ивановский даже в период кратковременного выхода полка из сражения после короткого отдыха приступал к отработке действий экипажей и обучению стрельбе с ходу как наиболее эффективному в поражении целей. И если разведка полка и корпуса располагала точными данными о целях, то и артиллеристы, и САУ сопровождения точно поражали объекты противника.

— В бою очень важно знать, — делился впечатлениями Евгений Филиппович, — расположение основных объектов противника, развилки дорог, местонахождение уцелевших мостов.

Ивановский, готовясь к бою, тщательно отрабатывал с командирами рот тяжёлых танков возможные варианты танковых атак с применением танковых орудий большого калибра — 122 мм. Именно эти танковые орудия разрушали опорные пункты врага, железобетонные укрытия, значительно сокращая потери советских войск. Роль танковых орудий большого калибра стала особо ощутима в конце 1944-го и начале 1945 года, когда войска Красной Армии вели бои и сражения в больших городах — городах-крепостях с обилием и мощных укреплений, и крепких фортов, и крепостных сооружений (Эльбинг, Торунь).

В таких местах и боях Ивановский, как правило, руководил боем сам, из танка, управляя и своими ротами, и приданными самоходными артиллерийскими установками — САУ, наращивая при необходимости огневое воздействие и САУ, и танковых батальонов средних танков из взаимодействующих бригад корпуса.

Резерв Ивановский применил впервые в битве под Москвой, под Алабино, когда ему удалось остановить рванувшуюся к Ставке Западного фронта механизированную гитлеровскую колонну. Автору в будущем не раз приходилось слышать требование командующего войсками Белорусского военного округа Ивановского во время учений и игр на топографических картах: «А что у вас, товарищ командарм, в резерве?» или «Где и когда вы намерены использовать свой резерв?». Евгений Филиппович за всё время учения непрерывно отслеживал действия командиров

и штабов, не стремился за ошибки публично «выдрать» кого-то, а действовал тактично, советуя вполголоса командиру или начальнику штаба: «А здесь надо подумать ещё!». И люди думали, отыскивая нужное, единственно правильное решение. В округе постепенно утвердился термин «школа Ивановского».

* * *

2-й Белорусский фронт, куда входили 8-й гвардейский танковый корпус и 62-й гвардейский тяжёлый танковый полк Е. Ф. Ивановского в составе 2-й Ударной армии генерала И. И. Федюнинского, сражался в Восточной Померании против группы армий «Висла» Гимлера, сформированной из 30 дивизий (в том числе 8 танковых) и бригад СС, оказывающих войскам Красной Армии отчаянное сопротивление. Обороне противника способствовали благоприятные условия местности с болотами, небольшими возвышенностями, озёрами и реками.

У войск Рокоссовского не хватало личного состава, танков, орудий, боеприпасов, понтонных средств, ибо в первую очередь укомплектовывались до полного штата 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты, нацеленные на берлинское направление. «Силы противника превосходили наши, — отмечал К. К. Рокоссовский, — и если нам в таких обстоятельствах ещё удавалось теснить его, то это было доказательством высокого искусства командиров и массового героизма бойцов: противник часто организовывал контратаки. И, тем не менее, 2-я Ударная армия продолжала с боями продвигаться на северо-запад, а другие войсковые объединения левого фланга 2-го Белорусского продолжали изо всех сил в боях и сражениях оказывать помощь войскам 1-го Белорусского фронта маршала Г. К. Жукова, рвущимся к Берлину...»

Полк Ивановского по болотисто-пересечённой местности, ремонтируя на коротких остановках повреждённые танки, медленно продвигался на северо-запад к Данцигу, уничтожая вражеские орудия, пехоту, бронетранспортёры, неся потери и в людях, и в технике. Случалось, что приходилось вести бои, преследуя мелкие группы гитлеровцев, бродившие по лесам и болотам. Воины освобождали из плена советских граждан, венгров, поляков, французов, кормили изголодавшихся женщин и детей из походных кухонь всем, что было приготовлено для бойцов и командиров танкового полка.

Ивановский видел, как измождённые, плачущие от радости освобождённые из гитлеровских лагерей люди обнимали офицеров, сержантов и бойцов Красной Армии, и Евгений Филиппович в очередной раз отдавал распоряжение хозяйственникам накормить голодных людей, помочь им, чем только возможно. И вновь принимался за боевые задачи, зная, что грядут новые бои с форсированием водных преград и в населённых пунктах. А главная задача — окружение и взятие города-крепости Данцига.

28 марта 1945 года танкисты полковника Ивановского одними из первых прорвались в город и вместе с мотострелками и орудиями САУ завязали бой с яростно оборонявшимися гитлеровцами. Танкисты вели стрельбу по огневым точкам, давили танковыми траками орудия, расстреливали из пулемётов группы гитлеровцев, среди которых часто мелькали офицеры в чёрных мундирах СС. Ты-

сячи солдат и офицеров вермахта сдались в плен. Город горел, отдельные очаги сопротивления подавлялись эскадрильями штурмовиков Ил-2, штурмовыми группами танкистов и артиллеристов. К 30 марта бои в Данциге утихли, всё реже и реже грохотали орудия крупного калибра, пожары больше не возникали... За мужество и проявленную в боях командирскую инициативу в Восточно-Прусской операции полковник Е. Ивановский был награждён орденом Суворова III степени. К двум орденам Боевого Красного Знамени, полученным Евгением Филипповичем в предыдущих операциях, прибавился третий орден — полководческий, т. е. за командирское искусство и талант военного руководителя. Орденом полководца Суворова I степени был награждён один из создателей советской полководческой школы маршал Георгий Константинович Жуков.

Полк Ивановского командование 2-го Белорусского фронта вывело в резерв вместе с 8-м танковым корпусом: потери были большими — в строю осталось девять танков, в боях погибли несколько экипажей. Снова ускоренный ремонт и ввод в строй повреждённых танков. Оценка командира в боевой обстановке определяется числом исправных танков и подготовленных экипажей, и Ивановский с ремонтниками днём и ночью трудились не покладая рук, доведя число боеготовых тяжёлых танков до пятнадцати.

И тут снова команда в бой! На Штеттин! Танкисты двигались по широкой автостраде почти бесшумно и без «болтанки», свойственной бездорожью. И хотя ходовая часть тяжёлых танков была основательно изношена, танкисты «выжимали» из тяжёлых машин всё возможное, чтобы побыстрее прорваться к Штеттину. Сопротивление противника заметно ослабло, но местами гитлеровцы «огрызались», что, естественно, вызывало усиление огневого противодействия атакующих.

В город Пренцлау танкисты Ивановского ворвались первыми, добились огневые точки бежавших солдат вермахта. Им было приказано остановиться и завершить многодневный марш преследования отступающих гитлеровских солдат и офицеров. Вскоре пришло распоряжение разместиться в местечке Гюстав. Стало известно о завершении боев в Берлине, а полк Ивановского находился в 70 километрах севернее поверженной столицы Германии. Глубокой ночью 8 мая танкисты узнали об окончании Великой Отечественной войны. Что тогда началось! Бойцы и командиры выбегали на улицы, непрерывно палили из оружия в воздух, кричали: «Ура! Победа! Берлин наш!». Тогда они ещё не знали о капитуляции фашистской Германии, о подписании акта — знали одно: война закончилась, конец боям и сражениям! Да здравствует Победа!

Ивановский вместе с бойцами и командирами восторженно приветствовал долгожданную Победу. Кто-то из офицеров штаба открыл бутылки с вином и водкой, и командир полка Ивановский поздравил своих боевых товарищей с Победой, поблагодарив их за службу, за боевые дела, за мужество и отвагу...

«Трудно далась нам наша Победа, — размышлял, глядя на ликующие лица подчинённых бойцов и командиров, полковник Евгений Ивановский. — Почти каждый из них потерял на этой войне родственников: кто отца, кто мать, брата

или сестру, а кто и всю семью. Смерть шла рядом, по пятам. Но это время — великое, ибо мы разгромили сильнейшую армию мира, мы разгромили фашизм!»

* * *

Первое, что ощутили бойцы и командиры на рассвете 9 мая 1945 года, — это удивительное безмолвие, поразительная тишину после многолетнего грохота канонады, свиста пуль и тяжёлого уханья взрывов снарядов и авиационных бомб. Многолетняя усталость валила людей с ног, заставляла забыться многочасовым глубоким сном.

Двадцатисемилетний командир полка Евгений Ивановский любовался своими спящими танкистами, радовался тому, что они остались живы в этой кровавой войне и что скоро его ребята снимут погоны и будут долго вспоминать свой 62-й гвардейский танковый полк, прочную фронтовую дружбу, скреплённую пролитой кровью, не сравнимое ни с чем братское доверие друг к другу, готовность подставить плечо и прикрыть собою товарища в свинцовой метели. Они, бойцы и командиры, разгромили фашизм!

Позже Е. Ф. Ивановский говорил, касаясь темы Великой Отечественной войны: «Действительно, не каждая операция была успешной. Но не будем забывать, что мы учились воевать, руководить фронтами, дивизиями и полками. Французская, одна из лучших европейской армий, была разбита германским войском за 44 дня. Мы сражались с сильнейшей армией мира и разгромили её, уничтожили фашизм. Победила наша полководческая школа во главе с маршалом Жуковым, победил советский народ, бойцы и командиры вооружённых сил. И это главное!».

Решение

Рассказ

День угасал. Прогретый жарким июльским солнцем постепенно остывал, делался мягче и прохладнее. Но даже здесь, в старом городском парке, всё ещё чувствовалось знойное дыхание дня. Разморённые жарой, там-сям на широких удобных скамейках в тени вековых лип умиротворённо дремали старики и старушки. Длинная аллея уводила в глубину соснового перелеска, и по ней молодая женщина катила детскую коляску: лицо её светилось материнской гордостью. Обогнав женщину, с весёлым смехом мимо пробежали мальчишки. Но и они не привлекли внимания Михаила, не вывели его из глубокой задумчивости, так же как и высокий худощавый старик в длинном белом пиджаке с орденскими планками, который уже минут двадцать маячил перед глазами, неторопливо прохаживаясь по асфальтированной дорожке.

Волнение, с которым Михаил буквально вбежал в парк, ещё не улеглось. В груди всё кипело от обиды. Он был растерян, подавлен и не знал, что теперь делать, что предпринять. Всё рушилось... Будто и не было той ни с чем не сравнимой молодой радости от самого большого события в его жизни — окончания учёбы в военной академии и вручения ему первых офицерских погон. Перебирая в памяти всё случившееся с ним потом, после торжества, — так ли держался, то ли говорил отцу Наташи, он теперь пытался взглянуть на себя со стороны. Но вместо того, чтобы спокойно во всём разобраться и поставить все точки над «i», он испытывал досаду и отчаяние, а горькие мысли лезли в голову, сбивали с толку. Если согласиться на предложенные ему условия женитьбы — век не простишь себе, век будет мучить совесть. Таким униженным и беспомощным Михаил никогда себя не чувствовал. Любимая девушка... Год встречались... Познакомились на дискотеке. Сколько было взаимных признаний и обещаний! Какие были у них планы! Ночами не спал, всё мечтал, как увезёт он свою Наташу на пограничную заставу, как им будет вместе хорошо в этом живописном лесном крае... И вот теперь всё получается, как в том старом примитивном кинофильме: разбитая любовь... утраченные мечты... Трагикомедия. Чёрт знает что!

А ещё утром, после построения на плацу академии и торжественной короткой речи командующего, Михаил был на вершине счастья. Как на крыльях летел он к дому Наташи. С большим букетом белых роз, не ожидая лифта, он взбежал на пятый этаж, чуть отдышавшись, нажал на кнопку звонка. Сейчас, сейчас откроет дверь Наташенька, увидит его в форме, с новенькими офицерскими погонами, её лицо озарится радостной улыбкой, и она бросится к нему на шею, он ощутит её нежные, трепетные руки, услышит такой родной, звонкий голосок: «Ну, наконец-то, Мишенька... Поздравляю!». И горячий, долгий поцелуй обожжёт его губы.

Но звонок трещал, а дверь никто не спешил открывать. Михаил ещё раз нажал на кнопку звонка и услышал за дверью басовитый мужской голос: «Кто там? Кому не терпится?».

В ту же минуту щёлкнул замок тяжёлой железной двери, она открылась, и на пороге выросла фигура Ивана Ивановича — маленького квадратного человечка. Он насмешливо, с хитринкой смотрел на Михаила.

— А-а, это ты. Проходи, дорогой мой... Проходи, проходи!

Такой суховатый приём несколько озадачил Михаила и остудил его настроение.

— Я к Наташе, — проямлил он.

— Может, к Наташе, а может, и ко мне... Думаю, на этот раз и без неё обойдёмся, зятёк, — всё в том же ироническом насмешливом тоне продолжал Иван Иванович. — Есть разговор...

Крайне смущённый и расстроенный отсутствием Наташи, Михаил как-то нерешительно, угловато прошёл за её отцом в шикарную обставленную гостиную.

— Садись, академик! — показал он на стол с закуской и бутылкой коньяка. — Видишь, ждал тебя... Как водится, замочим твои погоны, хотя... что они значат теперь? Так, для красоты... Девушкам голову морочить только. Ну да выпьем, зятёк!

Иван Иванович разлил коньяк. Чокнулись — тонко, как-то жалобно зазвенели хрустальные рюмки. Михаил только пригубил, а хозяин легко, заученным жестом опрокинул рюмку, взял большущий бутерброд с икрой и, не переставая жевать, вдруг закруглил разговор:

— Значит, так... Слушай меня и решай... Наташа с тобой... в твоё полесское захолустье не поедет, нечего там моей дочери делать...

Как оглушённый, смотрел Михаил на самодовольное лицо этого человека, хотел вскочить со стула, но тяжёлая рука Ивана Ивановича властно легла на его плечо и заставила сесть.

— Не горячись, парень... Молчи! Я всё узнал... Кажется, можно тебя выволить. За твою учёбу в академии заплачу. Слава Богу, у нас деньжата водятся. Понял? Выкуплю...

Иван Иванович что-то говорил, облизывая губы, о том, что будущему зятю он всегда найдёт местечко в своей фирме, что ему нужен толковый помощник, но Михаил слушал и не слушал, как затравленный, смотрел в приоткрытую дверь соседней комнаты, где мелькнула, как показалось ему, Наташа... Почему она не выходит, почему ничего не скажет?! Разве можно так?

Горячая волна обиды и возмущения захлестнула Михаила, он вскочил из-за стола и, чувствуя, что ему трудно дышать, быстро пошёл к двери. А вдогонку несло:

— Подумай, подумай! Выкуплю...

И вот теперь, сидя на скамейке в парке, не замечая времени, он наблюдал, как всё гуще становятся вечерние сумерки и всё настойчивее укрывают они деревья, а липы и клёны охотно прячутся в этом прохладном полумраке — причудливо-мохнатые, сказочные.

Михаил с детства любил природу полесского края, где родился и вырос. Домик матери стоит и сегодня у самой реки, а вечернее небо, окрашенное лучами за-

ходящего солнца в волшебно-неповторимые тона над спокойной речной гладью, всегда восхищало его, волновало какой-то особой, сокрытой в нём тайной. Но сейчас ему было не до красот природы... Безучастно следил Михаил, как затихает всё вокруг, готовясь к спасительному ночному сну после дневной жары, как пустеют аллеи, зажигаются тусклые жёлтые фонари. Его положение всё ещё казалось ему безвыходным, ужасным. Такого удара он не ожидал... Расскажи там, в казарме, обо всём случившемся — не поверят. Ребята знали о его молодой горячей любви, о Наташе, восхищались, а некоторые даже завидовали: в богатую семью попадёт, отец девушки — фирмач! Но Михаила только удивляли их разговоры — при чём тут богатство, ведь у него скоро будет своя семейная жизнь. Так думал, да не так вышло... Ему было жалко себя, но ещё больше Наташу. Они соседствовали, эти два чувства, только чувство оскорблённого человеческого достоинства было гораздо сильнее. Оно не давало покоя, мешало побороть обиду, найти разумный выход.

Михаил даже не заметил, как подсел к нему тот самый старик в белом полотняном старомодном пиджаке, облюбовавший для прогулки тенистую липовую аллею. Очнулся, когда он стал вдруг рассказывать о своей жизни, о том, как перед войной окончил пехотное училище и вот в этом самом парке познакомился с одной прекрасной девушкой... Ушёл на фронт и никогда не думал, что судьба подарит им счастье встретиться там, на огневых стежках-дорожках. А встретились! Она, оказывается, разыскивала его по всем фронтам... Какая была радость!

— А что потом было? — отвлёкся от своих мрачных мыслей Михаил, спросил скорее из вежливости, чем из любопытства.

— А что?! Женился, браток... Так всю войну и прошагали вместе. Красивая у меня была дивчина! Голубоглазая, бедовая! Ничего не боялась! Однажды меня, раненого, спасла — из-под самого носа у фрицев вытащила... Жаль, жизнь наша — беспощадная штука: на старости лет один остался... Плохо одному... А ты что, молодой товарищ, грустишь-тоскуешь? Что-нибудь не так? Не тоскуй, всё уляжется... Главное — держись своей линии в жизни!

Старик распрощался и, тяжело ступая, побрёл к выходу. Вроде бы ничего такого и не произошло, но Михаил неожиданно почувствовал облегчение — что-то свалилось с плеч. То ли ободряющие слова старика-ветерана подействовали, то ли образ этой «бедовой» медсестры взволновал. Он даже попытался представить её, голубоглазую, белокурую, сравнивая с Наташей. Но образ Наташи тускнел, проигрывал рядом с боевой медсестрой. И уже, кажется, Михаила не так мучили вопросы: как быть, как поступить? Решение подсказывала сама жизнь.

Наследство

Рассказ

Я возвращался из очередной командировки. Сидел в полупустом зале ожидания железнодорожной станции, терпеливо дожидаясь своего поезда, и с тихой, но глубокой грустью вспоминал свой последний командировочный день... Был он для меня особенный, если не сказать необыкновенный: оставалось от служебных

дел время, и я отскочил в полесский районный городок, где прошли мои детские и юношеские годы. В нём уже давно не было никого из родных, ушли из жизни мои старики, исчез и наш бревенчатый домик... На его месте новые хозяева участка воздвигли шикарный коттедж. Приехав в городок, я долго стоял перед этим чужим мне жилищем, сиротливо прислонившись к старой уцелевшей у дороги берёзе, и сокрушённо думал о быстротечности нашей жизни.

Не покидали меня эти невесёлые мысли и здесь, на железнодорожной станции. Но неожиданно из грустного оцепенения меня вывел молодой звонкий голос:

— На Минск ждём?

— На Минск...

— И я в столицу. Долго-то ещё ждать?

— Да порядком...

— Оставлю возле вас вещицы, схожу за билетом.

— Пожалуйста...

Передо мной, улыбаясь, стоял невысокий плотно скроенный парень в военной форме. Его курносое лицо, склонённое ко мне, светилось таким располагающим добродушием, а глаза излучали столько радости и молодой силы, что я невольно залюбовался им: ни дать ни взять солдат Бровкин из кинофильма! Даже, как у него, Бровкина, выбивались из-под фуражки курчавые светлые волосы. Не торопясь, по-хозяйски степенно, он поставил у моих ног дорожный чемоданчик, снял с плеча рюкзак, в котором топорщилось что-то большое, угловатое, опустил его на скамью рядом со мной и, смешно отдуваясь, сказал:

— Фу-ты, устал!.. Пешочком топал из села. Этот мой шурин, капиталист бесовестный, не подвёз на своей тачке, бензину, видно, пожалел...

Но всё это было сказано мягко, без упрёка, с той же обезоруживающей улыбкой на лице.

Вернувшись от билетной кассы, мой весёлый попутчик уселся рядом и стал рассказывать какие-то полусмешные истории из своего солдатского житья-бытья. И мне было приятно слушать его чистый юношеский голос, слышать, как он, дружески заглядывая мне в глаза, смеётся — искренне, беззаботно, стараясь приобщить и меня к своему хорошему настроению.

— Бьюсь об заклад, солдат: ты или влюбился или получил наследство! — пошутил я. — У тебя такой вид...

Перестав смеяться, парень изумлённо уставился на меня.

— А вы... что? Как вы догадались? Я и в самом деле получил наследство!..

Теперь уже я не мог скрыть своего удивления и, чтобы скорее разрядить эту неловкую паузу, в том же шутливом тоне спросил:

— Ну и как? Большое... наследство?

— Да нет... Дом! Дед мой ещё весной умер и на меня оставил завещание. Вот и ездил в село разбираться с этим делом...

Сразу посерьёзнев, парень помолчал немного, вопросительно поглядывая на меня — стоит ли продолжать этот грустный разговор? Но привычка общительного человека взяла верх. Уловив на моем лице заинтересованность, он оживился, гордо вскинул голову:

— Знаете, какой у меня дед Андрей был? Человечище! Девяносто лет прожил... Замахнулся и на сотню, да фронтовые раны подвели... Всю войну на тридцать-четвёрке пропахал! И подбивали его фрицы, и в танке горел... Потом, когда он болел, я уже в армии служил. В каждом письме докладывал деду со всеми подробностями, как в учебке его военную специальность механика-водителя осваиваю... Доволен был! В своём завещании так и написал: моему внуку, будущему танкисту, завещаю...

Всё как будто прояснилось, и я подумал, что на этом и закончится рассказ парня. Но он смотрел на меня с какой-то загадочной улыбкой. Вот-вот что-то скажет, что-то сделает, о чём я даже не догадываюсь.

И действительно: щёлкнули замки выдавшего виды чемоданчика, и мой удивительный попутчик быстро достал из него конверт с фотографиями. Один снимок, пожелтевший от времени, он торжественно протянул мне:

— Смотрите! Вот мой дед в сорок пятом... В Праге...

Я бережно взял протянутый старенький снимок и не мог оторвать взгляда от запечатлённого на нём бравого танкиста — в шлеме, у боевой машины, окружённого жителями города. На обветренном мужественном лице играла белозубая улыбка — точь-в-точь такая, как у его внука. В широко открытых глазах светились радость и достоинство воина-победителя. А за его спиной, на фоне полуразрушенного старого здания, красовались другие краснозвёздные машины...

— Ну и ну! — только и мог восхищённо произнести я. — Повезло тебе, парень... Такой героический предок! А как же ты... распорядился наследством? Продал, что ли, дом? Себе оставил?

Парень обвёл меня критическим взглядом, недоумённо пожал плечами и вдруг весело рассмеялся:

— Да зачем мне, военному, этот дом? Я свою жизнь определил... А у меня там, в селе, старшая сестра замужем за одним фирмачом... Видели б вы, как он меня обхаживал! И смех и грех... Я его сразу раскусил: позарез нужен ему этот домишко... Под магазин, что ли? Подсунул мне бумагу — подпиши, откажись от наследства в пользу сестры... Я и подписал. Пусть пользуются... А моё наследство — вот оно, смотрите...

Из того же дорожного чемодана парень извлёк кожаную сумочку и аккуратно выложил из неё себе на колени ордена и медали...

— Дедовы! Боевые... Дед их по праздникам носил. Тебе, говорит, оставлю, внук. Добавишь своих — молодец будешь!

Сноп солнечного света врывается в зал ожидания через узкое окно, и в его ярких лучах ордена и медали блестели, словно живые. Вдоволь налюбовавшись наградами, парень собрал их в сумку. Повернувшись ко мне, снова хитро заулыбался.

— А тут, в вещмешке, угадайте, что лежит? Не угадаете... Тоже наследство: аккордеон... Дед с войны привёз. Трофейный. Его уж точно никому не отдам! Как свадьба или праздник какой — всё село к деду шло: сыграй, Андрей! Всем он и играл... Меня вот научил.

И, задорно блеснув глазами, парень вдруг предложил:

— Хотите, я вам сыграю самую любимую песню деда Андрея?

И, не дожидаясь моего согласия, он осторожно вывернул из вещмешка аккордеон. Привычно легли на клавиши пальцы... Зазвучала до боли знакомая песня. Волнующая, грустная мелодия всколыхнула память, возвращая в тот далёкий грозный час, когда провожали на фронт отцов и любимых... Простые, проникновенные слова песни помнились и мне:

На позицию девушка провожала бойца.
Тёмной ночью простилася на ступеньках крыльца.
И пока за туманами видеть мог паренёк,
На окошке на девичьем всё горел огонёк.
Парня встретила славная фронтовая семья.
Всюду были товарищи, всюду были друзья.
Но знакомую улицу позабыть он не мог:
«Где ты, милая девушка, где ты, мой огонёк?»

Парень пел задушевно. Мне показалось, что и я незаметно для себя стал подпевать ему... Но за спиной уж точно звучал поющий голос. Обернувшись, я увидел пожилую женщину. На её глазах блестели слёзы...

— Спасибо, сынок! — тихо сказала она парню, когда умолк его аккордеон.

Что напомнила женщине старая фронтовая песня, нетрудно было догадаться... Хотелось и мне рассказать моему жизнерадостному попутчику о трагическом и славном прошлом, как-то особенно, тепло поблагодарить его, но пассажиры уже засуетились, озабоченно стали пробираться к выходу: к перрону подходил наш поезд...

На линии огня

(отрывок из романа «Пётр Машеров.
Беларусь — его песня и слава»)

Подвиги храбрых заливают историю ослепительным блеском, и это один из ярчайших светочей людей.

Виктор Гюго

Дипломированный учитель физики и математики по распределению приехал в тихие Россоны. Местные старожилы из поколения в поколение, словно легенду, передавали, что это был единственный в посёлке молодой человек, который носил шляпу. Он хорошо знал Маяковского, иногда упражнялся в игре на фортепьяно. И всегда что-то затевал, организовывал: то постановку в местном клубе, то поездку агитбригады в колхозы района. Его неукротимый энтузиазм, интеллигентность и эрудиция покоряли ребят. Они любили романтически устремлённого в завтра учителя физики и математики. И когда пробил грозный час, безусые мальчишки из машеровского 10«А» класса вместе со своим преподавателем влились в ряды народных мстителей, беспощадно громили фашистских оккупантов. Как образно заметил, рассказывая о юных мстителях, публицист Роман Харитонов, «ньютонов закон всемирного тяготения, многим не дававшийся в школе, вдруг обернулся для них конкретностью святого тяготения к своей земле, к Родине, к дому, который они защищали с оружием в руках».

В довоенных Россонах судьба свела Машерова с Полиной Галановой, уроженкой Шкловского района. Стройная, с лучистыми голубыми глазами девушка, врач-стоматолог, пришла с подругой в клуб, чтобы посмотреть фильм «Музыкальная история». Перед началом сеанса на танцплощадке играл оркестр, и Полина впервые увидела там элегантного, со вкусом одетого Петра. Он был вместе с братом Павлом, который работал директором соседней школы в Клястицах. По-знакомились, и завязалась крепкая дружба, ставшая надёжной опорой в добрые и худые дни.

В летнее время они вместе катались на лодке на озере, усыпанном кувшинками с большими плавающими листьями и белыми цветками. Постоянно посещали библиотеку. Полюбившиеся книги советовали почитать друзьям, знакомым. Литература, киноискусство формировали их культуру, обогащали духовный мир. Внутренние силы помогли обычным людям совершать настоящие подвиги. Это убедительно показано и в произведениях Василя Быкова.

О войне с поднимавшимся в Европе германским фашизмом многие поговаривали. Но не думалось, что она так внезапно обрушится на просторы нашей страны.

С первых дней оккупации района Пётр Машеров занялся созданием партизанского отряда. Чтобы расширить круг общения, помимо работы в школе

устроился счетоводом колхоза «Россоны», объединял местное население для борьбы с врагом.

И рвался на передовую. Обращался в военкомат. Но ему отказали — учителей не призывали, берегли. Тогда записался добровольцем в истребительный батальон. Пробиваясь на фронт, новобранцы около местечка Пустошки 23 июля попали в окружение, находясь вместе с 51-м корпусом. Их под конвоем отвели в Великие Луки, посадили в товарняк, заколотили двери и отправили в Германию. Состав двигался по территории Литвы. Пётр Миронович и ещё два смельчака, не доезжая Вильнюса, выпрыгнули на повороте через узкое окошко, находившееся под самой крышей вагона.

Машеров свалился с насыпи, ударился обо что-то твёрдое. С виска пошла кровь. Он зажал рану сорванным с куста листком и скрылся в густом лесу. Присел у поваленного дерева, дожидаясь вечернего заката. Как только сгустилась темень, собрался с духом и — в обратный путь. Ночами пешком топал в Россоны. Спустя девять дней был среди боевых друзей.

Пётр Миронович пробовал найти тех, кто вместе с ним бежал. Однако никого разыскать не смог — видно, никто не выжил.

Полину Андреевну направили в передвижной военный госпиталь для раненых. Госпиталь в районе Невеля захватили гитлеровцы. Она сняла лейтенантскую форму, переделалась в платье. Пленных перегоняли в Полоцк, и на привале ей удалось бежать. Глухими тропами добралась до деревни Соколищи. Больницу, медпункт закрыли. Ходила убирать хлеб. Урожай был невиданный, рожь стояла стеной.

Немцы зверствовали, не щадили никого. Полина решила податься на свою Могилёвщину. Пришла в Россоны и встретила Петра. Он сказал:

— Никуда не надо одной идти. Это — опасно. Будем воевать в партизанском отряде.

Она ему поверила и осталась в Россонах. Так же безоговорочно поверили другие подпольщики в его честность и надёжность.

Её зубной кабинет стал явкой. Когда приходил связной и говорил, что у него болит верхний правый зуб мудрости, врач передавала добытые сведения. Затем, сказав охранникам, что якобы едет на село делать прививки против оспы (фрицы боялись распространения заразы), ушла к партизанам.

В августе 1941 года Машеров организовал и возглавил Россонское патриотическое подполье, о котором украинский поэт Микола Нагнибеда в своей «Зелёной поэме» писал:

И шли к нему люди по собственной воле
Из Соколища,
Из Ровного Поля!..
Заборье,
Шалашники
И Миловиды —
Все вёски лесные
Россонской орбиты.

Поэму под новым названием «Матулям з Расон» перевёл на белорусский язык Пимен Панченко и включил в свой четырёхтомник избранных произведений, выпущенный в 1981 году издательством «Мастацкая літаратура».

Героическая поэма «Матулям з Расонаў» увидела свет и в переводе Анатолия Велюгина. Всё то же элитарное литературное издательство включило её в авторский двухтомник, датированный 1984 годом.

Бойцы восхищались хладнокровием и выдержкой своего командира. Устраивая засады, он подпускал врага на близкое расстояние и давал сигнал открыть шквальный огонь. Укрываясь от преследователей, умел запутать след. Вернувшись на базу, только усмехался: «Обвели ищеек вокруг пальца».

Начальник медицинской службы партизанского отряда имени Щорса Полина Андреевна во всех сражениях была рядом с его отважным командиром, а затем и комиссаром бригады имени Рокоссовского Машеровым. «Рыцарь без страха и упрёка» проявлял поразительную решительность и находчивость.

Машеров безропотно переносил все тяготы подполья и суровой борьбы. Питался с товарищами по оружию из одного котла. В первую военную зиму после боевых походов отдыхал прямо на снегу. Расстилал перину, которую передала мать Дарья Петровна, набрасывал на себя пальто и сразу же засыпал. Тогда застудил почку. Лечиться в тех условиях не представлялась возможным. Потом вырыли землянки — всё-таки теплее. Немного спустя построили аэродром в окрестностях отдалённой деревушки Ровное Поле, которую в шутку называли «Вторая Москва». В условленное ночное время по обе стороны взлётно-посадочной полосы разводили костры и принимали самолёты с Большой земли.

В отряд Петра Машерова заходили подрывные группы, направляемые Центром на боевые задания. Одной из таких групп командовала бесстрашная Татьяна Лаврова. На приём в Кремль её пошлют как лучшую партизанку Калининской области. Ознакомившись с ратными подвигами юной девушки, Сталин скажет маршалу Ворошилову: «Климент Ефремович, вот посмотри, как она воюет. Если бы твои солдаты так воевали, мы бы давно уже войну закончили».

С Машеровым Лаврова, по её воспоминаниям, познакомилась при следующих обстоятельствах:

«В сентябре по указанию командования мы должны были пустить под откос второй эшелон на железнодорожной ветке «Рига–Москва», и нас уже преследовали немцы. На нашу группу семь человек — целый отряд. Обычно мы возвращались в наш Себежский район через территорию Латвии, а в этот раз решили укрыться от преследования, пройти через Беларусь. И вышло так, что шли недалеко от Россон. Там нас и встретил отряд Машерова. Он сам был там, позвал нас в штаб, приказал накормить. Потом стал расспрашивать, кто мы, откуда. Я рассказала, что мы подрывники, взорвали второй эшелон «Рига–Москва». Подробно рассказывала, как мы лежим по трое суток на железной дороге, слушаем и по звуку определяем, что за состав идёт. А порядок у немецких перевозок такой был: сначала идёт дрезина, потом поезд, гружёный гравием, и только потом — воинский состав. Его, если приноровиться, вскоре начинаешь отличать по звуку. Это было в самом начале войны, когда больших партизанских отрядов ещё не образовалось, тем более на

железной дороге. Конечно, Машерову стало интересно — командир группы подрывников, да ещё и девочка совсем — мне тогда 18 лет всего было.

Жена Машерова, красивая женщина, сперва приревновала меня к нему. Но потом поняла, что мы общаемся всегда только по делу. Очень он любил со мной общаться, восхищался тем, как я своей группой команду и как отряд власовцев перевела к партизанам. Он говорил, всегда заезжайте, рассказывайте, какая обстановка у вас. С тех пор мы только через Беларусь и ходили, хотя получался большой крюк. Машеров нас каждый раз встречал, кормил и патефон заводил, сам на гармошке играл. Тогда Россоны уже входили в территорию партизанского края. Оружие у них было в основном немецкое — партизаны захватывали обозы немецких солдат.

Когда мы приехали в штаб Машерова второй раз, он попросил меня обучить подрывному делу пять человек из его бригады. Мне это было не сложно, конечно. Я обучила этих ребят, потом они ходили подрывать эшелоны в Минскую область.

Однажды Машеров спас мне жизнь. На меня вышел СМЕРШ, дали поручение, сказали: «Это задание можешь выполнить только ты». Нужно было в Себеже пронести подпольщикам мины на открытие какого-то совещания немецких начальников. Мне дали документы, будто я учительница, дали с собой корзину с яйцами, а под ними финские магнитные мины. Я пошла в Себеж, прошла два поста благополучно, а на третьем у меня спросили, что там в корзинке. Стали смотреть — а там мины, меня схватили, привезли в комендатуру, она была в здании школы. Начался допрос, меня избивали, ногами по спине ходили, в какой-то момент я потеряла сознание, меня бросили в заброшенный туалет, закрыли на замок.

В этой комендатуре работал белорус из отряда Машерова. Его использовали как переводчика — он хорошо знал немецкий язык. Из разведки, конечно, следили за моим продвижением и знали, что меня схватили. Тут же по радиации Машерову передают: «Спасайте нашу Танюшку». Из отряда Машерова быстро направили связного к комендатуре, и ночью этому парню, который переводчиком у немцев был, Володе, говорят: «Выручай как хочешь». Говорят, ценный человек, подрывник. Нужно спасать. Володя ночью убил постового, который около школы дежурил, потом второго, который по коридору ходил, открыл каморку, где я сидела, схватил меня за руку: «Бежим!». А я только очнулась от побоев, только пришла в сознание. Спрашиваю: «Кто это? Куда бежим?». Володя тем временем порвал на себе рубашку, сделал верёвку какую-то, спустил меня из окна с третьего этажа сначала, а потом и сам спрыгнул»¹.

Дубняк (партизанская кличка Петра Мироновича) оберегал буквально каждого бойца. Когда кто-то из них уходил в разведку и он видел, что у него прохудились сапоги, снимал свои и говорил: «Надевай мои, я обойдусь». Такое внимание согревало лесных солдат.

В одном из сражений на шоссе Россоны–Клястицы партизаны подбили вражескую машину. С криком «За мной, в атаку!» Машеров бросился на отстрели-

¹ Республика-партизанка. К 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. М., 2014. С. 119–120.

вавшихся фрицев. Были убиты капитан Дретунской полевой жандармерии и несколько немецких офицеров. Перехватили списки участников Россонского подполья. Но тут шальная пуля сразила Петра. Окровавленная нога не давала возможности уйти в лесные чащобы. Услышав лай набегавших немецких овчарок, он приказал всем отступать, а сам 10 километров полз до посёлка. Приютила его ученица Ядвига Масальская. Вместе с матерью Франтишкой Иосифовной она оказала раненому помощь в доме возле комендатуры, под самым носом у гитлеровцев. Облавы проводились днём и ночью. Понимая, что жизнь чужой семьи подвергается смертельной опасности, он незаметно перебрался к своей матери Дарье Петровне. Прятался под кроватью, а лечила, выхаживала, поднимала его на ноги Полина Андреевна.

Машеров снова вернулся к лесным солдатам. Учил их военному искусству, анализировал обстановку. Объединившись с отрядом им. Сергея, разбили вражеский гарнизон в Штяуне, уничтожили более 20 солдат противника, взяли много боевых трофеев и военного имущества.

В годовщину начала войны два отделения второго взвода отряда «Дубняк» под командованием Машерова (вместе с ним находилась и Полина Андреевна) атаковали Россоны. Уничтожили охрану хлебозавода, захватили большое количество продуктов. В последующие дни совершили рейды в Себежский район, в Латвию. Около деревни Лисно разгорелся бой с батальоном карателей, который длился несколько часов. Потери врага составили около 40 человек только убитыми.

Особое место занимает дерзкая операция по взрыву стометрового трёхпролётного Бениславского моста на реке Дрисса. Проводилась она на рассвете 4 августа 1942 года. Пётр Миронович командовал штурмовой группой в составе 65 отборных бойцов.

В завязавшейся рукопашной схватке получил ранение в руку. Верная спутница перевязала его под плотным пулеметно-миномётным огнём, вывела из пекла за несколько секунд до того, как стратегический военный объект взлетел в воздух. Тогда было уничтожено 75 фашистов и на две недели прекращено движение по железной дороге Витебск–Полоцк–Двинск–Вильнюс–Рига.

Несмотря на ранение, Машеров гордился этой операцией так же, как гордился Маршал Победы Жуков первыми боями на Халкин-Голе в качестве полководца.

Вояки рейха устроили охоту на отважного партизанского командира и его родных. Машеров попутной машиной отправил сестёр Олю и Надю к Матрёне, которая вместе с ними и со своими детьми эвакуировались в город Бузулуки Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Оттуда уехали в колхоз «День урожая» Державинского района, где трудились до освобождения Витебска. А Дарья Петровна задержалась в Россонах, обещая приехать попозже. Но гестаповцы её схватили. Жестоко мучили, пытали. Однако она не выдала ни сына, ни других подпольщиков. Фрицы связали ей руки колючей проволокой и расстреляли в четыре часа утра 9 сентября 1942 года. Пётр Миронович тяжело переживал гибель матери. А когда уже в мирное время в парке недалеко от озера при раскопках распознали её прах по синему платью в горошек, попросил перезахоронить в братской могиле. И каждый раз, навещая Россоны, возлагал живые цветы к памятнику. Стоял,

склонив голову, и тихо шептал: «Прости, что не успел забрать тебя в отряд». Слёзы скорби застывали на лице. Уходил осторожно, медленно пятясь, никогда не поворачивался к обелиску спиной.

На фронтах сражений погибли два брата Гигелевы — комиссар отряда Николай и начальник штаба Пётр.

— Не нужно было брать в бой сразу двоих, — печально сказал на траурных похоронах Машеров. И ещё с большей яростью мстил ненавистному врагу. За муки родных и земляков, за поруганную землю, за сожжённые сёла и города.

Крупное сражение произошло у станции Свольна в районе Полоцка. Отчаянно Машеров действовал в феврале 1943 года в тылу вражеских карательных отрядов. С боевыми товарищами он в течение трёх суток почти без отдыха обстреливал гарнизон, участвовал в нескольких боях с немецко-латышскими частями.

В аттестационном листе на присвоение Машерову звания старшего лейтенанта, датированном 23 мая 1943 года, говорится, что он «волевой, выдержанный командир. Политически грамотный. Умеет здорово оценить обстановку и принять соответствующие выходы нисколько не хуже командиров, имеющих военное образование»¹.

Ратная слава о мужественном бойце-командире по кличке Дубняк росла как снежный ком. В представлении Белорусского штаба партизанского движения на присвоение Петру Мироновичу звания Героя Советского Союза отмечалось: «В обстановке неслыханного террора, когда многие местные работники потеряли веру в победу нашей страны, тов. Машеров с большой решительностью и исключительной осторожностью объединил вокруг себя молодёжь м. Россоны, Ольбрехтовского, Соколищенского, Селившинского, Миловидского, Клястицкого и др. с/советов района, деятельно занимался сбором оружия и боеприпасов, подбором надежных людей, получением сведений немецких гарнизонах и подготовкой к открытому выступлению...

Первый организатор и инициатор партизанского движения в Россонском районе Витебской области, которое в дальнейшем выросло во всенародное восстание и создало огромный партизанский край в 10 тысяч квадратных километров, полностью сбросивший немецкое иго и восстановивший Советскую власть. Дважды раненый, т. Машеров во время двухлетней борьбы с немецкими захватчиками проявлял большое личное мужество и отвагу, отдавая все свои силы, знания и способности этой борьбе, и не жалея своей жизни»².

На предварительном документе стоит пометка: «И. В. Сталин. Согласен».

По линии фронта между Велижем и Усвятами почти на год были открыты «Витебские ворота», через которые с Большой земли поступали оружие, боеприпасы.

Партизаны настолько омрачали жизнь захватчикам, что те жаловались: нельзя проехать по Беларуси, не рискуя быть взорванным. Уже на третьем году оккупации патриоты держали в своих руках в общей сложности 60 % территории республики. Гитлеровцы собрались применить против народных мстителей химическое

¹ НАРБ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

² НАРБ. Ф. 528. Оп. 1. 12.

оружие. Видимо, вспомнив, как кайзеровцы 12 октября 1915 года использовали против Русской армии под Сморгонью цианистый калий, рассеивавшийся густым желтоватым смертоносным туманом, фашисты в районы Могилёва, Бобруйска и Борисова пригнали вагон с отравляющими веществами. Каратели из 634-го французского полка получили противогазы, в деревни завезли металлические баллоны с жидким ОВ. Но что-то не сложилось.

Зато последовали карательные экспедиции с участием регулярных войск, переброшенных с фронта. В Национальном архиве Республики Беларусь сохранилась справка за подписью секретаря Витебского обкома КП(б)Б Я. Жилиянина. Приведу из неё лишь некоторые фрагменты, свидетельствующие о хладнокровном истреблении славян, что и было предусмотрено зловещим «Drang nach Osten».

«В Россонском районе гитлеровские погромщики сожгли дд. Антоново, Баканиха, Павлово, Казимирово, Жары, Савино, а также и ряд других населённых пунктов превращены в пепелище. Всего сожжено 260 жилых домов и 574 надворные постройки.

Помимо поджогов фашисты разграбили много деревень. В д. Жары фашистские грабители отняли у крестьян 32 лошади, 75 коров, в д. Шнитовка — 23 лошади, 51 корову, 40 свиней и 93 овцы, в д. Голубово — 25 лошадей, 77 коров, 17 свиней и 83 овцы, в д. Гришино — 45 лошадей, 84 коровы, 15 свиней и 118 овец, в д. Антоново — 28 лошадей, 25 коров, 21 свиному и 250 овец. Такой массовый грабёж фашисты учинили и во многих других населённых пунктах района. Всего за время действия карательной экспедиции в Россонском районе гитлеровские грабители, по неполным данным, отняли у крестьян 622 лошади, 1436 коров, 479 свиней и 1593 овцы. Кроме того, фашисты забрали у крестьян весь хлеб, одежду и вещи домашнего обихода.

Поджоги деревень и массовый грабёж сопровождалась дикими зверствами и массовыми расстрелами стариков, женщин и детей. В дер. Коношенки от рук кровожадных палачей погибло 30 мужчин, 45 женщин, 9 детей, в д. Горбачёво — 55 мужчин, 84 женщины и 9 детей, в д. Рыли — 41 мужчина, 50 женщин, 11 детей, в д. Фомино — 33 мужчины, 48 женщин, 9 детей, в д. Скуратово — 34 человека, в д. Харитоново — 45 человек. В дер. Карпино фашисты заживо сожгли: Толкачёва Никиту Ивановича, его жену Ульяну Тихоновну — 41 год, сына Степана, 10 лет, и дочь Зину — 8 лет, а всего в этой деревне зверски замучено и заживо сожжено 35 стариков, женщин и детей.

В д. Велье Клястицкого с/с Россонского района фашисты согнали в один дом стариков, женщин и детей в количестве 68 человек, а потом группами начали выводить их в сарай и расстреливать, после чего сарай подожгли. В числе зверски замученных 32 чел. детей до 10-летнего возраста.

В дер. Межево Дмитровского с/с Россонского района каратели согнали в один дом 36 стариков, женщин и детей и заставили население в этом же доме вырыть себе могилу, а когда могила была вырыта, фашистские звери начали на глазах у всех присутствующих поочередно расстреливать взрослых, а детей живыми бросать в яму. Таким коварным методом фашисты уничтожили всех 36 человек.

По далеко не полным данным, в Россонском районе фашистами расстреляно и заживо сожжено 1245 человек, в т. ч. 216 мужчин, 815 женщин и 214 детей.

В Лепельском районе полностью сожжены дд. Слободка, Кривцы и Пунище. В д. Слободка фашисты расстреляли 97 человек мирных жителей, в т.ч. 60 женщин и 10 детей.

Гитлеровские палачи полностью сожгли д. Володарка Городокского района и в этой же деревне расстреляли 89 и зверски замучили 57 человек мирных жителей. Женщин и детей фашистские изверги связывали по несколько человек вместе, обливали бензином и сжигали, а грудных детей поднимали на штыки и бросали в огонь.

В Суражском районе в д. Пихтия расстреляно и насмерть замучено 80 человек стариков, женщин и детей. В д. Дуброво — 70 чел., в д. Кроты — 60 человек, в д. Низкие этого же района фашисты согнали все население в сарай и подожгли их. Всё население сгорело вместе с сараем.

По неполным данным в районе в течение июля месяца расстреляно и сожжено 600 человек женщин и детей.

Сжигание населённых пунктов, массовый грабёж и поголовное истребление мирных, ни в чём не повинных советских граждан фашистами произведено в Полоцком, Дриссенском, Освейском, Сиротинском, Витебском, Меховском и Лизненском районах»¹.

Летом 1943 года фашистское командование сняло с фронта боевые части, танки, авиацию и бросило на борьбу с партизанами. По указанию БШПД бригаде имени К. К. Рокоссовского, в которой комиссаром был Пётр Миронович, предстояло передислоцироваться на территорию Вилейской области.

До сегодняшнего дня дожил уже единственный боец отряда имени Щорса Константин Полевичко. На встречах с россонской молодёжью он рассказывает:

— За одну ночь проделали большое расстояние в направлении Западной Двины между Богиславом и Верхнедвинском. Под покровом темноты без потерь перешли через железную дорогу, сильно охраняемую немцами, и на плотях, связанных с брёвен, перебрались на правый берег реки.

А дальше из кольца блокады, преодолевая водные преграды, Машеров по болотистой местности удачно вывел бригаду, а это почти 400 человек. Более того, по пути следования лесные солдаты у деревни Двор-Залесье, что в Глубокском районе, решили уничтожить укреплённый немецкий гарнизон. С севера, востока и юга к нему подступали три озера, а с запада возвышались толстые стены графского дворца. Разведчики связались с некоторыми защитниками этого вражеского «гнезда» и склонили их к сотрудничеству. Они уложили офицеров рейха и старших по чину полицаев, а остальные вояки перешли на сторону партизан. В качестве трофеев было захвачено большое количество оружия и боеприпасов, снаряжения и продуктов питания.

Петра Мироновича избрали первым секретарём Вилейского подпольного обкома ЛКСМБ. Машеров развернул активную деятельность. Прежде всего были

¹ Ф. 1450. Оп. 2. Д. 8. Л. 10. Подлинник.

созданы райкомы комсомола в Глубокском, Миорском, Диснейском районах и Вилейский горком ЛКСМБ, укреплено руководство Брасловским, Ошмянским, Сморгонским и другими райкомами (всего их действовало более 20), значительно расширена сеть первичных и антифашистских организаций. Отладили выпуск областной газеты «Молодёжная правда».

Мне довелось побывать в восстановленной землянке, где печаталось издание. В поход пригласил главного редактора многотиражной газеты «Знамя юности», как говорится, журналиста от бога Леонида Екеля. За озером Нарочь заливной луг сменился дремучим лесом. Сразу же как-то потемнело. Потянуло прохладой. По поросшим травой кочкам и разброшенным в трясине брёвнам вышли к небольшому бугорку, спрятанному под лохматыми елями. За открытой дверью просматривалась квадратная комнатуха с двумя оконцами. Вдоль стен стояли столы, на которых располагались радиоприёмник для приёма из Москвы материалов, типографские кассы со шрифтом, миниатюрная печатная машина.

— Заголовки и другие иллюстративные материалы для газеты, листовок, плакатов партизаны изготавливали на линолеуме и дереве, — пояснил осведомлённый гид. — Сотрудники редакции работали увлечённо, в тесном контакте с Петром Мироновичем.

Организаторская и пропагандистская работа обкома комсомола поднимала боевой дух юношества. Своими ратными подвигами оно вписало славные страницы в героическую летопись. Например, сумело разложить вражеский батальон в Поставах. Из него пришло в лес около 100 человек, служивших в СД. Они принесли с собой шесть пулемётов и свыше 200 винтовок.

Николая Малиновского, будущего главного кремлёвского хирурга, академика, Героя Социалистического Труда, партизаны пристроили в Вилейке в аптеку, куда стекались все новости. Ему сказали: «Ты знаешь немецкий. Стой за окошком, слушай и мотай на ус. Заодно снабжай нас лекарствами».

По четвергам отец Никодим Васильевич приезжал из своей деревни Желтки в Вилейку на базар. Заходил к сыну. Мази, порошки, марлю, инструмент прятал в хомут. Не раз визитёра задерживали фрицы, но, ничего не найдя, отпускали. Разведдонесения смыслёный парнишка вообще писал простым шрифтом. Количество полученных таблеток от головной боли означало количество офицеров, настойки — технику, «итога» — дату карательной наступательной экспедиции.

Как свидетельствуют материалы Национального архива Республики Беларусь, только «за январь–февраль 1944 года комсомольцы и молодёжь из партизанских отрядов Вилейщины пустили под откос 60 вражеских эшелонов, взорвали 1463 железнодорожных рельса, 59 мостов, 21 автомашину, уничтожили 129 километров телеграфно-телефонной связи, разгромили 12 гарнизонов, убили свыше 1.000 вражеских солдат и офицеров»¹. Во многих операциях принимал непосредственное участие Машеров. Бойцы-товарищи всегда присутствовали в его сердце, а огненные сражения часто видел во снах.

¹ Ф. 4. Оп. 33а. Д. 25а. Л. 270–273.

15 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Петру Миرونвичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Золотую Звезду и орден Ленина торжественно вручили в Кремле. Из Москвы одухотворённым вернулся он в Молодечно, где он уже работал первым секретарём обкома комсомола. Предстояло налаживать мирную жизнь. И нередко вступать в открытый бой с орудовавшими недобитыми гитлеровскими пособниками, прежде всего аковцами.

Заблудившись во времени и потеряв чувство реальности, польское эмигрантское правительство в Лондоне не хотело смириться с потерей «крэсов всходних», т. е. земель Западной Украины и Западной Беларуси, которые в течение 18 лет находились под чужеземной оккупацией. В ряде областей, в том числе и Молодеченской, была развёрнута законспирированная подпольная сеть, действовало 14 «обводов», в каждом из них насчитывалось от одной до двух тысяч бойцов Армии Крайовой. Банды убивали местных руководителей и активистов, промышленяли грабежами. Эти события ярко описаны в романе Владимира Богомолова «В августе сорок четвёртого...» и запечатлены в одноименном фильме режиссёра Михаила Пташука. Пришлось приложить немало усилий, чтобы подавить кровавое и бессмысленное сопротивление. В деревне Друе Машеров вместе с товарищами наскочил на вооружённую банду. Выручила боевая сметка. Вывалились из повозки в кювет, бросились в сторону — и вперёд. В темноте на просвет неба открыли огонь по нападавшим.

Машерова просили не посещать больше глубинку. Однако он по-прежнему появлялся в самых отдалённых местах, там, где его не ждали. Вместе с молодыми косарями становился в покосы, работал со жнеями в поле. Во время коротких перерывов оживлённо беседовал с юношами и девушками, вселяя в их сердца уверенность, оптимизм и настроение. Он умел зажечь их надеждой и оптимизмом.

Жизнь в первые послевоенные годы была тяжёлой. Пётр Миرونвич тогда получал 1200 рублей, а буханка хлеба на рынке стоила 80. В основном сидели на картошке, которую выращивали на огороде. Бульбой угощали приезжавших гостей из Минска. Выручала и партизанская корова, которую дали Сергею Пронько, будущему мужу сестры Ольги, по причине его заболевания туберкулёзом.

В 1946 году в Англии проходил I Всемирный конгресс молодёжи. На него от Советского Союза посылали только героев войны. В состав делегации включили и Машерова. Приехал домой окрылённым и приодетым: привёз целых три костюма, которые ему сшили в Москве.

В 28 лет Петра Миرونвича избрали секретарём, а через год — первым секретарём ЦК ЛКСМБ. В Минске жильё получили в районе Круглой площади (ныне Площадь Победы). От неё до Оперного театра вдоль набережной тянулись огороды. Машеровым тоже выделили несколько грядок, на которых молодая семья выращивала овощи. Пригодились навыки, освоенные при ведении подворья в Молодечно.

Столица была разрушена на 85 % и лежала в руинах. Среди подростков — много обездоленных. Пётр Миرونвич готов был последнюю рубаху снять, только бы помочь тому, кто оказался в беде. Принципиально отстаивал интересы подрастающего поколения, старался оказать помощь малолетним детям, чьих родителей

расстреляли фашисты. Некоторых детей-сирот брал к себе домой, где они жили не один месяц. Учил их не пасовать перед трудностями, добиваться поставленной цели. В этих поступках проявлялась его истинная нравственность.

На работе, которой было невпроворот, задерживался до глубокой ночи. Немного отдыхал и поутру опять спешил в ЦК, располагавшийся в небольшом здании по улице Янки Купалы. Заботился о повышении авторитета и влияния первичных организаций, возвращении грамотных кадров. На предприятиях они задавали тон, способствовали увеличению выпуска машин и механизмов, товаров народного потребления. На селе создали 352 молодёжные тракторные бригады, которые соревновались за лучшие производственные показатели. По ходатайству ЦК комсомола наиболее отличившихся награждали орденами и медалями.

Республика, как и страна в целом, усилиями всего населения сумела в рекордные, казавшиеся фантастическими сроки не только восстановить, но и модернизировать промышленный и научно-технический потенциал. По ряду же направлений, которые сегодня назвали бы инновационными, СССР, сотворив «советское чудо», буквально вырвался на самые передовые позиции, опережая высокоразвитые державы Запада, а также США.

Именно тогда зарубежные подрывные центры начали нагнетание напряжённости. В воздухе запахло новой грозой. После американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки проблема сохранения международной безопасности стала актуальной. Была создана Республиканская общественная комиссия по сбору подписей за запрещение атомного оружия во главе с народным поэтом Беларуси Якубом Коласом. Его заместитель Пётр Машеров развернул широкую агитацию и пропаганду среди рабочей, сельской, студенческой и армейской молодёжи, активно голосовавшей за мир против поджигателей «холодной войны».

Нашёлся внутренний злоумышленник, у которого задорно-кипучая деятельность комсомольского вожака вызвала ревность. В подброшенной в Кремль анонимке он подверг сомнению его блестящую боевую репутацию. И уже не в первый раз начали под лупой выискивать «соринки» в биографии бывшего партизанского командира, бригадного комиссара и руководителя подпольного обкома комсомола: пусть возможный компромат до поры до времени хранится в угрюмых сейфах спецназов, вдруг пригодится.

А тут ещё Лаврентий Цанава, правая рука Берии в Беларуси, к Машерову стал приставать, все расспрашивал, какие супы любит, молочные или мясные. Когда Пётр Миронович отказался от его предложения написать главу об истории партизанского движения в республике, он ему пригрозил: «Ты ещё меня попомнишь».

Неизвестно, чем бы всё это закончилось, но Цанаву забрали в Москву. А на сердце Петра Мироновича было тревожно.

В годы тотального произвола партия теряла свои лучшие кадры. Доктор исторических наук Эммануил Иоффе в книге «От Мясникова до Малофеева. Кто руководил БССР» сообщил шокирующие факты. Из 23 ответственных секретарей ЦБ, первых секретарей ЦК КП(б)Б трагически погибли 11. Врагами народа объявлялись и исчезали некоторые председатели ЦИК, Президиума Верховного

Совета и правительства республики. В 1937–1938 годы из 100 секретарей РК (а у нас было тогда 100 районов) только три случайно уцелели.

Являясь депутатом Верховного Совета БССР XI созыва, я входил в комиссию по реабилитации жертв политических репрессий. При рассмотрении дел становилось горько и стыдно за циничных стукачей. Пигмеи клеветали в доносах на друзей, соседей, просто порядочных людей. Поэтому «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына — книга не о лагерях, а о нашей совести.

За Машерова мужественно заступились товарищи по оружию Климов, Василевич, Королев и другие. Их позицию поддержал секретарь ЦК КП(б)Б Н. Гусарев. В направленной в ЦК ВКП(б) записке, которую 21 сентября 2002 года в газете «Советская Белоруссия» обнародовали тогдашний директор Национального архива Беларуси Вячеслав Селемнев и журналист Людмила Селицкая, он резюмировал: «Активное участие тов. Машерова в борьбе против немецко-фашистских захватчиков и его последующая руководящая работа в комсомоле достаточны для того, что бы оказать товарищу Машерову политическое доверие»¹.

Обида улеглась, и Пётр Миронович по-прежнему находился в гуще жизни, проявлял принципиальность, не поступался совестью. Полина Андреевна припоминала поучительный случай:

— В июне 1953 года собирались снять Николая Семёновича Патоличева с должности Первого секретаря ЦК КПБ. Обнаружились какие-то «провалы» в сельском хозяйстве. Пётр Миронович был членом ЦК и принимал участие в работе расширенного пленума. На освобождавшееся место Кремль «сватал» Михаила Зимянина. Вначале выступающие набросились на Патоличева. Слово попросил Машеров. Он заявил: «А почему мы обвиняем его одного? Все мы виноваты, все члены ЦК». В перерыве Мазуров (он тогда работал первым секретарём Минского обкома) предостерег его от необдуманных действий, однако уже было поздно. Пётр Миронович пришёл обедать и сказал мне: «Я везде буду хорошо работать. Пусть это будет район или школа, я везде и всегда останусь честным». А после перерыва все стали выступать за Патоличева, белорусская парторганизация отстояла его. По-моему, такое случилось впервые. Зимянину пришлось уехать ни с чем. Многие помнили роль Машерова в его судьбе.

Творческий, деловой стиль Машерова, принципиальность и последовательность нравились Патоличеву. Однажды он пригласил его на беседу и сказал:

— Пора переходить на партийную работу. Мы рассматривали разные варианты. Можем взять в ЦК. Но тебе полезно будет повариться на областном уровне, всё там узнать, что к чему. Не возражаешь?

— Постараюсь оправдать доверие.

— Я ожидал такого ответа.

Его недюжинный организаторский талант, крепость духа, высокий интеллект новыми гранями засверкали на ответственных партийно-государственных постах.

¹ Ф. 4. Оп. 62. Д. 1. Лл. 342–344.

Дело лейтенанта Приблагина

Я ехал в поезде. Был конец сентября. Стояла на удивление сухая погода, и обычные в это время дожди и ветер ещё не сорвали листву с деревьев. За окном проносились берёзы, сплошь покрытые мелким золотом. Большелистые тополя пожелтели наполовину, и там, где они росли, посадки напоминали строй солдат в жёлто-зелёных маскхалатах, именующихся у военных камуфляжами.

В купе я был один, и это меня устраивало: командировка закончилась неудачно, и настроение не располагало к общению с кем-либо.

Сев в поезд, я представил себе завтрашний разговор с шефом. Он непременно меня отчитает, вспомнит молодость, когда он «вот так же работал военным следователем, так же мотался по командировкам, но всё успевал делать и ни один подследственный от него не скрылся», — затем подведёт итог: скажет, что только так в жизни можно чего-нибудь добиться. Как ещё может закончить разговор прокурор военного гарнизона, который давно должен был быть «на заслуженном» и живёт не столько настоящим, сколько прошлым?

Мысленно поспорив с шефом, я решил отвлечься от неприятных ощущений, достал из портфеля том Бунина, открыл наугад и вскоре забыл и о своих неудачах, и о шефе.

На следующей станции менялся локомотив, и наш скорый остановился на целых пятнадцать минут. Отстояв положенное, он мягко тронулся, и я обрадовался, что судьба не подарила мне попутчика или попутчицу, впрочем, против попутчицы я бы не возражал...

И только я так подумал, как зеркальная дверь отодвинулась и в купе протиснулся человек с двумя огромными чемоданами, какие в шутку зовутся «мечтой оккупанта».

На вид ему было за шестьдесят. Он был мокр от пота, лыс, толст, но ещё крепок и энергичен, так как свои чемоданы разместил очень лихо: один забросил наверх и тот занял всё пространство ниши; второй — сунул под лавку. Расправившись с багажом, он опустился на сиденье, жалобно под ним застонавшее, вытер носовым платком лысину и протянул руку:

— Керзин... Виталий Давидович...

— Малых, — ответил я, пожимая мокрую ладонь и мысленно прощаясь с Буниным: энергия этого человека, разумеется, не даст мне возможности читать.

— В аэропорт еду, — продолжил Керзин, — а оттуда самолётом домой, на Урал...

Тут я почувствовал, что от него пахнет водкой, а глаза блестят так, как в его возрасте блестеть не должны. Этим и объяснялась его излишняя общительность.

— Какая осень стоит, а? — сказал он. — Каждый день для уборки нужно использовать, а они не чешутся... Такая осень раз в полвека бывает. Я это знаю,

сам из этих мест... На Урал я уже после войны попал, работал там, на инженера выучился... Щас на пенсии, в гости к шуряку приезжал.

Я слушал его без интереса: он оторвал меня от книги и мне в отместку хотелось чем-нибудь его уесть, спросить, к примеру, чем он набил свои чемоданы. Обычно тряпки и продукты везут к нам, а не наоборот.

— Клюква, — сказал он, будто услышав мои мысли, — на севере в этом году урожай... вот шуряк и ссудил мне... не бесплатно, конечно, но по-божески... А ты чё такой кислый, а? Не заболел? А то я тебя вмиг вылечу...

Он стал тереть кончиком указательного пальца лоб, припоминая, где у него находится лекарство. Закончив раздумья, поднял сиденье, вытащил чемодан-мечту и открыл крышку. Клюква была в чистом холщовом мешке, поверх которого лежали полиэтиленовый пакет, эмалированная кружка и начатая бутылка водки, горлышко которой было заткнуто пластмассовой пробкой. Возвратив чемодан на место, Керзин поставил бутылку и кружку на стол и принялся доставать из пакета продукты. Разложив на салфетке на столике кусок солёного сала, две луковицы, пузатый перезрелый огурец-семенник, полбуханки серого хлеба и соль в спичечном коробке, Виталий Давыдович извлёк из кармана нож, зацепив ногтем большого пальца вырез на лезвии, открыл его и не спеша стал резать сало, огурец, хлеб. Приготовив закуску, зубами выдернул пробку из бутылки и щедро плеснул в кружку.

— Давай, — сказал он, — это от всех болезней.

— Не могу, — ответил я и, чтобы как-то объяснить отказ, пояснил: — В форме не пью...

— Да ну? — удивился Керзин. — Что стало с армией! Хотя какая ты армия — юстиция, белая кость... Ну, ты не очень зазнавайся, я тоже офицер, ещё с сорок третьего. Нас младшими из училища выпускали, а уж лейтенантами и старшими мы потом становились, если доживали до следующей звёздочки...

Керзин вылил предназначенную мне себе в рот, но к еде не притронулся: ждал, пока проймёт водка, и только тогда начал есть. Закусив, спросил:

— Родом откуда?

— Здешний, — ответил я. — Из Красновки.

— Из Красновки? Приблагиных знаешь?

Фамилия показалась мне знакомой, но я объяснил это ассоциацией с корнетом Елагиным, о злключениях которого только что читал, и ответил:

— Нет.

— А он, как мне помнится, из ваших мест... Лёшка Приблагин. А? — Керзин помолчал, промокнул платком снова взмокший лоб и сказал: — С Лёшкой Приблагиным мы, коллега, призывались вместе...

Обращение «коллега» заставило меня улыбнуться, и это обидело собеседника.

— Ты не улыбайся, не улыбайся... Я на фронте дознавателем был, а на гражданке народным заседателем всю жизнь... Я такое видел, что тебе и не снилось, ну да ладно...

Мне стало неловко, и, чтобы как-то загладить свою вину, я спросил:

— Так что же с Приблагиным?

— С Приблагиным что?.. А ничего... Попали мы с ним после училища в одну гаубичную бригаду ваньками-взводными. В разные батареи, правда, но дивизион один... Служим, как все, как Пушкин писал: на службу не напрашиваемся, от службы не отказываемся... до одного времени...

Керзин налил себе ещё полкружки, выпил, заткнул горлышко пробкой, налез на лезвие ножа несколько пластиков сала, пожевал, убрал снедь в пакет, а бутылку под стол, сказав при этом:

— Керзин меру знает, знает, не думай...

И опять мне стало стыдно, потому что я так и подумал, и я снова напомнил ему о Приблагине.

— Приблагин, Приблагин, — сказал он. — Прогнулся твой Приблагин. Знаешь, что значит прогнуться?

— Да.

— Да-а, — передразнил он меня пьяно. — Был парень не дурак, с головой... Богатырь-красавец, а не дурак, потому что с иного хоть картину пиши, а в голове — пусто: природа всё на красоту израсходовала... Ты когда-нибудь гаубицу видел? И-эх, юстиция, гаубица — орудие тяжёлое, в походном состоянии её «ХТЗ» таскал... Скорость — пять километров в час, ствол и лафет транспортировались отдельно... Чтобы всё это хозяйство привести в боевое состояние, весь расчёт по нормативу не один час упираться должен: сперва площадку выровнять, а это лопатами, потом её утрамбовать, потом на тросах ствол к лафету медленно подводить... Мороки много, а производительность почти нулевая... Это я тебе как инженер говорю... И вот Лёшка задумался и начал разные варианты пробовать. Ему говорили: «Брось... не ты первый, не ты последний, всё равно скорей не получится, как ни крути; тот же хрен получается, только вид сбоку». А Лёшка свою линию гнёт... Покурим?

— Не курю.

Он же понял это совсем иначе — стал говорить, что от дыма ещё никто не умирал, потом полез открывать окно. Окно не открывалось.

— На зиму замуровали, — сказал, — ну ничего, не задохнёшься... Дак вот, — продолжил Керзин после нескольких затяжек, — придумал Лёшка такую штуку. Вместо ровной площадки выбирает бугорок или уклончик небольшой, выставляет лафет, а ствол аккуратненько на тросах в люльку опускает, есть такое место на лафете. И всё это занимает у него чуть больше получаса. Вот так. Доложили об этом комбригу. Он у нас здоровяк был, вроде Приблагина. Услышал Скворцовский о Лёшкином новшестве, взъярился: «Кто позволил, — кричал, — нарушение инструкции!.. Авантюристы!.. Был у меня такой умник в сорок втором, скорость движения решил увеличить и во время ночного марша гусеницу на лафете потерял... Не позволю боевую технику гробить и в своей бригаде вредительства не допущу!..». И конец бы пришёл Лёшкиной «рацухе», если бы об этом не узнало корпусное начальство. Приехало, посмотрело, сказало: «Молодец, взводный», — а комбригу: «Опыт распространить»... Вот тогда наши пути с ним и разошлись: зазнался Лёшка — батарею получил, лейтенантом стал, друзей поругивал, да и с остальным начальством стал вольно держаться, а так, сам понимаешь, нельзя...

— А дальше?

— Дальше — больше. Подругу завёл, Соню-фельдшерицу. Девка была — прелесть: хохлушечка, брови сросшиеся, широкие, глаза большие, чёрные и взгляд какой-то колдовской. Многие вокруг неё увивались... Сам комбриг ей знаки внимания оказывал. Но появился Приблагин, и засохла Соня. А парой они были хорошей — это все признавали... Ну, конечно, разговоры вокруг них, какая у них жизнь будет после войны...

Керзин замолк.

— Может, выпьешь? — спросил.

— Нет, — ответил я, — а что было потом?

— Потом... Потом плохо было... Пришла к нам как-то старушка и принесла две толстые шашки. Если бы ты был настоящим военным, то знал бы, что они по форме и цвету напоминают куски хозяйственного мыла... Так вот, старушка говорит, что один наш офицер на это «мыло» выменял у неё дамские часики. Комбриг рассвирепел, дознание назначил, и часики нашлись... у Лёшки в землянке... Короче, материалы уже через день в трибунал направили. Тогда такие дела скоро делались, и попал Лёшка в штрафную. Месяц-другой проходит, другая беда приключилась. Комбриг в «стударе» ночевал, в фургоне. Ночью его в корпус вызвали. Он — в «эмку» и поехал, а тут артобстрел и прямое попадание... От «стударя» одна кабина осталась. Комбригу повезло, а Соня, которая в фургоне была, погибла... Хоронили с почестями, кто жалел её, кто плевался, правда, тихо плевался...

— А что стало с Приблагиним? — спросил я.

Но Керзин не торопился с ответом. Достал сигарету, закурил, повесил над столиком несколько седых колец.

— А ещё через месяц началось наступление, и мы оказались на одном направлении с Лёшкиным штрафбатом. Мы, ясное дело, во втором эшелоне — с нашими гаубицами на передке делать нечего, не сорокапятки... На второй день наступления идёт через наши позиции лейтенант — грязный, оборванный, правая рука на перевязи... Лёшка это был, он, значит, вину свою кровью искупил и в тыл к медикам своим ходом эвакуировался. Ребята к нему, закурить дали. И тут на беду возле соседнего расчёта комбриг со свитой замаячил. Лёшка схватил чей-то автомат и стал целиться, да видно, с одной рукой у него это не очень разворотливо получилось — помедлил он, ребята автомат выбили, его за лафет затащили, собой прикрыли, пока начальство с глаз не скрылось... А потом дали махры на дорогу, самогоночки хлебнуть и за позиции проводили от греха подальше... С тех пор я его и не видел... Говорили, что до конца войны дослужил, на Востоке воевал, а после войны вроде умер...

— А где часики в землянке лежали? — спросил я.

— Прямо под нарами, — ответил Керзин. — А тебе зачем это? Да и какая разница, где... Тут хоть круть-верть, хоть верть-круть, кругом Приблагин виноват, часики небось для своей крали выменял...

Помолчали. Мне очень хотелось спросить Керзина, кто проводил дознание, но я не спросил, а только поинтересовался:

— А откуда известно, что Приблагин умер?

— Да, собственно, ниоткуда, слышал краем уха.

— Ну вот, а говорите: «Умер»... Не умер он. Мне поначалу фамилия незнакомой показалась, но потом я вдруг вспомнил, где её встречал... Комбриг у вас не Скворцовский был?

Керзин выпучил глаза и ответил:

— Скворцовский...

— Ну, тогда всё ясно... Это комбриг умер в пятьдесят шестом, точнее, не умер, а погиб...

— Как погиб?

— Как? Как обычно погибают.

— А ты откуда знаешь? Сам небось с пятьдесят шестого.

— Дело архивное я читал — по факту гибели некоего Скворцовского, бывшего военного, в отставке. Он с друзьями на охоте был, и кто-то выстрелил в темноте ему в голову.

— А при чём здесь Приблагин? — спросил Керзин и, вытирая лысину в очередной раз, хитро на меня посмотрел.

— Да поначалу вроде ни при чём: дело прекратили — ночь, народу полно, а дробь, сами понимаете, плохо идентифицируется... Экспертиза ничего не дала, да и какая тогда экспертиза была, сами знаете, раз на фронте дознавателем были... Но через год получили данные, что незадолго до той злополучной охоты какой-то человек разыскивал Скворцовского, справки наводил: где живёт, чем занимается, по каким дням в баню ходит, а по каким — на охоту.

— А чё это Скворцовский к охоте пристрастился? — ехидно спросил Керзин. — Раньше он охоту терпеть не мог.

— Пристрастился, пристрастился, — успокоил его я, — вышел на пенсию и пристрастился, это было видно из дела.

— Удивительно, — будто не слыша меня, а может, и в самом деле не слыша, пробормотал Керзин, — а говорили, что он живёт и здравствует, с пионерами встречается.

— Нет, — уверенно сказал я, — это, наверное, другой, тот — мертвей мёртвого.

— Вот как... — протянул Керзин. — А Лёшку, выходит, расстреляли?

— Лёшку? Нет, не расстреляли... Разыскал его следователь, свидетелей нашёл, те Приблагина опознали.

— И его посадили? — с какой-то надеждой спросил Керзин.

— Нет, в убийстве он не признался, а косвенных доказательств для обвинения не хватило.

— Как не хватило?

— А так, как обычно не хватает.

— Обычно всего хватает, — безапелляционно заявил Керзин. — И что же, ему ничего не было?

— Разумеется. Нельзя же наказывать человека, если его вина не доказана.

— Ну порядочки, — произнёс Керзин каким-то фальцетом, — человека застрелил, и ему ничего — где же справедливость?

— Справедливость? А нет в жизни справедливости, — сказал я тоном учителя. — Хотя как посмотреть: может, убийство Скворцовского и есть справедливость? Компенсация несправедливости.

— Всё равно неправильно, — замотал головой мой собеседник. — Так не должно быть. Это каждый так начнёт компенсировать, что будет? Да и не бывает так... Я в заседателях двадцать лет и знаю, что и как бывает... Да и врешь ты всё, кто бы тебе дело стал показывать, с какой стати, оно секретное небось...

— Его не только мне показывали, его не одна сотня студентов смотрела. Тогда оно уже чем-то вроде учебного пособия было. Учатся не только на раскрытых делах, но и наоборот. Мне только непонятно ваше волнение. Я думал, вы обрадуетесь за земляка, а он — нет...

— Какая уж тут радость, — ответил он. — Человека убил — зверь...

Он потерял интерес к разговору, несколько раз выходил курить в тамбур, возвращался, сопя, укладывал остатки продуктов в чемодан, время от времени повторяя: «Порядочки...». А я так и не вернулся к чтению: земной Приблагин вытеснил книжного Елагина...

Незаметно приехали. Когда поезд остановился, Керзина ни в купе, ни в коридоре не было видно...

Сгущались сумерки, но фонари ещё не горели. Прохлада осеннего вечера быстро остудила меня, и я, остыв, устыдился того, что придумал конец истории с Приблагиним...

Я шёл к остановке автобуса и видел перед собой пожелтевшую довоенную фотографию шестого класса Красновской семилетки. На ней с напряжёнными лицами стояли, сидели и лежали, приподнявшись на локтях, одноклассники моего отца. Согласно списку на обороте, третьим во втором ряду был большеглазый и ушастый мальчишка — Лёшка Приблагин, будущий богатырь-красавец. Он прошёл две войны, вернулся на родину, где спился и замёрз в одну из холодных ночей сорок шестого, не дойдя до избытки своей матери нескольких шагов.

Должник

На третьи сутки дикие боли, собакой рвавшие меня изнутри, утихли, и я перестал интересоваться медперсонал: сёстры подходили ко мне только для выполнения назначений, врачи и того реже — во время обхода.

Худшее миновало, и я блаженствовал, лёжа на кровати с поднимающейся спинкой. Как человек, чудом ускользнувший из объятий косой, я радовался всему, что меня окружало, и даже скучный стерильный больничный мирок с его хозяйственными заботами, разговорами о летальных исходах и чудесных исцелениях, писаными правилами и неписаными традициями казался необычайно интересным. С любопытством новорождённого смотрел я на обстановку палаты, жизнь её обитателей.

Их, кроме меня, трое.

На койке возле окна лежит, а точнее, валяется круглый день долговязый парень восемнадцати лет с аккуратной причёской пай-мальчика и лицом интеллектуала.

Парень в палате — человек случайный. Он проходит обследование перед призывом в армию. У будущего воина свои интересы. Он либо читает, либо, наморщив лоб, собирает кубик Рубика, удивляя этой игрушкой двух других обитателей — стариков Евсеича и Николая Петровича.

Старикам под семьдесят. Оба родились в деревне. Оба одинаково живо откликаются на всё, что происходит вокруг них, но на этом им сходство кончается.

Николай Петрович, как можно понять из разговоров, едва повзрослев, из деревни уехал и жил в городе. На пенсию ушёл с профсоюзной работы, чем очень гордится.

Евсеич всю жизнь провёл в селе. Работал в колхозе. Ещё несколько лет назад его фотография красовалась на районной Доске почёта.

Николай Петрович — рыхлый старик с женскими формами, голубыми глазами, тихим, но уверенным голосом. По утрам он, тщательно причесавшись перед зеркалом, уходит гулять в коридор. Если в этот момент посмотреть на него сзади и представить в длинных седых волосах костяной гребень, то его вполне можно принять за женщину.

Евсеич ему полная противоположность: крупный, жилистый, с густой шевелюрой, оформленной в лихой задиристый полубокс, с тёмными глазами, в которых время от времени вспыхивают хитрые искорки. При разговоре он шепелявит, что сосед с видом знатока объясняет скверным качеством его зубных протезов. Евсеич под пижамой в нарушение установленных правил носит домашнее бельишко: голубую майку с широченными бретельками и проймами до пояса, чёрные сатиновые трусы.

Николай Петрович предпочёл пижаме коричневый халат с белым отложным воротничком. Бывший профсоюзный бог района — плановый больной. Раз в год он ложится в больницу обследование. Для него это — ритуал.

Евсеича, как и меня, в хирургию привезла «скорая».

Разные у стариков и характеры: Евсеич, получив назначение врача, выполняет его точка точку; Николай Петрович же долго разбирается с персоналом по поводу предписанных лекарств, капризничает.

В длинных больничных разговорах первый категоричен и краток, второй — нуден, обстоятелен, велеречив.

С первым сестры и нянечки общаются запросто, для них он — Евсеич. Второй держит всех на дистанции, отсюда длинное двойное имя.

Но непохожесть не мешает их общению. В перерыве между процедурами они ворошат проблемы — от местных до мировых, читают и обсуждают прочитанное, дружески подначивают друг друга.

Вчера Николай Петрович, отыскав в журнале без обложки рассказ о женщине, в квартире которой живёт два десятка собак, картинно восхищался её любовью к животным. Евсеич в этой истории видел другую сторону медали: зачем бабе такая свора? как содержать её в городской квартире? чем кормить?

Вчера же они поссорились. Евсеич принёс и поставил на тумбочку соседа бутылочку от пенициллина.

— Вот, — сказал он, — сестра передала, чтоб пот собрал на анализ.

— Новости, — возмутился Николай Петрович — на обходе молчали, а теперь выдумали.

Он накинул халат и пошёл к сестре разбираться. Вернувшись, бросил гневный взгляд на соседа и не разговаривал с ним до следующего утра. Утром палатное однообразие помирило их, и они, объединившись, напали на «современную модёжь», представленную в палате долговязым парнем.

Начал, как обычно, Николай Петрович.

— Да, — сказал он со вздохом, глядя на Рубика, — мы в его годы в игрушки не играли.

— Избаловались, — согласился Евсеич из чувства стариковской солидарности и невпопад припомнил, как батька отходил его вожжами за то, что он хотел разорить гнездо ласточки под крышей конюшни.

Евсеич — хороший рассказчик. Особенно здорово описывает он жизнь в деревне. Слушаешь его — и будто уходишь из палаты на луг с жёлто-зелёным разнотравьем; сидишь с удочкой на берегу тихой речушки, поросшей камышом, прячешься знойным днём в лесную прохладу, где кроны сосен укрывают тебя от сибирского солнца. Приятные воспоминания обволакивают меня после его рассказов — мне кажется, что я окунаюсь в тёплую реку, название которой — детство.

Несмотря на то, что первые три дня мне было не до знакомств и разговоров, между мной и Евсеичем сразу же установились дружеские отношения. В первую ночь, когда мне становилось совсем худо, он, не дожидаясь просьбы, сам ходил на поиски кемарящей в одном из многочисленных кабинетов дежурной сестры, и я получал обезболивающий. В те ужасные дни он постоянно находился возле меня.

— Ну как? — спрашивал он сочувственно и, не надеясь на ответ, говорил: — Держись, браток, доктора говорят — выкарабкаешься. Доктора, они, брат, всё знают...

Однажды он втайне от соседа показал мне горлышко бутылки с вином, замотанной в женский платок.

— Хлебнёшь? — спросил и добавил: — Говорят, помогает...

Мой отказ он воспринял как нежелание пить именно вино и понимающе развёл руками:

— Старуха, язвы её, принесла. Я ей чекушку заказывал, а она... додумалась — красинькую...

Сегодня в палате пусто и тихо: парень куда-то пропал, Евсеича увела сестра на консилиум, а сосед его молча читает что-то, отвернувшись к стене.

Часам к двенадцати появляется Евсеич и с порога шепелявит:

— Переводят меня от вас... Оказывается, не по тем врачам лежу... мне в тарапию надо. — И начинает собирать вещи.

— Не спеши, — говорит ему Николай Петрович, — пообедай с нами.

Он произносит это сочувственно, но голос выдаёт скрытую радость: в душе он доволен переводом Евсеича. После шутки с анализом пота профсоюзный бог стал опасаться за свой авторитет.

— Евсеич, — заглядывает в палату медсестра, — идите за мной.

Евсеич поднимается со стула, наскоро прощается со всеми и уходит, шаркая тапочками...

Прошло четыре дня. В палате появились новые обитатели, но они меня уже не интересуют: я выздоравливаю... Меня уже начинают раздражать больничные порядки и болтовня Николая Петровича, который сидит на кровати и рассказывает новичкам о Евсеиче:

— Тут до вас старичок один лежал — смех... Так он жене свисток сделал... та придёт, свистнет три раза под окном, как у них условлено... Старичок выглянет — свои — и спускается вниз, в вестибюль... Смех... У него пальцев на левой руке не было, дак он эту руку лаборантке, что кровь на анализ брала, протягивал. Лаборантка руку-то возьмёт и долго не может понять, что ей делать... Смех... Точно же? — обращается он ко мне и снова повторяет: — Смех...

А мне не смешно, я знаю, почему не прижился Евсеич в «таррапии». Тамошний заведующий ярый администратор и дурак из дураков — в первый же день потребовал у Евсеича «прекратить практику идиотских свистков». Евсеич, не предчувствуя беды, попробовал отшутиться: мол, такой способ связи со старухой никому не мешает, а даже всем на руку, так как освобождает персонал от необходимости вызывать больного. Но заведующий его и слушать не стал, а сделал ещё одно замечание насчет небольшого нательного белья и добавил, что «вольностей во вверенном ему отделении не потерпит».

Евсеич затосковал по старой палате и на следующий день во время тихого часа попытался улизнуть к нам, но опять попался на глаза начальству. То устроило ему очередной разнос и, невзирая на трёхкратное превосходство Евсеича в возрасте, пообещало отобрать у него верхнюю одежду, «чтобы не шлялся по отделениям».

Николай Петрович знал об этом и злорадствовал.

— Там ему не хирургия, — говорил он, — там начальство не то, что у нас. Там его быстро к порядку призовут... Шутить не позволят...

Николай Петрович выписался через неделю. Следующим должен был быть я. Это меня радовало, ибо страшно надоело лежать: чем лучше себя чувствуешь, тем больше тяготишься больницей. Даже ночью сон не в сон.

...Я лежу на кровати и прислушиваюсь к шагам в коридоре — это сестра входит в соседнюю палату: видимо, кому-то плохо. Но вот послышались другие шаги, их шарканье затихло перед дверью нашей палаты. Дверь без скрипа отворилась, и в проёме появился Евсеич...

Через минуту он уже сидел на стуле возле моей кровати и говорил:

— Вот сбежал от своего... Как ты?

— Нормально. А ты?

— А-а, — он неопределённо махнул рукой. — О чём говорить? Я проститься пришёл: в область направляют.

— Зачем?

— А-а, — морщится Евсеич, — темнят чего-то, говорят, консультация профессора нужна и облучать будут...

Как током меня дёрнуло: «Ах ты философ в полосатой пижаме, — подумал я. — Жизнью умилялся, детали подмечал, а главного не заметил...».

Я перевожу дыхание и твёрдым, не оставляющим сомнения голосом говорю:

— Это не страшно, сейчас всех облучают, для профилактики.

— Ага, — соглашается Евсеич. Ему очень хочется, чтобы я был прав и всё обошлось, он бодрится, но оптимизм этот показной... Он потерял уверенность в себе и ищет опору, хотя жаловаться не привык. Евсеич — сильный человек и сам в жизни не одному был опорой.

— Молодёжь дохлая пошла, — начинает он. — Вот тебе ещё и сорока нет, а уже, как я, в больнице лежишь. Я в твои годы больниц не знал: здоровей чёрта был. Батяня покойный говорил: в деда пошёл. Тот раз у хозяина сено возил на лошади, а лошадёнка-то норовистая попалась, вымотала деда. Он осерчал да как стукнет её кулаком. И зашиб насмерть. Хозяин говорит: привезёшь воз в село сам — не будешь за лошадь платить. Дед впрягся и притащил воз в деревню. Я тоже такой был. Здоровья своего и силы не чуял и думал по молодости, что все люди такие... Друг у меня был, Василёк. Он чем-то на тебя похож... Учителем до войны работал. Ты тоже учитель?

— Угу, — отвечаю я неопределённо, стараясь не перебить собеседника.

— Я так сразу и подумал, — обрадовался Евсеич своей проницательности. — На самом деле его Василём звали, а Васильком я прозвал: глаза у него были синие-синие. В плену с ним познакомились. Там, за проволокой, всё какое-то бесцветное: одежда, лица и глаза тоже, всё будто пылью присыпано... И представляешь, у такого человека вдруг — синие глаза, как у ребёнка... Вот уж доставалось ему за эти глаза. Полицай вдоль строя идёт, обязательно за эту синеву зацепится и шлангом для порядка припечатает. Что ни тяжелей работа — то ему, а какой из него работник?.. В чём душа держалась...

За эти детские глаза полюбил я его, опекать стал, жизни учить... жизни в лагере. Я не умнее его и не старше был — просто смекалки больше, кое в чём разбирался лучше, да и военным настоящим себя считал. Срочную я отслужил и весной сорок первого домой пришёл. Дома побыл всего ничего, а в июле — снова на фронт. Срочную-то в артиллерии довелось отбывать, а я сорок первым в сапёры попал... По тому времени у сапёров один карабин на двоих был по штату. Начальство считало — им в атаку не ходить, ан не тут-то было. В общем, в составе такого полувооружённого подразделения и попал я в плен...

После войны меня, да и не только меня, следователи допрашивали. Первый вопрос: как в плен попал? Некоторые хитрили, — говорили: в бессознательном состоянии — поди проверь. Я хитрить не стал, рассказал всё как было...

Евсеич замолчал на какое-то время, а потом продолжил:

— Я хоть и четыре класса имел, а соображал кое-что, знал, куда Василька пристроить, чтобы его глаза полицаям и немцам реже попадались. Сдружились мы крепко, и первое время нам везло: то ли номера лагерные рядом были, то ли так выпадало, но при всех перебросках мы в одну партию попадали, а это значит — в один лагерь, в один барак. И насмотрелись мы этих барачков да лагерей... И таких, где внутри, за проволокой, ничего не было и спать приходилось на голой земле, и специально отстроенных, что твой город. Такие в основном в Германии были, но хрен редьки не слаще — везде нашему брату доставалось.

Кормили где как, но чаще всего — раз в день черпак баланды из свекольной ботвы. Хорошо, у кого котелок сохранился или миска какая-нибудь, тогда ты на коне: жижу эту похлебать сможешь. Но таких счастливых было раз-два да обчёлся... Остальным баланду, как издевательство, плескали прямо в раскрытые ладони: что смог удержать — то своё, да не задерживайся, пробегай дальше, не то шлангом или ногой получишь. От такой жизни оскотиниться можно до того, что отца родного за черпак баланды продашь.

Я в плен осенью попал. Шинель на мне — так было на чём поспать и чем укрыться. Шинель — большое дело, она на многое сгодится. Из неё, если полузасалить и кульком свернуть, то вполне сносный котелок получался. Почти ничего не вытекало. Однажды мы с Васильком из одной полы целый месяц питались.

В конце сорок третьего заболел я крепко. Заразился тифом. В лагере воду из речки брали и в ту же речку нечистоты сбрасывали, так что заразу подхватить немудрено было.

Попал в тифозный барак... был такой, нары в три яруса, а вместо лечения — раз в три дня прожарка одежды. Забирали всё до нитки. Утром брали, возвращали на следующий день, а зима была, так что от этой процедуры многие тут же излечивались — навсегда — и уже ничем не болели...

Но я выжил, вернулся в барак — ветром меня качает. Смотрю на Василька, и тот не краше, хоть в тифозном бараке не был, — одни глаза остались, да и те потускнели. Подкормить бы его, да и себя не мешало бы...

День проходит, другой, вижу — доходим до той черты, из-за которой назад уже не вернёшься. «Ну, — думаю, — один конец, попробую». Попросился на уборку в барак, где полицаи жили. Думал разжиться чем-нибудь. Да где там! А Василёк мой совсем доходит... Тогда я вытащил аккуратненько заднюю стенку из тумбочки их главного и взял несколько банок консервов и галет. Взял столько, сколько незаметно смог унести, не стал жадничать.

На моё счастье, кражу не сразу заметили. Спыхватились, когда мы с другом уже наши запасы прикончили. Ожил Василёк, да и я повеселел.

Однажды возвращаемся с работы, а в нашем углу на нарах всё вверх дном перевёрнуто. Ёкнуло у меня внутри, и не зря. Тут же вызывают меня в тот барак, где я убирал. Главный на тумбочку кивает:

— Твоя работа?

— Нет, — отвечаю, — как можно.

А он ко мне подходит да как засветит промеж глаз. Потом помощники налетели... Приволокли меня обратно чуть живого. Василёк меня отхаживает, всё сочувствует, а я молчу и радуюсь: всех обманул — и подкормился с другом, и легко отделался.

Но радость моя длилась ровно сутки. На следующий день меня опять вызвали и исколотили так, что я на ногах стоять не мог, на третий день всё опять повторилось. Тогда я понял, почему они меня сразу до смерти не забили: доказательств никаких, а без них не хотели брать грех на душу, ждали, когда это всё само разрешится и я на проволоку самолично брошусь.

Так бы, наверное, и вышло, но Василёк, начитанная голова, говорит:

— Есть на нас один грех, возьмём ещё один. Сможем выжить — все долги разом вернём, а нет — один конец.

Тогда немцы по лагерям специалистов выискивали для работы на оккупированных территориях — учителей, врачей... Вот дружок и предложил мне учителем прикинуться. Сам понимаешь, какой из меня учитель, но Василёк помог — подсказал, что отвечать нужно, когда спрашивать будут...

На следующий день нас в другой барак перевели и тем самым от полицаев избавили. Пробыли мы там недолго, уже через неделю направили нас в школу, где немцы наших специалистов в свою веру пытались обернуть. Там с первого же дня немецкий преподавать стали, историю рейха, ещё хреновину какую-то, всего не упомнишь. Тут, конечно, мои четыре класса и вылезли... да и не один я такой умный оказался.

Отобрали нас, неграмотных, отделили от других, я с Васильком даже словом перекинуться не успел. Думал, обратно в лагерь отправят за обман, ан-нет — отдали в услужение богатым немцам. Я больше года у одной старухи под Висбаденом работал. Потом бабуся ещё одного заплучила, тоже русского, звали его Семёном, только это сейчас и помню... Так вот, Семён тоже был из неграмотных, он-то и рассказал мне, что в той школе немцы расстреляли несколько человек по подозрению в измене... Среди них был и мой Василёк...

В феврале сорок пятого старуха наша переезжать надумала — куда поспокойней, подальше от востока. Подошла к дому машина, мы с Семёном загрузили её с верхом. Старуха в кабину садится, а нам на кузов показывает.

Влезли мы на шкафы и поехали. Конец зимы, сыро, холодно... ветер до костей пробирает. Вытащил я тогда матрас, который старая приказала нам между шкафов положить как прокладку, и прикрыл себя и Семёна. Едем. Одно плохо — сидим ненадёжно: я матрас держу, а Семён — меня.

Городок какой-то проезжать стали, и тут — налёт. Шофёр не дурак — по газам, чтобы скорей из городка выскочить. Несётся что есть духу — ему наплевать, как мы там, наверху, держимся. Выехать-то он успел, да прямо за городом поворот был крутой и, как сейчас вижу, край дороги столбиками обозначен... аккуратно так... Там нас с Семёном и снесло... Я с матрасом в руках, вроде на ковре-самолёте, шлёпнулся за дорогу и даже не расшибся, а Семёну не повезло — головой на столбик упал... Не повезло и машине: бомба, как в том кино, перед самым капотом разорвалась. Что стало со старухой и шофёром — не знаю, я к машине и подходить не стал — оттащил Семёна от дороги, накрыл матрасом и пошёл в ту сторону, откуда самолёты прилетели. Рискованно это было: документов нет, по-немецки не говорю, но мне повезло — я снова в плен попал, на этот раз к американцам. Долго там я, однако, не пробыл. Уже через недельку меня и два десятка таких, как я, на «Дугласе» к своим перебросили.

В фильтрационном пункте лейтенант, молодой такой, уже без кубарей, а при погонах, глянул на мою бороду и спросил: «Лет тебе, папаша, сколько?». А мне было тогда двадцать семь.

Лейтенанту тому я о школе ничего не сказал. Скажи — глубже копать начнут, что да как, вместо фронта ещё куда угодишь, а мне на фронт надо, я вроде дважды должник — мне ведь долги отдать и за себя, и за Василька надо.

Ну, в общем, попал я на фронт, да ещё в артиллерию. До Берлина без единой царапины дошёл. А в самом Берлине на улице танк нам в тыл умудрился пробраться, выстрелил... Снаряд в соседнее здание угодил... меня оглушило, но пушку не помяло, только осколком резину с одного колеса как ножом срезало. Ребята стали пушку разворачивать спешно, и мне голым ободом по пальцам проехало... Хирург в госпитале не стал их сшивать и складывать — оттяпал всё. «Здоровей будет», — сказал...

После лечения меня демобилизовали. Война кончилась, все радуются... я тоже. Но на душе прямо кошки скребут: не знаю — все я долги отдал или нет...

— Кто здесь разговаривает? — прервал моего собеседника голос сестры. — Так я и думала... Евсеич, идите к себе в отделение... увидит дежурный врач, мне же из-за вас попадёт...

— Щас, щас, — кивает Евсеич, — ухожу, ухожу... — И, обращаясь ко мне: — Побег я, а ты выздоравливай и сюда больше не попадай: не дело молодому по больницам валяться.

Утром следующего дня Евсеич уехал. В окно я видел, как он выходил из приёмного покоя на улицу — в длинном демисезонном пальто, в руках — авоська с пожитками.

Через неделю тот же путь проделал я. Как и большинство вставших на ноги после болезни, первое время следил за своим здоровьем, строго выполнял рекомендации врачей. Но на работе и дома скопилась такая прорва несложных дел, что вскоре я забыл о данном себе слове.

О Евсеиче я вспомнил спустя месяц и, набрав телефон сельского Совета, наудачу справился о нём у секретаря. Приятный женский голос, привыкший к штампованным официальным ответам, сказал: «В настоящий период Евсеич находится в области». Притом сказано это было так, будто направили его не в больницу, а, как обычно, на совещание передовиков, и я успокоился.

Наступила осень, и где-то в середине октября по пути на работу я неожиданно встретил Николая Петровича. Он, не обращая внимания на слякоть и грязь, медленно прогуливался по дощатому тротуару, опираясь на трость из красного дерева, и как бы продолжал играть роль «большого человека на заслуженном отдыхе». Увидев меня, он церемонно поздоровался, а потом, ухватив меня за пуговицу пальто, заговорил торопливо, глотая слоги...

— Ты знаешь, — захлёбывался он, теребя пуговицу и оглядываясь по сторонам, будто собирался сообщить мне что-то сверхсекретное. — Евсеич-то, ну, тот, который с нами лежал, после войны, оказывается, сидел за сотрудничество с оккупантами. Точно, точно: я справки наводил. А ещё на Доске почёта висел... Я сразу почувствовал, что он не наш человек, когда он меня с анализом обманул... И как я ему только пятнадцать рублей занял?..

— Какие пятнадцать рублей?

— Такие, — сказал он будто с обидой на меня за то, что я ничего не знаю об этих рублях. — Я его случайно встретил в день выписки, и он мне сказал: «Старуха не приехала что-то, а меня на консультацию посылают, выручай». Ну я, добрая душа, занял ему пятнадцать рублей, как сейчас помню, десятку и пятёрку. Он вернуть обещал и даже адрес мой записал, но до сих пор ни слуху ни духу. Вот какой человек... Плакали мои денежки. Ты его не встречал случайно?

— Нет, — ответил я, — он ещё в больнице, наверное, и потому не может возвратить долг.

— Да... как же... Сидит сейчас где-нибудь и посмеивается, вражина: как я его, дурака старого, обманул.

Всё это Николай Петрович говорил вполне искренне: ему было очень жаль пятнадцать рублей.

Встреча натолкнула меня на мысль справиться о Евсеиче ещё раз. Тот же приятный голос сообщил мне, что Евсеича неделю назад схоронили, что сам председатель выступал на кладбище, что вдове оказана материальная помощь, что...

Я положил трубку, но через несколько минут вновь снял её, найдя в справочнике номер Николая Петровича.

— Анекдот прямо, — сказал я ему, — только поговорили о Евсеиче, а он тут как тут.

— Приехал?

— Нет, письмо прислал, а в нём деньги...

— Додумался тоже — деньги в письме присылать, а если бы вытащили: у них не заржавеет. Деньги переводом посылать надо...

— Я их вам на днях занесу, — прервал я его причитания. — Где вы живёте?

— Нет, нет, — заперечил Николай Петрович, — я сейчас сам подойду.

И он действительно подошёл и взял у меня пятнадцать рублей.

После его ухода я долго смотрел в окно. Шёл снег, укрывая периной осеннюю серую грязь, но легче от этого не становилось. Я смотрел на снег и не мог до конца осознать происшедшего. Философское чутьё, появившееся тогда в больнице, покинуло меня...

Я смотрел на пушистые хлопья, и в голове моей, будто зациклившись, звучала только одна фраза:

— Ты никому не должен, Евсеич, никому...

Идём на Восточную Пруссию (отрывок из романа «Крылья»)

В книге воссозданы некоторые эпизоды из героического прошлого нашего земляка, прославленного лётчика, дважды Героя Советского Союза Павла Яковлевича Головачёва. Показаны также его боевые побратимы, без которых не было бы ни Победы, ни самого героя.

Часто Павел думал о родных местах, видел во сне родное село. А тут ещё командир полка А. А. Морозов сообщил:

— Готовится операция по освобождению Белоруссии. Вот получим новую технику, подучимся на ней работать, и снова в бой.

И этот день настал, день 23 июня 1944 года. Войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов ринулись в наступление, взламывая мощную вражескую оборону на протяжении сотен километров. Ещё продолжались бои под Витебском и Оршей, а подвижная группа войск при поддержке частей 1-й воздушной армии генерала Т. Т. Хрюкина вырвалась на оперативный простор и устремилась на запад.

Утро первого дня выдалось туманным, облачным. Вскоре туман сменился проливным дождём. Лишь во второй половине дня слегка распогодилось, и группы самолётов Ил-2, прикрываемые истребителями, активно поддерживали наступление войск при прорыве обороны противника.

3-го июля танкисты 3-го Белорусского фронта ворвались в Минск с северо-востока, а 1-го Белорусского — с юга. К вечеру того же дня столица Белоруссии была освобождена от фашистов. На следующий день к восточным и юго-восточным окраинам истерзанного города вышли передовые части войск 2-го Белорусского фронта. Таким образом, восточнее Минска в огромном котле оказалась группировка противника численностью до 100 тысяч человек. С 5 по 11 июля была осуществлена её ликвидация. За этими сухими словами оперативной сводки стояли кровопролитные бои с ещё сильным, хорошо вооружённым врагом, отчаянно пытавшимся прорвать кольцо окружения. Отдельные группы пытались нападать и на аэродромы...

Прикрывая наступающие войска, вылетали парами, звеньями, эскадрильями по несколько раз в день. В небе под Молодечно и Лидой взрывались и вспыхивали факелами сбитые славными советскими пилотами «юнкерсы» и хваленые истребители «мессершмитты» и «фоккеры».

* * *

В конце июня 1944 года личный состав 9-го гвардейского полка был направлен в тыл для освоения новых самолётов.

Под крыльями «аэрокобр» поплыли поля и дороги сначала Крыма, а затем — и Украины. В Богодухово, что неподалёку от Харькова, лётчики сдали свои самолёты стоявшей здесь авиачасти, а сами на Ли-2 перелетели в Подмосковьё.

В здешнем авиагородке всё было по-другому. Зелёные деревья, электрическое освещение, чистота, уютные комнаты на двоих, радио, столовая с накрахмаленными скатертями и блеском приборов — всё это было необычным для пилотов, только что вырвавшихся из пекла войны. Вечером на танцплощадке у Дома офицеров раздались звуки музыки. Пахнуло мирным довоенным временем, до которого, к сожалению, было ещё далеко.

Ознакомились со слухами о некоторых представителях молодого поколения той поры. Они заметно отличались от сурового поколения их фронтовых сверстников, позволяли себе немислимые забавы, сравнимые только с развлечениями «буржуазных сынков». Так, лётчик Леонид Хрущёв застрелил офицера во время вечеринки (у того на голове стояла пустая бутылка, а Хрущёв демонстрировал свою меткость); лётчик Василий Сталин организовал рыбалку с глушением рыбы при помощи авиабомб (погиб лётчик); сын наркома авиапрома Шахурин по причине юношеской влюблённости застрелил дочь дипломата Уманского и застрелился сам, — пистолет молодой человек взял у сына А. И. Микояна. Кстати, жена Микояна Ашхен целый год не разговаривала с мужем, когда пришло известие о гибели на фронте их сына-лётчика. Ашхен не могла простить Анастасу Ивановичу то, что он не «отмазал» сына от фронта.

«Ах вы, каста проклятая!» — сказал И. В. Сталин, узнав, что в Куйбышеве планировали создать спецшколу для эвакуированных детей московского начальства.

Но наряду с такими молодыми людьми входила в жизнь и героическая молодёжь: Валерий Чкалов, Коккинаки, герои Брестской крепости, герои подполья, героические партизаны, Матросов, Смирнов, Покрышкин, Алелюхин, Лавриненков, Головачёв... Их было гораздо больше, чем этих сыночков высокопоставленной элиты. Потому и победили тогда!

Поездки в театры Москвы, знакомства с девушками, вечера танцев — всё было прекрасным, но грохочущий неподалёку аэродром напоминал каждому пилоту: наслаждайся минутой отдыха и помни о войне...

Несколько дней отдыхали в Подмосковьё. С нетерпением ожидали прибытия новых самолётов.

— «Лавочкин», наверно, лучше «аэрокобры»? — спросил Павел у Лавриненкова.

— Этот самолёт совсем не похож ни на Як-3, ни тем более на «аэрокобру», — ответил Владимир. — Это широколобый, с мощным мотором, свободной, удобной кабиной и сильным вооружением.

Наконец «лавочкины» прибыли. Занятия велись по сжато курсу. Павел понимал, что их полку отводилась значительная роль на самых ответственных участках фронта.

Красавец Ла-7 появился на аэродроме лишь после того, как хорошо был изучен его предшественник Ла-5. Новая машина пришлась по душе Павлу Головачёву.

Вернуться бы на фронт, снова ощутить в руках штурвал, повести истребитель в бой...

Но и тогда никого не выпускали в полёт сразу, как это бывало на фронте. Маститые пилоты, как зелёная молодёжь, отрабатывали руление на земле — это потому, что «Лавочкин» совсем не был похож ни на Як-3, ни на «аэрокобру». Во всём облике новой машины ощущалась мощь. Словом, Ла-7 понравился лётчикам.

Упорные тренировки помогли лётчикам быстро освоить новую машину в учебных воздушных боях, длительных перелётах, во время стрельб...

С лётчиками 9-го ГИАПа встретился выдающийся конструктор С. А. Лавочкин. Всегда подтянутый, любезный. Необыкновенно выносливый, работоспособный. Его самолёт Ла-5 с двигателем воздушного охлаждения был создан уже в 1942 году. Конструктор рассказал пилотам, как работают его люди в КБ — не покладая рук, урывая время у сна. Первые партии Ла-5 приняли участие в боях за Сталинград. Осенью 1942 года авиаполки Ла-5 в немалой степени способствовали успеху наших войск в сражении под Сталинградом.

К битве на Курской дуге немцы подготовили новейший истребитель Фокке-вульф-190. Наши тоже не сидели сложа руки. Конструктор Климов сделал форсированный мотор для самолёта Яковлева, а Швецов — для самолёта Лавочкина. Так истребитель Ла-5 получил форсажный режим и стал называться Ла-5фи.

...Во время отдыха на реке Клязьме случилось несчастье — утонул Герой Советского Союза подполковник Анатолий Афанасьевич Морозов. Похоронили командира в авиагородке рядом с авиаторами, на могилах которых были установлены пропеллеры с самолётов 30-х годов. Прозвучал боевой салют, могила Героя Советского Союза подполковника Анатолия Афанасьевича Морозова утонула в цветах...

Полком временно командовал Аркадий Ковачевич. Учебные полёты и стрельбы продолжались.

Павел Головачёв потерял за время войны уже второго командира. Пусть Лев Львович Шестаков отдал жизнь в бою, но вот погибнуть не в полёте, а на земле — в это просто не верилось...

Горе горем, а жизнь продолжалась. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1944 года Владимиру Дмитриевичу Лавриненкову было вторично присвоено звание Героя Советского Союза. Первым поздравил его Павел Головачёв.

— Спасибо! — взволнованно благодарил Лавриненков. — Никогда не думал и не мечтал.

Через несколько дней гвардии майор Лавриненков был назначен командиром 9-го авиационного полка. Это предложение исходило от командующего 1-й воздушной армией Т. Т. Хрюкина, в состав которой вошёл 9-й ГИАП. Т. Т. Хрюкин внимательно следил за боевыми подвигами Владимира Лавриненкова, Павла Головачёва, Амет-Хана Султана и других мастеров воздушного боя.

В полку произошли и другие кадровые изменения. Верховец и Ковачевич изъявили желание учиться в академии. Новыми замами комполка стали Алелюхин и Плотников. Замполитом стал подполковник Фунтов, прибывший из резерва.

Из прежнего начальства остался только один В. С. Никитин. На его плечи легли все штабные дела.

Полк активно занимался боевой подготовкой, учёбой пилотов...

Вскоре прибыли новые самолёты. Пилоты выстроились перед стоянкой истребителей. Здесь же распределили личный состав по звеньям, парам, закрепили самолёты за лётчиками. Народ вручал им грозное оружие, и каждый из лётчиков понимал это. В строю вместе стояли прославленные в боях асы Алелюхин, Лавриненков, Амет-Хан Султан, Головачёв, Твеленёв, Елизаров, Пухов, Масленников, Остапченко, Михайлов, Байков, Чуднов, Мальков, Борисов, Королёв, Грачёв, Ковалёв, Аристархов, Тарасов, Золотаев, Тимофеенко, Беликов, Петрушевский и молодые, но уже крепкие пилоты Бученков, Танаков, Равчеев, Кушнарёв, Дробышев, Уткин и другие добры молодцы.

Молодые занимали места ведомых — так когда-то начинали великие лётчики, асы 9-го гвардейского. Кажется, они хорошо подготовлены к предстоящим боям, понимают всю святость традиций лётной жизни. У них были хорошие инструкторы. И это так — делом должны руководить выдающиеся личности. Нельзя научить тому, чем не владеешь сам. Это закон. Об этом писал умнейший философ французский писатель Мишель Монтень в своей книге «Опыты».

Но вот самолёты распределены. А штабисты уже прокладывают маршрут перелёта на фронт. На карте пролегла линия между Москвой и селом Руткишки, что неподалёку от Каунаса.

* * *

...Под крыльями самолётов пролетают осенние леса, уже прихваченные первым снегом и метелями поля. С трудом пробилась к Смоленску, и на тамошнем аэродроме — какое разгильдяйство! — из-за плохо засыпанной канавы два самолёта получили повреждения.

Главком ВВС Новиков был вне себя:

— И это по дороге на фронт? Чем же будете воевать? Нам ведь никто других не даст!

— Отремонтлируем, товарищ маршал! — ответил комполка Лавриненков.

— За два дня — и не больше!

— Слушаюсь, товарищ маршал.

Хотя свирепая пурга скрыла аэродром под белым пологом, Лавриненков знал, что его авиамеханики сделают всё, чтобы уложиться в срок.

— А сейчас изучайте новый маршрут! — сказал в заключение Лавриненков. — Конечный пункт — село Руткишки в районе Каунаса. Наш полк находится в непосредственном подчинении Главного маршала авиации. Это — особая ответственность.

Литовский аэродром у хутора Руткишки был только что отбит у противника. Лётчикам достались просторные, даже роскошные, землянки с кафельными печами и кроватями на пружинных матрацах.

Вскоре на аэродром прилетел Лавриненков, всё осмотрел. Понравилось. Порядок — на высоте. Ударив о колено снятой с головы пилоткой, комполка заключил:

— А с девками... смотрите тут. Чтоб потом никаких жалоб от местного населения.

— На наших обижаться не будут, — вставил кто-то с двойным смыслом.

Подполковник рассмеялся вместе со всеми, но осёк себя и поставил точку:

— Чтоб порядок был!..

Зима в ту пору в Прибалтике выдалась многоснежной и мягкой. Самолёты взлетали и садились в тучах снежной пыли: пилоты полка осваивались на новом месте. Слышалась артиллерийская канонада, над аэродромом проходили косяки «петляковых» и «ильюшиных» — наступление советских войск продолжалось.

Павел Головачёв взлетел в воздух для знакомства с районом. Видел, как в сторону фронта проходили эшелонами «петляковы» и «ильюшины» в сопровождении «яков». «Даём немцам прикурить», — подумал он.

Артиллерия обрушила на позиции врага тысячи снарядов. Затем в атаку пошли танки и пехота. Над ними появились пикирующие бомбардировщики, штурмовики. Павел развернул свой Ла-7. Внизу показался аэродром Алитус, где базировались французские лётчики полка «Нормандия — Неман». Помахал им крыльями и пошёл на Руткишки.

— Хорошая машина! — похвалил Головачёв, когда после посадки его встретил Алексей Алелюхин.

— Проверим в бою, — ответил Алелюхин.

В один из дней над аэродромом появилась пара «яков». На высоте сто метров ведущий переложил машину на спину и в сопровождении ведомого пересёк строго по центру лётное поле. «Ну и мастер!» — решили лётчики. Пара же на высоте развернулась, с блеском села на посадочную полосу. Из кабин вылезли незнакомые лётчики.

Это были командир 303-й ИАД генерал Захаров и штурман дивизии майор Серёгин. Весь полк встретил их достойно, с уважением. О генерале Георгии Нефёдовиче Захарове комполка Лавриненков слышал ещё в Москве как о выдающемся лётчике-истребителе, герое войны в Испании. 9-й гвардейский ИАП теперь входил в состав 303-й ИАД в порядке оперативного подчинения.

Захаров и Серёгин осмотрели ряды новеньких «лавочкиных», рассказали о боевых делах братских полков, о том, что в дивизию наряду с советскими полками входил прославленный полк французских добровольцев «Нормандия — Неман». Георгий Нефёдович с похвалой отозвался о французских пилотах, сказал, что они весёлые и дружелюбные, что им очень нравится наш Як-3, что они вообще отличные ребята...

— Впереди нас ждут жесточайшие бои, — перешёл к делу командир дивизии. — Все мы знаем, что Восточная Пруссия — это оплот германской военщины, которую она будет защищать до конца.

Генерал Захаров понравился лётчикам полка своим дружелюбием, простотой общения. Словом, с командиром дивизии им здорово повезло. Через некоторое время комполка Владимир Лавриненков был вызван к командующему 1-й воздушной армией Т. Т. Хрюкину. Кажись, совсем недавно вместе добивали врага в Крыму, а теперь вот пьют чай в избе литовского крестьянина и беседуют о текущих делах.

— На этот раз, — командарм показал на оперативную карту, — у вас будет другая задача: держать небо чистым. Ни «юнкерсы» не должны прорваться к нашим войскам, ни «мессеры» — к нашим бомбардировщикам. Летать будете крупными силами — эскадрильями, полком.

Заметив взгляд Лавриненкова, остановившийся на крутых дугах огромных фортов Кёнигсберга, на толстых линиях, обозначивших долговременные укрепления вокруг прусской столицы, командарм продолжил:

— Враг сосредоточил против нас 6-й воздушный флот. Отборные лётчики, истребители и бомбардировщики самых последних модификаций... Так что лёгкой прогулки не получится. Что ещё? Восточная Пруссия — главная продовольственная база нацистов. Не случайно поэтому от Гумбиннена до Кёнигсберга тянутся девять линий оборонительных укреплений. В Пруссии каждый дом — это крепость, приспособленная к длительной борьбе...

Взревели моторы на нашем аэродроме. Высотный, скоростной Ла-7 стал грозой для «юнкерсов», которые в первый период войны зачастую безнаказанно проникали в тылы наших войск и возвращались к себе с отснятыми фотоплёнками.

В декабре полк уничтожил несколько вражеских бомбардировщиков.

* * *

Лётчиков 9-го ИАПа интересовал их новый комдив. Постепенно они узнали о нём многое. Узнали о том, что ещё 18 июня 1941 года одинокий советский У-2 неторопливо летел вдоль Буга возле самой границы, 400 километров, с юга на север — до Белостока.

С противоположной стороны с интересом и ожиданием наблюдали за самолётом, — даже не стремясь замаскировать ни технику, ни приготовления. Не знали и не догадывались гитлеровцы, что в самолёте У-2 летел командир одной из самых лучших авиадивизий Красной Армии — генерал Захаров вместе со штурманом 43-й ИАД майором Румянцевым.

Количество войск, зафиксированное Захаровым и Румянцевым, неопровержимо свидетельствовало об одном-единственном варианте: «Война со дня на день».

Навсегда запомнился Захарову доклад командующему Западным Особым военным округом генералу армии Д. Г. Павлову. В конце сообщения Павлов улыбнулся и спросил: а не преувеличивает ли Захаров? Интонация командующего свидетельствовала о том, что он явно не принял всего того, о чём говорил Захаров. Павлов, как стало известно потом, так и не поднял по тревоге войска округа. Хотя приказ об этом был отдан Сталиным ещё 18 июня!!! Кстати, из «Неизданных дневников» Будённого узнаём, что Сталин 21 июня сказал: «Немцы нападут на нас завтра!».

Необходимый комментарий.

В последнее время активно разоблачается клевета на товарища Сталина, который будто бы не давал военным подготовиться к войне с Гитлером?!

Между тем Василевский пишет, что за три дня до войны были заняты командные пункты — 19 июня! А войска начали выдвигаться к границе и разворачиваться к бою 12–15 июня (!), то есть за неделю до войны!

Но критиканы кричат: боевая готовность — это боевая выучка, боевая слаженность, подготовка командных кадров, твёрдая дисциплина и организованность личного состава. А этого не было!

Да, не было. Но кто виноват — генсек или генералы РККА? И какой такой приказ Сталина им был нужен, чтобы они занялись тем, за что получали деньги — боевой учёбой и подготовкой войск?!

От историков скрываются приказы от 18 июня 1941 года о приведении войск западных округов в боевую готовность к отражению немецкого нападения. Такое распоряжение (до сих пор не опубликованное?!) Жуков дал, но не установил контроль за его исполнением, в связи с чем советские войска в Белоруссии и Прибалтике потерпели жестокое поражение.

Во времена Хрущёва велась капитальная подчистка архивов, но всё уничтожить не удалось. В результате опросов многих генералов в послевоенное время выяснилось: приказы и устные распоряжения о приведении войск в боевую готовность были отданы 16–17–18–19 июня 1941 года (!).

Преступное поведение Павлова привело к тому, что именно здесь, на территории Белоруссии, и добились фашисты своего самого большого успеха. Потеря связи боевого управления привела к катастрофе в июне 1941 года, когда командующий Западным Особым военным округом генерал армии Павлов не смог управлять четырьмя армиями и сорока четырьмя дивизиями...

Но сам Г. Н. Захаров в рамках своей компетентности принял ряд мер. Все отпускники были отозваны и вернулись в части, увольнения в субботу и воскресенье отменены. Самолёты дозаправили горючим, лётчики дежурных эскадрилий сидели в машинах. Сотня истребителей, хорошо подготовленных и натренированных, могла подняться в воздух по первому же сигналу...

* * *

Он пришёл в авиацию в 30-е годы. В небе Испании получил боевое крещение. «Над всей Испанией безоблачное небо!» — по этому сигналу радиостанции в Сеуте (Испанское Марокко) начался фашистский мятеж в Испании...

На помощь Республике спешили добровольцы со всех стран мира. В числе лётчиков, направленных на помощь Мадриду, был и Георгий Захаров. Советское судно «Карл Лепин» с военной техникой и добровольцами в октябре 1936 года прибыло в испанский порт Картахена. Восторженная встреча — «Вива Русия!». Сразу же вступили в бой: «Periculum in mora!» — «Опасность в промедлении!». Испанская республика с воздуха была беззащитна: допотопные «нюпоры» и «потезы» были не в счёт. А у фашистов уже были новейшие «юнкерсы» и «фиаты». И-15 — новые советские истребители, которые прибыли в Испанию вместе с добровольцами, — существенно изменили обстановку в воздухе. Фашисты стали летать осторожно, большими группами. И-15 оказались очень манёвренными, что позволяло нашим пилотам быстро заходить в хвост «хейнкелю» или «фиату». Но вот вооружение у нашего самолёта оказалось слабоватым — обычные пулемёты против крупнокалиберных. Не было бронеспинков, — а враг частенько атаковал сзади. Сделали «самотужные» бронеспинки здесь же, на месте!

Но обстановка осложнялась. Немцы и итальянцы наращивали в Испании свои воздушные силы. Наши пилоты героически сражались с врагом, но и они несли потери. Погибли друзья Георгия — Петя Митрофанов, Карп Ковтун, умер от ран Миша Воронов...

Сначала группа советских добровольцев защищала небо Мадрида. Затем её бросили на юг — осложнилась обстановка под Малагой и Альмерией... В марте 1937 года советские пилоты участвовали в разгроме итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой.

Уже несколько вражеских самолётов было на счету Георгия Захарова.

Снова Мадрид — аэродром Алкала де Энарес. Война приняла затяжной характер. Фашисты подтягивают свежие силы. Постепенно отзывают наших добровольцев. Им на смену прибывают новые группы лётчиков.

Наконец звучит команда: «В Валенсию, оттуда — домой». Поджарые, загорелые до черноты, заросшие бородами, увешанные пистолетами всех систем, что было привычным на улицах Мадрида, но весьма неуместно в мирной солнечной Одессе... Парней в пограничных фуражках повергло в некоторую растерянность то, что сотня возвращавшихся добровольцев была совсем... без документов. Но всё быстро прояснилось. Одесситы устроили советским добровольцам потрясающую встречу... Георгий Захаров с друзьями бродили допоздна по одесским улицам и бульварам, не чувствуя усталости и с ощущением огромного счастья, что прибыли наконец на родную землю... И в то же время у них была горечь расставания с Испанией и с испанцами, которых они искренне полюбили...

И ещё. Они сидели по комнатам и писали, писали... Как будто бы напряжение многомесячных боёв вылилось вот в такой писательский зуд. Георгий видел, с какой озабоченностью его друзья описывают свою испанскую эпопею. Им, как показалось Захарову, легче было бы взлететь и сбить «Фиат» или «хейнкель», чем вразумительно описывать, как они это делали в небе Испании. То же самое, впрочем, творилось и с самим Георгием.

Но написанные листочки тщательно изучались нашими специалистами. Так обобщался боевой опыт.

Захаров отметил манёвренность, надёжность, живучесть, простоту в управлении, неприхотливость И-15. В ту пору равных ему среди бипланов не было. Но были и недостатки. Не было бронеспинки, защищавшей пилота. Не было пуленепробиваемых стёкол кабины, а скажем, на «фиате» они были. Не было крупнокалиберных пулемётов (а на «фиате» они были). И-15 «рыскал», что мешало вести прицельный огонь... Да и скорость надо было бы увеличить...

Затем на аэродроме авиазавода Георгий Захаров «воюет» со своим напарником — выискиваются слабые и усиливаются сильные места последней модификации истребителя И-15, которую называли И-15 бис. Конструкторы и инженеры авиазавода стараются учесть замечания боевых пилотов и работают, не покладая рук.

Затем состоялась ещё одна заграничная командировка Георгия Захарова — в Китай, помочь китайцам в борьбе с японскими милитаристами. Опыт борьбы с японцами оказался востребованным.

Надо сказать, японские лётчики были сильны в профессиональном отношении, да и самолёты у них были очень даже неплохие. Особенно истребитель И-96. Дрались японцы смело, дерзко.

Советские лётчики на фронтовом СБ доставляли японцам немало хлопот. Обладая хорошей для бомбардировщика той поры скоростью и вооружением, СБ совершали дерзкие налёты на глубокие тылы японцев. Ими были уничтожены мост через реку Янцзы, японский авианосец (здесь отличился ведущий бомбардировочной группы Т. Т. Хрюкин), накрыто скопление японцев на Шанхайском рейде, разгромлен аэродром на острове Тайвань, где были уничтожены огромные стратегические запасы горючего. Большое значение эти удары по японцам имели и в плане моральной поддержки китайских войск.

Истребители успешно отражали массовые налёты японцев на Наньчан и Ханькоу. В небе шли ожесточённые воздушные бои. Особенно яростным был бой во время налёта на Ханькоу в конце апреля 1938 года. К этому бою самураи готовились тщательно, решив посвятить его дню рождения императора.

Знаменитая воздушная карусель захватила большое расстояние. Падали горящие самолёты, но это были самолёты японцев. 20 машин потеряли самураи в этом яростном бою. День рождения императора был омрачён. Японцы объявили траур.

Георгий Захаров и его люди активно занимались подготовкой кадров для китайской авиации. Летом тридцать восьмого года, когда Георгий Нефёдович покидал Китай, китайские пилоты уже не нуждались в опеке.

Особо отметим случай, когда Георгий со своей группой зажал и посадил японский истребитель И-96. Приобретение оказалось весьма ценным для наших инженеров. Опробовал И-96 и Георгий Захаров. Ему японский самолёт понравился: машина была очень лёгкая, манёвренная и в руках хорошего лётчика представляла серьёзного противника. Из Москвы пришёл приказ: пригнать «японца» на родину. С немалыми приключениями Георгий Захаров доставил трофей в СССР.

* * *

«В первый же день Великой Отечественной войны он сражался с гитлеровскими асами и выходил победителем. Вся война за его плечами. Окончил он её Героем Советского Союза», — писал маршал авиации А. Покрышкин в предисловии к книге Георгия Нефёдовича Захарова «Повесть об истребителях».

22 июня один из его полков пошёл прикрывать белорусскую столицу, а два других — на Барановичи. Подлетая к Минску, Захаров увидел вражеские бомбардировщики, пылающий город и развалины. Один полк Г. Н. Захарова, конечно, не мог отбить атаку всей армады гитлеровских самолётов. Захаров тогда ещё не знал, что почти все самолёты Западного Особого военного округа в первые же часы войны были уничтожены на земле, а командующий авиацией округа застрелился...

Первый вражеский бомбардировщик генерал Захаров уничтожил в минском небе. Потом загорелся ещё один и упал в районе оперного театра. Так генерал Г. Н. Захаров открыл свой боевой счёт в третьей для него войне.

Во время Великой Отечественной Г. Н. Захаров командовал 303-й авиадивизией, оваянной славой, гвардейской. Был в военной биографии дивизии эпизод боевой деятельности, связанный с белорусским городом Могилёвом.

Летом 41-го штаб Западного фронта размещался в Могилёве, а командование 43-й авиадивизии во главе с Захаровым — на аэродроме. 1 июля над Могилёвом разгорелся памятный для наших лётчиков бой. Волнами налетали на город немецкие самолёты. Всё кругом горело и дымилось, командир звена старший лейтенант Николай Терёхин направил своих лётчиков на вражеские бомбардировщики. Терёхин поливал огнём вражеский «юнкерс», но тот почему-то не загорался. Расстреляв свой боезапас, Николай приблизился к «юнкерсу» вплотную и винтом своего «ишачка» рубанул по хвосту.

«Вот здесь и случилось то, что можно увидеть один раз в жизни, — вспоминал уже после войны генерал Захаров. — «Юнкерсы» шли плотным строем. Протаранный Терёхиным бомбардировщик ударил крылом своего ведущего. Тот резко свернул влево и столкнулся с ещё одним немецким самолётом. Так всё звено «юнкерсов» рухнуло на землю».

Для Терёхина бой на этом не закончился. Он спустился на парашюте и оказался в окружении сбитых им гитлеровцев. Немцы стреляли в Николая из пистолетов, а он в них. Все приземлились одновременно в нескольких километрах от аэродрома. И случилось так, что на место приземления первыми успели жители соседней деревни. Они обезоружили фашистских лётчиков, связали их всех одной верёвкой, конец которой дали в руки Терёхину. Так он и появился на контрольном пункте дивизии — с пистолетом в руке и пленными немцами.

После боя над Могилёвом Терёхин записал на свой счёт пять сбитых самолётов. Вскоре он был награждён за мужество орденом Ленина. Ещё несколько недель лётчики дивизии Захарова прикрывали Могилёв с воздуха — до отхода наших наземных войск на восток.

43-я ИАД участвовала в изнурительных оборонительных боях над Смоленском. Затем над Вязьмой, поддерживая 16-ю армию генерала Лукина.

Трагедия произошла в начале октября. Сосредоточив мощную группировку, противник прорвал фронт, и группа наших армий оказалась в окружении под Вязьмой. Десять суток окружённые армии дрались в кольце, сдерживая 28 вражеских дивизий, нацеленных на Москву. За это время под Москву удалось стянуть свежие дивизии и восстановить линию фронта. Г. К. Жуков потом отмечал: «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии». Окружёнными войсками командовал генерал Михаил Фёдорович Лукин, верный сын своего Отечества.

В октябре 1941 года в составе 43-й ИАД насчитывалось семь полков. Пять истребительных и два бомбардировочных. То есть она стала смешанной ИАД. В некоторых полках было по 6–8 машин. Лётчики участвовали в прикрытии наших «пешек», в штурмовке вражеских колонн, аэродромов противника...

После разгрома немцев под Москвой 43-ю ИАД преобразовали в 202-ю бомбардировочную дивизию, затем перевели в новый район боевых действий.

303-я ИАД формировалась в Калужской области. В дивизию вошли четыре сильных полка — 18-й гвардейский, 139-й гвардейский, 523-й, 168-й. 523-й полк воевал на «лавочкиных», все остальные полки — на «яках». По количеству боевых

машин дивизия была сильнее иных авиакорпусов. Да и по качеству произошёл сдвиг в лучшую сторону. Лётчики, вылетавшие на авиазаводы за новыми машинами, сразу же отмечали это.

* * *

В цехах авиазавода, вывезенного во время немецкого наступления за Волгу, создавались новые модели советских истребителей. Уже в 1942 году немецкие специалисты отмечали: «Захваченные в качестве трофеев советские самолёты доказывают, что в последние годы имел место неожиданный технический рывок в развитии самолётостроения в СССР».

Здравствуйте, бабушка Агриппина! А где была знаменитая немецкая разведка?!

«Лавочкин» — самолёт более строгий, чем «як». Он требовал от пилотов хорошей лётной подготовки. Между тем время было горячее, потребность в лётчиках велика, и многим пилотам, пришедшим в полк весной и летом сорок третьего года, пришлось сразу «вратать» в боевую жизнь. Поэтому Пильщиков и ветераны полка непрерывно летали с молодёжью, постепенно вводя её в бой. Так входили в боевую обстановку лейтенанты Сморгков, Подмётин и другие лётчики, ставшие со временем гордостью 523-го полка.

303-я ИАД начала боевую работу 22 февраля 1943 года. Она прикрывала наземные войска Западного фронта, сопровождала группы штурмовиков и бомбардировщиков, вела активную разведку немецких сил, уничтожала вражеские самолёты в воздушных боях.

Наряду с активной боевой работой много внимания уделялось учёбе. В дивизии был создан свой учебный центр, часто проводились тренировочные воздушные бои «яков» с «лавочкиными», «яков» с «яками». Зачастую они проводились уже с «мессерами», когда те вторгались в зону тренировок. Боевой единицей стала пара. Звено включало две пары, а не три самолёта, как это было до войны и в первый её период. Пара обладала свободой манёвра, была менее уязвима: ведущий и ведомый защищали друг друга. Слётанная пара, как показали бои, оказалась значительно боеспособней прежнего звена. Основной задачей, по Захарову, стал подбор пар, отработка взаимопонимания между ведущим и ведомым, что позволяло умело вести групповой бой. Главным здесь было не потерять друг друга в бою: большинство потерь бывало именно в тех случаях, когда пары разрывались. Вот почему во всех полках большое внимание уделялось созданию слётанных групп. Несколько крепких пар могли вести успешный бой против значительно превосходящих сил противника.

* * *

Французские лётчики эскадрильи «Нормандия» появились в 303-й авиадивизии в начале 1943 года и воевали в её составе до конца войны.

Сто с лишним имён за три года включил в себя боевой состав полка «Нормандия — Неман». Первый боевой командир полка Жан-Луи Тюлян отказывался жить в избе и на любом аэродроме начинал с оборудования землянки метрах в двадцати от самолёта, чтобы по тревоге тут же взлететь.

Капитан-летописец полка Жан де Панж рассказал о судьбах близких ему друзей. Вот Альбер Литольф, сбивший 14 самолётов противника и погибший за день до Тюляна. Для Литольфа было катастрофой умереть дома, в своей кровати. В майских и июньских боях над Францией он сбил шесть самолётов врага. 18 июня по радио услышал обращение генерала де Голля к французам, призывавшее к борьбе с врагом. 22 июня, узнав о позорном перемирии в Компьенне и приказе Петена сложить оружие, немедленно завёл свой «Девуатин» и от Тулузы дотянул до Англии. Вишисты приговорили его к смертной казни. Потом Литольф помчался бить фашистов в Грецию, в Ливию, сбил там четыре вражеских самолёта. Узнав о формировании эскадрильи «Нормандия», капитан поспешил туда вместе со своим другом де Панжем. Героически сражался с врагом в русском небе...

Только через пятнадцать лет после войны в русском лесу были найдены его останки и доставлены во Францию рейсовым самолётом Аэрофлота.

Сама история возложила на этих сто человек миссию вступить на путь, ведущий к франко-русскому союзу.

Филипп Петен, маршал, поклонялся Гитлеру и был им за это глубоко чтим. За ним тянулась слава «героя Вердена». Но при внимательном изучении его биографии историками оказалось, что это легенда. Настоящим героем с французской стороны в Первой мировой войне был Фердинанд Фош. В учётной карточке Петена значилось: «Выше бригадного генерала не продвигать». Но игра прихотливого случая поставила этого посредственного человека во главе французской армии, а затем и главой вишистского режима. Гитлер и Петен огласили доктрину коллаборационизма: «Фюрер и я... Мы призываем граждан наших стран к сотрудничеству... До сих пор я говорил с вами языком отца, теперь скажу вам языком повелителя: следуйте за мной!».

Доносчику за выдачу еврея положена премия в 1000 франков, за голову голлиста и коммуниста — три тысячи франков. Но многие французы отдали своё сердце «Сражающейся Франции», главой которой стал Шарль де Голль.

По-разному добирались пилоты в «Нормандию». Сбитый в майских боях на франко-бельгийской границе майор Пьер Матра, едва выздоровев, отправился в Англию — через Пиренеи, Барселону, Малагу. Познакомившись там с братьями Морисом и Рене Шалль, они отправились в Англию, затем — в Россию, в «Нормандию».

Из Франкрейха (так называли оккупированную немцами часть Франции) Жак де Сен-Фалль перебрался в зону Виши, но здесь настало время полной оккупации Франции (связано это было с высадкой англо-американцев в Северной Африке). Несколько месяцев он добирался до Лиссабона, оттуда на корабле — в Англию. А уже из Англии в августе 1943 года он вместе с лейтенантом Жаннелем прибыл в полк «Нормандия — Неман», который в ту пору располагался в Хатёнках, что между Тулой и Орлом. Там они активно принялись за освоение советских истребителей...

Оказывается, вспоминают «нормандцы», в Россию стремился в качестве военного лётчика известный искатель приключений и рекордов, испытатель аппара-

тов и пилот почтовых рейсов, сочинитель «Ночного полёта» и «Планеты людей» капитан де Сент-Экзюпери Антуан-Жан-Батист-Мария-Роже. В своих рапортах он писал: «Я умоляю тебя изо всех моих сил, помоги мне пробиться в истребительную авиацию. Я задыхаюсь всё больше и больше. Чего мы ждём, боже мой! Я не могу не участвовать в войне, иначе я морально болен. Мне слишком многое надо сказать обо всём, что происходит. Я могу это сказать как боец, но не как турист...».

Своему другу доктору химии и биологии Луи Женевуа Сент-Экзюпери писал: «Если меня собьют, я не пожалею ни о чём. Будущий муравейник приводит меня в ужас. Ненавижу блага, которые он сулит роботам...».

Это написано перед вылетом в последний рейс, на исходе войны, в сорок четвёртом году. Биографам ещё предстоит потрудиться над разгадкой того, почему обозначившееся у Экзюпери стремление попасть в Россию так внезапно оборвалось. Речь здесь могла идти только о полке «Нормандия — Неман».

Прощайте, Антуан де Сент-Экзюпери, несостоявшийся пилот полка «Нормандия — Неман»!

* * *

Первыми потерями полка были Ив Бизьен, Андре Познански, Раймон Дервилль. Сбитые в бою над Спас-Деменском, тогда территорией врага, они числились пропавшими без вести. Ив Бизьен погиб, но немцы обнаружили в его кармане французские реквизиты. Вся семья Бизьенов была схвачена гестаповцами и погибла в концлагере...

Командир полка Пуйяд корил себя за то, что раньше времени пустил в бой совсем юных. И вот уже нет в живых Жана де Сибура и Жана Рея.

Когда полк стоял на аэродроме Дубровка, полуживой, весь обгоревший, вернулся из боевого вылета Марсель Лефевр. Его срочно отправили в госпиталь в Москву. И там на руках капитана Дельфино Лефевр умер от ожогов. Его представили к званию Героя Советского Союза.

Не счесть числа на войне потерям и обретениям. Старшина де Жоффр вернулся в полк. Подбитый под Витебском зенитным огнём врага, он сел на брюхо среди поля.

Лётчики до конца не теряют надежду на возвращение пропавших без вести товарищей. В один из дней не вернулись сразу трое — Пинон, Фельдзер и Монье. В полк сообщили, что один из французов находился у пехотинцев на передовой. За ним отправился переводчик Игорь Эйхенбаум. В землянке был Монье, которого в полку прозвали «победителем смерти» за его частые аварии.

А между Ельцом и Орлом в лесной деревушке нашли пропавшего Александра Лорана. Того самого Лорана, который в Туле влюбился в прекрасную Риту, после войны женился и увёз её в Париж...

В белорусских лесах неудачно приземлился Ив Фору. Местные жители напомнили Иву о судьбе наполеоновской Великой армии, которая именно здесь, на берегах Березины, перестала существовать...

При перебазировании со старого аэродрома на новый погибли де Фольтан со своим механиком Сергеем Астаховым, де Сейн со своим механиком Владимиром

Белозубом. Мужская дружба, фронтовое братство, подвиг самопожертвования. Все эти слова справедливы!

Мы никогда не узнаем, какая трагедия произошла при перелёте у де Фольтана — то ли он нарвался на вражеский истребитель, то ли был подбит с земли стрелковым оружием, — перелетали на небольшой высоте, а в лесах в то время было много немецких групп, которые упорно шли на запад...

Но зато все видели, как погибли де Сейн и Владимир Белозуб. Из-за поломки паропровода пилот не видел взлётной полосы. Последовал приказ: покинуть самолёт. Но это был единственный приказ, который Морис де Сейн отказался выполнить. Он не мог покинуть машину, потому что за бронеспинкой сидел техник его самолёта, его друг Владимир Белозуб. Они погибли на глаза у всего полка...

Когда через много лет генерал Г. Н. Захаров посетил Францию, он встретился с матерью лётчика-героя.

— Мой генерал, Морис — мой единственный сын, — сказала госпожа де Сейн. — У него была возможность спастись... Но тогда бы на всю нашу семью легло пятно позора. Мой сын поступил благородно...

Генерал в ответ поцеловал её руки...

Молох войны забирал всё новые и новые жертвы. Не вернулись из боевого вылета Жак Казанёв и Жан Монсо...

В августе сорок четвёртого с разорвавшимся парашютом из горящего самолёта прыгнет Пьер Жаннель. Его так же, как Голубова, «по частям» соберут в Москве, а затем он будет опять рваться в свой родной полк. «Наш Голубов» — так о нём говорили французы...

Сколько могил с маками! У них цвет крови. Цвет советского знамени. Но, пролетая на бреющем полёте там, где пали французские товарищи, можно увидеть на их холмиках знакомое трёхцветье — василёк, ромашка, мак...

После разгрома гитлеровских войск на Курской дуге создалась благоприятная обстановка для продвижения наших войск на запад. Были освобождены Ельня, Смоленск, Починок, Рославль. За успешные боевые действия 303-й ИАД присвоили почётное наименование «Смоленская».

В летне-осеннюю кампанию сорок третьего года наши войска одержали крупные победы, которые определили исход всей войны. И хотя ещё предстояло пройти тысячи километров в жестоких боях, отдать неисчислимое число прекрасных жизней, всем уже было ясно, что перелом в войне состоялся. Войска Западного фронта, в составе которых сражались и пилоты 303-й ИАД, подошли к Белоруссии.

В декабре 1943 года полки 303-й истребительной авиадивизии расположились на аэродроме Шаталово Смоленской области, откуда вели активную разведку территории Белоруссии.

* * *

23 июня 1944 года началась операция «Багратион». В июне–августе 1944 года три белорусских и 1-й Прибалтийский фронты пробили в немецкой линии обороны четырёхсоткилометровую брешь, устремились в неё, не давая врагу

вкопаться в землю, развив мощное наступление, молниеносным рывком вышли к западным границам СССР.

1-я воздушная армия завоевала господство в небе, прикрыла наступающие наземные войска и обеспечила работу бомбардировочной и штурмовой авиации.

Лётчики 303-й ИАД участвовали в непрерывных массированных ударах штурмовиков и бомбардировщиков, вели постоянную разведку вражеских сил. 25–26–27 июня с аэродрома Шаталово бомбили Борисов, Докудово, Оршу.

Наступление развивалось стремительно. Уже через неделю после начала наступления наши войска вели бои за город Борисов. А 3 июля наши войска освободили Минск. Лётчики «Нормандии» особенно отличились в боях под Борисовом, где они яростно штурмовали немецкие моторизованные части. Но кто ещё сражался против них на Березине? Бригада «Франкрейх», набранная из негодяев во Франции, была здесь уничтожена полностью. Позже немцы сформировали дивизию СС «Шарлемань», которой тоже намылили холку.

В начальный период войны быстрому продвижению немецких войск во многом способствовала новая тактика, при которой главным средством достижения победы были танковые войска. Это в очередной раз подтверждало справедливость слов Гейнца Гудериана: «Двигатель танков — не менее важное оружие, чем его пушка». Теперь в полной мере эту тактику борьбы использовали советские войска.

Танковая армия не может пройти с боями 800 километров за пять недель (!), как это сделали наши танковые армии летом 1944 года, без штабной работы и технической организации высочайшего класса. Более того, для этого необходимы высокий моральный боевой дух, дисциплина, решительность, энтузиазм. Выросли советские танкисты, которым было по плечу схватиться в бою с элитой танковых войск гитлеровской Германии. Сказанное в полной мере относится и к нашим авиаторам.

С воздуха наступление — как разлившаяся в половодье река. Видны проломы в немецкой обороне и хлынувшие в неё волны советских танков и пехоты. В середине июля войска 3-го Белорусского фронта вышли к Неману в районе города Алитус, овладели Вильнюсом.

Чего только не было в эти дни стремительного наступления! Начало июля. Горячий день. Пыль и дым... Из леса к аэродрому появляются несколько фрицев. Босые, только один в лаптях (?). Даже фантазия Ефимова не смогла бы отобразить в карикатуре фрица 1944 года...

Кажется, 5 июля это было. Лётчики пошли пострелять в лесок. Встали в ряд и начали бить в мишень. Через несколько минут из леса выходят двенадцать немцев: «Дай плен...». Насмешка истории: три года тому назад мы бежали от немцев, теперь они бегут...

Но так было не всегда. Вот на соседний аэродром вышла большая группа немцев — лётчики и танкисты с вечера до утра отбивались. А утром взлетели и начали штурмовать фрицев... С улыбкой вспоминали пилоты неожиданный SOS в эфире, посланный командующим воздушной армией Хрюкиным во время боёв в Белоруссии, когда на штаб шла сильная группа — около дивизии и с танками — немцев, упорно прорывавшихся на Запад. Лётчики-штурмовики, бомбёры,

истребители в уничтожающих штурмовках остановили и рассеяли по лесам этих немцев — всего в нескольких километрах от штаба ВА-1.

303-я ИАД непрерывно перебазировалась на новые аэродромы, поспевая за наступающими войсками. Микунтаны, Алитус... Теперь перед нашими войсками лежала Восточная Пруссия — логово германского милитаризма.

В конце июня 1944 года командир 18-го гвардейского ИАП полковник Анатолий Голубов, сбив «мессер», сам был подбит снарядами «эрликона». Из пылающего самолёта он выбросился... без парашюта. Переломанного, но живого, его проносят мимо строя лётчиков 18-го полка и «Нормандии». И он нашёл в себе силы сказать: «Я ещё вернусь к вам, орлы!». В командование полком вступил майор Семён Сибирин.

Прошло полгода. Анатолий Голубов выжил, вернулся в полк и был назначен заместителем командира дивизии.

Небольшое дополнение.

Наконец союзники открыли второй фронт. У нас, как положено, митинг. Кто-то из парткома выступил: «Товарищи, наконец-то союзники открыли второй фронт, высадились в Нормандии под руководством генерала Эзенахера». Все так и попадали от восторга. Оратора после этого так и прозвали — Эзенахер...

* * *

Несколько слов о военвраче 523-го ИАПа воздушных разведчиков Антоне Антоновиче. Павел встретился с ним на одном аэродроме — кажется, в Шаталове — в самом начале операции «Багратион». 9-й ИАП только что прибыл в 303-ю ИАД из Крыма, где он отличился при разгроме тамошней группировки немцев. Что-то стало барахлить здоровье: побаливали глаза, да вообще — стал ощущать какую-то непонятную усталость... Их полкового врача на месте не было: заболел. Техники — ребята быстрые и ловкие, знающие всё на расстоянии десятка миль, подсказали Павлу: «В соседнем, 523-м полку, врач — очень сильный. Академик! И твой земляк! Давай к нему!».

Антон Антонович помог, сразу наступило облегчение. Разговорились. Действительно, они земляки-белорусы. Тем более врач был, как говорится, от бога, блестяще закончивший Военно-медицинскую академию в Ленинграде. После нескольких визитов Павел почувствовал себя абсолютно здоровым, бодрым. Антон Антонович действовал быстро и сосредоточенно, он как бы погружался в пациента, будто в мире существовал только раненый или больной, которому он обязан помочь. Таким Павел Головачёв видел доктора Антона Антоновича всегда — на войне и потом уже в мирное время.

Всю Белорусскую операцию и разгром гитлеровцев в Восточной Пруссии они были рядом: их полки стояли на одних и тех же аэродромах, делили одни и те же взлётные полосы. В неимоверно быстрых темпах тех незабываемых боёв — наступление развивалось очень быстро! — они порой даже не могли пожать друг другу руки. Только приветственный взмах руки на расстоянии!

Встретились и поговорили уже на аэродроме Алитус, в Литве. Здесь у Антона Антоновича случился конфликт со следователем гарнизонной прокуратуры не-

ким Поташовым. Собственно, всё началось со старшего лейтенанта Кривохижа. Среди офицеров это был самый дерзкий, самый отчаянный, самый смелый. Скорее, даже безрассудный, если такой термин может быть применён к офицеру. Казалось, он был заговорённым. Смерть избегала его, словно опасалась отчаянного напора этого человека, его колоссальной энергии. Пули пробивали куртку, даже не задев её обладателя. Он бывал в самых трудных местах. Его информация всегда была точной и своевременной, словно он опрашивал вражеских командиров, перед тем как принести сведения. Так вот, при приземлении на аэродром Алитус на самолёте Кривохижа отцепилась тяга управления. В бою — это конец самолёту, здесь же повезло — прямо перед Кривохижем лежала посадочная полоса. Поташов стал «шить дело» на авиамеханика Дубко. Вызывали к Поташову Кривохижа, других лётчиков и техников эскадрильи, а также врача Антона Антоновича. (Дубко в это время был больной, с высокой температурой.) У доктора состоялся резкий разговор со следователем, в результате которого задержанный механик был немедленно освобождён и отправился в санчасть.

— Если у вас будут какие-либо сомнения — арестуйте и меня, — сказал доктор и вышел из землянки, резко ударив дверь.

Разумеется, Поташов затаил злобу на доктора и лётчиков эскадрильи: они категорически отвергли злой умысел механика, утверждая, что это мог быть только заводской брак. Так были сохранены честь и доброе имя человека, а Поташов вскоре перевёлся в наземные войска...

Антон Антонович после этого случая вызывали в политотдел дивизии, проповали «пропесочить», намекали, что с «особистами» надо быть деликатней, что ли... Антон Антонович угрюмо ответил: «Буду верен заповеди русского офицерства: «Жизнь — Родине, честь — никому!».

Павел с чувством пожал руку военного врача — он по достоинству ценил его выдающиеся душевные качества и неоднократно убеждался в высочайших профессиональных качествах этого человека. Доктор спасал прямо на крыле самолёта истекающего кровью из многочисленных ран лётчика, перевязывал и накладывал шины Митрофану Ануфриеву, возвращал к жизни и лётной работе комполка Константина Пильщикова и Ивана Заморина, спасал от ожогов Героя Советского Союза француза Лефевра, лечил и перевязывал раны Александру Сморчкову, впоследствии тоже Герою Советского Союза, генералу и командиру авиадивизии...

* * *

В сентябре 1944 года лётчики 18-го гвардейского авиаполка и «Нормандии — Неман» получили новые истребители Як-3.

Отношение к самолёту во многом субъективное. Патриоты «лавочкина» никогда не соглашались с тем, что их самолёт в чём-то уступал «яку».

Як-3 был как бы «игрушкой» в руках пилота, зато в «лавочкине», Як-9 и других машинах ощущалась основательность, мощь. Эти машины были несколько тяжеловаты в способности маневрировать. Так вот, в этом плане Як-3 был бесподобен. Машина реагировала на любое движение ручки управления. Плюс высокая скорость. Всё это способствовало тому, что в воздушных боях самолёт

был практически неуязвим. Даже при пушечном вооружении Як-3 сохранял подвижность и лёгкость. Як-3 пилоты осваивали за 4–5 часов налёта. Кабина была удобной, обзор — отличный.

Но был и недостаток: «як» оказался менее прочным, чем «лавочкин». При больших скоростях у него порой слетала обшивка крыла... Поэтому при пикировании пилоты старались не увлекаться. В нашей стране Як-3, к сожалению, не сохранился. Есть только один, на котором летал французский лётчик из «Нормандии — Неман». Он находится в музее воздушного флота Франции в Шале-Мероне, близ Парижа.

А вот Ла-7 трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба, который за войну сбил 62 вражеских самолёта, в том числе один реактивный мессершмитт-262, стоит в Центральном музее Военно-воздушных Сил РФ. Основные силовые элементы крыла этого самолёта стали металлическими. Фюзеляж так и остался деревянным. «Русфанера» не подвела!

Героический переход

В конце 1942 году с Тихого океана на пополнение Северного флота отправились шесть советских подводных лодок. Спустя несколько месяцев, пройдя через Панамский канал, они прибыли в базу Северного флота Полярный.

Это был первый в истории подводного флота долгий переход. Корабли прошли через два океана — Тихий, Атлантический и девять морей — Японское, Охотское, Берингово, Карибское, Саргассово, Северное, Гренландское, Норвежское, Баренцево. Каждая из подводных лодок пробыла в море более двух тысяч двухсот часов и оставила за кормой семнадцать тысяч миль.

Подобных переходов, фактически кругосветных по расстоянию, да ещё такой большой группой лодок по морям и океанам, охваченным пламенем войны, никогда раньше не было.

Это был подвиг. О нём немного сказано и мало написано. Этот рассказ — дань памяти героям-подводникам. Живым и мёртвым.

Начало

Поздно вечером 20 сентября 1942 года наркому ВМФ Кузнецову позвонил Поскрёбышев. Как всегда, речь его была краткой и лаконичной:

— Вас вызывает товарищ Сталин. На заседание ГКО.

Кузнецов не удивился. Государственный Комитет Оборона занимался всеми военными и хозяйственными делами, но в основном промышленностью, выпуском вооружения и боеприпасов. Нарком не входил в состав ГКО, но иногда его приглашали на заседания. По морским вопросам.

Потому Кузнецов, захватив последние сводки, помчался в Кремль.

Когда нарком вошёл в кабинет Сталина и доложил, тот стоял у карты, развёрнутой на длинном столе заседаний. Вдоль стола сидели все члены ГКО: Молотов, Ворошилов, Маленков, Берия, Вознесенский, Микоян, Каганович.

Сталин оторвался от карты и сразу перешёл к делу:

— Товарищ Кузнецов, что там у нас с английским конвоем? Кажется, восемнадцатым?

Кузнецов понял, почему его вызвали на заседание ГКО. Английские морские конвои доставляли в СССР вооружение, технику, боеприпасы, продовольствие. Всё, чем занимался Государственный Комитет Оборона. И очевидно, этот орган был обеспокоен весьма ощутимыми потерями транспортов, гибнущих от атак немецких кораблей и авиации. Особенно после трагедии с союзным конвоем «PQ-17».

Кузнецов ответил сразу:

— Товарищ Сталин, восемнадцатый конвой из 40 транспортов и 31 корабля охранения вышел из Исландии 7 сентября. Учитывая трагедию с «PQ-17», командование Северного флота своевременно приняло меры для обеспечения безопасности конвоя в пределах нашей операционной зоны и теперь всё оказалось по-иному. 19 сентября конвой «PQ-18» прибыл к месту назначения — на Северодвинский рейд.

— Какие потери?

— В английской зоне обеспечение оказалось всё-таки недостаточным. Там конвой потерял 12 транспортов. А после встречи его нашими эсминцами и авиацией был потерян всего один.

Сталин покачал головой.

— Тринадцать транспортов? Всё равно много. Это сотни тысяч тонн нужных нам товаров.

Пройдясь немного по кабинету, он остановился перед наркомом ВМФ.

— А что у нас с подводными лодками? Готовы они для перехода с Тихого океана на Север?

— Подводные лодки готовы к переходу. Две уйдут из Петропавловска-Камчатского через пять дней. Остальные четыре выйдут из Владивостока через две недели.

Этот разговор имел пятимесячную предысторию.

29 сентября — 1 октября 1941 года в Москве состоялась конференция трёх держав — СССР, Великобритании и США, — на которой было подписано соглашение о взаимных поставках. Товары решено было отправлять караванами из транспортных судов арктическим путём. Маршрут проходил из Англии или Ирландии в Мурманск и Архангельск.

Вначале в таких конвоях было всего 6–10 транспортов. С марта 1942 года их решено было увеличить их до 25–30.

В связи с этим Кузнецов был вызван в Кремль.

— Вам нужно выехать в Архангельск, — сказал ему Сталин. — Я не уверен, всё ли там подготовлено к встрече конвоев союзников.

По возвращении нарком доложил Верховному о непростой обстановке на Севере, о принятых мерах и в конце прибавил:

— Необходимо усиливать корабельный состав Северного флота.

— Каким образом?

— За счёт перевода части надводных кораблей и подводных лодок из состава Тихоокеанского флота на Север.

— И как вы собираетесь их переводить?

— Надводные корабли Северным морским путём, а подводные лодки через Панамский канал. Это наиболее кратчайший путь.

— Хорошо. Готовьте подробную записку. Количество кораблей, маршруты, базы остановок. Работа большая. Подключите Наркомат иностранных дел. Необходимо разрешение тех правительств, через территорию которых пойдут наши корабли.

По своим каналам свяжитесь с военными атташе этих государств. Приступайте к делу немедленно. Не затягивайте.

И уже в апреле нарком ВМФ издал приказ под грифом «Совершенно секретно», с двумя нолями, о подготовке надводных и подводных кораблей к переводу с Тихого океана на Северный флот.

Выбор пал на четыре подводные лодки типа «С», которые считались лучшими торпедными подводными лодками на тот момент. И наиболее технически оснащёнными. К ним присоединили две подводные лодки типа «Л», которые относились к минным заградителям.

Через три месяца Кузнецов докладывал Сталину о трагическом случае с конвоем «PQ-17».

Этот конвой вышел из Исландии 27 июня 1942 года. Его сопровождало 28 кораблей охранения. Когда конвой был уже на полпути к пункту назначения, командующий группой охранения получил приказ из британского Адмиралтейства всем силам прикрытия отойти на запад. В результате все боевые корабли, которые непосредственно охраняли конвой, ушли, оставив его без прикрытия. Транспорты остались беззащитными. Лучшей добычей для немецких подводных лодок и авиации быть не могло. И они воспользовались этим.

Из 34 транспортных и двух спасательных судов конвоя погибло 24.

Сталин был недоволен поведением английского морского командования. Мыслимое ли дело: боевым кораблям охранения оставить конвой!

— Была ли необходимость бросить конвой? — спросил Верховный Главнокомандующий.

Кузнецов ответил, что, насколько ему известно, серьёзных причин для этого не имелось.

Сталин сделал паузу и поинтересовался:

— А у нас на Северном флоте хватает кораблей и авиации, чтобы обеспечить безопасность конвоев?

— Авиации и надводных кораблей достаточно. Не хватает подводных лодок.

— Помнится, мы уже говорили с вами на эту тему?

— Так точно, товарищ Сталин. Но тогда вопрос не стоял так остро. За 1941 году на Северном флоте мы не потеряли ни одной подводной лодки. А вот за первую половину 1942 года шесть не вернулись на базу.

— Почему такие потери?

— С декабря 1941 года немцы усилили противолодочную защиту. Немецкое командование срочно начало постановку минных заграждений, чтобы защитить со стороны моря свои коммуникации и преградить путь нашим подводным лодкам в глубоководные фиорды. По трассе движения своих конвоев противник оборудовал на берегу сигнально-наблюдательные посты и установил артиллерийские батареи. В состав охранения включены миноносцы и авиация.

— И что вы предприняли в связи с нашим прошлым разговором?

— Издан приказ о подготовке кораблей. Сейчас идёт усиленная подготовка экипажей. Кроме того ведётся дипломатическая переписка с союзниками о ба-

зах, где наши подводные лодки будут останавливаться для пополнения запасов и ремонтов.

— Хорошо. Ускорьте работу. Когда всё будет готово, вопрос будет рассмотрен на заседании ГКО.

В конце августа 1942 года Кузнецова опять вызвали к Сталину. Внимание Верховного Главнокомандующего привлекло появление немецкого флота на Северном морском пути. Это был рейд немецкого линкора «Адмирал Шеер» в советские арктические воды.

— Что там творится под носом у Головки? — раздражённо спросил он.

— Рейд линкора провалился, товарищ Сталин. Задание потопить наши торговые суда не выполнено. Навигацию по Северному морскому пути сорвать не удалось. На Диксоне не пострадал ни один важный объект. Немецкий десант не высажен. Единственное, чего добился линкор, было потопление ледокольного парохода «Сибиряков». Но я не оправдываюсь. Ваш укор справедлив. Мы примем меры, чтобы этого не повторилось.

— Какие?

— На подходах к Северному морскому пути будут постоянно дежурить наши корабли и авиация.

— А что у вас с кораблями, которые должны перейти на Северный флот?

— Надводные корабли уже вышли из Владивостока. Прошли Берингов пролив.

— А подводные лодки?

— Дипломатическая часть закончена. Получены разрешения правительств США, Великобритании и Канады на использование их баз. Через несколько дней закончим проработку маршрутов с военными атташе. Потом вышлем директиву командованию Тихоокеанского флота и начнём готовить лодки.

— Они что, не готовы?

— Лодки новые, прошли испытания, экипажи обучены и подготовлены. Но для столь длительного похода необходимо провести определённое мероприятия.

— Секретность обеспечена?

— Так точно, товарищ Сталин. О цели похода известно лишь руководству Тихоокеанского флота. Даже командиры подводных лодок пока не знают.

— Надеюсь, они будут хорошо воевать?

— Я в этом не сомневаюсь, товарищ Сталин.

— Хорошо. Заканчивайте.

Через неделю вышло Постановление Государственного Комитета Обороны о переводе подводных лодок из состава Тихоокеанского флота на Север.

В путь

Всю весну и лето дивизион подводных лодок типа «С» провёл в учениях и походах. Отрабатывались все задачи, необходимые в боевой деятельности: торпедные атаки, артиллерийские стрельбы, преодоление минных заграждений и многое другое. Даже настоящими глубинными бомбами их обрабатывали.

Правда, сбрасывали в отдалении. Командиры лодок только удивлялись, отчего у руководства Тихоокеанского флота такое к ним внимание. Хотя и понимали: идёт война, всякое случается.

Во второй половине сентября командиры четырёх подводных лодок получили приказание немедленно доковать лодки. Срок работ дан такой короткий, что командиры БЧ-5 только руками разводили.

Однако вскоре их вместе с командиром дивизиона вызвали в штаб.

Командир бригады подводных лодок Тихоокеанского флота капитан 2 ранга Родионов окинул взглядом прибывших офицеров. Всех их он уже изучил хорошо. Уравновешенный, всегда спокойный Кучеренко, командир С-51. Жизнерадостный Братишко, командует С-54. Весёлый Сушкин и прагматичный Щедрин — С-55 и С-56 соответственно. Все капитан-лейтенанты.

Командиры лодок начали, как обычно, жаловаться на большой объем ремонта и нереальность сроков. Но комбриг не стал вникать в подробности.

— Времени действительно чертовски мало, — согласился он. — Поэтому и не будем его тратить попусту. О реальности планов поговорим после того, как вы ознакомитесь вот с этим документом.

Он достал из сейфа шифрограмму и зачитал её нам. В ней говорилось, что для усиления Северного флота Государственный Комитет Оборона постановил перевести на Север часть подводных лодок. Нарком приказывал к 5 октября 1942 года подготовить С-51, С-54, С-55 и С-56 к переходу через Панамский канал в Атлантический океан и далее в Полярный, базу Северного флота.

Перечислены базы союзников, где лодки будут останавливаться для заправки топливом, продовольствием и ремонта: Датч-Харбор на Алеутских островах, Сан-Франциско, Коко-Соло в Панаме, Гуантанамо на Кубе, Галифакс в Канаде, Рейкьявик в Исландии, Розайт в Шотландии и Лервик на Шотландских островах.

— Уточнённый маршрут ещё надлежит разработать и представить на утверждение, — пояснил Родионов. — Переход предложено совершать по возможности скрытно, строго соблюдая в тайне место назначения.

И началась работа. Лодки готовились в доке, потом, загружались продовольствием и боеприпасами. Командиры приступили к изучению района плавания, уточнению маршрута. Почти восемнадцать тысяч миль предстояло пройти по морям и океанам, охваченным пожарами Второй мировой войны. В такие походы не ходили ещё лодки ни одного государства даже в мирное время! Но главная трудность не в огромности расстояния. Лодки идут воевать, топить корабли противника. Значит, на Север надо не просто прийти, а умудриться сохранить для боя материальную часть и силы личного состава. Сделать это непросто, когда моторесурс некоторых механизмов рассчитан едва ли на половину перехода.

Прошли послеремонтные испытания с приёмками усиленных запасов снабжения. Команды работали с огромной перегрузкой. Люди буквально валились с ног от усталости, но трудились не покладая рук.

Наконец командир бригады провёл последний инструктаж. С-54 и С-55 уходят первыми. С-51 и С-56 сутками позже.

В проливе Босфор Восточный лодки отдали якоря. Для встречи командующего флотом команда была построена на кормовых палубах. Командующий Тихоокеанским флотом обошёл строй моряков, задавая вопросы и беседуя с ними. Собрал командиров и предупредил их, что о маршруте и цели похода личному составу следует объявить лишь по выходе из Петропавловска-Камчатского.

5 октября первая пара вышла в море, 6 октября — вторая.

Разве могли они знать наперёд всё, что случится в пути? А ждало их трудное и интересное.

Подводникам предстояло скрытно пересечь Тихий океан, где в поисках американских кораблей и транспортов курсировали японские лодки, спуститься к экватору, Панамским каналом пройти в Атлантику, миновать районы наиболее активных действий немецких подводных лодок в северной Атлантике, подняться выше Северного полярного круга и оттуда следовать в базы Северного флота. По соглашению с правительствами союзных держав нашим лодкам разрешался заход в порты Датч-Харбор на Алеутских островах, Сан-Франциско, Панаму, Галифакс в Канаде и Рейкьявик для приёма топлива, продовольствия и ремонта, если он потребуется.

Из Владивостока на Камчатку с заходом в Де-Кастри лодки шли Татарским проливом (пролив Лаперуза тогда полностью контролировался японцами), через Охотское море и первый Курильский пролив.

В Петропавловске-Камчатском они узнали, что 25 сентября по тому же маршруту, что идут они, в поход отправились лодки Л-15 и Л-16. И тоже на Северный флот, в Полярный.

Коварный удар

Утром 4 октября из американской базы на Алеутских островах Датч-Харбор вышли две советские лодки — Л-15 и Л-16. Их сопровождал американский сторожевик. Он шёл впереди, поддерживая зрительную связь с Л-16. Оставляя за собой едва приметный след взбитой винтами пены, колонна кораблей уходила от берега. Союзники предупреждали, что на подходах к базе наиболее вероятны атаки японцев из-под воды. Видимость была плохая, поэтому командиры лодок всё внимание сосредоточили на наблюдении за поверхностью моря.

Спустя два часа видимость улучшилась. Лодки легли курсом на выход из Берингова моря в Тихий океан. В сумерках американский сторожевик возвратился в базу, а советские подводники продолжили свой путь на юго-восток к Сан-Франциско.

Чтобы не быть принятыми за неприятельские и не подвергаться атакам союзников, наши лодки пошли мористее. Командованием было назначено шесть точек, которые необходимо пройти в точно назначенное время. График движения был очень жёсткий.

Чем дальше продвигались лодки на восток, тем сильнее голубело море. Очищалось от облаков небо. Ярче светило солнце. Теплее становился воздух.

Утро 11 октября 1942 года выдалось тёплое, безоблачное. Лёгкий ветерок развеивал полотнище флагов. Небольшая волна в три балла почти не нарушала гладь океана. Видимость полная.

Лодки перестроились в кильватерную колонну с дистанцией в три кабельтова. Ход малый, готовность к срочному погружению немедленная. Впереди шла Л-16, командиром которой был капитан-лейтенант Гусаров, старший в этой группе советских кораблей.

Яркое солнце и блики на воде мешали сигнальщикам наблюдать в носовых секторах. Пришлось надеть солнцезащитные очки. На ходовом мостике Л-15 командир тихо переговаривался с вахтенным офицером. Сигнальщик наблюдал за горизонтом. Ничто не предвещало трагедии.

И вдруг они увидели, как позади ограждения рубки впереди идущего флагманского корабля на десятки метров вверх взметнулся столб пламени, воды и чёрного дыма, скрывшие лодку. Через секунды докатился раскатистый взрыв.

Когда дым над Л-16 рассеялся, стало видно, что она с громадным дифферентом на корму погружалась в пучину океана. Едва форштевень скрылся под водой, последовали ещё два взрыва, более глухих. Лодка камнем ушла на дно, унося с собой мёртвых и тех, кто ещё оставался живыми в отсеках.

Наблюдавшие эту картину с мостика Л-15 стояли, как поражённые громом. Смотрели и молчали.

Первым пришёл в себя командир, капитан-лейтенант Комаров.

— Самый полный вперёд! Артиллерийская тревога!

У форштевня и за кормой дыбились буруны. Лодка набирала скорость. Из люка выскакивали моряки артиллерийских расчётов, занимали места у пушек. Вместе с ними поднялся радист и протянул Комарову телеграфный бланк.

Обрывок радиограммы был коротким: «Погибаем от...». Больше радиотелеграфист ничего не успел передать — антенна лодки к тому времени уже скрылась под водой.

В этот момент рулевой-сигнальщик выкрикнул:

— Справа, дистанция пять кабельтовых — перископ! Отставить — вижу два перископа!

— По перископам огонь! — скомандовал командир.

Наводчик кормовой пушки привёл на крест нитей хорошо видный в прицел бурунчик по правому борту лодки.

— Цель поймана!

В тот же момент рывкнул резкий орудийный выстрел. За ним без всякой паузы второй! Третий!.. Пятый!

— Цель потеряна.

Стрельба прекратилась. Перископы больше не показывались.

Лодка прошла над местом гибели Л-16. Два следа от прошедших торпед вспороли поверхность океана. Один из них оборвался там, где плавали соляр и масло. На воде никого не было.

Осиротевшая, оставшаяся в одиночестве Л-15 уходила от рокового места.

— Отбой тревоги! Артрасчётам разрешается перекурить!

Курили молча. Разговор не клеился. Слишком неожиданным было горе, чтобы начинать им делиться...

Радиограмму о гибели Л-16 несколько раз передавали в эфир, но ни Владивосток, ни Петропавловск-Камчатский не подтверждали получения и не давали квитанции. Пришлось адресовать американцам, а это не очень улыбалось. Шифра для связи с ними не было, донесения посылались фактически открытым текстом. Сан-Франциско на вызовы тоже не отвечал. По-видимому, в Датч-Харборе для передачи ошибочно дали не ту волну, на которой несли приёмную радиовахту.

Командир приказал прекратить передачу радиограммы.

— Дела всё равно теперь не поправить, а становиться объектом радиопеленгования для всех желающих — удовольствие маленькое.

Штурман нанёс на карту координаты трагедии: широта, долгота. Глубина под килем 4888 метров. До Сан-Франциско оставалось 828 миль.

Несколько суток плавания прошло спокойно. Вечером 15 октября в назначенной точке встретились с американским эскадренным миноносцем и дальше продолжили путь в его сопровождении.

Утром следующего дня Л-15 пришвартовалась в гавани Сан-Франциско.

Переход

Из Петропавловска-Камчатского до Датч-Харбора четыре подводные лодки перешли Тихим океаном и Беринговым морем попарно, с интервалом в одни сутки.

Там они узнали, что на подходах к Сан-Франциско от предательского удара погибла Л-16. Как пояснили союзники, она была атакована неизвестной подводной лодкой.

После пятидневной стоянки на Алеутских островах все четыре лодки под эскортом американских эсминцев отправились в Сан-Франциско. Союзное командование выделило миноносцы для охраны лодок — к этому вынудил горький опыт гибели Л-16.

В Калифорнии экипажи отпраздновали 25-ю годовщину Великого Октября. Затем лодки прошли по Панамскому каналу. На недельную стоянку остановились в военно-морской базе Коко-Соло, в зоне канала со стороны Карибского моря. Здесь при невероятной жаре проводили короткий ремонт.

Через Карибское, Саргассово море и Атлантику первой парой шли С-51 и С-56. Две другие лодки — С-54 и С-55 — отправились сутками позже, 3 декабря 1942 года. До выхода в океан каждую пару охранял патрульный бот. Для смены эскорта заходили в Гуантанамо — американскую военно-морскую базу на Кубе. При подходе к Саргассову морю С-54 была атакована неизвестной подводной лодкой и, уклоняясь от выпущенной торпеды, повредила двигатель. Из-за чего вторая пара на сутки позже прибыла в Галифакс. А первая попала в сильнейший ураган и получила серьёзные повреждения механизмов и лёгкого корпуса, что вынудило растянуть стоянку в Канаде более чем на две недели.

В Галифаксе собрались все наши подводные лодки, в том числе и вышедшая ранее Л-15. Перед переходом через северную Атлантику приводили в порядок

потрёпанную штормами материальную часть, а С-51 даже доковалась. Ей предстояло идти в Рейкьявик, на Исландию, а уж потом в Полярный. Тем же маршрутом шла и Л-15. Остальные лодки направлялись в Розайт — Северо-шотландский порт — для смены аккумуляторных батарей, пришедших в негодность. На них же предполагалось установить гидро- и радиолокаторы английской системы и пройти докование. Переход совершался лодками одиночно, самостоятельно.

Жизнь внесла некоторые коррективы в первоначальный план. Свирепствовали зимние штормы, и лодки сильно болтало, так как из-за вышедших из строя батарей они фактически были лишены возможности погружаться. После этого всем четырём лодкам потребовался доковый ремонт. Англичане на установку своих гидро- и радиолокаторов «заломили» такую цену, что командиры лодок, как ни хотели иметь их на вооружении, отказались от услуг союзников и ушли на север. До Лервика на Шотландских островах шли вместе под проводкой английского тральщика, а дальше поодиночке самостоятельно. С-54 и Л-15 остались в Англии продолжать ремонт и устанавливать приборы.

Первой прибыла в Полярный подводная лодка С-51, которой командовал капитан-лейтенант Кучеренко. 24 января 1943 года она пришвартовалась в Екатерининской гавани. 8 марта благополучно закончили переход С-56, командир Щедрин, и С-55 под командой Сушкина. 29 мая, после задержки на ремонте в Англии, пришла в базу Л-15 капитана 3-го ранга Комарова. А 7 июня наконец появилась С-54 командира Братишко, также после ремонта.

Вот так все пять лодок, преодолев в пути штормы и преграды, благополучно закончили переход с Тихого океана собрались в базе Северного флота Полярном. Прибыли они сюда разными маршрутами и в разные сроки, но с единым стремлением — скорее в бой.

В Тихом океане лодки попали в крыло «большого ветра» — тайфуна, а в Саргассовом море — в центре свирепого урагана. Воды Алеутских островов, Северной Атлантики и Скандинавии встретили бешеными бурями, а побережье Коста-Рики — зеркальными штилями. Плыли против холодного Камчатского течения и горячим Гольфстримом. Южнее тропика Козерога изнывали от непривычной тропической жары, а у айсбергов пролива Девиса дрожали от полярной стужи. Любовались стаями летучих рыб и гигантскими морским черепахами у западного побережья Мексики, видели крокодилов в реке Чагрес, тюленей и касаток близ острова Медвежий. Мылись под душем тёплых ливней Лимонного залива и теряли видимость в белой пелене пурги Гренландского моря. Ещё в ноябре штурманы определялись по альфе созвездия Южного Креста, а уже в декабре любовались красотой северных сияний.

Широты, долготы, климатические и временные пояса в походе непрерывно менялись, но опасность быть атакованными оставалась постоянной.

Конечно, никто из них не мог предполагать, что проливе Акутан чужая невзорвавшаяся торпеда сорвёт лист килевой коробки С-56 в районе центрального поста. И что в Тихом океане Л-16 будет атакована неизвестной субмариной.

Встреча каждой лодки была торжественной. Встречал лично командующий флотом вице-адмирал Головкин со штабом.

После прихода все лодки включились в боевую службу, но не сразу. Экипажам давали отдых. Командиры знакомились с театром военных действий и особенностями войны в условиях Севера.

Потом воевали. Воевали хорошо. Только судьбы у них были разные. Пожалуй, самой знаменитой стала С-56. Она считается самой эффективной советской торпедной подводной лодкой периода Великой Отечественной войны.

Торпеды идут в цель

Подводная лодка С-56 вышла на боевую службу через три недели после прибытия в Полярный.

30 марта командира капитан-лейтенанта Щедрина вызвал комбриг. Задание то же, что и у С-55: высадить на побережье разведгруппу и принять разведчиков, закончивших работу в тылу противника. Запрещено атаковать какие бы то ни было корабли, пока задача не будет выполнена. Удастся она — цель похода достигнута, даже если лодка ничего не потопит. Только после выполнения этого задания разрешается поиск врага.

31 марта С-56 вышла в море. Благополучно прошла в подводном положении минное поле. Всплыла под перископ. На поверхности бушевал шторм. О высадке не могло быть и речи.

Несколько дней море штормило. Время уходило. Всё короче становились дни, и уменьшались шансы на благополучную высадку. Надо было спешить, а тут ещё, как нарочно, в тёмное время выходит луна.

Наконец ветер ослабел, и лодка подошла к берегу. Пока осматривали район высадки, море успокоилось. Командир принял решение лечь на грунт и дожидаться ночи.

Лодка всплыла в нужное время. Высадка и приём разведчиков прошла успешно. Теперь можно заняться поиском вражеских кораблей. Лодка вышла в открытое море и заняла позицию. Дни поиска томительно однообразны. Боевые вахты следуют одна за другой строго по расписанию.

Впрочем, долго ждать не пришлось.

— Центральный! — послышался взволнованный голос акустика. — По корме слышу шум винтов. Предполагаю — конвой!

Лодка подвсплыла. Командир осмотрел горизонт через перископ. Действительно конвой! Совсем близко. Четыре транспорта, самоходная баржа, эскадренный миноносец, три сторожевика. Дальше рассматривать некогда.

— Аппараты — товсь!

Торпедисты замерли на боевых постах.

— Пли!

Два лёгких толчка. Весь экипаж замер.

Взрыв!.. Далёкий и глухой. Акустик доложил о приближении сторожевиков, но Щедрин не опускал перископ.

Конвой шёл прежним курсом, а атакованный транспорт медленно погружался. Командиру удалось сфотографировать через перископ, когда он переломился и начал уходить под воду.

— Уходим! — скомандовал довольный Щедрин. — Сейчас начнётся бомбёжка. Ушли благополучно, хоть и попали под бомбы.

Поиск врага продолжился. Лишь на четвёртый день акустик услышал шум винтов. Командир поднял перископ, но сначала ничего не увидел. Лишь через несколько минут показались дымы и много мачт. Конвой. Три транспорта, шесть сторожевиков, несколько больших охотников.

Щедрин решил прорваться с головы, пройти между транспортом и охранением, развернуться и, по возможности одновременно, атаковать: носом — транспорты, кормой — один из сторожевиков. План хорош. К сожалению, осуществить его не удалось.

Сначала шло всё расчёту. Начали поворот. Но то ли сверкнул на солнце глазок перископа, то ли акустики сторожевиков запеленговали шум винтов. Так или иначе, лодку обнаружили. Два корабля охранения устремились к цели. От разрывов глубинных бомб боль в ушах. По всей лодке гаснет свет.

Что же делать? Отказаться от атаки? Нет! У командира созревает решение: нырнуть под транспорт, укрыться под ним от бомбёжки, вынырнуть с другого борта и атаковать кормой.

В считанные секунды быстрее завращались винты, лодка пошла вперёд.

— Глубина двадцать метров! — докладывает боцман.

— Так держать! Крышки торпедных аппаратов не закрывать!

Манёвр удался. Немцы бомбили с левого борта транспорта, где ранее обнаружили лодку.

С-56 осторожно подвсплыла с противоположного борта.

— Кормовые — товсь! Стрельба по концевому транспорту. Дистанция минимальная.

Запели винты уходящих торпед. Зашипел, ударил в уши воздух. Взрыв слышали все. К лодке на полном ходу помчались сторожевики.

— Ныряй!

Скорее вниз, закрыться многометровой толщей воды!

Бомбы не заставили себя ждать. Одна из серий взорвалась точно над лодкой. Колоссальным давлением корабль бросило вниз. Сильный толчок о грунт сбивает с ног. Глубина погружения предельная. Но оставаться неподвижной мишенью нельзя. С большим трудом лодка оторвалась от грунта.

Сторожевик долго не успокаивался. Бомб не жалел. Но всему приходит конец, в том числе и бомбёжке. Наконец взрывы затихли вдали. Лодка ушла на безопасное расстояние и всплыла.

В это время пришла радиограмма. Вызывали в базу.

На войне и дорога домой небезопасна. Бывали случаи, что лодки гибли при возвращении домой. Отчасти это объясняется тем, что после боя экипаж по мере приближения к базе ослабляет бдительность.

Так случилось и с С-56. Лодка шла в надводном положении. Заряжала аккумуляторы. Было чудесное утро. Только взошло солнце. Тихий ветерок. Небольшая зыбь. На ходовом мостике командир, вахтенный офицер и сигнальщик.

Щедрин осмотрел горизонт и спустился вниз попить чаю. Но не успел. Неожиданно лодка рванулась вперёд, кренясь на циркуляции.

Оказалось, что вахтенный офицер первым заметил серебристый след торпеды. И скорее автоматически, чем осознанно подал единственно правильную команду:

— Право на борт! Самый полный ход!

Мотористы сработали быстро. Лодка набрала скорость. Рулевой вовремя переложил руль.

А потом вахтенный офицер и сигнальщик, как загипнотизированные, смотрели на приближающуюся со скоростью курьерского поезда смерть.

Когда Щедрин выскочил на мостик, торпеда проходила в десяти метрах от борта. Лодка продолжила путь.

При входе в базу предутреннюю тишину разорвали два оружейных залпа.

Адмирал внимательно выслушал доклад командира С-56 о результатах первого похода. Положительно оценил его действия и засчитал лодке оба транспорта.

Не так-то просто заносились на боевой счёт лодки потопленные ею корабли. Нужно иметь фотографии или лично наблюдать до конца гибель атакованной цели. Взрыв своих торпед, зафиксированный на слух, даёт право считать атакованный корабль лишь повреждённым. И он засчитывается лодке при условии, если разведка располагает достоверными данными о потоплении. И это правильно, ибо не каждый корабль, в который попала торпеда, тонет.

Поэтому Щедрин в доказательство потопления первого транспорта представил запись своего наблюдения через перископ и фотографию. Со вторым транспортом обошлось ещё проще: лётчик-разведчик сфотографировал его гибель с воздуха. Экипаж получил право нарисовать на рубке своей лодки звезду и вписать туда цифру «2».

К концу войны на счету С-56 было 12 потопленных и 2 повреждённых вражеских судна.

31 марта 1944 года лодка была награждена орденом Красного знамени.

23 февраля 1945 года ей присвоено звание «Гвардейская».

Командир лодки С-56 капитан 3-го ранга Щедрин удостоен высокого звания Герой Советского Союза.

Ныне лодка С-56 стоит во Владивостоке на постаменте у здания Краснознамённого Тихоокеанского флота. В ней находится музей.

К сожалению не все из тех, кто ранним октябрьским утром 1942 года вышел из пролива Босфор Восточный в базу Северного флота Полярный, дожил до светлого Праздника Победы.

Не вернулись в базу подводные лодки С-54 (командир капитан 3-го ранга Братишко) и С-55 (командир 3-го ранга Сушкин).

Светлая память морякам-подводникам, погибшим в Великой Отечественной войне!

Лейтенант Капитан

Рассказ

Гражданский человек, вероятно, и не представляет, какую силу в армии имеет устав. Он в таких подробностях расписывает и регламентирует всю жизнь военного человека, что ему остаётся только следовать уставу, и служба покажется мёдом.

У молодого лейтенанта по фамилии Капитан началась из-за этого самого устава настоящая война с замполитом полка подполковником Сазоновым. Надо сказать, что Володя Капитан стал военным не по призванию, а по призыву: после гражданского вуза, где была военная кафедра, он попал в полк на два года. Не помешало призыву даже неисправимое Володино заикание, чему сам новоявленный лейтенант был немало удивлён. Спустя время удивление сменилось стоическим смирением. Смирение перетекло в странное служебное рвение. Почему странное? Володя был замечательным радиоэлектронщиком. Не ощущая в себе военной жилки, он, впрочем, был чрезвычайно амбициозен и не терпел щелчков по носу. А таких щелчков лейтенант Капитан съёс от начальников в первые месяцы службы предостаточно. Особенно невзлюбил молодого лейтенанта подполковник Сазонов. Володя нарывался на его разносы почти постоянно: то за лёгкую небритость, то за нерасторопность, то за возражения из строя. Но больше всего, пожалуй, за независимый вид и отсутствие подобострастия во взгляде.

Сносить щелчки начальства дальше было выше его сил (всё ж уже не мальчик, поди). Посему Володя начал с тщательного штудирования устава и закончил приказами заместителя министра обороны по ведению ротного хозяйства и инструкциями по «примерке и подгонке предметов военной одежды», в которые заглядывали только старшины подразделений. Порядок в службе он начал наводить для начала в собственном взводе. Раскрыв приказ № 150, лейтенант Капитан вооружился линейкой и провёл инспекцию кладовой, где хранились вещи его солдат и сержантов. Если в приказе было написано: «За каждым военнослужащим закрепляется определённое место для хранения его обмундирования с помощью бирки и с указанием фамилии владельца», то Володя рассчитывал найти именно это «определённое место», сверяясь для надёжности с книгой вечерней поверки.

Если было написано, что «Размер бирки 5×1,5–2,5 см. Бирки в шкафах для обмундирования прикрепляются на планке шириной 1,5–2 см, которая размещается на 3–5 см выше вешалки для плечиков с верхней одеждой», то всё, не соответствовавшее этим требованиям, лейтенант Капитан безжалостно срывал.

Старшина сначала отнёсся к этой причуде молодого лейтенанта довольно снисходительно, но Володя устроил в роте настоящий переполох из-за этого, причём на совершенном серьёзе.

На шум сначала прибежал батальонный замполит, потом и сам подполковник Сазонов. Узнав суть и последствия устроенной лейтенантом «инспекции», они ничего не могли возразить. Как и не могли представить, в каких масштабах впоследствии проявится характер зелёного лейтенанта.

На следующий же день коса нашла на камень после утреннего развода. Сазонов, не уловив кардинальной перемены в командире 1-го взвода лейтенанте Капитане, подошёл к нему и, щурясь от яркого солнца, сказал в своём небрежно-приказном тоне:

— Капитан... хм, ну и фамилия у тебя, лейтенант... Значит, на роду написано быть капитаном.

Когда офицеры чином пониже подполковника подобострастно отхихикали, Сазонов продолжил:

— Ты пришли мне свободного человечка. Надо в моём кабинете порядок навести.

Лейтенант, козырнув, громко и почти не заикаясь ответил: «Есть, то-товарищ под-по-полковник!».

Через минут двадцать подполковник Сазонов вошёл в свой кабинет в сопровождении начальника штаба и нескольких батальонных замполитов и... остолбенел от представшей перед ним картины.

Лейтенант Капитан был в косынке и синеньком халатике, из-под которого виднелись волосатые ноги. Взводный добросовестно размазывал мыльную воду по полу щёткой и, казалось, совершенно не замечал вошедших.

Первым опомнился начальник штаба.

— Игорь Валерьевич, это что такое? — спросил он у красного от бешенства полкового замполита. После чего окликнул Капитана: — Вы что делаете, лейтенант? Это я могу узнать?

Володя с придурковатой искоркой в глазах мигом принял стойку «смирно» и отрапортовал:

— Вы-выполняю за-за-да-а-ачу по-подполковника Са-са-а-а-зонова! Он прика-ка-зал прислать ему че-человечка для уборки ка-кабинета! Со-солдаты моего в-в-в-взвода, то-товарищ по-подполковник, сейчас на за-занятиях. Отрывать их от-от за-занятий я не имею права, по-поэтому вынужден бы-был вы-по-полнять по-поставленную по-подполковником Са-а-а-а-зоновым задачу ли-лично!

Начальник штаба метнул уничтожающий взгляд на пыхтящего Сазонова.

— Это чёрт знает что! Прекратите этот балаган, товарищ лейтенант, и идите заниматься с личным составом! А вы, подполковник, милости прошу в мой кабинет!

Надо ли говорить, что Сазонов начал точить ещё больший зуб на Володьку Капитана.

— Сазан тебе это не спустит! — хохоча в курилке, говорили ему сослуживцы.

Капитан снисходительно улыбался.

На следующий же день подполковник Сазонов явился в расположение роты и начал с проверки солдатских тетрадей по государственно-правовой подготовке. Как водится, у половины солдат тетради оказались девственно чисты.

— Где, спрашиваю я, записи? Где темы? Покажите журналы ведения занятий! Где отметки? Где план-конспекты лекций? — орал Сазонов. — Умничаете? Дурака валять вздумалось?! Я вам устрою весёлую жизнь! Завтра же ваши, лейтенант, солдаты пусть доложат мне положения устава от сих до сих! И чтобы все темы в тетрадах были! И что за вид у ваших солдат? Если не знаете, то длина волос висит в бытовой комнате! Если завтра не подстрижётесь, я вас сегодня накажу! Доложить о наличии людей! Кто не все, того накажем. Если вы разгильдяй — напишите это себе на лбу, я прочту и мне всё сразу станет ясно. И стоять передо мной смиренно! Я вам кто или нет?!

Лейтенант Капитан близко к сердцу принял распоряжение замполита. Он усадил солдат зубрить уставы и переписывать темы. А сам отправился в клуб...

Заметим, что ни одно построение в полку не проходило без сопровождения бравурного марша. Все марши управлялись из клуба, размещавшегося рядом с плацем. В небольшой комнатке на втором этаже стояли магнитофон и усилитель, от которого провода шли к громкоговорителям на плацу. Солдатик, следя в окно за тем, как один начальник подходит к другому для доклада, запускал магнитофон в то время, пока они шли, и останавливал во время доклада.

Отправив солдата восвояси, Володька вытащил кассету и вставил свою...

Тем же вечером подполковник Сазонов как ответственный по полку должен был проводить построение дежурной службы — новых дежурных по батальонам и дневальных, — и принимать доклад дежурного по полку о готовности к заступлению.

Преисполненный сознания своей важности, он в одиночестве топтался на краю плаца. Наконец дежурный скомандовал: «Равняйся! Смирно! Равнение налево!».

С первыми их шагами друг к другу из громкоговорителей грянул не марш, а... голос Фредди Меркьюри и его хит «Шоу должно продолжаться!». Дежурный по полку, идя навстречу подполковнику Сазонову с приставленной к козырьку рукой, немного стусевался и затравленно глянул на окно клуба. Сазонов же, понимая, как человек до мозга костей военный, что шоу должно продолжаться несмотря ни на что, даже пытался попасть своим строевым шагом в такт неожиданной музыки, невольно сильнее выбрасывая ногу на самых сильных пассажирах.

Первые ряды построившихся на плацу солдат и сержантов стали как-то странно оседать на стоявших позади товарищей. В глубине строя слышались огромным трудом подавляемые пароксизмы смеха.

Музыка оборвалась в тот момент, когда вспотевший ответственный по полку наконец притопал к майору Лебедеву. Принимая его доклад, Сазонов строго косился на сломавшийся строй. Они оба очень надеялись на то, что эта маленькая техническая неполадка будет исправлена после доклада, потому что должны были продолжить путь на середину плаца.

Но стоило им сделать первые шаги дальше, как незабвенный Фредди начал призывать к продолжению шоу:

The show must go on!
The show must go on!
Inside my heart is breaking

My make-up may be flaking
But my smile still stays on!

В строю кто-то рухнул на бетон, когда Сазонов снова пытался поймать левой ножкой ритм этого своеобразного «марша». Майор Лебедев, идя следом, прилагал титанические усилия, чтобы не засмеяться, но ему это не удалось. Он трясся, давился и закрывал рот рукой, не приставленной к козырьку...

Подполковника Сазонова ни до, ни после этого знаменитого построения не видели в таком бешенстве, с каким он ворвался на второй этаж клуба. В комнатке он застал лейтенанта, сидевшего в кресле в наушниках с заложенными за голову руками и наслаждавшегося музыкой. Говорили, что вопль «Смирно!» слышался даже в районе дальних складов НЗ.

Утром лейтенанту Капитану вlepили выговор.

Насладившись утренней местью на полковом построении, когда лейтенанта вызвали перед строем, и полагая, что противник деморализован, раздавлен и осознаёт свою вину, подполковник Сазонов решил «добить» его последними ЦУ. Высунувшись из уазика, он крикнул в сторону курилки, где собрались офицеры:

— Лейтенант Капитан, ко мне!

Курилка была довольно далеко. Володя, попыхивавший сигаретой, не спеша затушил её и отправился на зов.

— Бегом!! — заорал Сазонов.

Лейтенант даже не дёрнулся, а продолжал идти ровным, спокойным шагом.

— Бегом!! Я сказал — бегом!!!! — плевался и бесновался выскочивший из уазика замполит.

Зелёный лейтенант за три метра приблизился к нему тремя чёткими строевыми шагами, вскинув руку к козырьку, доложил:

— Та-таварищ по-подполковник, ле-лейтенант Ка-капитан по-по ваш-ш-ш-шему прика-за-занию при-прибыл!

— Почему... — Сазонов хрипел и задыхался, — почему шагом?! Я что, попугай тут каркать? Я приказывал — бегом!

— То-товарищ по-подполковник, команда «бегом» — предва-а-а-рительная. За ней по уставу до-должна п-п-п-прозвучать «марш»! Но она не п-п-прозвучала!

Глаза Сазонова, казалось, выскочат из орбит. Его лицо полыхало багровым цветом.

— Капитан... — выдавил он наконец из себя, немного успокоившись. — В вас начинает просыпаться военный человек. И запомните: в армии многое неясно, зато всё правильно!

— За-запомню, — улыбнулся лейтенант Капитан.

Замок

Рассказ

Назначение старшиной не было для него неожиданностью. Комбат предупредил за месяц до этого события. Хотя не так. Назначение вместо батальонного старшины, который собрался в отпуск.

Накануне они со старшим прапорщиком Беленьким весь день пересчитывали имущество батальона, за которое теперь должен был отвечать Ромка. Хотя нет, не так... ВРИО старшины 2-го батальона прапорщик Роман Голуб.

Имущества оказалось много. Особенно мелкого. Тут тебе и новенькое бельё для выдачи молодому пополнению, солдатские вещмешки, комплекты ОЗК, тапочки казарменные, бушлаты, рукавицы, простыни, наволочки, полотенца, фурнитура, утюги, подменное обмундирование для работ... И это не считая того, что носит на себе солдат и что находится в казарме. Ромка служил техником на приёмном центре и с подобным грузом материальной ответственности ещё не сталкивался.

Старший прапорщик Беленький с такой лёгкостью подмахнул акт приёма-передачи этого самого имущества во временное Ромкино распоряжение, что новоиспечённому старшине стало не по себе.

— Ну, голубь мой сизокрылый, рули на здоровье! — вытирая потную лысину, сказал напоследок Беленький. — Только смотри, у меня вот в том шкафчике инструмент лежит — плоскогубцы, отвёртки, всяко-разно... так ты никому не давай, это мой инструмент, за свои гроши купленный. Сам бери, а давать кому-то — ни-ни! В тумбочке, вот тут, стоит банка краски, так ты оружейные пирамиды обнови через недельку, ежели комбат вспомнит. Ежели не вспомнит, так и не надо. На батальоне три наряда по столовой в месяц — все твои. Наряд, по батальону заступающий, инструктируй сам... смотри, чтоб обязанности от зубов отлетали. Пыкает-мыкает — отправляй зубрить! Бельишко для молодёжи не вздумай трогать! А то у нас из дембелей есть любители подкатить, мол, поменяйте мне на новенькое. Плащ-палатки у меня три лишние, так ежели проверка, ты их потихоньку спрячь — лишнего имущества быть в каптёрке не должно. Тумбочки проверяй! Чтоб там, кроме мыльно-рыльных, тетрадей, подворотничков и такого прочего, ничего не было. А то на прошлой неделе у одного солдатика трёхлитровую банку варенья там нашёл. Съестное пусть в столовой лопают, а не в тумбочках хранят. Так... в вещевых мешках, ты сам видел, полный комплект. Ежели чего-то не хватит... котелка там, кружки... ну, ты понимаешь, без пол-литры не выкрутишься. Тапки казарменные, смотри, не профукай — они у меня все клеймённые — 2-й бат. А то наши архаровцы имеют обыкновение ходить по этажам... потом ищи-свищи. Хэбэшки на полугодичников не забудь проклеить как получишь. Там месяц, год получения и номер военного билета надо ставить. Клейма и мастика чёрная в верхней шуфлядке. Так, что ещё?... А! Баня у нас по средам. Я обычно приезжаю к пяти утра...

— Как к пяти? — опешил Ромка, любивший поспать и с трудом поднимавшийся на службу. От хронических опозданий его спасала уборщица их общежития тётка

Лена и удачная дислокация самого общежития, размещавшегося в ста метрах от строевого плаца, где проходили утренние построения полка.

— А вот так, — кивнул Беленький. — Поднимаешь, значит, личный состав, пересчитываешь и ведёшь в баню. А там осматриваешь.

— Зачем осматривать? — нахмурился Рома.

— Чтоб синяков не было и беспорядку какого. А потом оставишь двоих для уборки. Вот журнал выдачи мыла. Хотя они своё покупают, но ты всё равно выдавай. Положено! Мыло на складе получай и накладные вот в эту папочку складывай. Утречком подходи в казарму прямо к зарядке, чтоб, значит, уборщики воду по полу не разливали и не филонили, а нормально убирались. Ну, ПХД по субботам на тебе. Бельё в стирку собираешь во вторник. Каптёр у меня Мишка Догилев. Сержантик толковый. Но ты сам следи всё же. Вечно пары полотенец не досчитываюсь. Едят они их, что ли... И в этом месяце у нас стрельбы. Ты ответственный за получение боеприпасов. Составишь списки, напишешь заявку, придёшь на оружейный склад и получишь патроны. Только, голубь мой, нету у меня переносного железного ящика, в котором патроны на полигон поедут. Так ты попроси в третьем батальоне. У них, я знаю, один лишний имеется.

Ромка слушал и озадаченно чесал затылок.

— Ну, кажись, всё! — поднялся старший прапорщик Беленький. Лицо его выражало крайнее удовольствие. А вот Ромка чувствовал, что старшинство легло на его плечи непосильным замшелым камнем.

Спустя минуту прапорщик Голуб остался в каптёрке один. Справа и слева от его маленького стола располагались огромные, до потолка, шкафы, наполненные батальонным имуществом. Из всех бесед со старшиной, ушедшим в отпуск, Рома сделал один удручающий вывод — все, буквально все в их полку будут пытаться что-то стащить, урвать, стырить, отщипнуть, откусить из всего этого имущества, словно голодные волки. К тому же, судя по многочисленным обязанностям, ему вряд ли удастся выбраться из казармы в своё общежитие. Не говоря уж о вояже в город.

В дверь каптёрки постучали, после чего в щель сунулся сержант.

— Товарищ старшина, вас комбат зовёт!

Ромка вздохнул, запер каптёрку и пошёл на ковёр.

Старшинство началось.

* * *

Всё оказалось не так страшно, как представлялось. Ромка с горем пополам научился вставать пораньше, особенно когда комбат пару раз пришёл проводить зарядку с солдатами и не застал в казарме старшину.

Но чем дальше, тем больше Рома понимал, что работа старшины — не для него. Мелкие неприятности начались сразу и, казалось, им не будет конца. При первом же пересчёте белья, предназначенного для сдачи в стирку, выявилась недостача двух полотенец и трёх простыней. Потом комбат отодрал его за то, что оружие в пирамидах недостаточно чистое. Дальше случилась неприятность с засорившимся туалетом. А на первом же строевом смотре и вовсе разразилась

катастрофа. Командир полка не разглядел на обмундировании его солдат клейм. Ну и как их можно было разглядеть, скажите на милость, когда свою форму они носят и стирают время от времени? Вот и клейма немного стёрлись... Из-за плохого зрения командира полка Рома получил разнос, а для всех подразделений был назначен новый строевой смотр.

Весь вечер батальон, пачкаясь в чёрной мастике, заново клеймил камуфляж, фуражки, поясные и брючные ремни. Первые результаты показали, что мастика безбожно расплывается. Тогда Ромка сообразил «выдуть» из стержней шариковых ручек вязкую краску и клеймить ею. Вышло очень даже неплохо.

...Не ладилось у прапорщика Голуба со старшинством. К тому же все вдруг стали приставлять к его фамилии мягкий знак. И получалось как-то не совсем серьёзно. Хотя фамилия старого старшины, Беленький, никого не вызывала на вольности в обращении. Наверное, всё дело было в уважении. Да и побаивались старшину Беленького, державшего батальон в крепких руках. Даже в мелочах. Дежурившие по батальону сержанты, к примеру, любили после того, как весь личный состав отправлялся на зарядку, заваливаться на кровать и дремать. Но если Беленький появлялся на горизонте, по казарме шёл скорый и тревожный шепоток: «Старшина, старшина идёт!». Сержант тут же вскакивал и со страхом бежал разглядывать себя в зеркало: не выглядит ли рожа слишком заспанной?

В руках старшего прапорщика Беленького все три роты были послушны... как шарики в руках жонглёра. Он знал все солдатские «нычки» в казарме, знал все их хитрости, уловки, способы увильнуть от наряда или работы.

К Роме солдаты приглядывались какое-то время и стали замечать, что его не очень-то волнует, вытряхиваются прикроватные коврики или нет, хорошо ли заправлены в рундуках шинели, убраны в бытовой комнате нитки или валяются по всем углам, вычищены до лучистого сияния краники в умывальной комнате или покрыты патиной и убраны ли «бычки» в курилке. Одним словом, прапорщик Голуб не показался им «страшным». Голубь и есть Голубь!

Со своими солдатами Рома не панибратствовал, старался держаться строго, однако его беззлобный характер и наивное незнание нюансов солдатского житья-бытья быстро раскусили.

А сам Ромка барахтался в своих новых обязанностях, не замечая, что иной дембель, словно от полноты дружеских чувств, порой и на «ты» к нему мог обратиться.

Не способствовала авторитету и Ромина рассеянность, из-за которой он страдал также вне службы. То захлопнет дверь комнаты в общежитии, а ключи внутри забудет. То время перепутает и придёт на совещание к комбату, когда все разойдутся. А однажды в наряде по столовой заперся изнутри и лёг спать; утром повара попытались проникнуть в столовую, но тяжёлая дверь была наглухо закрыта, а сам дежурный по столовой дрых где-то в недрах огромного здания без задних ног; чтобы не оставить полк без завтрака, пришлось разбить окно. Одним словом, Ромка на старшинстве своём страдал, однако не признался бы в этом никогда.

Но самое ужасное случилось две недели спустя.

Раз в месяц батальон выходил на стрельбище. Рому назначили начальником пункта боепитания. А сие значило, что он должен был получить запаянные в

прямоугольных банках патроны и привезти их в на стрельбище в закрытом на замок и опечатанном железном ящике. Этот ящик, как и советовал старшина Беленький, Рома выпросил в третьем батальоне. Ящик имел по бокам две ручки для удобства переноски и должен был закрываться навесным замком. В местном хозяйственном магазине Рома купил сам замок — не китайского, а самого что ни на есть отечественного производства. Причём изготовленный во времена (судя по дате в немудрёной промасленной инструкции), когда родная страна явно опережала крупные капиталистические державы по производству чугуна и стали. Это изделие, вероятно, спасло бы Трою, запирай оно собою городские ворота, или погубило бы «Титаник», попадись ему вместо айсберга. Как только замок занял своё место на ящике, сам ящик стал выглядеть менее надёжно, нежели замок.

Проверив, что «сейф» закрыт и опечатан, как положено, старшина Голуб приказал солдатам отнести его в машину и сам отправился следом.

Ехать до стрельбища — минут пятнадцать. Ромка немного расслабился и погрузился в приятные мысли о том, что если останутся лишние патроны, можно будет вволю пострелять из «калаша» — давняя привилегия тех, кто обеспечивал проведение стрельб. Но вдруг иная мысль — тревожная, паническая, — бросила Рому в пот, когда он взглянул на ящик с патронами.

Он точно помнил, как нажал на дужку замка, защёлкнув его на ящике. А где же ключи?

— Стой! — крикнул он водителю машины, в которой ехал на стрельбище. После чего с надеждой стал хлопать себя по карманам. Нашлись ключи от каптёрки, канцелярии, кладовой и комнаты родного общежития. А вот трёх новеньких ключиков на одном чуть замасленном кольце не было! И куда девались, Рома никак не мог вспомнить. Хоть убей! Помнил, как вытаскивал замок из серой помятой коробки, как осматривал и оттирал его от масла... Помнил и ключи эти проклятые, выскользнувшие... кажется, прямо в железный ящик.

— Блиииииин! — поморщившись, процедил Рома сквозь зубы.

Мысленно он увидел свой батальон, приближающийся к стрельбищу, и комбата, посматривающего на часы, потому что начальник пункта боепитания уже должен быть на месте и распаковывать плотные коробочки с патронами.

— Чего такое, товарищ прапорщик? — спросил водитель, удивлённо глядя на Ромку.

— Я ключи внутри оставил. Вроде...

— Какие ключи? — не понял водила.

— От замка этого! — взорвался Голуб, пнув ящик. — Они там, внутри! В ящике этом! А других нету.

— Ого! — присвистнул солдат. — И чего делать будете теперь?

— Фигли-мигли, так-растак! Чего делать, чего делать... Ехать на стрельбище нельзя. Смысл? Там его точно не откроешь. Надо в полк возвращаться. Там хоть инструмент какой найти можно... Вот, блин, влип! Комбат мне всё наизнанку вывернет... Поехали обратно!

Делать нечего, помчались обратно.

Помощник дежурного по полку лейтенант по фамилии Капитан, удивлённый возвращением машины с боекомплектom, вышел из дежурки узнать, что случилось. Ему был продемонстрирован наглухо запёртый ящик. Замок внушал впечатление совершенной банковской неприступности.

— Ты-ты, Го-голубь, нашёл на-на-на с-с-свою за-задницу офф-фигительное п-п-приключение, — осмотрев ящик и выслушав всю печальную историю с ключами, хохотнул лейтенант. Обычно заикающихся в армию не призывали, но Володьке Капитану выпала судьба отдать два года родной армии после гражданского вуза, где была военная кафедра.

— К-к-кстати, твой ко-ко-комбат уже д-два раза звонил со с-с-с-стрельбища и уг-угрожал те-тебе в се-сексуальном смысле, если не-не появишься татам через пять ми-минут.

Ромка хмуро молчал. Комбат, конечно, преувеличивал и не пошёл бы настолько далеко в своих угрозах. Впрочем, это не приносило облегчения, потому что у отцов-командиров масса других способов наказать нерадивого подчинённого. Голуб не мог получить ещё одну партию патронов. Потому что тогда надо было искать новый ящик и объяснять, что случилось с прежним. Не мог он и на стрельбище ехать с закрытым ящиком. В любом случае драгоценное время убегало. Батальон уже, вероятно, дотопал до стрельбища и, развалившись по кустикам, ждал начальника пункта боепитания, который в эту минуту тупо смотрел на ненавистный замок и ничего не мог с ним поделать.

— Ты, Гоголубь, думай! — подбодрил его помдеж. — Со-сорвёшь стрельбы — ко-командир по-полка из того, что у те-тебя в шта-штанах болтается, яичницу при-го-готовит и с-с-с-съесть заставит. Я до-докладывать полковнику пока не бу-буду, а ты по-поскорее решай проблему.

— Точно, товарищ прапорщик, — поддакнул водитель с видом человека сочувствующего, конечно, но очень довольного тем, что такое несчастье прошло мимо него лично. — Полкан наш — зверь! Залетите на гауптвахту, как пить дать!

— Накарай мне тут ещё! — обозлился Ромка. — Лучше принеси кувалду... Только бегом!

Вместе с кувалдой явилась ещё парочка старослужащих. Каждый с бескорыстным энтузиазмом (ломать — не строить!) попробовал кувалду в действии. Рома в отчаянии наблюдал за тем, как проклятый замок болтается от ударов, но не поддаётся. Что ни говори, а замки умели в Союзе делать!

— Ду-дурачьё! — вдруг сказал лейтенант. — А вам не п-п-приходило в головы ва-ваши пустые, что па-патроны мо-могут с-де-то-тонировать внутри?!

Прапорщик Голуб немедленно отнял кувалду у солдат.

Постояли над ящиком в траурном молчании. Ромка потел и подумывал о том, что было бы совсем неплохо найти у себя какую-нибудь смертельно опасную болезнь и пока суд да дело отлежаться в санчасти.

— Да-а-а, — осматривая замок, пробормотал один из солдат. — Тогда только пилить. Ножовкой по металлу. Иначе никак.

— И сколько ты её пилить будешь? — вмешался другой. — Смотри, какая дужка! До вечера, не меньше, возиться будешь.

Голубу показалось, что ему за шиворот влили кипяток. До вечера не до вечера, а пилить придётся как минимум до обеда. В любом случае стрельбы для всего батальона он сорвал...

В это время к их компании, размышлявшей над запертым ящиком с патронами, присоединился старшина третьего батальона старший прапорщик Дудок. Спустя пять минут он уже знал всю предысторию и стал недобро ухмыляться в усы.

— Голубь, тебе повезло, что в полку свой оркестр есть! — начал Дудок потихоньку пристреливаться. — Родичам на музыку скидываться не надо будет!

Солдаты не выдержали и стали прятать рвущийся из души смех.

— Некролог замполит напишет, а Пётр Фадеич, комполка наш, торжественно зачитает! Суши весла, свисток! Ты приплыл.

— Ну тебя, Саньч! — отмахивался Рома в бешенстве. — Тут и ты ничего не сделал бы! Разве нет?

— Я-то? — закуривая, прищурился хитрован Дудок. После чего присел на корточки и ещё раз внимательно осмотрел ящик. Попыхтев дымом, сказал: — А хошь, я тебе ключи эти достану? На спор.

Все с удивлением уставились на старого прапора.

— Изнутри? — недоверчиво переспросил Ромка.

— Ага.

— На что спорим?

— Есть у старшины вашего комплект инструментов для работы. Немецкий. В ящичке. Добрый инструмент. Давно себе такой хочу. Там и плоскогубцы, и отвёртки, и насадки, и молоточки...

— Не-е-е, Саньч! — замотал головой Ромка. — Беленький меня живьём съест за них. Я ж не рассчитаюсь с ним!

— А! Ну тогда покедова! — Дудок сделал попытку уйти, но был удержан.

— Стой! погоди! Точно ключи вытащишь? Из закрытого ящичка?!

— Вытащу, — самодовольно ухмылялся Дудок.

— Как?! — чуть не завопил Рома.

— Тащи инструмент — узнаешь.

Голуб ринулся в свою каптёрку на втором этаже казармы с двояким ощущением в душе. С одной стороны его поддерживала надежда, а с другой грызла совесть.

Старшина Беленький, когда уходил, заботливо прикрыл заветный ящичек куском старого одеяла. Ромка вздохнул, подхватил инструменты и помчался обратно.

...Дудок выдержал артистическую паузу и закатал рукава.

— Учись, свисток, пока я жив! — с этими словами он вытащил отвёртку и молоточек из ящичка, принадлежавшего десять минут назад старшине 2-го батальона. После чего подошёл к «сейфу» с патронами со стороны, противоположной той, на которой висел замок. В следующую минуту все с изумлением следили за его манипуляциями...

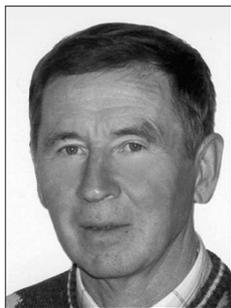
Крышка была соединена с самим ящиком приваренными дверными петлями. Петли соединяли штыри, которые Дудок выбил при помощи отвёртки и молоточка. Крышка «сейфа» распахнулась.

В звенящей тишине старый прапор вытащил изнутри три ключика, вогнал штыри на место, а ключи отдал опешившему Ромке. После чего сунул подмышку ящичек с инструментом и, посвистывая, отправился восвояси.

— Слышишь, Го-голубь, а ведь эта же-железная штука из его батальона, — хихикнул лейтенант. — Ну, Ду-дудок! Ну, аферюга!

Но Ромка его уже не слушал. Не до того! Успеть бы на стрельбище.

С его души словно камень упал. А с Беленьким он как-нибудь договорится...

Поезд надежды

Пыль, взбиваемая копытами лошадей и множеством скрипящих тележных колёс, поднималась над узкой грунтовой дорогой. Иногда порыв жаркого июньского ветра на время разгонял длинное пыльное облако и уносил его в поле, где наливались зрелостью колосья озимой пшеницы. Но вот ветер стихал — и над дорогой вновь поднималась плотная, затеняющая полуденное солнце пыльная завеса.

Она густым налётом покрыла лицо, шею и воротник шагающего рядом с головной телегой военного, запылив петлицы его гимнастёрки так, что на них с трудом можно было различить эмблемы в виде головы змеи, склонённой над средневековой чашей.

Военный засыпал на ходу. Усталым взглядом слипающихся глаз он скользил то по широкой спине возницы, то по лежащим в телеге раненым красноармейцам, то по чахлым придорожным кустам. Иногда военный спотыкался, и тогда, чтобы не упасть, хватался рукой за борт движущейся рядом телеги.

Военного вприпрыжку догнала светловолосая девушка в форме защитного цвета. Козырнув, она вынула из нагрудного кармана лист бумаги и, глядя в него, принялась что-то быстро говорить, придерживая одной рукой за широкий брезентовый ремень болтающуюся на боку сумку с красным крестом.

Девушка сказала военному, очевидно, что-то очень важное, поскольку он внезапно остановился и, массируя рукой виски, с раздражением спросил:

— Сколько? Повторите!

— Девять, товарищ военврач второго ранга, — громко ответила девушка и тоже остановилась, медленно опуская вниз руку с листком бумаги.

— Этак мы и половину не довезём, — сердито сдвинув брови, произнёс военный.

Глядя на девушку, хриловатым голосом он отдал приказание:

— Бегом в хвост колонны, найдите Тарасенко и скажите ему, чтобы не растягивались. Пусть за легкоранеными следит, отстающих — подсаживать на телеги. Нам надо двигаться быстреей.

Отпустив девушку, военный догнал ушедшую вперёд головную телегу, крикнул вознице:

— Давай-ка поживее!

Присев на облучок, спросил:

— За час до Барановичей доберёмся?

Прибавив телеге ход привычным «лошадиным» возгласом «Но-о, пошла, холера!», — кучер ответил неторопливо, растягивая слова:

— А почему ж нет? Бог даст — доедем. Вон, за тем леском, как раз город и начинается. — Кучер ткнул кнутовищем в сторону видневшегося впереди лесного массива.

Головную телегу нагнал низкорослый мужчина в штатском. Тяжело отдуваясь, доложил военврачу:

— Девять умерших, товарищ Веткин, — кровопотеря, шок, внутренние кровоизлияния. Всего за сутки — четырнадцать получается. Двое легкораненых теряли сознание. Вода закончилась, бинты на исходе, нашатыря нет...

— Знаю, всё знаю, Александр Иосифович, — сердито перебил говорящего военврач, прыгивая с облучка телеги. — Потерпеть надо. До Барановичей осталось километров пять, не более. В городе, надеюсь, помогут. Сейчас для нас главное — поскорее добраться до леса. Там мы будем не так заметны для немецкой авиации.

Минут через двадцать три десятка телег с лежащими в них валетом ранеными красноармейцами, санитарная полуторка, которую из-за отсутствия горючего тащила пара лошадей, и нестройная толпа бредущих за ними легко раненых бойцов окунулись в спасительную лесную прохладу.

— Привал! Пятнадцать минут! — громко известил Веткин, отряхивая пыль с рукавов гимнастёрки.

«Привал, привал», — отданная команда покатила вдоль тянувшихся друг за другом телег.

К хвосту колонны зашагал и военврач, выискивая глазами светлые волосы старшей медсестры. Он нашёл её возле телеги с тяжелоранеными. Медсестра, склонившись над громко стонущим бойцом, осторожно вытирала пот с его заострившегося лица.

Веткин подошёл ближе и увидел красноармейца, которого подобрали утром на берегу речки Щара. Осколочное ранение в голень вызвало у раненого газовую гангрену. И сейчас грозная болезнь безжалостно съедала молодой организм бойца, но ни сам военврач, ни кто-либо ещё из медперсонала колонны не был в состоянии оказать ему действительную помощь.

— Раздайте весь НЗ медсёстрам и фельдшеру, — глухо произнёс военврач, кивком головы указав на санитарную сумку старшей медсестры, — пусть заменят повязки в порядке первоочерёдности.

Чуть помедлив, спросил:

— Спирта хоть сколько-нибудь осталось?

— На дне банки, пятидесяти граммов не наберётся.

— Дайте ему. — Веткин поправил изголовье стонущего бойца. — Внутри.

К телеге трусцой подбежал старшина Тарасенко с встревоженным лицом. Шевеля пшеничными усами на загорелом лице, выпалил:

— У легкораненых буза, вас требуют, товарищ военврач второго ранга.

Хмураясь, Веткин широко зашагал в хвост колонны.

С командой «привал» часть легкораненых углубилась в кустарник. Некоторые бойцы устроились на земле, прислонясь к стволам придорожных деревьев. Прикрыв глаза, они молчали, стараясь хоть немного восстановить в лесной прохладе силы после многокилометрового перехода. Десяток стоявших гурьбой

красноармейцев шумно обсуждали что-то на придорожной полянке. Один из них, с укутанной в бинты рукой, увидев военврача, устремился навстречу.

— Что же это получается, товарищ военврач? — протяжно, широко открывая щербатый рот, размахивая здоровой рукой, закричал боец. — Всех в «лёгкие» определили, а уже пятеро идти не могут, под руки тащим по очереди.

— Кричать не надо, товарищ красноармеец. — Веткин устало махнул рукой. — Сейчас разберёмся. Вынесите их на поляну.

Бегло осмотрев пятерых бойцов, военврач заявил окружившим его легко-раненым:

— Вы правы. Идти самостоятельно они не могут. Разместим на телегах.

— В каждой телеге и так вчетвером лежат. Поперёк, что ли, людей класть? — недовольно загомонили бойцы.

— Разместим, — хмуро произнёс Веткин.

У замыкающей колонну телеги он увидел Тарасенко и знаком подозвал его.

— Пройдите вдоль колонны. Возницы — народ сельский, предусмотрительный. Наверняка лопаты с собой в путь берут. Штук восемь надо.

Могилу на полянке, поочередно сменяя друг друга, рыли все, включая медперсонал и возниц. Четырнадцать погибшим бойцам троекратно отсалютовали из «ТТ» военврач Веткин и старшина Тарасенко. В освободившиеся телеги поместили теряющих силы раненых. Колонна продолжила движение.

На выходе из лесного массива головную телегу остановил хлёткий окрик:

— Стой! Старший группы — ко мне!

На дорогу из-за толстой ели шагнула высокая фигура военного с автоматом наперевес и биноклем на груди. Рассмотрев шпалы в петлицах подошедшего Веткина, военный приложил руку к фуражке с синим околышем, отчётливо произнёс:

— Старший лейтенант НКВД Луценко. Проверка на дорогах. Ваши документы, товарищ военврач второго ранга.

Возвратив удостоверение Веткину, военный поднял руку вверх. Из-за деревьев на дорогу высыпало с десятков бойцов в новеньких гимнастёрках с синими петлицами. По знаку своего командира они, разделившись на две группы, быстро пошли по обеим сторонам дороги вдоль телег, держа наизготовку винтовки.

Старший лейтенант предложил Веткину отойти в сторону, негромко спросил:

— Откуда следуете?

— Из Слонима, — нетерпеливо ответил военврач, медсанбат 169-й стрелковой дивизии, точнее — его остатки. Глядя в глаза старшему лейтенанту, веско добавил: — У меня раненые, больше двухсот человек, многим требуется немедленная врачебная помощь.

— Я вас не задержу. Вон мои бойцы уже возвращаются. Такой вопрос: подозрительных людей во вверенной вам команде не наблюдали?

Веткин отрицательно покрутил головой.

— Кучера откуда? — продолжал допытываться офицер.

— Из Томилино, — начиная закипать, резко ответил военврач. — Там мобилизовали гужевого транспорт. Доставят раненых в город — вернуться.

Один из подбежавших бойцов что-то сказал на ухо старшему лейтенанту.

Офицер кивнул. Обращаясь к Веткину, произнёс:

— Можете продолжать движение, товарищ военврач. Отсюда до станции километра три будет. По всем вопросам обращайтесь к коменданту. В городе есть...

Внезапно он замолчал, к чему-то прислушиваясь. Нарастающий гул моторов услышал и Веткин. Задрал голову, военврач попытался рассмотреть в небе приближающиеся самолёты, но многометровые ели и берёзы нависали над лесной дорогой, нередко переплетаясь кронами, поэтому сквозь созданное лесной природой подобие зелёного туннеля небо виднелось узкой синеватой полоской.

— Немецкие, — определил выскочивший на опушку старший лейтенант. Темнея лицом, произнёс: — Опять город бомбить будут, гады!

Глубоко набрав воздух в лёгкие, он что было сил закричал:

— Воздух! Прекратить всякое движение! Из леса не выходить! Не курить!

Глухие разрывы бомб, вой пикирующих немецких бомбардировщиков, частая пулемётная дробь говорили находившимся в лесу, что расположенный совсем неподалёку город принял неравный бой с внезапно налетевшим из-за облаков врагом.

Старший лейтенант, выбрав стоящую на опушке толстую берёзу, очень ловко вскарабкался на неё и, устроившись на ветках, принялся следить в бинокль за разворачивающимися событиями.

— Шесть их всего, стервятников, — передавал он на «землю» — стоящему под берёзой Веткину. — Похоже, склады бомбят. Пожар начался. Двое на станцию летят, на бомбёжку заходят!

В леденящее сердце завывание самолётов вплёлся частый стрёкот пулемётов.

— Горит! — вдруг яростно заорал старший лейтенант, воздев руки к вершине берёзы и едва не свалившись при этом с дерева. — Горит, сволочь! Ага! Не всё котам масленица! Получили!

Перегнувшись через ветку, радостно сообщил:

— На крыше вокзала счетверённые зенитные пулемёты, два расчёта. Отлично сработали!

Разрывы бомб и пулемётные очереди стихли так же внезапно, как и начались.

Слез с берёзы старший лейтенант НКВД, заняли места на козлах телег попрятавшиеся в чаще леса возницы. Скомандовав «Вперёд!», запрыгнул на облучок головной телеги военврач Веткин. Колонна вышла из леса и потянулась к затянутому чёрными дымами пожарами городу.

Начальник станции встрече с военврачом обрадовался. Наливая крепкий чай в стакан с подстаканником, говорил хрипловатым баритоном:

— Вчера телеграмму Наркомата МПС приняли. Приказано создавать санитарные поезда для эвакуации раненых в тыловые районы. Так что вовремя вы появились.

Поискав в ящике стола, он вытащил два листка бумаги с телеграфным текстом, передал их Веткину.

— Вот, товарищ военврач, ознакомьтесь.

Зазвонил телефон. Начальник вокзала принялся что-то громко кричать в трубку. Косясь на Веткина, сбавил тон. Прихлёбывая крепкий, очень сладкий чай, военврач углубился в чтение.

В телеграмме наркомата путей сообщения разъяснялись порядок и сроки создания санитарных поездов, количество и вид вагонов, состав поездных бригад и ещё многое другое. Подчёркивалось, что главная задача военно-санитарного поезда заключалась в быстрой эвакуации получивших ранения военнослужащих в тыловые районы страны.

В кабинет, где находились Веткин и начальник станции, зашёл военный с тремя кубиками в петлице. Отдав честь военврачу, представился:

— Комендант станции старший лейтенант Калинич. — Глянув в окно, спросил: — Раненые — ваши, товарищ военврач второго ранга?

Веткин кивнул. Волнуясь, быстро заговорил:

— Их всех нужно срочно разместить в каком-нибудь помещении. В первую очередь — тяжелораненых. Нескольким из них требуется неотложная помощь. У меня нет медикаментов, ничего нет. И накормить, напоить всех. Вторые сутки без еды.

— Помещение вам готово, стоит, вон, на третьем пути, — комендант указал рукой в окно. — Четырнадцать вагонов. Для тяжелораненых оборудовали два кригера. Подготовлены вагоны для медперсонала, для поездной бригады, вагон-кухня, аптека, перевязочная, обмывочная, склад для продовольствия. Словом, всё, как предписано распоряжением НКП, и поездная бригада сформирована.

— В таком случае я начинаю размещать в нём раненых, — Веткин направился было к выходу.

— В поезде нет белья и матрасов, да и всего остального, — остановил его комендант. — Надо получить на складах. В том районе начались пожары, и что там происходит, я пока не знаю.

— Тем не менее их надо срочно разместить в вагонах, убрать с палящего солнца, — настаивал военврач. — На склады я еду незамедлительно, но в нашей санитарной машине нет ни капли бензина. Поможете?

Комендант утвердительно кивнул. Сев за стол, достал чистый лист бумаги.

— Я сейчас напишу записку коменданту города. Он в районе пожара. По его распоряжению вам выдадут на складах всё необходимое. Езжайте прямо сейчас, а я займусь размещением вашего личного состава.

— Вам будут помогать медсестра Сосновская, старшина Тарасенко и доктор Гринберг, — военврач посмотрел в окно, выискивая в толпе легкораненых полную фигуру хирурга.

Пока комендант занимался поиском бензина, Веткин бегло прошёл по вагонам, осматривая оборудование санпоезда. В трёх вагонах были частично сняты перегородки купе, и это давало возможность использовать их для складирования продовольствия, запасов воды, обустройства перевязочной, обмывочной, аптеки, кухни. В одном из вагонов перегородки были сняты полностью, а в середине стоял небольшой стол.

«Вероятно, штабной», — предположил Веткин, вспоминая, что говорилось о комплектации санитарного поезда в телеграмме НКПС.

Заправленная горючим санитарная полуторка покатила по улицам города в сторону дымов, широким чёрным шлейфом нависших в безоблачном летнем небе над центральной частью города.

На закопчённом сажей лице коменданта при виде Веткина не отразилось никаких эмоций. Взглянув на протянутую бумагу, он торопливо черкнул на ней несколько слов и, махнув рукой в сторону бетонного забора, побежал к разворачивающейся возле горящего здания пожарной машине.

За забором располагались складские сооружения, возле каждого из них сновали красноармейцы и люди в штатском, быстро загружая тюками, бочками и ящиками стоящие у ворот хранилищ грузовики и телеги.

— Медикаменты и медицинское имущество — в шестом хранилище, продовольствие — во втором, матрасы, одеяла, подушки, бельё — в десятом, — скороговоркой произнёс запыхавшийся мужчина в надетом поверх военной формы синем перепачканном маслом и мукой халате. — Только загружаться сами будете, свободных людей у меня нет. Видите, что тут творится? — он кивнул головой в сторону горящего здания. — Попади бомбы пятьдесят метров правее — и от складов одни воспоминания остались бы, и от нас тоже.

— Загрузим сами, — охотно согласился Веткин.

Заскочив в кабину, быстро скомандовал водителю:

— Давай живо к шестому!

Продовольствием, медицинским имуществом и оборудованием военврач с шофёром в течение получаса загрузили санитарную машину доверху.

— Подустал малость, а? — Веткин подмигнул водителю, вытирая пот на шее.

— Никак нет, товарищ военврач второго ранга.

Боец, улыбаясь, ловко крутил баранку, лавируя на улицах, забитых машинами, телегами и бредущими на восток пешими беженцами.

Перрон и здание вокзала также были битком забиты убегающими от войны людьми. Вдоль цепи красноармейцев, что-то надрывно крича, бегал старший лейтенант Калинич, стараясь обеспечить подобие управляемости при посадке беженцев в стоящие у перрона товарные вагоны.

В окутанном табачным дымом кабинете начальника станции не умолкая трещал телефон, непрерывно сновали туда-сюда люди в форме железнодорожников. Они подписывали какие-то бумаги, громко требовали, спорили, что-то доказывали друг другу. В углу военный в форме НКВД со шпалой в петлицах, положив на колено офицерский планшет, быстро писал карандашом на вырванном из блокнота листе бумаги.

Заметив Веткина, офицер отложил планшет, громко заявил:

— Ваши раненые бойцы размещены по вагонам. Санитарный поезд надо отправлять немедленно, товарищ военврач второго ранга.

— Я получил на складах только медикаменты и часть продовольствия, — хмуря брови, возразил Веткин. — Надо взять матрасы, бельё, кухонное оборудование и многое другое, а это ещё два-три рейса на санитарной машине.

Сдвинув на затылок фуражку с синим околышем, капитан НКВД увлѣк военврача в угол, тихо произнёс:

— На реке Щара прорваться из окружения нашим войскам не удалось. Немцы вышли к Слониму. Через несколько часов, думаю, они подойдут к Барановичам. Не исключены и повторные авианалёты. Поторопитесь.

— Что с телегами? Вы их восвояси не отправили? — встревоженно спросил Веткин.

— Нет, конечно, тут они, на площадке, за зданием вокзала. Двоих бойцов выставил — стерегут ваши телеги и возниц тоже.

— Можно мне их взять в качестве охраны?

Офицер согласно кивнул и вновь принялся делать какие-то пометки на листке блокнота.

Благодарно глянув на капитана, военврач поспешил к выходу.

На складах Веткин доверху загрузил телеги и санитарку матрасами, тюфяками и постельными принадлежностями.

— Вы всё подчистую забрали, товарищ военврач, — почему-то улыбаясь, провозгласил заведующий хранилищем, закрывая на длинный засов ворота помещения, — двести восемьдесят два комплекта.

«Теперь на всех хватит, даже с запасом», — удовлетворѣнно подумал Веткин и, встав на ступеньку санитарной машины, громко скомандовал сидящим на облучках телег возницам:

— За мной в колонну по одному!

Зафырчав мотором, санитарка тронулась, медленно выруливая с территории складов на улицу. За ней гуськом потянулись телеги.

У перекрёстка дорогу колонне неожиданно преградил велосипедист — пожилой мужчина в накинутом поверх брючной пары белом халате. Глотая слова, пояснил:

— Я главврач городской больницы. Мне позвонил комендант железнодорожного вокзала. Вы санитарный поезд формируете. У меня весь первый этаж переполнен вашими ранеными.

— Что значит «вашими»? Поясните. — Веткин удивлѣнно посмотрел на представившегося главврачом мужчину.

— То есть я хотел сказать — военными, бойцами и командирами. Они позавчера поступать начали, почти сразу, как всё это началось. Я полагаю...

— Сколько их?

— Ровно шестьдесят... осталось. Двое умерли вчера, один — при поступлении, прямо на носилках. Знаете, коллега, мы...

Веткин прервал мужчину:

— В больнице транспорт какой-нибудь имеется?

— Есть два санитарных фургона, ГАЗ-55.

— Сколько среди раненых тяжѣлых?

— Всего одиннадцать, трое с ампутированными конечностями, у двоих — пневмоторакс, четверо с черепно-мозговыми ранениями...

— Ясно, — Веткин вновь прервал главврача. — Загружайте всех тяжёлых — и немедленно на вокзал. Там увидите вагоны с красными крестами. Это наш поезд, он должен отправиться максимум через час. Санитарный фургон вмещает четырёх лежачих и двух сидячих на откидных сиденьях, так?

— Именно, — главврач утвердительно кивнул головой. — Либо двух больных, то есть раненых, на подвесных носилках и пятерых — на откидных сиденьях. За четыре рейса всех эвакуируем.

— Кто обслуживает раненых бойцов в вашей больнице? — задал ещё один вопрос Веткин, поглядывая на часы.

— Наш медперсонал. Большая часть раненых прибыла в товарном вагоне, их фельдшер сопровождал, военный. Он и сейчас с ними, в больнице.

— Вот что, товарищ... не знаю вашего имени-отчества, — в размышлении начал Веткин, глядя в упор на чернявого, с глубокими залысинами главврача.

— Александр Иосифович, — быстро ответил мужчина, повернув голову, чтобы лучше слышать военврача.

— Организуйте, Александр Иосифович, доставку всех раненых к поезду. Повторяю: на всё — один час.

— Ясно, — по-военному чётко произнёс главврач. Секунду помедлив, спросил с надрывом в голосе: — Нельзя ли в санитарный поезд поместить тяжелобольных из нашей больницы?

Веткин хотел было отрезать: «Нет! Поезд предназначен только для раненых командиров и красноармейцев», но, прочитав отчаяние на лице главврача, изменил решение.

— Сколько у вас таких больных?

— Человек пятнадцать наберётся. Для сопровождения и ухода за ними выделю врача и медсестру.

— Договорились. — Веткин залез в кабину санитарки, махнул рукой главврачу. Грузёная колонна двинулась к вокзалу.

От перрона, медленно набирая ход, отходил товарный поезд. Паровоз, пуская в небо клубы чёрного дыма, тащил за собой два десятка товарных вагонов. Все они были битком набиты людьми, спасающимися от свалившейся на их головы беды.

У входа в здание вокзала Веткин нос к носу столкнулся с капитаном НКВД. В руках он нёс два больших чемодана. За ним красноармейцы тащили что-то громоздкое, укутанное в брезент. Поставив чемоданы на бетонный пол, офицер перевёл дух. Не глядя на военврача, будничным голосом объявил:

— Если вы через полчаса не уедете отсюда, попадёте в лапы к противнику вместе с ранеными. Немцы сбили наши заслоны у Слонома.

Одним рывком подхватив чемоданы, капитан вышел на перрон, бойцы последовали за ним.

Веткин помчался на привокзальную площадь.

— Разгружайтесь, живо! — громко закричал он возницам, подбегая к стоящим в ряд телегам. — И все за мной, к зелёным вагонам с красными крестами! А ну, шевелись!

Подчёркивая важность момента, Веткин выхватил из кобуры «ТТ» и дважды выстрелил вверх. Возницы забежали, словно ошпаренные. К разгрузке подключились легкораненые из санпоезда. Вскоре всё имущество перекочевало из санитарной машины и телег в вагоны поезда.

— Спасибо за службу! Можете двигать по домам!— крикнул военврач, прощаясь взмахом обеих рук с кучерами.

Нахлёстывая лошадей, возницы погнали телеги обратно в Томилино.

Веткин поспешил к начальнику станции. Ему обязательно надо было дозвониться до санитарного управления фронта — доложить о разбитом бомбовыми ударами медсанбате дивизии, выходе его остатков из окружения, дать сведения об имеющихся раненых, получить указания на дальнейшие действия, рассказать о санитарном поезде и уточнить маршрут его движения.

Все эти волновавшие военврача проблемы оказались нереализуемыми: в кабинете начальника станции двое железнодорожников торопливо складывали в объёмный ящик папки с документами, конторские книги, пачки бумаг, какие-то коробки, канцелярские принадлежности.

— Минск вчера целый день бомбили, с тех пор связи с ним нет и вообще нет ни с кем, — ответил начальник станции на просьбу Веткина. Тут же он резким движением оборвал провод телефона и протянул аппарат железнодорожнику: — Клади в ящик, на новом месте пригодится.

В кабинет забежал в мокрой от пота гимнастёрке комендант станции. С порога громко объявил:

— Товарняк только что ушёл, а больше исправных паровозов нет. В ремонте три единицы.

— Какой сейчас ремонт?! — отмахнулся начальник станции. — Пусть цепляют наш вагон к санитарному — и напрямик на Могилёв.

— Почему на Могилёв? — вырвалось у Веткина.— В Минске штаб фронта и санитарное управление. Там поезду определяют дальнейший маршрут, обеспечат продовольствием и всем необходимым на весь путь следования.

— В Минске ни вам, ни нам уже не помогут, — хмуро возразил комендант. — Полчаса назад Коровин, капитан НКВД, уезжая, сообщил, что высокое начальство этой ночью покинуло столицу и направилось в Могилёв.

Ошеломлённый услышанной новостью, Веткин замолчал, обдумывая сложившееся положение.

— Теперь все мы тут сами себе начальники, товарищ военврач, — вздохнув, произнёс начальник станции. — Идите, прошу вас, к поезду, сейчас подцепят вагон, и сразу же будем отправляться. Новых налётов на станцию, полагаю, не будет.

— Почему же? — недоверчиво спросил Веткин.

— Немцы, скорее всего, уже подходят к городу и хотят захватить станцию со всем подвижным составом, оснащением и неповреждёнными путями. А у нас, как назло, — ни взрывчатки, ни сапёров.

Возле стоящего на третьем пути санитарного поезда толпились беженцы. Их было много: женщины пожилые и преклонного возраста, молодые — с детьми постарше и с младенцами на руках, мужчины — отцы семейств, седовласые старики,

подростки. Для всех них, как и для раненых бойцов и командиров, санитарный поезд оставался последней надеждой на спасение от надвигающейся с запада смертельной угрозы.

Они мгновенно окружили появившегося у головного вагона военврача плотным кольцом, и в их кричащем многоголосии ничего нельзя было разобрать. Поворачивая голову то вправо, то влево, Веткин видел вокруг искажённые страхом лица, переполненные тревогой, ищущие понимания и сочувствия глаза и не мог заставить себя категорическим «не положено» оттолкнуть от себя этих людей, отсечь их проблемы от тех, которые навалились на него за последние четверо суток.

Темноволосая беженка одной рукой прижимала к себе укутанного в одеяльце грудного младенца, другой вцепилась в рукав гимнастёрки военврача.

— Возьмите нас с собой! Они нас убьют! — пронзительным голосом кричала женщина, и, казалось, сама мольба кипящим потоком льётся из её охваченных ужасом огромных чёрных глаз.

Энергично работая локтями, сквозь толпу беженцев к Веткину пробился комендант станции Калинич.

— Немцы на подходе! — что было мочи заорал он, перекрывая крики толпящихся у поезда людей. — Слышите?

В повисшей тишине замершие у вагонов люди услышали глухое уханье артиллерийских орудий.

— Где-то западнее Анисимовичей наши бьются, — вытирая рукавом взмокшее лицо, уточнил комендант.

— Можно к нашему поезду прицепить дополнительные вагоны для беженцев? — озабоченно спросил его Веткин.

Старший лейтенант с сомнением покачал головой.

— Не уверен, спросить надо бы машиниста, да...

Понизив голос до полусшёпота, выдохнул:

— Бригада паровозная разбежалась. Такое дело...

— Как разбежалась? — Веткин в изумлении воззрился на коменданта.

— В разные стороны. Предатели, мать их! Ладно, — успокоил он вмиг вспотевшего военврача, — обойдёмся. Кувалдин, начальник станции, сейчас маневровым наш вагон прицепит и сам поведёт состав. Я — к нему в помощники, а кочегарить мужики да молодые ребята смогут — вон сколько их среди беженцев.

— Так вы спросите его насчёт дополнительных вагонов? — заволновался Веткин.

— Спрошу, — обежав оценивающим взглядом толпу беженцев, заверил комендант. — Думаю, в четыре крытых товарняка все поместятся.

Беженцы, слышавшие разговор, громко зааплодировали, со всех сторон посыпались слова благодарности.

Комендант трусцой побежал разыскивать Кувалдина. Веткин, взявшись за поручни, поднялся по ступенькам в головной вагон. Ближнее к тамбуру купе было открыто. При виде военврача сидевший у окна худощавый высокорослый мужчина встал.

— Я из состава поездной бригады, — спокойным голосом объявил он Веткину. — Машинист электростанции. Соколов моя фамилия.

Веткин представился кратко:

— Военврач второго ранга, буду исполнять обязанности начальника санитарного поезда. — Пожав машинисту руку, задал вопрос: — Кто ещё входит в состав вашей бригады?

— Проводники, вагонный мастер, электромонтёр. Проводники сейчас в вагонах, помогают медперсоналу. Электромонтёр и мастер проверяют состояние вагонов.

Глянув в окошко купе, Веткин заметил, как на перрон вокзала медленно, одна за другой, вползают санитарные фургоны городской больницы, и заторопился встретить прибывающих.

Выскочив из вагона, он обратился к беженцам:

— В машинах, которые вы сейчас видите на перроне, находятся тяжелораненые бойцы Красной Армии. Прошу мужчин оказать помощь перенести их в санитарный поезд.

Желающих помочь оказалось более чем достаточно. Веткин на ходу инструктировал добровольцев.

Из кабины первой санитарки выпрыгнул моложавый русоволосый мужчина в белом халате. Представившись военврачу — «Хоменко Николай, врач-хирург», — доложил:

— Этим рейсом привезли всех тяжёлых, шестнадцать человек. Легкораненые идут к вокзалу самостоятельно. Вторым рейсом доставим тяжелобольных, их одиннадцать.

Неожиданно рядом появилась Сосновская, старшая медсестра, в перепачканном кровью халате. Уловив взгляд военврача, затараторила радостно, захлёб:

— Всех разместили, Владимир Иванович, матрасы положили, застелили, всё как положено. Старшина Тарасенко продукты выдал. Бутерброды сделали. Чаем раненых напоили.

— А это что? — Веткин указал рукой на испачканный халат.

— Операция, — зачем-то прикрывая пятна руками, пояснила медсестра. — Александр Иосифович ампутировал верхнюю конечность Залозаеву — бойцу, у которого гангрена.

Веткин остолбенел.

— Какая операция?! Вы с Гринбергом с ума сошли! В антисанитарии!

— И совсем не в антисанитарии, Владимир Иванович, — обиженно заявила старшая медсестра. — Тарасенко банку спирта выдал, я весь инструмент промыла, и руки готовили, маски, халаты — всё как положено. Александр Иосифович сказал, что безотлагательно надо делать, а то будет поздно. А как он оперирует! Двумя руками! Я такого за восемь лет работы не видела.

— Ну-ну! Ещё неизвестны последствия операции в таких условиях, — остывая, проворчал Веткин. — Ну и возвращайтесь к нему, продолжайте ассистировать. Чего вы с места сорвались?

— Александр Иосифович сейчас рану обрабатывает. Ему ещё четверть часа надо до завершения. Он просил узнать, когда тронемся.

— Бегом возвращайтесь, — приказал Веткин. — Передайте, что до отправления минут двадцать осталось.

Повернувшись к хирургу горбольницы, произнёс, как бы отгоняя прочь сомнения:

— А может, на войне подобные действия — это и есть норма? У великого Пирогова, думаю, и не такое случалось.

Русоволосый хирург обратился к Веткину:

— В городской больнице пациентов практически не осталось. Тяжелобольных я привёз. Остальные по домам направились, бомбёжек боятся и того, что дальше будет. Главврач просит вас взять с собой военнообязанных из числа медперсонала больницы. Многие вчера, и я в том числе, повестки получили. Утром, как положено, пришли в военкомат, а он закрыт.

— И сколько вас всех, получивших повестки? — живо спросил военврач.

— Восемь: врач, фельдшер, три медсестры и три санитарки.

Веткин облегчённо вздохнул. Его голову с самого начала санитарно-поездной эпопеи, не отпуская, сверлила мысль: каким образом они, начальник уничтоженного бомбовым ударом медсанбата дивизии и примкнувший к колонне раненых у реки Щара гродненский хирург Михаил Гринберг, с единственной из оставшихся в живых медсестёр Лизой Сосновской, обеспечат в поезде врачебную помощь и уход за сотнями раненых бойцов и командиров?

За неожиданно появившуюся возможность решения данной проблемы Веткин ухватился так же крепко, как утопающий хватается за брошенный ему спасательный круг.

— Возьму всех, кто сумеет собраться за пять минут, — военврач похлопал Хоменко по плечу. — Езжай за ними скорее. Вслед за фургонами горбольницы и наша санитарка пойдёт. Только помни: времени у нас в обрез.

Маневровым паровозом начальник вокзала прицепил пять товарных вагонов к санпоезду. Четыре из них бросились заполнять беженцы. На крышу пятого, ставшего в общем составе замыкающим, четверо красноармейцев под руководством коменданта вокзала верёвками осторожно поднимали зенитную установку — счетверённые пулемёты «Максим».

— Спокойнее будет, — уверенным тоном заявил комендант подошедшему Веткину. — Сбить немца на его скоростях трудненько, а вот не дать ему прицельно бомбы сбросить — это ребята постараются.

Оборвав разговор, старший лейтенант принялся руководить подъёмом пулемётов.

— Вира левый край! Ещё вира! Давай разом все помалу! — кричал он красным от напряжения красноармейцам. — Вертлюг за скобу зацепился. Майнай самую малость. Осторожно! Наплечные дуги не погните!

Вторым рейсом санитарные фургоны доставили к вокзалу два десятка легкораненых. Вскоре на перрон заехала полуторка, и из её кузова горохом посыпался медперсонал городской больницы.

— Почти все ехать с поездом захотели, — оправдывался хирург Хоменко, виновато разводя руками.

— Всем дело найдётся, — успокоил его Веткин. — Где остальные раненые? Сколько их?

— Шестнадцать, товарищ военврач, не поместились в машины.

— Надо было поместить именно их, а то, гляжу, девчата ваши — одна моложе другой. Могли бы и на своих двоих сюда добраться, — осуждающе резюмировал Веткин.

— Да вон они, раненые, уже тут, — Хоменко указал рукой на заворачивающих к привокзальной площади группу бойцов. — Фельдшер Куприянов с ними.

Вытирая руки грязным полотенцем, к Веткину подошёл Кувалдин.

— Можно отправляться, — объявил он, поглядывая на установленные на крыше вагона пулемёты. — До Могилёва через Слуцк добираться будем. Это километров триста сорок получится. Можно и южнее пойти, через Калинковичи на Гомель, но тогда путь на сто километров длиннее выходит.

— Знать бы, где сейчас немцы, — в размышлении произнёс военврач. — Давайте пока трогаться, а в пути примем решение.

Кувалдин остановил взгляд на стоящем с гордым видом возле «пулемётного» вагона коменданте станции и решительно произнёс:

— Давай-ка, Михалыч, ко мне, в кабину локомотива. За помощника будешь. И пару бойцов с собой возьми — кочегарами поработают.

Собравшись идти к паровозу, предупредил Веткина:

— В пути сигналы подавать, думаю, придётся не раз. Два длинных — «воздух», два коротких — скоро будет остановка. Три длинных — впереди опасность. Быстро ехать не получится. Состав перегружен. На большой скорости могут возникнуть затруднения с автоторможением. — Усмехнувшись уголком рта, признался: — Да и мне чуток освоиться — время надо. Я ведь десять лет, как поезда не водил, — всё в начальниках штаны протираю.

Длинно просвистев, паровоз, набирая ход, потащил на юго-восток девятнадцать вагонов, наполненных ранеными, больными и беженцами.

Веткин, стоя в тамбуре, напряжённо обдумывал дальнейшие действия. Но мысли в его мозгу, доведённом за четверо минувших суток колоссальной психологической нагрузкой до предела возможного, лихорадочно роились, сбивались в кучу, напознали друг на дружку и никак не хотели выстраиваться в определённую стройную последовательность.

«Спокойно, спокойно, ты сейчас в ответе за три сотни душ, надо сосредоточиться», — приказывал себе военврач.

Он принялся пальцами рук массировать себе виски — иногда это помогало. Затем рывком открыл дверь и решительно шагнул из тамбура в проход головного вагона.

Возле одного из окон стоял высокий, с седыми висками, мужчина в форме железнодорожника. Увидев военврача, шагнул навстречу, представился:

— Старший проводник поезда Ерохин Алексей Дмитриевич.

«Война, а форма вычищена, наглажена. Любит человек своё дело», — довольно отметил Веткин.

Пожав проводнику руку, распорядился:

— Соберите-ка, Алексей Дмитриевич, в штабном вагоне поездную бригаду и медперсонал.

Проводник отправился выполнять приказание.

Переходя из вагона в вагон, Веткин с удовлетворением осматривал застеленные чистым бельём постели и лежащих на них раненых. Вымотавшиеся до изнеможения бойцы поголовно все спали.

В штабном вагоне собрались врачи, медсёстры, санитарки, проводники, бригада обслуживания поезда. Все они, люди разных возрастов, штатские и военные, ожидающе, внимательно смотрели на военврача второго ранга. В их глазах Веткин не заметил испуга или страха от происходящего вокруг и прочёл только один вопрос: «Что предстоит?».

— Нам предстоит, — ровным, уверенным тоном начал военврач, — во что бы то ни стало доставить раненых, больных и беженцев в безопасный район, где им смогут оказать необходимую помощь и поддержку. В Могилёве, куда мы сейчас направляемся, завершится первый этап нашего пути.

— А потом? — не утерпев, любопытствовала молоденькая сероглазая медсестра.

На неё зашикали: «Мешаешь! Дай послушать!».

— А потом мы все получим новое задание в соответствии с требованиями военной обстановки, — невозмутимо ответил Веткин. — Требую от всех соблюдения твёрдой воинской дисциплины.

Посмотрев на часы, он принялся отдавать распоряжения, завершив тем самым краткое вступительное слово.

— Старшей медсестре — распределить младший медперсонал для обслуживания раненых. Список закреплённых за вагонами медсестёр и санитарок предоставить мне. Врачам Гринбергу и Хоменко — немедленно провести осмотр тяжелораненых, оказать требуемую помощь. Старшине Тарасенко к семнадцати ноль-ноль — подготовить ужин. Подберите себе помощников из числа легкораненых. О наличии продуктов доложить. Вопросы?

— Есть вопрос, товарищ военврач, — старший проводник, кашлянув в кулак, поднял на Веткина бесцветные глаза: — Насчёт сигналов начальник станции, то есть машинист паровоза, мне ничего не сообщил, а их бригаде надо знать, чтобы готовиться к остановкам и всё такое.

— Да, да, Алексей Дмитриевич, — Веткин согласно закивал головой, — хорошо, что напомнили. Главный из всех сигналов — три продолжительных гудка — предупреждает, что впереди некая опасность. В этом случае необходимо...

Три протяжных паровозных гудка прозвучали грозной мелодией. Все, кто был в штабном вагоне, бросились к окнам.

— Похоже, к станции Клецк подходим, — объявил старший проводник, увидев появившиеся по ходу движения поезда аккуратные деревянные домики в ухоженных палисадниках.

Вдруг его длинная, худая фигура резко сложилась пополам с натужным криком:
— Ложись! Немцы!

Примеру проводника мало кто последовал — большей части прильнувшим к окнам штабного вагона людей захотелось воочию увидеть тех, кто в минувшее воскресенье напал на их Родину, безжалостно сея вокруг смерть и разрушения.

На станционной платформе стояли два оснащённых пулемётами мотоцикла. В них сидели военные в незнакомой светло-серой униформе и внимательно смотрели на приближающийся поезд. Двое вылезли из мотоциклетных колясок, подошли к краю платформы. Поравнявшись с немцами, паровоз неожиданно обдал их мощным белым облаком.

— Ай да молодцы машинисты! — Стоящий у окна рядом с Веткиным поездной электромонтёр радостно захлопал в ладони. — Поддувочный кран открыли, пар выпустили — горячий привет гостям непрошеным передали!

Закрывая руками обожжённые паром лица, немцы бросились в стороны. Немецкий пулемёт длинной очередью хлестнул по кабине и тендеру паровоза, второй — наискось прошил головной вагон. Третьей очереди не последовало — свинцовый град четырёх спаренных пулемётов зенитной установки повалил на перрон вражеских солдат, искромсал корпуса мотоциклов, поджёг бензобаки.

Не сбавляя скорости, поезд проследовал мимо двух запылавших костров. Штабной вагон гудел — люди взволнованно обсуждали происшедшее.

«Надо проверить, не задело ли кого при обстреле поезда», — решил Веткин и сделал знак Гринбергу, приглашая следовать за собой.

За врачами устремились старший проводник и Сосновская.

Оказалось, что из четырнадцати вагонов санпоезда пострадал лишь головной — немецкий пулемёт выбил половину стёкол в проходе.

— Вовремя вы нас в штабном вагоне собрали, товарищ военврач, — мрачно пошутил проводник, разглядывая пробоины в дверях четырёх купе, а то бы половину поездной бригады выкосило, как пить дать.

— Надо вынуть осколки стёкол и завесить окна одеялами, — распорядился Веткин.

— Часа через два доберёмся до Слуцка, там стёкла раздобудем, — заверил старший проводник. — А может, и ещё какое оборудование выдадут. Котлов для варки пищи у нас нет, плита нужна, кухонный инвентарь.

— Выдадут, — согласно кивнул головой Веткин. — А сейчас — все по местам. Мы с Александром Иосифовичем начинаем обход.

— В третьем вагоне раненый на сильные боли в животе жалуется, — озабоченно доложила Сосновская.

— Вот с него и начнём.

Раненный в предплечье сержант держался здоровой рукой за живот, тяжело дышал.

— Когда боли стали беспокоить? — участливо задал вопрос военврач.

— С утра, — морщась, ответил сержант. — Сейчас здорово болит.

Веткин принялся пальпировать живот, внимательно наблюдая за выражением лица раненого. Подумав, оголил пациента до колен и снова принялся пальпировать живот, поглядывая на паховую область сержанта.

— В точке Мак-Бурнея повышенная болезненность, в правой повздошной — напряжение мышц. Симптом Бриттена вы тоже наблюдали, полагаю, — Веткин вопросительно посмотрел на Гринберга.

Хирург кивнул головой. Заявил уверенно:

— Судя по всему, предстоит аппендэктомия.

— Скорее всего, — согласился Веткин, — ну и для подстраховки проверим ещё температуру по Видмеру. Лиза, измерьте температуру сержанта в обеих подмышечных впадинах.

Раненый безропотно прижал градусник под мышкой здоровой руки, но смотрел на врачей недоверчиво, с некоторым испугом.

— Всё нормально, парень, — Веткин подсел к сержанту. — В животе твоём завелась болезнь мирного времени — аппендицит называется. Будем её устранять.

Обращаясь к Гринбергу, отдал команду:

— Александр Иосифович, готовьте всё для операции. Подключите Хоменко и кого-нибудь из медсестёр.

— Да я один справлюсь, — запротестовал хирург, медсестра — понятно, а Хоменко пусть по своему плану действует. Операция-то банальная.

— Ну-ну! — Веткин с сомнением покачал головой. — Неизвестно всё-таки, в каком состоянии у него аппендикс. А впрочем, я могу вам ассистировать, если вы не возражаете.

Старший проводник доложил, что до Слуцка остался ещё час ходу.

— Вдвоём, думаю, управимся, — прокомментировал сообщение Веткин, жестом предлагая Гринбергу двигаться за собой. И уже на ходу отдал распоряжения проводнику и старшей медсестре: — Переносите больного, готовьте всё необходимое для операции.

Врачи поспешили в штабной вагон, где находился единственный на весь поезд обычный канцелярский стол.

Наблюдая за выверенными движениями рук Гринберга, Веткин испытывал удовольствие профессионала, умеющего ценить работу высокого уровня.

«Разрез сделал точно через точку Мак-Бурнея — ловко, ничего не скажешь», — отметил он про себя, протягивая хирургу тупфер.

Гринберг, однако, предложенный инструмент не принял и отодвинул подкожную жировую клетчатку противоположным концом скальпеля. Следующим почти неуловимым движением он надсёк поверхностную фасцию и, приняв из рук Веткина ножницы Купера, рассёк волокна апоневроза косой мышцы живота. Затем двумя сомкнутыми кровеостанавливающими зажимами раздвинул волокна косой и поперечной мышц. Ещё ряд точных движений — и Гринберг, добравшись до брюшной полости больного, запустил в рану указательный палец.

«Отсутствие спаек проверяет», — отметил про себя Веткин.

По тому, как хирург осторожно стал выводить в рану слепую кишку, военврач понял, что место разреза находится точно над её куполом. Вскоре вслед за куполом слепой кишки в рану вышел и аппендикс.

Поезд заметно сбавил ход. В штабной вагон зашёл старшина Тарасенко и застыл у дверей. Веткин, знаками показав старшей медсестре: «Ассистируйте хирургу», подошёл к старшине.

— К Слуцку подъезжаем, товарищ военврач второго ранга, — Тарасенко шумно вздохнул. — На обед всем бутерброды выдавали, хлеб и масло закончились, сахара мало. Продуктами пополниться надо бы.

Веткин кивнул и не без сожаления принялся снимать халат, маску и хирургические перчатки, на ходу перевоплощаясь из врача-хирурга в начальника санитарного поезда. Продвигаясь к головному вагону, спросил идущего следом Тарасенко:

— Сколько всего бутербродов выдано раненым, медперсоналу, проводникам и поездной бригаде?

Старшина, быстро вытащив из кармана гимнастёрки сложенный вчетверо лист бумаги, доложил:

— Шестьсот пятьдесят два бутерброда, по два на брата.

— На раненых и больных сколько пришлось?

— Пятьсот сорок шесть. Все накормлены, товарищ военврач, — двести семьдесят три человека.

Веткин поймал себя на мысли о том, что в суматохе навалившихся дел он только сейчас, из доклада старшины Тарасенко, узнал о точном количестве следующих в эшелоне раненых и больных.

Поезд стал замедлять ход. За окнами проплывали бревенчатые одноэтажные дома, полускрытые яблонями и вишнями. Метрах в тридцати от железнодорожной насыпи появилась вынырнувшая из-за домов грунтовая дорога. По ней сплошным потоком на восток, нещадно пыля, медленно двигались крытые брезентом грузовики, некоторые из них буксировали орудия. По обочине, обгоняя машины, проскакало несколько всадников. Множество груженых домашним скарбом телег везли женщин с детьми; мужчины, сидя на козлах, погоняли лошадей. Но более всего в этом общем потоке было тех, кто пытался уйти от войны пешком, с котомками за спиной, а то и вовсе налегке, уповая лишь на благосклонность фортуны.

Веткин, Тарасенко и старший проводник, стоя в проходе головного вагона, наблюдали за вызванным войной небывалым движением на дороге. Ветер задувал чёрный паровозный дым в неплотно прикрытые одеялами окна, разбитые час назад немецким пулемётом.

— Гляди-ка, без винтовок идут! Как воевать думают? — взволнованно нарушил общее молчание Тарасенко, указывая на дорогу.

Поезд, пыхтя, обгонял длинную колонну красноармейцев. Бойцы шли походным шагом, поднимая пыль сотнями укутанных в обмотки ног. Все они шли без оружия, только у шагавших впереди трёх офицеров на поясных ремнях виднелись пистолетные кобуры.

— Полагаю, в Слуцке их вооружат, — высказал свою точку зрения Веткин неуверенным тоном.

По скрещивающимся путям санитарный поезд подошёл к городскому вокзалу и, миновав забитый толпами людей перрон, остановился вблизи водокачки. Два десятка мужчин, спрыгнув с перрона, помчались к остановившимся вагонам.

Веткин выскочил из вагона, побежал им навстречу, расстёгивая на ходу кобуру пистолета.

— Назад! — закричал он, надрывая голос. — Поезд везёт раненых бойцов Красной Армии! Берём только раненых! Назад! Стрелять буду!

Подбежал Тарасенко, тоже с пистолетом в руке. Дважды выстрелил в воздух. Спрыгнувшие с перрона побежали обратно, спотыкаясь о рельсы.

Веткин застегнул кобуру, направился к паровозу. Из будки машиниста по лестнице, держась за поручни, медленно спускался Кувалдин. На немой вопрос военврача устало махнул рукой. Вытерев рукавом спецовки измазанный сажей лоб, известил:

— К Васильеву пойду, начальнику станции. Мы с ним давние кореша. Думаю, подберёт поездную бригаду из толковых ребят. Ехать-то, видно по всему, далеко придётся.

— А как Калинич и его бойцы-зенитчики? — поинтересовался Веткин.

— Нормально, ещё месяц тренировки — и будут уголь в топку кидать не хуже, чем строчить из пулемётов. Калинич помчался с ними куда-то харчи добывать.

— И у меня к здешнему руководству много вопросов, в том числе и продуктовые. Так что пойдём к начальнику станции вместе, познакомите с ним.

Подошли Тарасенко и Сосновская с блокнотом в руке.

— Остаётесь с ранеными, — решил Веткин, глянув на подчинённых. — Мой заместитель — Гринберг. При необходимости обращайтесь к нему. Я скоро буду. Лиза, внимательно осмотрите беженцев, нет ли больных. Всех поголовно. В помощь Хоменко пригласите.

В кабинете Васильева, начальника станции, былолюдно и шумно. Не прерывая разговор по телефону, широкоплечий темноволосый мужчина поднял руку, коротким жестом приветствуя Кувалдина.

— Понял вас! — кричал он кому-то в телефонную трубку, перекрывая рокочущим баритоном кабинетный гам. — Понимаю, что срочно! Сделаю всё возможное!

Завершив разговор, обнял Кувалдина.

— Здорово, Слава! На чём прибыл?

— На санитарном поезде. — Кувалдин кивнул в сторону Веткина: — Вот его начальник, военврач второго ранга. Знакомьтесь.

Начальник станции бросился к Веткину. Пожимая обеими руками руку врача, наполнил кабинет гулким голосом:

— Вас мне сам бог послал! Полчаса назад на восток через город проследовала колонна грузовиков и штабных машин. В ней много раненых, среди которых комкор Борин. У него тяжёлое ранение, требуется срочная медицинская помощь. Вы их сумеете догнать у Старых Дорог.

— Раненых мы сможем забрать ещё человек двести, — заявил Веткин, — но нам нужны продукты. Если вы сможете получить на складах...

— Склады разбиты вчерашним авианалётом, — перебил военврача Васильев. — Догорают. С первого дня войны немец бомбит город. Вам надо отправляться немедленно. Канонаду слышите? Наши держат оборону у Лядно и Малышевичей. Долго не продержатся, думаю, так как сегодня утром мы получили приказ на эвакуацию.

— Подбери для санпоезда бригаду, Слава, — я дальше состав не поведу, — неожиданно объявил Кувалдин. — Моё место здесь. В замы возьмёшь?

— Ты что, сам поезд вёл? — недоверчиво спросил друга начальник станции.

— Сам. Так получилось. В тендер воду залить требуется, уголь тоже нужен, да и песком по-полному заправиться надо — боксование, не приведи господь, случится.

— Я без продуктов не поеду! — отрезал Веткин. — Раненым питание необходимо и беженцам, что в прицепных вагонах, плюс медперсонал, обслуга поезда.

Васильев развёл было руками, но вдруг, что-то вспомнив, посветлел лицом.

— Есть мысль! Тут, метров двести от путей, продмаг имеется. Реквизируйте именем власти всё, что нужно, с учётом текущего момента. Я вам сейчас мандат выдам.

Начальник станции написал что-то на листке бумаги и звучно шлёпнул печатью поверх витиеватой подписи.

— Действуйте! Паровозную бригаду я вам немедленно направлю.

Обратившись к Кувалдину, распорядился:

— Выполняй первое поручение, Вячеслав, в ранге моего заместителя: готовь отправку санитарного поезда в кратчайший срок.

На перроне Веткин и Кувалдин обменялись крепким рукопожатием, немногословно попрощались с надеждой на скорую встречу — «как только выйдем фашистов с нашей земли».

Кувалдин направился в депо, а Веткин, прыгая по шпалам пересекающихся путей, поспешил к санитарному поезду. Возле вагона с установленными на крыше зенитными пулемётами что-то выговаривал красноармейцу старший лейтенант Калинин:

— Ты что, дитё малое? Соль от сахара отличить не можешь? Вот боец нынче пошёл, товарищ военврач, — пожаловался он подошедшему Веткину. — Продащица ему говорит: «Вон в углу мешки стоят. Держи пакет и набери в него из мешка». Он и набрал соли вместо сахара. Хорошо, что я начал с ней тары-бары. Она и растаяла: ещё пакет сахара, говорит, вам в подарок. Ну, и хлеба дала на прощание, тушёнку, масла добрый кус...

— Магазин далеко? — прервал повествование Веткин.

— Да совсем рядом, метров сто пятьдесят будет.

— Возьмите своих бойцов, и быстро идём к магазину.

Продмаг действительно располагался вблизи железнодорожных путей, занимая первый этаж здания с облупившейся на фасаде штукатуркой. У входа в магазин стояли две телеги. Изнутри доносился неясный шум, громкие голоса.

— Находиться здесь, оружие к бою, — настороженным голосом скомандовал четвёрке красноармейцев Калинин, вынимая из кобуры воронёный «ТТ».

Веткин, последовав его примеру, снял пистолет с предохранителя. Офицеры шагнули в полумрак торгового зала.

Четверо мужчин в пиджаках и кепках сметали с полок продукты, бутылки, упаковки папирос, быстро прятали товар в мешки. Две продавщицы сидели в углу на корточках, беззвучно плакали, закрывая лица руками.

При виде военных грабители остолбенели, но уже через мгновение гурьбой бросились к выходу. Пули «ТТ» повалили на пол одного из них, второй, схватившись за живот, стал оседать у входной двери.

— Огонь! — неистово скомандовал бойцам Петренко, азартно паля в удирающих воров.

Залп четырёх винтовок послал на землю обоих убежавших.

— Кто из вас заведующая? — спросил Веткин у вытирающих носовыми платками следы слёз продавщиц.

Не в силах отвечать, женщина постарше ткнула себя в грудь сложенными в щепотку пальцами. Веткин молча передал ей бумагу с печатью коменданта станции.

— Уберите их, чтобы грузить не мешали, — приказал Калинич бойцам, указывая на лежащих в зале тела грабителей.

— Один стонет, товарищ старший лейтенант, — доложил высокий красноармеец.

— Вытаскивай, сказано, чего застыл? Возле стены у входа всех кладите. И шевелись давай, — махнул рукой Калинич.

— Спасибо вам, товарищи военные! — Заведующая подошла к Веткину. — Бандиты ворвались, ножами угрожали.

— Успокойтесь, всё уже позади. Помогите-ка лучше с упаковкой продуктов. И склад, прошу, откройте. В бумаге написано — передать весь товар для обеспечения раненых, не так ли?

Красноармейцы загружали телеги мешками, ящиками и пакетами. Калинич, набивая консервами очередной мешок, усмехнулся:

— Нет худа без добра — это точно. Короткая схватка — и две телеги в нашу пользу. А так всё на горбу к поезду таскать пришлось бы.

Старшина Тарасенко при виде доверху гружённых продуктами телег, пританцовывая от волнения, радостно восклицал:

— Вот дела так дела! Теперь оно, конечно! Неделю пути выдержим! Факт!

— Десять минут на разгрузку! — скомандовал Веткин. — Время пошло!

От паровоза вприпрыжку бежал белобрысый парень в спецовке. Представился военврачу:

— Коленцев, помощник машиниста. У нас всё готово. Когда трогаться?

Веткин взглянул на часы.

— В восемнадцать сорок пять. Нам надо догнать автоколонну с ранеными. Она выехала из города час назад. Сможете?

Помощник машиниста пожал плечами.

— Постараемся. Надо успеть к переезду, что в Старых Дорогах. Только там грунтовка с путями пересекается. Постараемся держать предельную скорость. Уголёк вроде добрый. Думаю, полста километров в час вытянем.

Веткин согласно кивнул головой:

— Добро. Посматривайте на окна правой по ходу движения стороны головного выгона. Сигнал куском белой материи — требуется остановка.

Помощник машиниста заспешил к паровозу.

Из тамбура вагона, оборудованного под кухню и продуктовый склад, по ступенькам лихо сбежал комендант.

— Уложились в десять минут. — Вытерев запаренное лицо, Калинич закурил, принялся угощать папиросами разгрузивших телеги красноармейцев. — А куда теперь повозки девать, товарищ военврач?

— Беженцев на перроне полно. Все наверняка не смогут уехать. Им предложите.

Прицепленный к санитарному поезду паровоз мощно засвистел. Вагоны пришли в движение и, медленно набирая ход, покатались в сторону от войны.

Плащ-палатка миномётчика Лаврущика

Сегодня полковник Павел Лаврущик надел свой парадный мундир со всеми регалиями. Уже перед самым выходом из дома жена напомнила ему:

— Возьми зонтик или накидку, Паша, а то на улице пасмурно, неровен час дождь пойдёт.

— Конечно, Надя. Впрочем, возьму-ка я лучше...

Машина из военного городка Уручье ехала к Октябрьской площади Минска. Там собиралась колонна, которая в 11 часов направится к площади Победы для возложения венков и торжественного митинга, посвящённого Дню Победы.

Как быстро летит время — кажется, что ещё совсем недавно это было, а вот уж семьдесят лет прошло.

...1944 год. Позади успешное форсирование советскими войсками Днепра. 120-я гвардейская дивизия, куда с пополнением прибыл восемнадцатилетний рядовой Лаврущик, только что получила наименование «Рогачёвская». Впереди предстояла наступательная операция «Багратион» по полному освобождению Белоруссии от фашистов.

Весна, хорошо-то как! На смену зимним холодам пришло весеннее тепло. Павла направили в миномётную роту на должность подносчика. Вначале он по должности подносил лотки с минами к 82-миллиметровому миномёту, но вскоре пришло изменение — его назначили заряжающим в тот же расчёт, так что теперь он должен был уже переносить и устанавливать полуторапудовую двуногу-лафет миномёта. И в солдатской одежде тоже пришло изменение — на смену доброй серой шинельке всем выдали зелёные плащ-палатки, в которых теперь и работать, и уж, конечно, воевать будет легче и сподручней. Серьёзные боевые действия здесь сейчас не велись, а вот напряжённая боевая подготовка проводилась постоянно.

Сегодня, 22 июня, Павел стоял часовым на посту. Ночь тихая, тёплая. Ровно три года назад в такую же ночь фашистские полчища напали на Советский Союз. Они рушили, убивали, жгли, грабили, и вот настал для них час расплаты. Скоро его родная Белоруссия очистится от оккупантов.

Днём до личного состава дивизии довели обращение Военного Совета армии: «...Решительно рвите оборону врага, залейте ненавистного немца ливнем свинца и стали. Пусть наша земля станет ему могилой. Вперёд и только вперёд!». А в 3 часа 55 минут наступившей ночи началось — залпы десятков тысяч орудий слились в единый, сплошной грохот канонады.

Миномётная рота своим огнём тоже громила разведанные цели противника. Но главные испытания для миномётчиков предстояли ещё впереди. Как только пехота и танки двинулись в атаку, немцы оказали яростное сопротивление.

Деревню Тихиничи фашисты превратили в крупный опорный пункт. И вот здесь оченьгодились миномётчики, которые своим губительным навесным огнём эффективно уничтожали врага. В том бою Павлу вместе со своей миномётной ротой неоднократно приходилось менять огневые позиции. Порой миномётчики буквально по пятам следовали за своими пехотинцами. Пришлось даже услышать редкую для расчётов команду: «...Заряд нулевой, прицел 6-20», а это значило, что до врага лишь 300 метров и мины полетят на фашистские головы сверху почти вертикально.

При очередной смене огневой позиции миномётчики попали под ружейно-пулемётный обстрел противника. Павла внезапно будто обожгла сильная боль в животе, и он, словно споткнувшись о препятствие, рухнул на землю. Рота под сильным огнём немцев залегла. Находившийся поблизости подносчик из их расчёта подполз к Павлу. Он снял с его спины двуногу-лафет и крикнул:

— Командир, заряжающего ранило!

— Помоги ему, теперь ты заряжающий, — распорядился сержант и, обернувшись назад, что было мочи прокричал: — Санитара сюда!

Девушка-санитар подросла быстро, а миномётчики ползком и перебежками направились к ближайшей лощинке, чтобы занять там огневую позицию и умонтировать разбушевавшихся немецких пулемётчиков.

— Как звать-то тебя? — тихо спросил девушку Павел.

— Надя. Молчи, тебе сейчас нельзя разговаривать, — тихо, но настойчиво ответила Надя, перевязывая раненого. Потом она переложила его на плащ-палатку и потащила. Павел терял сознание.

Надя понимала, что надо не только доставить раненого в безопасное место, но следует сделать это как можно быстрее — ранение опасное, если она не успеет, то... И она ползла, ползла, ползла. Выбиваясь из сил и обливаясь потом, тащила раненого солдата.

Павел, конечно же, не слышал прогремевших в Москве двадцати артиллерийских залпов из 224 орудий, салютовавших доблестным войскам 1-го Белорусского фронта, прорвавшим оборону немцев на бобруйском направлении. Но он и доныне бережно хранит благодарность от Сталина за доблесть, проявленную им в этом сражении.

После излечения в госпитале Павел возвратился в свою родную часть, где вновь встретил Надю. Она не только спасла ему жизнь, но и сохранила его плащ-палатку.

— Забери своё имущество — твою плащ-палатку, — смеясь, при встрече сказала Надя. — Я отстирала её от крови, а вот дырку от пули в ней зашивать не стала, пусть останется тебе на память.

Много фронтовых дорог с боями ещё пришлось протопать Павлу Лаврущину, и везде плащ-палатка, хотя и не могла сберечь его от пули, но надёжно защищала от ненастья, а то и согревала. За мужество и отвагу в сражении за освобождение Восточной Пруссии Павел был награждён очень дорогой для него медалью «За отвагу», а его отличия в боях при проведении Берлинской операции были отмечены орденом Отечественной войны. Вместе с родной 120-й гвардейской Ро-

гачёвской краснознамённой дивизией война для сержанта Лаврущика победно завершилась в пригородах Берлина.

В преддверии 30-й годовщины со Дня Победы полковник Лаврущик в составе советской делегации ветеранов войны был в Германской Демократической Республике. Посетил он и Трептов парк, в центральной части которого находилась фигура советского солдата, являющаяся символом вклада Советского Союза в разгром гитлеровского фашизма. Уже немолодой Павел обратил внимание на деталь: «На солдате такая же плащ-палатка, как и у него, которая с дыркой от пули бережно хранится им еще со времён войны». В седой голове ветерана мелькнула не по годам озорная мысль: «А нет ли и в бронзовой плащ-палатке солдата дырки от пули или осколка снаряда?». Он даже сделал движение, чтобы обойти монумент да осмотреть его повнимательнее, а потом, улыбнувшись, отказался от неуместной затеи. А мимо сплошным потоком шли тысячи людей, любуясь монументом, восхищаясь чистым небом и радуясь миру на земле.

...На площади Победы в Минске молодая девушка с праздничной бутоньеркой и значком члена БРСМ на груди приветливо улыбнулась Павлу, проводила его к предназначенному для него месту и предложила полиэтиленовую накидку от дождя:

— Погода сегодня ненастная, дождь уже накрапывает. Накидка вам не помешает.

Павел оценивающе посмотрел на предложенную ему лёгонькую накидку и, доставая из сумки свою солдатскую плащ-палатку, ответил:

— Спасибо. У меня есть своя. Мне в ней уютней.

«Прагматики»

Разведчики понимали, что неспроста их в последнее время часто посылают в тыл к немцам — готовится крупная наступательная операция. Сегодня ночью им вновь идти за «языком».

В разведгруппу старшего сержанта Алексея Батырева ещё с утра были назначены вологодские братья-близнецы Емикеевы, белорус Вергейчик и вездесущий Степук из-под Ворошиловграда. Ребята все надёжные, проверены неоднократными рейдами по тылам противника, дело своё знают.

...Наконец-то разведчики вышли в назначенный район. Вон штабная или офицерская землянка. У её входа часовой, снять которого несложно — подходы хорошие, но надо бы дождаться смены часовых, а то поднимется нежелательная шумиха. Но дверь в землянку неожиданно открылась, вышел немец. «Случай удобный, стоит рискнуть. Будем брать», — решил Батырев. Всё прошло быстро и без осложнений: немец с кляпом во рту уже на земле, его привычными движениями вяжут Емикеевы. «Улов» сегодня, кажется, неплохой — в их руках офицер. Но его надо ещё доставить к своим.

Разведгруппа уже приближалась к передовой траншее противника, а там и до своих рукой подать. И вдруг — у немцев суматоха. Обнаружили, видно, исчез-

новение своего гансика. В воздух непрерывно полетели осветительные ракеты, позади разведчиков заметался прожектор. Со всех сторон открылась пока что неприцельная, беспорядочная стрельба.

Батырев принял решение: Емикеевы и Степук должны во что бы то ни стало доставить пленного к своим.

— А мы с тобой, Ваня, прикроем их, — как-то не по-командирски сказал он Вергейчику.

Судя по всему, немцы ещё не обнаружили группу разведчиков с их пленным офицером, а вот Батырева с Вергейчиком они уже засекали. По ним вели огонь не только из стрелкового оружия — стал пристреливаться и миномёт. Интенсивность стрельбы нарастала, да и бить немцы стали точнее. Вот они обнаружили и передовую группу разведчиков с «языком».

Наша траншея уже совсем близко. И тут немецкая пуля сразила одного из Емикеевых. Убила сразу, наповал. Пленный немец, видать, почувствовав какую-то возможность своего освобождения, стал активно сопротивляться. Брат убитого, оттолкнув Степука, вцепился немцу в горло и яростно прохрипел:

— Тебя, дерьмо, если только рыпнешься, я доставлю в ад и сам усажу в котёл со смолой. Шевелись, — теперь Емикеев, утратив всякую осторожность, в иступлении почти в рост повёл пленника к своей траншее, прикрывая фашиста от пуль своим телом.

А группа прикрытия Батырев–Вергейчик ещё не дошла до передовой позиции немцев. Судя по всему, разведчиков стали окружать в надежде захватить в плен. Раздался характерный свист падающей мины, взрыв и... осколок угодил Батыреву в живот. Вергейчик сразу понял, что это, пожалуй, смертельное ранение командира. Понял это и находившийся ещё в сознании Батырев:

— Тебе меня не вытащить, да и мне, кажется, уже хана. Прощай, Ваня. Два-три удачных броска, и ты, может, ещё выберешься. А со мной тебе конец. Не теряй времени, Ваня, — Батырев угасал, а Вергейчик, будто и не слыша слов командира, под свистом пуль укладывал его на плащ-палатку.

— Мне что, приказывать тебе, чтобы... ты оставил меня? — уже теряя сознание, тихо проговорил Батырев.

— Молчи, Алёша! Сейчас приказывай, не приказывай — всё равно тебя здесь никто не услышит. А ты оставил бы меня? — отчаянно волоча умирающего товарища, уже не ответил, а, кажется, проговорил сам себе Вергейчик.

Воздух кишел свистящими пулями и осколками мин. Вот пронзительная боль — пуля угодила Ивану в плечо. Дикая боль длилась десятки секунд, потом чуток притупилась. Он вновь пополз, уже не обращая внимания на осветительные ракеты. Только бы дотащить Батырева до своих. Ещё немного. Пот градом, боль в плече, сил уже, кажется, нет. «Только бы дотащить», — других мыслей у Вергейчика не было. Он почти теряет сознание. Пули свистят повсюду. Но надо дотащить товарища. Надо, надо, надо...

Никто не верил, что Батырев будет жить, но он выжил!

На днях Алексей услышал по радио очень нравившуюся ему песню:

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои.
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Песня растревожила его душу. И где сейчас его друзья-однополчане? Где не по годам мудрый комвзвода, всегда невозмутимый Емикеев, весельчак Степук? Как поживает спасший его от верной смерти Вергейчик? В суете послевоенных забот почти все порастерялись. А так хочется встретиться!

Батырев всё-таки разыскал Вергейчика. И жили-то они, оказалось, в одном городе. После первых бурных встреч общаться стали реже. У каждого тогда были свои дела, свои заботы: Иван работал на стройке, Алексей учился в институте. Но вот теперь, когда у обоих уже взрослые внуки, бывшие фронтовики вновь сблизились — да так, что, кажется, и обойтись друг без друга не могут.

Ветеранов Великой Отечественной Батырева и Вергейчика накануне очередной годовщины Дня Победы пригласили в одну из школ города. Иван пришёл к Алексею заранее. В ожидании машины друзья сели, разговорились.

— Я вот в последнее время несколько раз слово слышал такое — прагматизм. Это вроде бы делать всё так, чтобы себе повыгоднее было.

— Ты верно подметил. Прагматизм зародился больше ста лет назад в Америке, а потом и по миру пошёл, — вспомнил свои студенческие познания Батырев. — Прагматик исходит только из возможности получения практически полезных результатов. Для него главное — польза, успех в жизни.

— Это что же получается, выгодно мне — поделюсь я с тобой последним сухарём, не выгодно — подыхай ты с голоду?

— Видишь ли, Ваня. Прагматизм бывает разумный, с расчётом на будущее, а бывает — «жадный»: сегодня побольше, а завтра — хоть трава не расти. Но есть ещё и общечеловеческие ценности: мораль, нравственность, семья, Отечество и другие. Порядочный прагматизм не должен вступать в противоречие с ними.

— Если в этом самом прагматизме нет совести или, как ты говоришь, общечеловеческих ценностей, то это уже шкурничеством будет называться, и его никакими учёными словами не заменишь. Я так понимаю.

Алексей по-доброму посмотрел на Ивана, а потом неожиданно рассмеялся. Успокоившись, он тихо проговорил:

— Вот ты, Ваня, прагматик никудышный, это я уж точно знаю. Ну какого чёрта ты тащил меня тогда почти неживого без всяких шансов самому остаться в живых? — И, немного подумав, уже более твёрдо добавил: — Но если бы тогда, в войну, мы все были чистыми прагматиками, то не победили бы гитлеровцев, не отстояли бы свою Родину от фашизма.

В комнату вошёл сын Батырева:

— Надевайте свои мундиры, «прагматики». Вон за вами машина приехала.

По дороге в школу Батырев думал о том, как, какими словами рассказать ребятам о величии духа советского солдата в суровые годы Великой Отечественной войны. Как показать им благородство дела защиты своего Отечества? После утреннего разговора с Иваном он, кажется, знает, как это сделать. Да, он расскажет молодёжи о том, как его фронтовой товарищ, вопреки всякой логике выживания и прагматизма, под пулями и минами врага тащил его на себе к своим.

Голубой родник

Рассказ

Разведчик погоды доложил: «На запланированных маршрутах опасных явлений не наблюдал. Фронт грозовой деятельности сместился к югу. Запасные аэродромы открыты. Вариант полётов — простые метеорологические условия».

Было утро. От грозы, прошедшей в районе предполагаемых плановых полётов, почти не осталось следов. Полковник Хлебов Алексей Трофимович один из первых, раскалывая напряжённую озоном округу форсажным громом реактивных турбин, увёл ракетносец в голубые просторы. Для него, опытного лётчика, полет по маршруту не представлял собой сложности. Набрана высота, и истребитель плавно лёг на заданный курс. Приборная доска, словно раскрытая книга, неторопливо вела повествование об устойчивой работе систем и агрегатов самолёта, а также двигателей.

Настроение у Алексея Трофимовича было приподнятое не только от семейного счастья (младшая дочь Наташа успешно выдержала вступительные экзамены и будет учиться в престижном вузе столицы республики), но и от того, что он снова после госпиталя, где проходил ВЛК¹, оказался в любимой стихии. Сердце продолжало знакомую любимую мелодию лётной биографии.

Солнце огромным огненным шаром выползло из-за горизонта слева по борту самолёта. Впереди и справа по курсу, словно натолкнувшись на невидимую преграду, громоздились вертикального развития сизовато-белые облака. При встрече с мощной кучевой облачностью у Хлебова всегда возникало желание приблизиться и сходу вонзиться в эту стихию, вступить с нею в противоборство, на себе испытать незнакомые явления. Но его постоянно сдерживали лётные запреты, которых он не нарушал как лётчик и как начальник, не давая повода для кривотолков среди подчинённых и упрёков со стороны вышестоящего командования. Алексей Трофимович свято помнил слова Жуковского: «Самолёт — это творение разума и рук человеческих. Он не подвластен никаким авторитетам, кроме лиц, уважающих лётные законы».

Ослепительно белый шар, внезапно вспыхнувший на фоне облаков, привлёк его внимание. «Что это — мираж? Шарообразное преломление солнечных лучей или шаровая молния? — мелькнула догадка. — А может, галлюцинация?..» Хлебов зажмурил глаза, но когда их раскрыл — шар уже висел в кабине перед гермошлемом, пульсируя и раскачиваясь, будто разглядывая его лицо. Приятные покалывания в верхней части головы, слабый треск и щелчки в наушниках гипнотизировали, и он зачарованно смотрел на незнакомое явление широко раскрытыми глазами от удивления, боясь шелохнуться. Затем, спохватившись, нажал кнопку радио-

¹ Врачебно-лётная комиссия.

передатчика, намереваясь доложить руководителю полётов о происходящем на борту. Шар вдруг стал бледно-голубым и поплыл к руке. Алексей успел лишь произнести:

— Авторучка. Я — шестисот...

Ослепительный сноп искр полыхнул перед глазами, какая-то непонятная облегающая и пронизывающая все мышцы сила конвульсивно прошла по телу, и лётчик провалился в темноту.

* * *

Присутствующие на стартовом командном пункте молчали. Генерал Фирсов, принимавший участие в плановых полётах полка, время от времени, не отрываясь от «пятикилометровки», задавал вопросы руководителю полётов:

— Когда потеряна связь с шестисот вторым? Сколько раз запрашивали? На каком удалении от точки прекратился радиообмен? Кто из экипажей находился в воздухе, в квадрате или вблизи его?

Подполковник Зайцев — руководитель полётов давал по возможности исчерпывающие ответы, изредка заглядывая в «плановичку». Генерал, казалось, не слушал его, склонившись над картой:

— Спасатели вылетели?

— Так точно!

— Кто летит на «пчёлке»? — Фирсов повернулся к командиру полка.

Некому, товарищ генерал. Капитан Шапошников в отпуске, — ответил полковник Земцов. — А майор Савельев...

Вечно у вас, Игорь Петрович, где тонко, там и рвётся, — занервничал генерал. — Сюда вылетел командующий с группой офицеров, а у меня пока ни на один из вопросов нет вразумительного ответа.

— Разрешите мне, товарищ генерал, — раздалось за спиной. — Майор Савельев.

Фирсов резко обернулся, внимательно оценивая, посмотрел на старшего штурмана полётов, щуплого кареглазого лётчика, и перевёл взгляд на командира полка.

— Больше некому, — виновато повёл плечами Земцов.

— Хорошо! — одобрил решение лётчика генерал.

— Прощупайте каждый уголок по маршруту полёта шестисот второго, особенно лесной массив. Самолёт — не иголка. Могут быть дымы, поваленные или срезанные деревья, наконец, сигналы лётчика, парашют... Держите связь. Всё! Немедленно в воздух! Да. Возьмите с собой врача... на всякий случай.

А руководителю полётов, глядя на часы:

— До посадки командующего ещё есть время. Прослушаем запись радиообмена.

«Пчёлка», завывая пропеллером, в резком развороте над СКП, взяла курс в южном направлении.

— Лихач! — генерал покачал головой, следя за удаляющимся самолётом.

«Алексей, Алексей... Что с тобой случилось?.. Неужели... Нет!» — генерал гнал от себя горькую мысль.

— Не может быть этого, Игорь Петрович, чтобы... — Фирсов боялся произнести это трагическое слово вслух. Он смотрел на командира полка и ждал, что тот

уймёт, прогонит навязчивую мысль о гибели их боевого товарища, поддержит его веру в благополучный исход полёта полковника Хлебова — опытного лётчика! Им обоим сейчас было тяжело говорить об этом. Но реальная действительность (неизвестность) называла вещи своими именами. Каждый из присутствующих на КП¹ и СКП сейчас искал ту точку соприкосновения, ту ниточку, за которую можно было хотя бы мало-мальски зацепиться и, потянув, найти клубок. Все же точки и нити обрывались в квадрате исчезновения шестисот второго.

— Пока нет доказательств, товарищ генерал, лётчик жив! — нашёлся в ответ Земцов.

— Вот именно! — подхватил Фирсов, и в его глазах отразилась надежда. Эфир ожил. Руководитель полётов сообщил:

— Командующий на подлёте.

— Игорь Петрович, давай-ка в машину! — генерал быстро сбежал по ступенькам лестницы к «Волге», стоящей у СКП.

* * *

Когда Хлебов очнулся, то осознал: истребитель теряет высоту. Инстинктивно потянул ручку управления на себя, отдавая РУД² вперёд. Самолёт на это не отреагировал. Он привычно бросил взгляд на приборную доску — темнота. «Ослеп!» — подсказало сознание, но тут же догадался протереть гермошлем. Посветлело. Перед глазами плавало яркое пятнышко. Хлебов протёр приборы и сигнальные лампочки. Они молчали. Только стрелка тахометра прыгала, то уменьшая, то увеличивая обороты. «Что это — авторотация?! — пронеслось в сознании. — Тогда почему такая неустойчивая?!»

На запросы земля не отвечала. АЗС на панелях выбиты. С ними исчезла всякая надежда на запуск двигателей в воздухе. Стрелка высотомера залипла. Самолёт был парализован. Алексей почувствовал, как неприятный холодок пробежал вдоль позвоночника и мышцы тела напряглись, сжавшись в единый ком.

«Катапультироваться! — подсказало сознание, но тут же: — А как же самолёт? Он ведь нужен специалистам, чтобы там, на земле, в тепличных условиях скрупулёзно разобраться в случившемся на борту. Да, катапультироваться нельзя!»

Хлебов посмотрел через остекление фонаря за борт. Внизу, вокруг простирался лесной массив и только слева, впереди, по курсу падения самолёта, он увидел светлое пятно. «Поле! Это же то, что надо! — мелькнула надежда и погасла. — Дотяну ли?» Тут же обожгла сознание новая мысль: «Топливо — это ведь балласт! Как же я раньше не сообразил: слить топливо — облегчить планер». Шлейф топлива потянулся за самолётом. Аварийно выпущены щётки-закрылки. Самолёт, казалось, начал парить. Но это только казалось. Земля по-прежнему надвигалась с катастрофической скоростью. Она сейчас была и спасителем, и врагом. Хлебов движением ручки управления влево повернул пологий нос истребителя на светлое пятно, потянул за красную ручку и открыл вентиль аварийного шасси. Ощутил

¹ Командный пункт.

² Рукоятка управления двигателями.

характерные толчки и «клёв» фюзеляжа — стойки стали на замки. А вскоре он изо всех сил взял ручку управления на себя. Уголками глаз отметил, как замелькали верхушки деревьев. Скрежета, хруста и дрожи самолёта он не слышал, а ощущал всем телом. От резкого падения скорости его бросило в кабине вперёд. Что-то полыхнуло жёлтым пятном, и Алексей потерял сознание.

* * *

Майор Савельев строго выдерживал курс полёта по маршруту шестисот второго. Лесной массив простирался вниз, насколько взгляд охватывал местность. Удивительно точные тёмно-зелёные квадраты, очерченные перекрещивающимися светло-зелёными лентами просек, создавали монотонную картину местности.

— Да, — протянул, нарушая молчание, полковой врач капитан Павлов, — безрадостная картинка — искать самолёт в таком лесу. Что иголку в стоге сена...

Но Савельев его не слышал, зорко глядя в местность и периодически поддерживая связь с СКП. Подходила к концу тридцатая минута полёта. Признаков падения самолёта не обнаруживалось.

— 625! Я — Авторучка! — раздался в наушниках голос руководителя полётов. — Будьте внимательны. Вы находитесь в зоне исчезновения шестисот второго. С западного направления к вам подходят спасатели: высота 400 и 500. Будьте осторожны!

Савельев посмотрел вправо. На фоне облачности, почти перпендикулярно его курсу, шёл вертолёт, за ним выше — второй.

— Авторучка. Я — 625! Вас понял. Спасатели справа. Продолжаю поиск.

— 625! Вам курс... Осмотрите мелколесье и возвращайтесь на точку.

— Авторучка! Я — 625! Вас понял. Выполняю.

Левым разворотом Савельев взял обратный курс.

— Смотри повнимательней, — прокричал он врачу, толкая в плечо.

Тот в знак согласия кивнул головой и приник щекой к боковому остеклению кабины, напрягая зрение. Минут через пять справа по борту Павлов заметил небольшую просеку. «Может, это бурелом? Ведь накануне в районе прошла сильная гроза», — подумал врач, но своей догадкой всё же поделился с лётчиком.

Савельев поставил «пчёлку» в вираж.

— Авторучка! Я — 625! В восточном секторе квадрата... вижу полосу бурелома. Разрешите изменить курс.

— 625! Я — Авторучка! Снижайтесь до высоты 100. Внимательно осмотрите участок. О всех подозрениях докладывайте. К вам направляем спасателей. Будьте внимательны и осторожны!

— Я — 625! Вас понял. Выполняю.

* * *

Когда Алексей открыл глаза, сознание медленно возвращалось к нему, проплывая волнами жёлто-голубого тумана. Затем перед его взором появились колосья зерновых. На бледно-голубом фоне неба они качали крупными тугими головками под слабым дуновением ветерка, словно приветствуя долгожданного гостя.

Чем-то знакомым повеяло от этой картинки. В сознании отчётливо открылось июньское утро детства, будто кто-то незаметно включил кинокамеру и кадры жизненной ленты плавно и бесшумно потекли в голубом океане. А оттуда из-за сизоватой дымки прожитых лет поднималось во весь рост начало его судьбы.

Как и для большинства его сверстников, беззаботное и счастливое детство опалила война, рано и навсегда разлучив с дорогими и близкими людьми: отцом и матерью, братом и сестрой, товарищами и друзьями.

Отца Алексей почти не помнит. Как-то ночью он забежал домой проститься и ушёл навсегда. Огненная жестокая круговерть войны проглотила дорогого ему человека, не оставив следов и надежд. Лишь колючий поцелуй загорался на щеке Алексея при воспоминании о нём. Шестилетним мальчиком он вместе с матерью, братом и сестрёнкой находился в нескончаемом, как ему тогда казалось, и странном потоке людей,двигающихся, проклиная всё на свете, в едином направлении — на восток, неся за плечами в узлах из скатертей и платков наспех собранный домашний скарб. Они только что минули деревню и устремились по грунтовой дороге вдоль ржаного поля к недалеке встающему навстречу лесу.

Самолёты налетели внезапно, как хищники из засады, и на бреющем полёте стали поливать беженцев свинцом из пулемётов. Вместе с матерью, сестрой и братом Алексей бросился в рожь по уже протоптанной бегущими впереди людьми дорожке.

Он лежал лицом к земле, зажав в кулачках хрупкие стебельки ржи, сведя их над головой в надежде защититься от этого ужасного гула, происходящего вокруг. Затем резко повернулся на спину то ли от страха, то ли из детского любопытства увидеть самолёты. Но их уже не было. Из ржи, как из колодца, он смотрел в голубое, по-прежнему летнее приветливое небо. Ни облачка, ни пушинки в вышине. Перед взором лишь колыхался, переливаясь еле уловимыми волнами, воздух. Возможно, в эту минуту его будущая лётная биография и глотнула здесь живительной голубой влаги, как из целебного родника. Кто знает? Только людские голоса: крики и плач живых, стоны раненых подхватили Алексея на ноги и понесли к дороге в надежде там встретить родных. Он ещё не понимал тогда, что такое смерть. Она же была совсем рядом, даже ближе — в его семье.

Нашёл Алексей родных лишь несколько минут спустя во ржи. Мать лежала ничком, обнимая сестру и брата. Пулемётная очередь пришила их намертво к земле. Он пытался поднять отяжелевшее и холодеющее тело матери своими слабенькими ручонками. Но это ему не удавалось. Слёзы заливали глаза, а он всё звал и звал:

— Мамочка, мамулечка, вставай!..

Чьи-то сильные руки подхватили Алексея и поставили на ноги. Это была незнакомая молодая женщина.

— Няма ў цябе, саколік мой, болей ні мамкі, ні сястрычкі, ні браціка.

С этими словами она, назвавшаяся тётей Стешей, прижала его к жестковатому подолу юбки, потом за руку силком потащила к дороге, по которой оставшиеся в живых люди шли дальше на восток. Помнит Алексей ночёвку в погребе в небольшой деревушке Дроздово, что на Витебщине, и снова дорога, которой, казалось, не будет конца. В начале прятались по глухим деревням, а затем, прослышав о

партизанах, ушли в лес. Способности Стеши к женской и мужской работе сразу же оценили в отряде «Искра» и определили её хозяйкой. Чего только не перевидали её руки в двадцать два года! Шершавые, потрескавшиеся, с тонкими извилинами, добрые руки Стеши и шили, и варили, и стирали, и дрова кололи, и раны перевязывали и винтовку держали, и землю копали... Одного сладостного чувства не знали её святые руки — мужских поцелуев и ласки. Алексей был её надёжным помощником. Но вскоре его отправили самолётом на большую землю как брата Стеши.

Воспоминания Хлебова прервал рокот винта. «Жив!» — сработала мысль. Он, как в детстве, хотел подняться, но первое же движение освободиться от парашюта породило острую боль у позвоночника, холодной волной ударило в голову, затуманила глаза, и Алексей снова потерял сознание. На склоне пшеничного поля к болоту приземлился вертолёт-спасатель.

* * *

В субботу полковник Алексей Трофимович Хлебов пришёл в штаб рано, вызвал секретчика в надежде изучить поступившие в его отсутствие документы. Попытался отвлечься от одолевавших его дум, но не смог. Всю ночь он спал плохо, ворочался в постели, часто выходил на балкон. И сейчас это сказывалось: голова была тяжёлой, тело вялым. Даже свежий, напоенный утренней прохладой воздух, который втекал волнами через открытое настежь окно в кабинет, слабо бодрил Хлебова. Содержание документов смутно доходило до его сознания, и он оставил их. Мысли, словно ожидавшие где-то в лабиринтах памяти, вдруг застучали наперебой, возвращая в недавнее прошлое. Только вчера Алексей Трофимович с женой вернулись из Харькова, проводив в последний путь самого дорогого человека — мать супруги тётю Стешу, заменявшую ему многие годы родных.

Трудная доля выпала ей в жизни. Ещё в детстве Стеша потеряла родных, всех сразу. И случилось это в первые годы коллективизации. В родовых муках, в лишениях, в жёсткой борьбе создавался первый колхоз в деревне. Всю жизнь её родители батрачили на помещичьей земле, но жили постоянно с недостатком. Прокормить ораву детишек (их было пятеро в семье — мал-мала-меньше) — дело нелёгкое. И потому, едва над деревней зарделась заря коммуны, отец Стеши Трофим, долго не раздумывая, отвёл единственную кормилицу семьи — бурёнку в общее стадо. Только в колхозе, впервые по-настоящему приобщаясь к коллективному труду, ощутил Трофим удовлетворение от того, что приносит пользу людям и себе.

Трофим-медведь (приписалось за ним это прозвище ещё в молодые годы, когда в схватке с медведем он вышел победителем — задушил зверя) был мужчиной крупного телосложения, высокого роста и недюжинной силы. Он принимал самое активное участие в раскулачивании зажиточных крестьян. На деревенской сходке по рекомендации партийной ячейки бедняку Трофиму доверили охрану коллективного зерна. Хлеб по тем временам (как и всегда) был самым дорогим в жизни. Голодная смерть косила целые деревни, разгоняя оставшихся в живых людей в поисках лучшей доли по белому свету.

Общественное зерно хранилось в амбаре бывшей помещичьей усадьбы. Трофим часто брал с собой долгожданную любимицу-дочку, которую подарила ему жена Мария после четырёх сыновей, охранять общественное добро. Да и Стеша с малолетства привязалась к отцу, а повзрослев, выполняла, на зависть сверстницам, и женскую, и частично мужскую работу. Умела и косить, и доить, и лошадь запрячь, и стирать, и полоть, и жать, и пищу готовить... Словом, любое крестьянское дело спорилось в её руках.

Однажды, отдыхая в сторожке, она проснулась от запаха дыма: амбар с зерном был охвачен огнём. Та февральская ночь стала трагической не только для жителей деревни, но и для Стеши. Не найдя отца (видимо, бандиты бросили его тело в огонь) она вбежала в распахнутую настежь дверь дома: на полу валялись истерзанные тела матери и братьев. Несколько позже она узнает, что кулацкая банда тайком пробралась в деревню и устроила самосуд над её семьёй. Ужас охватил сознание, но ни звука не вырвалось из её ещё детской груди. Лишь светлые прядки, как наружные зарубки памяти, остались на всю жизнь в каштановых волосах Стеши. И она слегла. Соседки по очереди ухаживали за больной, бабки-знахарки поили её каким-то зельем и шептали таинственные заклинания об исцелении души. То ли от них, то ли молодость взяла своё, то ли всё вместе — только на десятый день сельчане увидели исхудавшую и бледную Стешу идущей с коромыслом и ведрами за водой и обрадовались — кризис миновал. При встрече односельчане поздравляли её с выздоровлением, а Стеша в ответ лишь молча кивала головой, приложив руку к груди.

Вначале никто на это не обращал внимания из-за горя, внезапно свалившегося на её детские плечи. Однако вскоре слух, как пурга, облетел всю деревню. Девчонка онемела. Так и пристала к ней кличка «Немая».

Как-то после январских рождественских праздников появился в деревне невысокого росточка, подслеповатый, но подвижный, несмотря на свои за восемьдесят лет, с рыжеватой бородкой старичок Яшка. Он бродил по деревням зимой в лаптях, летом босиком, чинил нехитрую домашнюю утварь. «Мастер на все руки» — звали его крестьяне. Когда Яшка появлялся, слух о нём распространялся по всей округе от деревни к деревне. Жил Яшка своим кустарным ремеслом: портяжничал, лудил, столярничал, точил ножи... За работу брал — кто чем богат. Но чаще всего люди благодарили хлебом. Так и прижилось за ним это имя — Яшка Хлебный. О себе — кто он, откуда, никогда не рассказывал. А долгими зимними вечерами (ночевал там, у кого работал) вокруг него собиралась деревенская молодёжь (в основном подростки) и до полуночи слушала немудрёные были и небылицы, в которых всегда жили страшные чудовища, диковинные ужасы да ходячие покойники. Прослышал Яшка и о беде Стеши. Потеребив в жиденькой бородке заскорузлыми пальцами и никому не сказав ни слова, дольше обычного задержался в деревне: всё бродил, высматривал. Заглядывал и на колхозный двор, где работала телятницей Стеша. И вдруг исчез, как в воду канул. А однажды вечером жители выскочили из домов, услышав душераздирающий крик. А случилось следующее.

Яшка выследил тропку, по которой чаще всего Стеша возвращалась со скотного двора. И вечером вышел из сеновала, прокрался к деревне, вывернул свой выдавший виды кожушок наизнанку и напал на девушку, возвращавшуюся с работы. Недаром говорят: клин клином вышибают. От испуга Стеша закричала. Когда же собрались соседи и Яшка предстал перед ними, Стеша орлицей налетела на старичка, причитая:

— Вось табе, стары дурань! — Но, когда поняла, что заговорила, вдруг стала обнимать его: — Міленькі, родненькі, прабач мяне, дзядуля Яша!

— Будзе, будзе табе, дачка, будзе... — успокаивал он Стешу, легонько поглаживая.

«Ай да Яшка! Ай да лекарь!» — пронеслась новая молва о нём по деревням. Этот случай круто изменил и судьбу Яшки Хлебного — Стеша приняла его как родного.

Семь лет он прожил в доме Стешы, занимаясь своим ремеслом, так нужным людям. И скончался на девяносто третьем году жизни. А за Стешей закрепилось новое прозвище — «Хлебная».

После смерти Яшки нежданно-негаданно пожаловала новая беда. Злые слухи, как шипящие змеи, поползли по окрестным деревням, оскверняя самое светлое — девичью честь Стешы.

Деревенские парни-женихи обходили её стороной, а легкомысленные мальчишки, кем-то науськанные, дразнили «Яшкиной женой». Для неё это было «громом с ясного неба среди бела дня». На какую только пакость не способны мелкие людские душонки! В незаслуженной обиде сжалось девичье сердце и затворилось в четырёх стенах. Все деревенские вечеринки проходили без её участия. Но горе горем, а жить надо. Добрая душа Стешы не очерствела к людям. По-прежнему она днями пропадала на скотном дворе, не зная продыху, и только вечером, управившись с домашними делами и оставаясь наедине с собой, доверялась слезам. Сколько их, горьких, но чистых, как родниковая вода, впитывала пуховая подушка по ночам — одной ей известно.

Народная мудрость гласит: одна беда не ходит. За личной грянула общая беда — война. Собрав самое необходимое для дальней дороги в котомку, Стеша влилась в людской поток, спасаясь от фашистского зверя...

* * *

Партизаны возвращались с боевых заданий в основном ночью, усталые, мокрые, раненые. Раздевались, а то и в одежде валились с ног на нары в землянках, погружаясь в сон. Нередко Стеша не досчитывалась боевых товарищей, и это болью отзывалось в её душе. Повседневные заботы о живых всё же не смогли заполнить в сердце Стешы пустоту, образовавшуюся от разлуки с Алексеем. И она попросилась на боевое задание. В это время рельсовая война достигла своего апогея, и её зачислили в группу подрывников. Физически сильная, Стеша выполняла все тяжёлые работы не хуже мужчин. К концу войны на её груди засияли две боевые награды.

При объединении разрозненных мелких отрядов в крупные партизанские соединения повстречала она и свою запоздалую любовь. Командир одного из от-

рядов — сельский учитель Николай Залужный заметил застенчивую девушку. И она стала любима. Долго зревшее где-то в глубинках истерзанной житейскими неурядицами девичьей души страстное и таинственное чувство внезапно пробудилось, как родник, и открыло приглашенную суровым временем молодость Стеши, полную трепетных надежд. Однако только что вспыхнувшее, как утренняя зорька, счастье вскоре погасло.

...Фронт боевых действий Красной Армии докатился летом 1944 года до Орши, крупного железнодорожного узла. Вместе с первыми танками, прорвавшимися в глубокий тыл обороны противника при операции «Багратион», в бою за деревню, где жила до войны Стеша, приняли участие и партизанские отряды. Надеялась она плечом в плечо со своим суженым войти в освобождённую родную деревню, но этой мечте не суждено было сбыться. Беда, словно, рок, преследовала по пятам: шальная пуля нашла её любимого. Николай Залужный, смертельно раненый, скончался на её руках. Похоронила Стеша его рядом с родными и, скрепя сердце, окунулась в послевоенную жизнь. А через полгода в январский солнечный день появилась первая и последняя её радость — дочурка, которую окрестила Надеждой. Стеша будто снова на свет народилась — ожила, расцвела, обрела женственность и красоту материнскую. Многие мужчины и фронтовики засматривались на неё. А вдовцы (были и такие) предлагали руку и сердце. Она же, смирившись с судьбой, выпавшей на её долю, отказывала всем и свои нерастраченные чувства без остатка отдавала крохотной дочурке, поверив в её счастливую звезду. В повседневных заботах шли годы. Трудное послевоенное время уходило в историю. Подрастала и дочурка на радость и в помощь матери.

Однажды в середине лета, когда дел крестьянских невпроворот, получила Стеша письмо с приглашением навестить дальнюю родственницу по материнской линии.

— Вот, родственница нашлась, — взволнованно и несмело сказала Стеша, протягивая листок бумаги бригадиру, и смутилась: время-то горячее, а она тут с письмом.

Тот, почтавав трудно разбираемые строки, вернул письмо, задумался, а затем произнёс:

— Вон оно где объявилась Анастасия... Как быстро летит время! Жаль, Стешенька, твои золотые руки ох как нужны нам сейчас! Дел по горло! Только ничего не поделаешь — надо проведать больную. Всё же какая-никакая, хоть дальняя, но родственница. Поезжай. Да передай низкий поклон от Вани-Тихони.

«Упустил я своё счастье когда-то, упустил», — сожалея в мыслях, вздохнул бригадир и, чему-то улыбнувшись, круто повернулся и зашагал размашисто вдоль поля к работающим на уборке урожая крестьянам.

— Спасибо, Палыч! Я быстро! Только повидаюсь и назад, — крикнула вдогонку Стеша, как бы оправдываясь, что в такую горячую страду покидает односельчан. Но быстро вернуться не получилось. До Харькова путь не близкий и не далёкий, но Стеша собиралась в дальнюю дорогу обстоятельно: набила сумки и плетёную корзину разной крестьянской снедью, надела скромные праздничные наряды на дочку, на себя и поспешила за две версты на железнодорожную станцию.

Долго ли, быстро ли стучали колеса поезда в стыках рельсов, да только к вечеру другого дня они добрались в чадающий производственными выбросами город...

Телефонный звонок прервал мысли Алексея Трофимовича. Он поднял трубку:

— Полковник Хлебов слушает!

— Полковник завтракать думает? — послышалось в ответ.

— А, это ты, Надюша? Спасибо! Скоро буду...

Вспомнилось Алексею Трофимовичу первое знакомство со своей будущей женой. Тогда, уже будучи на четвёртом курсе лётного училища, Алексей в составе группы курсантов находился с экскурсией на заводе «Красный металлист». На заводскую встречу были приглашены дети рабочих и обслуживающего персонала. В клубе рабочей молодёжи среди многочисленного разновозрастного коллектива Алексей приметил энергичную белокурую девушку-активистку. Как потом узнал, она была организатором культурных мероприятий и шефских связей с воинскими частями и другими молодёжными коллективами. После короткой торжественной церемонии состоялись танцы, в ходе которых проводилась так называемая лотерея — найти партнёра по разрезным открыткам. У кого открытки совпадали, те пары принимали участие в танце. Случайное или закономерное совпадение, но Алексею выпало танцевать с белокурой девушкой. В ходе танца они познакомились. Незнакомка оказалась Надеждой. Потом были редкие, но интересные встречи.

— Как же так? — сказала однажды Стеша своей дочери. — Ты встречаешься с парнем уже почти полгода, а он ни разу не бывал у нас. Мне ведь тоже интересно познакомиться с твоим другом.

Но встреча состоялась после выпускного вечера, и Алексей предстал перед Надеждой и её матерью в погонах новоиспечённого лейтенанта. За чаем и пирогами, которые искусно готовила Стеша, и состоялось близкое знакомство, которое оказалось сюрпризом для троих.

Друг дочери оказался тем самым мальчишкой, которого подобрала Стеша в первые дни войны во ржаном поле, а затем отправила самолётом из партизанского отряда на большую землю. Имя и отчество совпадали, а вот фамилия была похожей, но другой. Она отправляла его как Алексея Трофимовича Хлебного, а настоящая фамилия его Хлебов. Но выяснить, почему так случилось, не удалось. Решили, что, видимо, в детдоме, в который был определён Алексей, или по невнимательности, или по неразборчивости почерка на клочке бумаги окончание фамилии было изменено. Но это не помешало молодым людям соединить свои сердца, мысли и устремления на всю жизнь. Одновременно Алексей узнал и о том, как тётя Стеша с дочерью оказалась в городе Харькове.

Дальняя родственница по материнской линии Анастасия мужа потеряла на фронте. Единственный сын Виктор, закончив ремесленное училище, сначала работал на заводе, откуда отец ушёл на фронт, а затем уехал на комсомольскую стройку в Сибирь. Вначале присылал матери весточки и деньги, на несколько дней приезжал проведать её, но вскоре письма стали редкими, а в последние годы и совсем прекратились. Уже будучи больной (туберкулёз), она потеряла всякую надежду увидеть сына и на всякий случай написала письмо, как говорится, на-

угад, в родную деревню на имя Стеши. Приехав в Харьков с дочерью, Стеша ухаживала за больной. По рекомендации Анастасии её приняли уборщицей в один из цехов завода. После смерти родственницы Стеша с дочерью стали проживать в её квартире.

* * *

Алексей Трофимович Хлебов сидел в просторном, строго обставленном мебели кабинете, откинувшись на спинку стула, и смотрел в проём огромного окна, за которым над волнистой линией крон «пожилых» тополей проплывали клочковатые облака. Там, за зелёной спиной тополиной рощицы, была его жизнь, его судьба — аэродром. Только здесь полковник Хлебов забывал обо всём и находил полное душевное удовлетворение от каждого выполненного с особым подъёмом и профессиональным мастерством полёта.

Смуглая кожа и утончённые черты лица с волевым подбородком выдавали в его энергичной среднего роста фигуре человека твёрдого и уравновешенного. Копна тёмных волос, на фоне которых особенно ярко рассыпалась обильная седина, чётко очерчивала невысокий выпуклый лоб с глубокими бороздками морщин, наложенных временем и спецификой военной профессии. Карие глаза с лёгкой грустинкой, глубоко посаженные под надбровными дугами, делали его взгляд пронизательным и целеустремлённым. Сейчас в нём прописались задумчивость и сосредоточенность.

«Неужели в сорок восемь — конец лётной биографии?» — задавал себе вопрос Алексей Трофимович. И, будто рядом, услышал ответ — слова опытного врача, пожилого худощавого полковника, заведующего терапевтическим отделением госпиталя: «Летать вы, конечно, ещё можете — здоровье позволяет. Но катапультироваться нельзя! А в авиации, не мне вам объяснять, бывает разное».

И память увела Алексея Трофимовича в юность — зарю лётной судьбы.

Шли плановые полёты. Старший лейтенант Хлебов возвращался на точку после успешного пилотирования в зоне. Истребитель плавно скользил к земле. Фосфоресцирующая стрелка высотомера медленно, но уверенно ползла в направлении нулевой отметки. Ничто, казалось, не предвещало осложнений. Усталости не ощущалось. Алексей слышал спокойный шёпот реактивной турбины. Приборы отсчитывали условные единицы заданного режима снижения. До знакомой и родной, отороченной разноцветьем огней, взлётно-посадочной полосы оставалось рукой подать, когда он ощутил слабый толчок... и хлопок. Миг, словно споткнувшись, начал забирать на пикирование. Стрелка тахометра плавно сворачивала обороты. Температура за красной чертой. «Помпаж двигателя», — пронеслась в сознании. Алексей бросил взгляд на высотомер и доложил руководителю полётов:

— Лимон! Я — сто тридцатый! Помпаж двигателя. Затяжелело управление. Высота — 650...

— Сто тридцатый, вас понял, — послышалось в ответ, и земля умолкла, как ему показалось, надолго.

— Лимон! Я — сто тридцатый! Высота — 550... — взволнованно повторил Алексей и ощутил, как вспотела ладонь, сжимающая ручку управления.

— Сто тридцатый! Я — Лимон! Катапультируйтесь!

В последнее мгновение, когда тянулся руками к красной дуге бронезаголовника, Алексей отметил на высотомере — 470... И его приняла в свои объятия сентябрьская ночь.

Встреча с землёй была жёсткой. В темноте Хлебов несколько раз кувыркнулся, запутываясь в парашютных стропях. Почувствовал, как тонкая игла молнией пронзила тело у поясицы и исчезла. Но подняться на ноги Алексей не смог. Его обнаружили вблизи дальнего привода и на санитарной машине доставили в госпиталь, где определили смещение поясничных позвонков. Долго Хлебов провалялся на госпитальной койке, но всё же молодость и лечение врачей взяли своё. Минули годы. И, как в песне поётся: «Ничто на земле не проходит бесследно», — прошлое вдруг напомнило о себе сурово и бескомпромиссно.

«Правда, врачи не сказали напрямую “нет”, — утешал себя Алексей Трофимович. — Но они не сказали “да”!»

Впервые в жизни ему предоставили возможность сделать выбор самому.

«Значит, наступил тот невидимый барьер: перед которым — “да” и за которым “нет”», — размышлял полковник.

Казалось, что тут особенного: любимое дело, которому посвятил всю сознательную жизнь, в его же собственных руках. Скажи «да» — и снова потечёт самая знакомая и близкая со всеми тайнами профессионального мастерства лётная работа — продолжение напряжённой ратной и суровой, но почётной профессии: защищать Родину. Тогда, в далёкой юности, командиры и начальники предсказывали только что испечённому лейтенанту большое будущее, высокий взлёт. И не ошиблись. Многие типы истребителей он освоил в совершенстве за тридцать календарных лет, прожитых на воздушных трассах. Для Хлебова они не прошли бесследно: филигранно отточено лётное мастерство, достигнута высота лётчика-снайпера, на груди к медалям прибавились ордена Красной Звезды и «За службу Родине в Вооружённых Силах III», наконец, имеется богатый опыт политико-воспитательной работы. Одному из первых в войсках ПВО страны ему присвоено воинское звание на ступень выше занимаемой должности. Трижды он избирался в Городской Совет народных депутатов.

Сказать «нет» — значит оставить родной армейский коллектив, уйти на пенсию. Этот спокойный районный городишко со 150-тысячным населением и пока слабой промышленностью, но по-своему интересный и перспективный, вполне устраивал семью. Жена — боевая подруга, спутница его нелёгких армейских дорог, недавно перенёсшая тяжёлую операцию, работает воспитателем в детском саду. Старшая дочь Ольга закончила филфак университета, трудится учителем в школе, младшая дочь Наташа — студентка. В распоряжении семьи легковая машина. Дача — рукой подать, в пригороде. Словом, житейские корни Хлебова глубоко ушли в родную почву — выросли накрепко. Вроде пора на заслуженный отдых. Всё возможное уже выбрано, как говорится, под завязку.

Но голубые корни, чувствовал Алексей Трофимович, по-прежнему оставались сильнее. Жизнь без неба, его чарующих и возвышающих высот, пугала полковника

Хлебова. Он вспомнил молодых коллег — многие из его воспитанников, покорив академический рубеж, поднялись вровень с ним в должностях, служат в разных авиагарнизонах, обретая жизненный и боевой опыт. Одни пишут письма, благодарят за путёвки в жизнь, другие напоминают о себе праздничными поздравительными открытками, телефонными звонками.

«Да. Настало их время. В них — будущее авиации. Каким оно будет?.. — прищурил глаза полковник, словно хотел сквозь толщу времени разглядеть перспективы развития авиации. — Наверняка современный воздушный корабль соединится с ракетопланом... Но оставим решение этого вопроса учёным и конструкторам».

Алексей Трофимович достал медицинскую книжку, вынул из неё закладку-путёвку в военный санаторий. И едва Хлебов развернул её, как в голове прозвучали слова председателя ВЛК: «Непременно побывайте в санатории. Вам это необходимо. Отдых и лечение, надеюсь, продлят ваше лётное долголетие. Удачи вам!».

Он смотрел на плотный розоватого цвета листок, а думал о другом. В последнее время его беспокоили боли в области поясницы, но он по-детски, боясь бескомпромиссного «нет», скрыл это от ВЛК. Видимо, опытные врачи поняли его и тактично предложили пока санаторное лечение.

Сильные духом Документальная повесть

Низкий поклон вам, воины-красноармейцы, ушедшие навсегда в вечную память, защищая свои семьи, свой народ, свою землю...

1

— Опять этот старичок, Потапчик, всё ходит и ходит, — прерывая непринуждённую беседу со своей напарницей по работе, объявила работница Смиловичского поселкового совета, поглядывая в окно рабочего кабинета.

— А кто это? — поинтересовалась её молодая коллега.

Женщина, старшая возрастом, немного выждав, как бы задумчиво ответила:

— Да из Журавкович. Память надо увековечить.

— То есть? — снова спросила та, что помоложе.

— М-м, ну как бы, памятник-мемориал по погибшим односельчанам-красноармейцам намеревается открыть.

— Да кому теперь это надо? Вон их сколько. В каждом городе по несколько, — совершенно легко и спокойно возразила ей напарница.

— М-да, — только и выдавила из себя её собеседница.

— Лишь бы ходить, голову забивать да людей от дел отрывать, — возмущалась молодая женщина. — От безделья это всё.

— Да нет, не скажи. Бездельником его не назовёшь. Сорок восемь лет на одном заводе.

— Ну и что?.. — сразу же парировала молодая.

В кабинете настала тишина, которая продлилась недолго. Неожиданно молодая женщина заинтересованно спросила:

— А у него что, кто-то погиб?

В ответ ей тихо прозвучал голос напарницы:

— У всех на той войне кто-то погиб.

За окном кабинета раздались весёлые женские голоса и озорной детский смех. Весна, яркие лучи солнца, первые весенние праздники, поднимающие настроение... Вдруг неожиданно будто бы вдали послышался звон колокола.

Старшая женщина, заглянув в окно, продолжила в адрес всё того же пожилого человека:

— Вот неугомонный, только день начался, а он уже суетится. Журавковичи в те годы, что перед войной, были одной длинной улицей из ста дворов. Местные все в колхозе работали. Неожиданно война с немецкими солдатами и новым режимом пришла в округу так быстро, что местные жители не успели и опомниться. Накануне немецкой оккупации местные мужчины отправились пешим ходом в Руденск, где тамошний военкомат был, а регулярные части Красной Армии отступили уже

далеко. Вот и пришлось нашим мужикам возвращаться к своим домам. Немецкие части, не задерживаясь, проследовали далее, оставив здесь несколько солдат с комендантом. Односельчане более сплочёнными оказались, а вот смиловичские поделились на своих и чужих. Некоторые мужики ушли в партизаны, другие подались на службу в полицию. А у них, у Потапчиков, семеро детей, старший вот этот Константин, ему тогда пятнадцать было. Для их многодетной семьи настали трудные времена. Да по всему видать, и для всех жителей, что остались под немцами. Колхозы были ликвидированы. Лошадей, повозки, инвентарь и наделы земли разделили между людьми. Выживание в этих условиях стало личным делом каждого. Люди прятали одежду, продукты и всё, что было нажито.

Рассказчица, пролистывая один из рабочих журналов, как бы замешкалась, делая перерыв своего рассказа, а затем опять продолжила:

— А здесь ещё и местные полицаи шкурничали.

— Это как? — поинтересовалась молодая женщина.

— Да забирали всё. Костю Потапчика, чтобы в Германию не угнали, прятали, а то и самогоном откупались. Один из полицаев злобу затаил на них. С карабином и гранатой, ну, такой... — Женщина стала изображать, что держит в руке гранату, а второй рукой описывала её контур. — Ну, она такая, на длинной деревянной ручке. Так вот, нагрянул к ним пьяный, угрожая по поводу похищенного у него патефона. По наговору, конечно, другого полица, который и совершил эту кражу, чуть не пострадал пятнадцатилетний Костя.

Рассказчица прервала своё повествование, о чём-то задумавшись.

— Ну а что же потом? — спросила её молодая напарница.

— Что потом... — как бы задумалась рассказчица.

— Что потом было, дальше?

— А потом... Потом пришли наши и всех освободили.

2

— В 1944 году пришло долгожданное освобождение, — после короткого перерыва продолжала говорить всё та же рассказчица. — Красная Армия пополнилась партизанами, а также теми мужиками, что были годными к военной службе. Так в армейских рядах оказались отец с сыном Потапчики. Константину к тому времени уже восемнадцать было. Вот и пошли наши мужики добывать победу. Судьба и война разбросала их. Молодого Костю определили вторым номером пулемётного расчёта. Всё рассказывал, что военную науку постигал в боевых условиях. Молодого парня нагружали без всяких скидок на молодость. Карабин, а к нему 100 патронов, четыре пулемётных круга (диска) с патронами, две гранаты, что под танки бросают, и две такие, простые, вещмешок, котелок, шинель, ботинки и обмотки.

— Откуда такие подробности? — заинтригованно поинтересовалась молодая женщина.

— Да он ведь уже почти десять лет с этим мемориалом возится. Наслушалась я и от него, и от других... Могу всю биографию наизусть выдать.

— И что, добился памятник?

— Сам, всё сам и организовал, и добился, и установил. Изо дня в день все эти десять лет он осуществлял свой замысел. Вот на 9 мая открытие будет, поэтому так и суетится. — Рассказчица, в очередной раз глубоко вздохнув, продолжала: — А ведь он инвалидом второй группы вернулся.

— Как? — удивилась её коллега и соседка по кабинету.

— С войны пришёл на костылях. Заново ходить учился. Я справку из госпиталя видала, там сказано: в боях за советскую Родину красноармеец Потапчик Константин Анисимович тяжело ранен, сквозное пулевое ранение в области таза с повреждением крестовой кости. Только инвалидом он быть не собирался. Ему было назначено всего девяносто рублей пенсии! А после того как похоронка на отца пришла в сорок пятом — мать и малые детишки, шесть человек, он — седьмой, на костылях. Выбросил он свои костыли и стал упорно заниматься собой. Ноги и тело не сразу, но стали слушаться. Долго он боролся с недугом и всё же победил. Затем учёба на электромеханика и сорок восемь лет на Минском автомобильном заводе.

— А сколько же ему лет?

— Да уже под девяносто.

— Д-а-а, — удивляясь, протяжно произнесла молодая женщина.

— Да, вот такой он, Константин Анисимович, да у них вся семья героическая. Два родных брата отца Николай и Григорий Потапчики воевали. Потапчик Николай первые годы войны всё партизанам помогал — продукты, табак, самогон, валенки. Сам всё возил, а потом и племянницу маленькую привлёк. А с маминой стороны три родных брата воевали на различных фронтах. Семья матери по фамилии Розум проживала в деревне Подгорье, многодетная, аж восемь детей. Розум Иван Лукич 1918 года рождения и Розум Василий Лукич 1920 года были в действующей армии, а Розум Николай Лукич 1922 года рождения в годы войны был партизаном, затем также сражался в рядах Красной Армии. Отец их погиб в сорок пятом, старший брат по матери Розум Иван тоже погиб. Да и многие получили похоронки тогда... Так что не все вернулись домой в свои семьи.

В кабинете зависла звенящая тишина, видимо, ставшая символической минутой молчания по погибшим солдатам, о которых только что велась речь.

3

В 2015 году к празднованию 70-летия Дня Победы на пересечении двух улиц посёлка Смиловичи состоялось торжественное открытие мемориала погибшим воинам-красноармейцам. Среди приглашённых семьи и родственники погибших воинов, чьи имена указаны на мемориальной плите; ветераны войны; военный комиссар Червенского РВК; представители местной и районной власти; преподаватели и учащиеся учебных заведений посёлка; представители администрации Минского автомобильного завода, а также местные жители и многие другие.

Константин Анисимович Потапчик с лёгким волнением произнёс торжественную речь о своих односельчанах, воинах-красноармейцах, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Особые слова благодарности прозвучали из его уст в адрес тех, кто оказывал помощь и поддержку в создании памятного мемориала:

— В первую очередь родное предприятие, генеральный директор Минского автомобильного завода Основский Виктор Анатольевич, его заместитель Овчинко Леонид Иванович, заместитель главного инженера этого же предприятия Грицук М. М., председатель поселкового совета Пивовар Валентина Ивановна, а также бывший директор СШ № 1, мой товарищ и единомышленник Ярошевич Иван Павлович.

Кажется, всё хорошо сложилось на жизненном пути Потапчика Константина Анисимовича: деревенский мальчишка, призванный полевым военкоматом в действующую Красную Армию, в свои восемнадцать лет ушёл воевать, в боях был тяжело ранен немецким снайпером в позвоночник, а затем долгие месяцы госпитализации и как приговор — инвалидность и костыли. Потом борьба за выживание и здоровье. Победив страшный недуг, получил специальность, создал семью, построил дом, посадил и вырастил десятки кустов и деревьев, родил и воспитал троих сыновей, осуществил свою мечту по созданию памятного мемориала погибшим воинам-односельчанам. Казалось бы, теперь можно пожить для себя. Однако Константин Анисимович уже наметил новый план мероприятий на ближайшее время, который и прозвучал с его слов:

— Вот бы колодец установить недалеко от мемориала да дорогу подлатать, а то яма на яме. Непорядок.

— Ну, а свои дела, да и возраст уже....

— А что возраст?! Возраст делу не помеха! — улыбаясь, парировал Константин Анисимович.

— Скажите, а трудности были по жизни? — поинтересовался я у него.

Задумавшись лишь на пару секунд, он как бы с грустцой ответил:

— Всякое бывало, а самое тяжкое было, когда из того света на этот карабкался. В госпитале прикован был к носилкам много месяцев подряд, ни рук, ни ног не чувствуя, да и голову поднять не мог. Думал, так и «дойду». Пять месяцев госпиталя, а затем инвалидность. Ох, и тяжело же было!

Рассказывая о тех далёких годах, он, скупно и тут же быстро засуетившись, с улыбкой на лице произнёс:

— Теперь всё для них, для молодых, чтоб жили и радовались, чтобы были патриотами своей страны, как те герои, что за нас свои жизни отдали. Чтобы память о погибших на той войне хранили.

Общаясь с этим простым и душевным человеком, я подумал, что вся жизнь его и есть героический поступок, пример для молодёжи.

Большая мечта маленького Лёни

Повесть

I

20 марта 2014 года мальчику по имени Лёня исполнилось восемь лет. В канун его дня рождения поинтересовался его будущим:

— Кем хочешь быть?

— Как и дедушка, буду военным. — И чуть позже твердо добавляет к сказанному: — Пограничником.

— Вот подрастёшь, в Суворовском училище будешь учиться. А если захочешь, то в Минске есть кадетское городское училище № 2.

Маленький Лёня с восхищением достаёт из шкафа и примеряет зелёную фуражку своего деда. Его прапрадед по линии мамы Саид-Ахмедов Риза Шахсинович, по национальности лезгин, в трудный для Родины 1942 год добровольцем ушёл на фронт. Следом за ним воевать с немецкими захватчиками ушёл его старший сын Абубакор. В Дагестане у Ахмедова остались жена и трое детей. В 1944 году погибли Ахмедов Риза и его 23-летний сын Абубакор. В этом же году умерла от голода и болезней жена и мать его детей.

Самый маленький из семьи Ахмедовых Дамур рос и воспитывался в детском доме. В детстве он с завистью заглядывался на военнослужащих и их защитного цвета форму. Мальчишка мечтал и видел себя в этой военной форме. В декабре 1948-го его призвали в ряды Советской Армии, а в 1950 году он поступил в Черновикское военное пехотное училище. Учёба в училище, выезды на полигон, стрельбы и марш-броски — всё это привлекало молодого курсанта. Учился он и выполнял всё, что предписано военным уставом, с большим желанием. Прошли будни курсантской учёбы, и счастливые лейтенанты ждали своего первого назначения в военные гарнизоны. Будучи курсантом, смуглый и черноволосый Дамур женился на украинской девушке по имени Екатерина. В 1953 году в семье Ахмедовых родилась дочь Валентина, а в 1956 году — ещё одна девочка по имени Надежда.

Семья советского военнослужащего — это постоянные скитания по военным гарнизонам, смена климата, обстановки, работы, соседей, товарищей и друзей. Наравне с главой семьи претерпевают все тяготы семейной жизни жена и дети. А ещё одним из осложнений является то, что редко, очень редко, получается видеться с родителями и родственниками самим офицерам и их жёнам.

Начинал свою службу лейтенант Ахмедов за рубежом в Центральной группе войск. В 1956 году судьба забросила его в Будапешт, где разворачивался мятеж венгров. За участие в венгерских событиях он был награждён орденом Боевого Красного Знамени.

Затем были Прибалтийский военный округ, города Смоленск и Советск Калининградской области, Дальневосточный военный округ, Прикарпатский военный округ, учёба в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. В 1972 году Ахмедов Дамур Ризаевич переведён в один из военкоматов Таджикской ССР. 9 декабря 1974 года приказом Министра обороны СССР полковника Ахмедова Д. Р. назначили военным комиссаром Горно-Бадахшанской автономной области. Там

же он неоднократно избирался депутатом областного Совета народных депутатов. За время службы полковник Ахмедов Дамур Ризаевич награждён орденом Боевого Красного Знамени, десятью медалями СССР, Почётными грамотами Казахской ССР и Таджикской ССР и другими правительственными наградами.

II

Шли годы, выросли дети, и, кажется, всё удалось в жизни заслуженному офицеру Ахмедову Дамуру Ризаевичу. Теперь на должности военного комиссара ему остаётся дожидаться внуков и пенсии.

Однажды поход младшей дочери Дамура Ризаевича в кино стал решающим для дальнейшей жизни их семьи. После просмотра кинофильма Надежда с подружкой, прогуливаясь по небольшому и тихому городку, полностью погрузились в обсуждение фильма. Неожиданно их беседу прервал молодой парень, который хотел познакомиться. Девчата оставили его предложение без внимания и продолжили свой путь. Но молодой человек оказался очень настойчивым. Он последовал за девушками, чтобы узнать их место проживания. Уже через день Леонид Киселёв знал, где живёт Надежда Ахмедова и номер её домашнего телефона. Однажды вечером он позвонил Надежде и впоследствии уже звонил ежедневно. Так прапорщик Леонид Киселёв завоевал сердце молодой девчонки.

Призывался Лёня в 1971 году из Белоруссии. После окончания школы сержантского состава он был направлен в Хорогский пограничный отряд Краснознамённого Среднеазиатского пограничного округа (КСАПО). Служба на границе ему пришлась по душе, и сержант Киселёв сделал выбор, желая связать свою дальнейшую службу с пограничными войсками. Он подал рапорт на обучение в школе прапорщиков. Трёхмесячные курсы, и прапорщик Киселёв назначается на должность старшины отдельной строительной роты при Хорогском пограничном отряде.

«Сколько можно холостяком ходить?» — решил для себя прапорщик Киселёв. И судьба, услышав его слова, в этот же день преподнесла ему двух симпатичных девушек. Выбор его пал на девушку по имени Надежда. Далее следовало непродолжительное ухаживание молодого прапорщика за понравившейся девушкой и внезапное знакомство с её строгим отцом. Беседа двух мужчин, полковника Ахмедова Дамура Ризаевича и прапорщика Киселёва Леонида Михайловича, была короткой и добродушной. 29 января 1977 года состоялась скромная роспись молодых в здании местной администрации и незабываемое торжество по этому поводу в фойе городского драматического театра. Были приглашены все руководители местной власти и директора крупнейших предприятий города и области, соседи семьи Ахмедовых и просто знакомые, офицеры Хорогского погранотряда и сослуживцы Дамура Ризаевича. Свадьба удалась на славу и с кавказским размахом — гости отплясывали под живое исполнение вокально-инструментального ансамбля Хорогского пограничного отряда. Так родилась и стала крепнуть семья Киселёвых.

Когда Леонид Киселёв с молодой супругой прибыли в родную Беларусь, родители его организовали им свадьбу по белорусским традициям. А в 1979 году у Леонида и Надежды родилась дочь по имени Вероника.

III

Спустя некоторое время прапорщика Киселёва перевели инструктором строительных работ взвода обеспечения Пянджского пограничного отряда. В 1981 году семья переехала на 4-ю пограничную заставу Файзабад-Кала Пянджского пограничного отряда. Познакомились с семьёй начальника заставы Шевцова и семьёй замполита Кривоусты. У начальника заставы было двое детей, а у замполита один ребёнок. Личный состав заставы и семьи офицеров пограничной заставы встретили семью Киселёвых с радостью и пониманием, новые люди на заставе — всегда в радость. Коллективы пограничных застав — словно небольшая и дружная семья, готовая в любое время принять гостей или новых постояльцев. Маленькая Вероника Киселёва сразу же подружилась с соседскими детьми. Любила она навещать и солдат-пограничников, среди которых у неё появились свои поклонники. Громокая детским велосипедом, в натянутой на голове солдатской панаме, она проносилась по территории заставы. Особенно подружилась маленькая девчонка с солдатом срочной службы Стеблиным Олегом. Его панаму она любила примерять и затем гордо носила на территории заставы.

На пограничной заставе, на самой передовой линии границы, служба в должности старшины совершенно отличалась от прежнего места службы. По сути всё хозяйство подразделения возложено на плечи старшины заставы, а ещё приходится нести службу на линии границы, выезжать по команде «в ружьё», выполнять другие служебные обязанности.

Снабжение заставы — одно из самых важных мероприятий в обязанностях старшины. Заканчивается летняя пора, и в один из таких дней на территорию заставы урча заезжает Газ-66. Борта его кузова завалены спелыми арбузами. Из кабины автомобиля выпрыгивает старшина заставы, вытирая потный лоб под фуражкой.

Со стороны офицерского дома к складскому помещению несутся две девочки. Это Вероника и дочь начальника заставы трёхлетняя Леночка Шевцова. Они рады возвратившемуся с вкусными арбузами прапорщику Леониду Киселёву. Но силёнок у них недостаточно для того, чтобы самостоятельно унести большой арбуз, и смыслёные дети пробуют катить его, как баскетбольный мяч, по асфальтированному тротуару в сторону офицерского дома. Со стороны выстроившихся солдат-пограничников раздаётся дружный смех. Следом за детьми неуверенно короткими перебежками двигается любимица личного состава кошка Василиса. Только у семилетнего Димки Шевцова получилось самостоятельно донести до офицерского дома огромный спелый арбуз.

IV

Здесь же, на пограничной заставе, у Киселёвых родилась вторая дочь по имени Катя.

— Би-на, би-на, би-на, — слышится протяжный голос маленькой девчонки. Это Вероника Киселёва не может подняться по высоким бетонным ступенькам складского помещения. Плохо выговаривая фамилию Дубина, она по-своему зовёт его: «Би-на!».

Пограничник Дубина кроме своей основной специальности занимает должность каптёрщика. В его хозяйство входят складские помещения ОВС и ПФС (обозно-вещевая служба и продовольственно-фуражная служба).

—Что? — отзывается, а потом показывается из складского помещения молодой парень.

— А у меня ля-ля.

— Что за ляля, какая ляля?

— Ля-ля!

— А, наверно, сестричка родилась? Ну, тогда поздравляю. С тебя причитается, хотя что с тебя взять... Вот папу бы твоего раскрутить.

Девчонка, выполнив свою миссию похвастаться рождением младшей сестрички, побежала оповещать о столь радостном событии всех остальных пограничников. В этот день для офицеров 4-й пограничной заставы был праздник. Праздник был и у дедушки Дамура. Его неотъемлемым желанием было посетить своих детей и новорождённую внучку. Щедрости дедушки не было предела, и это почувствовали все его знакомые. Навещать детей и внуков дедушка Дамур старался по праздничным дням. И тогда семья Киселёвых готовила его любимые блюда: гирцибир (вареники с творогом и варёным яйцом, с добавлением крапивы), долму (голубцы в молодых листьях винограда). С крапивой в Таджикистане было напряжённо, дефицит, и поэтому Киселёвы её заготавливали в Белоруссии, привозя в сушёном виде. На кавказские деликатесы к Киселёвым наведывались семьи соседей — начальника заставы и заместителя начальника по политической части.

— А помнишь, я тебе подарил платье кримпленовое? — интересуется Леонид Киселёв у жены. — Тогда ещё Лёня Супрунов посоветовал. С его слов, духи — это ерунда, а вот платье — на всю жизнь.

— Да, — печально соглашается Надежда, — только теперь оно будет не по мне.

— Всё нормально будет. Вот смотри, какие у нас девчонки.

— Вот, может, кому-то из них и придётся это платье в пору. — Жена Леонида была опечалена тем, что её фигура теперь нарушила сложившиеся пропорции и она будет выглядеть непривлекательно.

— Ничего, — успокаивает её заботливо муж. — А мы ещё сына народим, и тогда тебе некогда будет отвлекаться по этому поводу. Вон, у твоего деда четверо детей было, да и время какое — то революция, то репрессии, то война.

Надежда прижимается головой к груди мужа и о чём-то задумывается.

Но жизнь на пограничной заставе спокойной не назовёшь, и вот звонок телефонного зуммера.

— Товарищ прапорщик, — доносится голос дежурного связиста Яценко, — у нас сработка на 3-м участке. Вам выезжать старшим группы перекрытия вместо замполита Кривоусты.

Служба есть служба, и вся застава поднята по команде «в ружьё». Что случилось, кто потревожил спокойствие границы и тех, кто её охраняет? Об этом первой узнает тревожная группа во главе с начальником заставы. А теперь все погранцы 4-й пограничной заставы и их коллеги из соседней заставы подняты по команде «в ружьё» и заняли свои позиции в указанных местах.

Несмотря на трудности пограничной службы, а их всё время добавляли афганские дехкане, погодные условия, дикие животные, личный состав заставы старался разнообразить свою жизнь. В общепринятые праздничные дни службу на заставе несли как обычно, но бывали и моменты усиления, при которых увеличивался численный состав пограничного наряда, росло его количество, а также и количество проверок со стороны офицерского состава.

В канун новогоднего праздника старшина заставы даёт команду каптёрщику Дубине выдать дополнительно повару муку, сахар, сгущённое молоко, масло, дрожжи и всё необходимое для праздничного стола. В этот день заставовский повар старается как можно лучше и разнообразнее приготовить ужин. Солдаты-пограничники, не задействованные на службе, украшают ленинскую комнату, устанавливая вместо ёлки тую. Офицерские жёны также суетятся на своих маленьких кухнях. Приближение праздника чувствуется во всей атмосфере маленькой заставы «Файзабад-Кала». Неожиданный стук в двери квартиры Киселёвых, и на пороге сам Дед Мороз, а следом за ним — Снегурочка. Странно и необычно — откуда здесь, на самом юге огромной страны, на самом её краю, эти зимние сказочные персонажи?

Дети всех офицерских семей собрались в квартире Киселёвых под искусственной ёлкой, чтобы дружно и весело отметить новогодний праздник. Сколько радости и задора принесли им Дед Мороз и Снегурочка! Все присутствующие в восторге. Дети счастливы от подарков и присутствия самого Деда Мороза, а взрослые рады детскому веселью, праздному озорству и общему весёлому настроению. Скромные подарки от Деда Мороза и Снегурочки получили также папы и мамы.

И вот уже празднование продолжается в ленинской комнате, где собрался весь личный состав заставы и не задействованные в несении нарядов военнослужащие, офицеры и их жены. На столах — всё самое лучшее, что мог изобрести местный повар, а также всё то, что приготовили жёны офицеров. Своими домашними блюдами они разнообразили скромный праздничный стол. Помимо праздничного стола, ребята-пограничники подготовили яркую развлекательную программу с шутками и аттракционами, выступлениями и личными поздравлениями, танцами, а также сольные выступления под гитару.

Вот и наступил новый, 1983 год. В этом году у прапорщика Киселёва заканчивается пятилетний срок подписки. Командованием округа ему предложено продолжить службу в 23-ем Душанбинском авиаполку на должности помощника начальника квартирно-эксплуатационной службы. Опять для семьи Киселёвых наступают грустные минуты прощания с заставой и её личным составом.

За годы насыщенной службы, проведённые вместе, люди привыкли друг к другу, все кажутся очень близкими и почти родными. Даже с животными, которые проживали на пограничной заставе, прощаться было тоскливо. Трудно было забыть двух молодых щенков, которые ухаживали за взрослой кошкой. Они нежно брали её зубами и носили по территории заставы, стараясь держать её всегда в чистоте и вылизывая ей шерстку.

Служба есть служба, и прапорщику Киселёву было не привыкать к её трудностям. Ещё ранее он побывал в составе сводного боевого отряда (СБО), выполнявшего боевые задачи на территории Афганистана. Всякое бывало, и многое повидал он в те горячие дни афганской войны. И сегодня кажется, что война закалила этого человека.

Однажды пришлось ему сопровождать груз 200 (тело погибшего солдата-пограничника). Этого солдата он впервые увидел в морге военного госпиталя, обратив внимание на два родимых пятна на его теле. Тяжело выполнять такую миссию, как доставка погибшего в родной дом, но приказ есть приказ. Прапорщик Киселёв и два пограничника прибыли на родину погибшего солдата в город Семипалатинск, где их встречал представитель местного военкомата. Цинковый гроб в отчий дом солдата сопровождали огромной делегацией, которую подготовили сотрудники военкомата. Директор предприятия, где когда-то работал погибший, руководство предприятия с места работы родителей погибшего солдата, военный комиссар местного военкомата, сопровождающие пограничники КСАПО и машина скорой помощи для родителей погибшего — своеобразная похоронная делегация.

Вся тяжесть передачи цинкового гроба родителям погибшего теперь ложилась на плечи военного комиссара.

Увидев военнослужащих, родители погибшего солдата всё поняли одновременно.

— Что с сыном? — дрожащим голосом спросила мать, как бы страшась своих слов, а ещё более ответа.

— Ваш сын, Веретельников Александр Иванович, героически погиб, — чеканил твёрдо каким-то нечеловеческим голосом подполковник общевойсковой рода войск.

Раздался короткий крик матери и шум начал расходиться по всему дому.

— При выполнении интернационального долга в Демократической Республике Афганистан, — закончил свою речь военный комиссар.

К оказанию помощи матери погибшего сразу приступили медицинские работники. Они долго не отходили от неё, периодически измеряя давление и предлагая различные препараты. Тяжесть нависла, кажется, не только над конкретным домом, куда пришла трагедия, она стояла везде и вокруг. Такое было видеть невозможно, а всем тем, кто здесь присутствовал, надо было не только видеть, но и организовывать предстоящие похороны. Родственники, знакомые заполнили двор семьи солдата. Отец погибшего и близкие не отходили от сразу же слёгшей матери. Женщина падала в обморок, приходя в себя, бредила и просила показать ей сына, целовала всем, кто был рядом, руки, и молила Бога, чтобы спас её сына. Она всё никак не могла поверить в его смерть. Родственники погибшего обратились к военному комиссару с просьбой открыть цинковый гроб, но получили твёрдый и однозначный отказ. И это продолжалось на протяжении дня. Весь посёлок погрузился в траурное событие. Люди всё прибывали и прибывали, а вместе с ними — тревога, шум и волнение. Нельзя было спокойно смотреть на горе, что пришло в эту простую семью.

— А может, там не наш сын? — заявляет отец погибшего солдата, обращаясь к людям в военной форме.

Его пытаются успокоить сотрудники местного военкомата, и в разговор вмешивается прапорщик Киселёв.

— Я никогда ранее не видел вашего сына. Но мне пришлось присутствовать в тот момент, когда забирал его из военного госпиталя. На теле покойного была бирка с его данными, и я видел два родимых пятна. — Прапорщик-пограничник показал рукой на своём теле те места, где, по его словам, он видел родимые пятна у погибшего солдата.

— Наш, наш сын. Это наш сын, — стуча от нахлынувших страданий зубами, выдавил из себя отец и тут же дико завыл.

Прапорщик Киселёв вернулся из командировки с больным сердцем. Такие траурные события бесследно не проходят ни для кого. «Всё, — решил он для себя, больше никогда такой груз сопровождать не буду, — уж лучше пусть увольняют».

VII

— Хочешь ли ты, Лёня Киселёв, — спрашиваю у младшего, — быть военным? Ведь тебе придётся пройти всякие трудности во время учёбы, а в дальнейшем служба твоя будет нелегка и опасна. Готов ли ты к этому?

— Да, — уверенно и серьёзно отвечает он.

— А знаешь ли ты, кто это на фотографии? — интересуюсь, показывая на фото, что виднеется на мебельной секции.

— Это тоже мой дедушка, Дамур! Он тоже военный, — с гордостью выдаёт восьмилетний парень.

Да парень, учись, взрослей и набирайся сил. У тебя есть с кого брать пример, это твои дедушки и прадеды. Вот из таких ребят и вырастают настоящие офицеры, достойные защитники своей страны.

Успехов тебе! И будь достоин чести своих предков.

Оккупация

Повесть

1

Внезапно кто-то постучал в дверь. Стук был настойчивым. Он указывал на то, что это не соседка и никто другой из знакомых. Всё понятно: это полицаи или немецкий солдат. Бабка Галина рывком сдёрнула дверцу пола и отправила во внутрь свою семнадцатилетнюю внучку Анютку. На столе осталась миска с недоеденной картошкой. На место дверцы бабка надвинула тряпичный половик. Всё это заняло не более пяти секунд. А стук в дверь повторился с более грозной силой. Бабка Галина сбросила крючок с двери, и в хату вошёл солдат в немецком мундире. «Mutter! Wasistdas?» (Мать, что это значит?) — произнёс он возмущённо. Бабка, ничего не отвечая, мгновенно поставила на стол чугунок с варёной картошкой и кувшин с молоком. «Bitte, ran, ешьте!» — стала она приглашать фрица, чтобы задобрить его. Он охотно подсел к столу и жадно взялся за еду. Бабка топталась на половике, прикрывающем дверцу.

Этот вражеский солдат плохо разбирался в обустройстве деревенских изб и не подозревал, что в каждой из них имеется под полом подвал, в который засыпают на хранение картошку. Кроме всего, он не был похож на долговязых шустрых фрицев. Он был итальянцем, и звали его Энрике. Оказавшись по долгу службы на восточном фронте, он чаще всего делал вид, что сражается, и сочувствовал мирному населению. Отведав бабкино угощение, он спросил, где же её внучка. «Пошла на хутор к тётке Ганне», — старалась объяснить бабка Галя. Энрике мало чего понял из сказанного, однако кивнул головой и начал объяснять словами и знаками, что вся молодёжь посёлка завтра должна собраться на площади у конторы для отправки в Германию, а кто не придёт, того «Пуф! Пуф!», и он приставил палец к виску, затем прикрыл свой рот ладонью в знак молчания. Бабке Гале всё стало понятно. После ухода Энрике она выпустила из-под пола Анюту и поведала ей эту страшную весть.

2

Во второй половине августа 1941 года фашисты оккупировали горпосёлок. Как и повсеместно, на оккупированной территории начало организовываться патриотическое подполье. Его организаторами были оставленные для подпольной работы доверенные товарищи из местных партийных и комсомольских организаций.

О существовании подпольной организации бабка Галя не знала, но догадывалась. Анютка иногда убегала куда-то в лес, потом снова появлялась дома как

ни в чем не бывало. На этот раз, после прихода Энрике, надо было принимать срочное решение.

«Пойди, моя донька, к бабке Марье. Она тебе подскажет, как быть», — предприняла первый шаг бабка Галя.

Анютка направилась к большому деревянному особняку в центре посёлка, где обосновались немецкие офицеры. Здесь одну комнатку с отдельным входом, похожую на кладовку, занимали баба Марья и дед Иван. Баба Марья работала уборщицей, и её всегда можно было видеть с ведром и тряпкой в руках. Грузная и неповоротливая, с безразличным выражением лица, она не вызывала и тени подозрения у немцев. Однако многое понимала из их разговоров. Когда немецкое офицерье суеилось и бегало, значит, затевалась какая-то карательная акция. Обо всем она информировала своего Ивана, а он передавал подпольщикам. Эта цепочка действовала слаженно.

3

Анютка застала бабу Марью в её комнатке. Был ещё только полдень. Полицай разносил по домам повестки: утром следующего дня всем жителям явиться на площадь вместе с детьми. В случае неявки или побега им грозил расстрел. Появился Иван. Он уже знал о готовящемся злодеянии. «Тебе нельзя здесь оставаться. С наступлением сумерек пойдёшь через лес в отряд и передашь командиру вот эту записку», — и он протянул Анютке обрывок тетрадного листка, в котором были указаны время и станция отправки молодёжи. Так Анюта получила очередное задание подпольного комитета.

Участники подпольного комитета установили связь с черниговским партизанским отрядом имени Щорса. Для партизан они собирали медикаменты и оружие, продукты, одежду, передавали информацию о вражеских гарнизонах и сроках проведения карательных операций. Однако на этот раз предстояла самая ответственная задача: предотвратить угон молодёжи в Германию, да так, чтобы вагон с ребятами и девочками не подорвать.

4

Стоял конец лета 1943 года. Под напором советских войск немцы отступали в юго-западном направлении, так что юго-восточная часть Белоруссии постепенно освобождалась. При отступлении немцы уничтожали мирное население, сжигали деревни и посёлки, а работоспособную молодёжь увозили в Германию, чтобы превратить в рабов. Большую помощь нашей армии в освобождении населения и территорий оказывали партизанские отряды, базирующиеся в густых заболоченных лесах Полесья.

Вот и теперь... Времени на раздумья не было. К рассвету Анютка должна преодолеть двадцатикилометровый путь через лесную чащу и болото и вручить командиру записку от Ивана. От Анютки зависят жизни ее односельчан, одноклассников. Как только стало смеркаться, лёгкая быстрая Анютка шмыгнула за огороды. Там заболоченный извилистый ручей, за ним кустарник и лесная

чаща. Немцы панически боятся этих мест. Техника не проходит по заболотью, да и самим застрять можно.

Лес, такой родной, уютный, знакомый с малого детства, раскрыл перед Анюткой свои объятия. Вот еле заметная тропинка, которую знает лишь она одна, указывает ей нужное направление. Двадцать километров пути впереди. Тропинка выведет её к болоту, и это будет самый трудный участок пути. Но за нею жизни — подруги, ребята и даже подростки, дети почти. Сумерки стали сгущаться. Ночная птица громко, словно над ухом, кричала: «У-у-у-ух! У-у-у-ух!». Анютка почувствовала усталость. Но не время делать передышку. «Вперёд! Вперёд!» — командует она себе самой. Вот наконец перед ней развернулось широкое болото. Можно его обойти, но на это пойдёт лишний час, который терять нельзя. Она отыскала у берега длинную корягу и с её помощью погрузилась в болотную бездну. К счастью, болото было неглубоким. На поверхности его торчали кочки, обильно поросшие мхом и ольховым кустарником. Временами она соскальзывала с кочки и до самого пояса погружалась в селёвку, но выручала коряга, которую она не выпускала из рук. Итак, последний бросок, и она на противоположной стороне болота. Здесь суходолье. Высокие сосны выстроились рядами, а между ними — поросли папоротника и сухостоя. Ноги Анюты гудели от усталости, а от кровотокащих царапин сильно зудели. Надвигалась ночь...

5

Летом ночи слишком короткие. Пройдено ещё только полпути. Собрав остаток сил, Анюта устремилась вперёд. Внезапно лес расступился, показалась колея, изъезженная телегами. Вскоре Анюта увидела надломленный ствол берёзы и шагнула влево от него в лесную чащу. Оставшийся путь был недолгим. «Стой, кто идёт?!» — раздался возглас из глубины. «Сарока, прыляцела здалёку», — сказала пароль Анюта. Она вошла в землянку и протянула сонному командиру записку от Ивана.

Всем бойцам был объявлен подъём, и в срочном порядке они с оружием и боеприпасами двинулись к участку железной дороги, где, как указано было в записке, должен проходить состав из пяти вагонов с «живой силой» и техникой. Задача партизан была весьма сложной: отсоединить вагон с «живой силой» и выпустить узников, а остальные вагоны с техникой подорвать.

Густые заросли леса обступали железнодорожное полотно с обеих сторон. Вагон с молодёжью должен находиться, как обычно, в конце состава. Показался состав. На одном из вагонов во всю длину по диагонали виднелась широкая полоса, помеченная чёрной краской. Володя, молодой партизан и одноклассник Анюты, которому была поручена операция освобождения, рванул вслед на своём орловском скакуне. Он сделал отчаянный прыжок с лошади и уцепился за тамбур последнего вагона. Снял часового, по крыше пробрался до следующего и разъединил сцепление. Два вагона сбавили ход и остановились. «Свободны!» — широко распахнув двери, объявили партизаны узникам. В другом вагоне увозили скот, и его тоже освободили партизаны. Так отряд партизан пополнился «живой силой».

На следующий день оккупанты собрали оставшееся население посёлка и окрестных деревень, за исключением obsługi и полицаев, и угнали в концентрационный лагерь. При отступлении они сожгли всё, что только оставалось. На месте домов и хат сиротливо торчали остовы обугленных печей...

Эпилог

24 сентября 1943 года партизанский отряд имени Пархоменко (Щорса) соединился с передовыми частями Красной армии.

12 октября 1943 года Добрушский район был полностью освобождён от немецко-фашистских захватчиков. Оставшиеся в живых мужчины призывного возраста влились в ряды Красной армии, а весь груз по восстановлению народного хозяйства лёг на плечи женщин, подростков и стариков.

Что же случилось с героями этого повествования?

Главная героиня Анютка возвратилась из партизанского отряда к своей бабушке Галине и выхаживала её от болезней после пребывания в концентрационном лагере.

Затем она окончила среднюю школу и вышла замуж за офицера. Но перед этим ей пришлось уговаривать свою бабушку, чтобы та продала их корову-кормилицу, доставшуюся от бабы Марьи. На вырученные деньги Анютка хотела сыграть свадьбу, но вместо этого бабушка Галина отхлестала внуку верёвкой, приговаривая: «Вот тебе — продай корову, вот тебе, я покажу — продай корову!». Всё же свадьба состоялась на жениховы деньги.

Одноклассник Володя ушёл на службу в Красную Армию вместе с немногими своими сверстниками.

Баба Марья и её Иван, служившие у немцев, сумели сохранить от немцев втайне свою связь с партизанами. Они не пострадали от произвола фашистов и, на удивление жителей, вернувшихся из эвакуации, не были арестованы как предатели, а продолжали работать, как и прежде. Только по прошествии нескольких лет выяснилось, что они входили в группу подпольщиков и благодаря им многие жители остались в живых.

Так благодаря мужеству и сплочённости людей одного посёлка и окрестных деревень были преодолены невероятные условия тяжкой оккупации.

Неугасаемый свет надежды

Чем дальше наши временные расстояния от войны, тем точнее эксперты и историки пытаются подсчитать её людские потери, найти имена героев и их могилы. Но есть ещё очень хрупкая и не сразу заметная сторона героизма и боли сердец, которую невозможно измерить обычными мерками, цифрами, она не подвласна им, она вне времени. Только об одном можно уверенно говорить: без неё не было бы Великой Победы. Войны заканчиваются победой тех воинов, которых ждут их любимые...

Вот и прошёл очередной Парад Победы. Вечернее небо раскрасил праздничный салют...

И снова я перечитываю неотправленное письмо, которое хранится в нашем семейном альбоме...

«Здравствуй, мой любимый, мой несравненный, единственный и незабываемый! Прошло уже три года, как я перестала писать безответные письма тебе, но вот опять не удержалась. Тяжело молчать, если сердце хочет говорить. У нас много хороших новостей, но не ради них взялась я за ручку. Признаюсь: испугалась, что, может, позже писать будет тяжело, руки быстро слабеют...

Решила рассказать о моей бесконечной любви, пришла пора тебе это знать. Старая я уже, может, и не случится увидеться, если с Божьей помощью ты всё же найдёшься. Раньше была уверена, что появится возможность рассказать обо всём при встрече. Не появилась. Вот и останется моё письмо, может, хоть оно своего часа дожждётся...

Помню, как соседка привезла из сельсовета весть об окончании войны. Воздух в деревне вдруг ожил, наполнился непривычными звуками: одни женщины с безысходностью голосили по погибшим, другие обнимались и радовались, что их родные воины живы и есть кого ждать с фронта. Дети веселились, бегали вокруг и хвастались ещё не увиденными наградами отцов, которые, может быть, уже едут домой. До сего времени перед глазами, как живые, фигуры деда Антона и хромого дяди Семёна, которые молча опустили на колени перед деревянным крестом на перекрёстке. Они не стыдясь плакали, растирая слёзы на исхудавших лицах, благодаря Бога за избавление, за возможность жить. Потом к ним присоединялись и женщины — каждая шептала свою молитву, свою благодарность. Тихо все разошлись по дворам. Вместе с вечером на деревню надвинулась долгая тяжёлая тишина. В каждом доме были свои воспоминания о погибших.

Пужинав, ещё долго сидели у стола. В первый раз с начала войны легли спать, раздевшись. Подумалось, что не нужно будет прятать лица от немцев, натянув платок до глаз, обвязывать головы мокрыми полотенцами и залезать на печку, чтобы солдаты думали, что мы больны, в горячке. Немцы очень боялись тифа и тогда быстрее оставляли двор, не успев забрать все продукты.

И уже смелее будет спать, выходить на улицу, не будет страшно жить в деревне, где на почти сто хозяйств оставалось всего трое мужчин: один инвалид и двое стариков. Но мы знали, что здесь, среди своих, нам выживать было легче, чем вам, нашим отцам и братьям, нашим любимым, там, на фронте, где каждый день смерть смотрит в глаза и, не жалея, без разбора забирает жизни в этой страшной бойне.

Каждую минуту того мирного вечера я была окутана воспоминаниями о тебе. Постояла у речки. Тёплый ветерок ласково трогал мои волосы, и я ощутила прикосновение твоей руки, будто ты на самом деле поддерживал меня на мостке, как когда-то, ещё до войны. Потом — бессонная ночь: я думала о том, что сейчас, когда закончилась война, будет легче найти всех без вести пропавших. И ты обязательно найдёшься. Представляла, как бросится навстречу твоя мама и, поздоровавшись с ней, ты глазами будешь искать меня. Не смущаясь, крепко прижмёшь меня к себе, и я опять почувствую запах твоей кожи, волос, твоей одежды. Я помню его и сейчас, он так и существует во мне ароматом нашей любви...

С фронта возвращались почти до самой осени. Кому-то приходили запоздалые «похоронки». А тех, кто не считался погибшим, продолжали ждать, прислушиваясь долгими вечерами к каждому шороху во дворе. Отца с братом мы дождались, а вот дядю Фёдора — нет. Накануне Нового года тётя Аня получила похоронное письмо на мужа. Трудно было осознать, что маленький Иван, которого Анна родила в подвале во время бомбёжки, никогда не увидит отца, не ощутит силы и нежности его рук.

Следующую весну я провела у нашей родственницы в городе, училась на портниху. Дни в заботах, тоскливые вечера. Дважды на неделе на станцию прибывали поезда из Бреста — я бегала их встречать: сердце колотилось, казалось, выскакивало из груди, когда поезд останавливался и из вагонов начинали выходить военные. В каждом из них я на мгновение узнавала тебя. Иногда на носилках выносили больных и раненых, их из военных госпиталей доставляли на долечивание по месту жительства. Прихорашивалась я перед этим регулярным посещением вокзала, как перед свиданием. Волновалась, сможешь ли ты меня узнать — прошло более четырёх лет. А я тебя узнала бы даже ночью, сердцем бы почувствовала. Но ни один поезд тебя не привёз...

Знаешь, я могла выйти замуж, ко мне сватался Костя из соседней деревни. Он был ранен под Варшавой, вернулся домой в сорок четвёртом. Но разве я могла изменить тебе? Отказала ему, конечно, просила понять и не обижаться.

Что-то я опять не о том... Сколько лет на свете живу, а так и не научилась говорить о чувствах. Да и где найти те слова, чтобы было понятно, что чувствовало моё сердце, когда я, столько лет пробегая по лесной тропинке на работу, каждый раз прикасалась к нашей берёзке, у которой мы пообещали друг другу быть верными навсегда? А куда было деваться вёснами от запахов черёмухи и сирени — напоминаний об огромном букете, который ты, не смущаясь родителей, принёс в наш дом воскресным утром?! Я и сейчас помню, как светились и переливались синевой твои счастливые глаза, когда протянул тот букет мне. Временами девичьи грёзы переносили меня на берег озера, которое считалось бездонным и очень опасным, но только не для тебя. Спокойный и красивый, ты подплывал к лилиям и, нырнув,

вырывал их с длинными стеблями, чтобы подарить мне. Каждая частичка моего существа наполнялась ощущением счастливой благодарности за эти чудесные знаки первой юношеской любви...

Выросла младшая сестра, вышла замуж и уехала к мужу в город. Подросли племянники, стали приезжать на каникулы. Я часто водила их по нашим тропинкам, представляя, как мы с тобой радовались бы своим детям. Помнишь, мы мечтали, что у нас обязательно родятся двое мальчиков и две девочки? Не родились и уже никогда не родятся...

Однажды я складывала сено на лугу и попала в грозу. Казалось, что молния разрывает небо на клочки. Раскатистый гром просто ревел с неба. Я стояла одна — и внезапно заплакала, заголосила — от страха грозы и скорой осени жизни, от беспомощности перед проявлениями природы и судьбы. Было неуютно и одиноко среди этих жёстких струй дождя, которые смешивались с солёными ручьями из моих усталых глаз...

Тучи уплывали с неба и исчезали за лесом так же быстро, как и насовывались. Посветлело. Насквозь промокшая, я скорым шагом спешила домой. Навстречу наперегонки неслись племянники Василёк и Петя. Перебивая друг дружку, говорили, что волновались за меня: «Ничего с этим сеном не случилось бы. Дед сказал быстрее тебе тёплый платок донести, накройся».

И эти простые ребячьи слова будто бы подтолкнули меня взглянуть на жизнь иначе. Успокоилась, поняла, что нужно радоваться и быть благодарной Богу за всё. И сейчас я знаю, что самое большое достояние — это мир и смех детей, утреннее пение птиц, перезвоны колоколов и грохот гроз. Я должна всё делать для того, чтобы Василий с Петром хорошо знали о жертвах ради Победы и надёжно берегли наш покой.

Пока возвращались, решили, что завтра съездим в город. На небе, омытом летним дождём, неповторимыми красками сияла радуга...

Вот и поговорили, повспоминали. Перед глазами твоя незабываемая улыбка. Спасибо тебе за мир, за силу любви, которая оставила в моём сердце надежду, свет которой неподвластен времени. Я верю, мы обязательно встретимся...»

Боясь шелохнуться, я неподвижно сидела у стола. Представляла улыбчиво-грустные глаза тёти Нины, красивые тонкие пальцы её рук, которыми я всегда любовалась, когда она учила меня вышивать. Размазывая по щекам слёзы, пыталась не всхлипывать, чтобы не разбудить домашних. Открыла окно, ночная прохлада заставила вздрогнуть. Глядя на звёздное небо, я поняла и твёрдо в это поверила, что любовь никуда не уходит, она рождается в душах людей навсегда, чтобы светить неугасающим светом детям, внукам, любимым, просто знакомым и незнакомым, всем, чьё сердце готово её принять. Она всегда побеждает...

Вынужденная посадка

Интересное свойство памяти — её избирательность... Бывает так, что определённые события помнятся всю жизнь и думаешь: а чем же они окрашены, эти запомнившиеся события, какой краской времени?

Даже сейчас, по прошествии семи десятилетий, цепкая память на то время двухлетнего мальчугана Алёши воспроизводит одно яркое событие и способна в подробностях описать то, что происходило в один из тёплых летних дней 1939 года.

Обычная небольшая деревушка в Западной Белоруссии, в округе было много таких деревень. Выйдешь на дорогу, посмотришь вокруг — а со всех сторон деревни видны. Местность равнинная, а лес тянется только в западном направлении. Между деревнями, в юго-восточном направлении от родной деревни Алёши, было большой коллективный луг, на котором пасли домашний скот. Место было ровное и называлось выгоном — туда выгоняли пастись стадо коров и трава там была ровненько «пострижена» вечно жующими травоядными животными.

И вот на этот рядовой выгон в один прекрасный для местной ребятни день приземлился польский военный самолёт, который летел с востока в сторону Польши. Посадка на выгоне между деревнями была вынужденной, а её причина заурядная: кончилось горючее.

В самолёте были лётчик и два военных пассажира в фуражках-рогатувках с четырёхугольным верхом. Уж очень Алёше запомнились эти оригинальные головные уборы польских военных! Ведь отец его в молодости проходил службу в польской армии и тоже носил польскую военную форму, включая красивую и необычную фуражку — «рогатувку», даже сохранились фотографии отца тех времён в таком головном уборе.

За горючим для самолёта пришлось снаряжать в город несколько подвод. Алёшин дедушка с соседями и в сопровождении лётчика ездили в Брест и привезли оттуда для заправки самолёта несколько бочек с керосином.

В ожидании горючего к самолёту никого не подпускали, он был под охраной прилетевших на самолёте военных. Город был рядом, и бочки с горючим прибыли быстро, к вечеру в тот же день. Сама деревня находилась и сейчас находится меньше чем в двадцати километрах от польской территории, тогда говорили, что часть Белоруссии была «под Польшей».

Когда топливо из города прибыло, то с помощью местного населения самолёт для взлёта развернули носом в нужном направлении, заправили горючим, и он благополучно полетел по своему назначению в Польшу. Пустые бочки из-под горючего сельчанам пришлось на следующий день увозить обратно в Брест на тех же телегах.

Это приключенческое событие было очень необычным и запоминающимся для деревни, особенно для детворы того времени, и врезалось в детскую память двухлетнего малыша на всю жизнь. Некоторые детали ему, уже повзрослевшему, потом рассказывали взрослые и дети постарше. Но сам факт приземления и взлёта самолёта, доставки топлива для него, наличия «рогатувков» у военных дядей — ему запомнились навсегда.

По слухам, этот самолёт доставлял какую-то секретную информацию, возможно, это даже был военный архив! Т-с-с!.. Но почему тогда не заправили самолёт горючим в полном объёме? А может, он летел из Польши разведывать Минск, Минский район, а потом обратно без посадки, вот горючее и закончилось?

На эти вопросы уже никто не ответит. Да и не надо, неразгаданная тайна всегда притягивает внимание и запоминается, окрашенная загадочным цветом времени...

Немецкий лекарь

Остановочный пункт Кошелево Брестского отделения Белорусской железной дороги находится примерно в десяти километрах от Бреста в восточном направлении. Во время войны, когда фронт уже ушёл далеко на восток, здесь был пост охраны путей, где базировались немцы и мадьяры. Там же был медицинский пункт, в нём принимали и местное население.

Люди особенно не хотели идти к немецкому врачу, только в случае острой необходимости. И вот такая необходимость возникла у мамы мальчика Алёши, которому в начале войны было всего пять лет. У черноволосого мальчугана с большими выразительными глазами появился на ноге лишай и образовалась овальная язва примерно восемь на десять сантиметров, которая постепенно увеличивалась, расширялась в размерах и очень чесалась, вызывая сильнейший зуд.

Мама с сыном Алёшей были вынуждены обратиться за медицинской помощью к немецкому врачу, идти надо было два километра по утоптанной полевой дороге. Для оплаты лечения мама взяла с собой курицу, домашние яйца, творог и сыр. Стояла очень хорошая летняя погода, поэтому сама дорога особых трудностей не представляла, но вот лишай...

Немецкий лекарь оказался упитанным военным среднего роста, говорящим по-русски. Он осмотрел больное место, налил в тазик воды, насыпал туда какой-то белый порошок, и Алексей поставил больную ногу в тазик. Врач дал маме жёсткую ткань, мол, очищай рану от ороговевших наслоений. Мать Алёши очень щадяще стала скрести коросту — жалко делать больно родному сыну!..

Лекарь смотрел-смотрел, не выдержал, забрал у мамы текстильный скребок, и стал сам интенсивно им работать. Боль была невероятная. Алёша, стиснув зубы, мужественно молчал, не заплакал, терпел всю боль и во время лечебной экзекуции не проронил ни звука, думая при этом: «Не буду перед немцем плакать!».

Врач внимательно посмотрел на мальчика и похвалил его за мужество: «Гут!». После очистки от коросты, когда рана уже подсохла, лекарь посыпал её порошком, нанёс лечебную мазь и, наложив повязку, забинтовал рану.

Пришлось к лекарю-немцу ходить ещё несколько раз на перевязки. Болезненных экзекуций больше не требовалось, врач просто менял бинты и накладывал свежую лечебную мазь на затягивающуюся рану.

Уже после войны у Алёши опять появился лишай, но теперь на руке. Немецких лекарей в округе не было, и слава богу, так что пришлось Алексею самому лечиться способом, известным в деревне. Кто-то из местных жителей посоветовал лечить лишай самостоятельно мазью.

Чтобы получить эту чудодейственную мазь, надо было взять чистый лист плотной белой бумаги, свернуть в трубочку диаметром в несколько сантиметров, поставить на чистую тарелку вверх дном и зажечь бумагу в её верхней части. А почему тарелку вверх дном? Возможно, чтобы каждая сторона тарелки исполняла своё предназначение: внутренняя — для пищи, а наружная — для непищевых, но лечебных целей.

Оказывается, при сгорании бумаги выделяется темно-жёлтая мазь, которая остаётся на тарелке в основании трубочки. Скорее всего, это древесная смола, натуральная, без химии. Вот этой мазью надо было смазывать поражённые лишаям места.

Подросток так и сделал несколько раз, и лишай совсем исчез. Набираясь опыта получения чудодейственной мази, Алёша, не дожидаясь полного сгорания бумаги, быстренько убирал её, горящую, с тарелки, и мазь получалась чистой, без сажи. А чтобы бумага при горении чётко держала форму трубочки, он перевязывал её тонкой нитью.

Помогает смола-лекарство, в этом убеждались местные жители не один раз, и, самое главное, не нужен никакой заморский лекарь, к тому же непрошенный! И домашние куры, и домашние яйца достаются своим домочадцам, а не чужим людям!

А здание, где во время войны лечили Алёшу, есть и сейчас, правда, немного перестроенное. В одной части помещения живут люди, а во второй расположен зал ожидания на свежем воздухе под навесом, где пассажиры на остановочном пункте с довоенным названием Кошелево ожидают электричек и дизельных поездов. Белорусская железная дорога продолжает в наше время успешно работать!

Встреча с настоящим партизаном

Вокруг деревни, где родился и жил мальчик Алёша и где он живёт в настоящее время, уже находясь на заслуженном отдыхе, сейчас наблюдаются сплошные совхозные поля да чахлые одинокие кустики у искусственно прорытых, с целью осушения болотистой местности, каналов.

А в период панской Польши, во время Отечественной войны и после её окончания, — сразу за деревней начинался кустарник, переходящий в невысокий лес, который тянулся далеко на запад, являя собой уже настоящий лес с высокими могучими деревьями, где жители ближайших деревень собирали грибы и ягоды.

После войны, с развитием сельскохозяйственных работ в местном колхозе, потом переорганизованном в совхоз, деревья в лесу вырубались, лесные уголья выкорчёвывались, а вместо них возделывались поля.

Недалеко от деревни, всего в пятистах метрах, находился панский дом, или маёнтак, как его называли в округе. До 1939 года там жила польская семья помещиков — отец с двумя взрослыми сыновьями, но когда Западная Белоруссия воссоединилась со своей восточной частью, хозяева уехали в Польшу и дом остался бесхозным.

С началом войны крёстные Алёши уехали из Бреста и вернулись в свою родную деревню. Родители называли их просто Никита и Федора. Своего дома в деревне у крёстных уже не было — продали его, уезжая в город, поэтому они поселились в бывшем панском доме. Родители Алёши часто помогали им продуктами, ведь в те времена всё съестное в деревне было своим, домашним, натуральным и, конечно, полезным и вкусным.

Было это поздней осенью 1942-го или 1943-го года. Мать в очередной раз приготовила корзинку с едой: молоко, творог, сметана, масло — и поручила отцу отнести эти продукты крёстным, а Алёша, как обычно, пошёл вместе с отцом. Дорога проходила через высокий кустарник, перелесок, за которым вдалеке начинался настоящий высокий лес.

Алёша с отцом вышли за деревню и только зашагали по дороге в направлении к панскому дому, как неожиданно из-за высоких кустов вышел мужчина в ватнике, с красной повязкой на шапке. В руках он держал автомат ПВШ с диском. Надо сказать, что вид мужчины полностью соответствовал облику партизан на послевоенных фото, но Алёша этого ещё не знал, ведь впереди были суровые годы войны. Неизвестный мужчина, держа руку на автомате, строго спросил:

— Кто вы такие? Куда идёте?

— Мы из этой деревни. Идём в панский дом к родственнице Федоре, вот продукты ей несём, — ответил отец. Крёстные хоть и не были прямыми родственниками, но отношения складывались с ними родственные, к тому же они были однофамильцы с семьёй Алёши.

— Хорошо. Пишите нам расписку, что вы нас не видели.

Отец расписался в какой-то бумаге, и им разрешили продолжить свой путь. Пришли в панский дом к Федоре, отдали ей корзинку с продуктами. Отец рассказал крёстной Алёши о встрече с человеком на опушке леса и о данной ему своей расписке.

— А с Алёши взяли расписку? — спросила крёстная.

— Нет, не взяли, — ответил отец.

— Лёша, ты смотри, никому не говори, что встретил дядю в лесу! — строго и назидательно произнесла крёстная Федора и при этом для пущей убедительности погрозила пятилетнему мальчику пальцем.

На обратном пути уже никто не останавливал отца с сыном, и они благополучно вернулись домой.

Потом стало известно, что в тот день, когда Алёшу с отцом на дороге остановил партизанский патруль, в панском доме проходило совещание командиров партизанских отрядов, действовавших в Брестской области, по планированию диверсий против оккупантов. Эти диверсионные действия сознательно не планировалось проводить в ближайших от бывшего панского дома районах, чтобы

не привлекать внимание немцев к местности, где разрабатывалась идеология борьбы с фашистами.

Сама крёстная Федора, оказывается, во время войны была партизанской связной, поэтому и уехали они с мужем из города, чтобы поселиться отдельно и в то же время недалеко от леса. Соответственно место важных совещаний и подходы к нему тщательно охранялись партизанскими патрулями.

После окончания войны, глядя на фотографии и портреты партизан в газетах и журналах, видя их красные повязки на ушанках и автоматы с круглыми дисками, Алёша понял и убедился в том, что та запомнившаяся ему встреча в лесу была встречей с самым настоящим партизаном.

Прогулка с собакой

Шёл 1943 год. Местность, в которой жила семья Алёши, была оккупирована немцами. Ежемесячно во всех деревнях каждый двор должен был платить местным властям налоги со своего хозяйства в виде натуральных продуктов, эти налоги в народе назывались «податок». Власть есть власть, даже оккупационная, поэтому оплата «податка» производилась неукоснительно и своевременно.

Сдавали налоги в деревне Велюнь, которая находилась в двух километрах от родной деревни. Алёша очень часто сопровождал отца по его делам, вот и в этот раз они пошли в соседнюю деревню вместе. Отдали там очередной налог, потом зашли в местный магазин, где отец купил сыну конфеты «подушечки».

После выполненного обязательства перед оккупационными властями отец с сыном двинулись в обратный путь. Шли по дороге спокойно, не торопясь и несколько расслабившись: отец посередине, а Алёша у обочины, за которой начинался невысокий лес. Сын шагал без страха, рядом же был отец! Алёше было привычным, как старшему сыну, вместе с отцом ходить по семейным делам.

Из леса неожиданно выскочила большая собака и побежала быстро вперёд, параллельно направлению движения Алёши. Потом она замедлила свой бег, перешла на спокойный шаг, как будто её кто-то затормозил, и в какой-то момент поравнялась с мальчиком, пошла рядом с ним в том же направлении, как шла семья.

Некоторое время они шли рядышком: ребёнок и собака, а отец всё той же неторопливой походкой шёл в стороне. Алёша положил руку на спину собаки, ласково и нежно погладил её. Собака повернула голову в сторону мальчика, внимательно посмотрела на него, и некоторое время они шли рядом «ножка к лапе».

Потом собаке, видно, надоела классическая прогулка с ребёнком, и она ускорила свой шаг, отошла от мальчика и скрылась в лесу, из которого недавно появилась. Некоторое время отец и сын молча продолжали свой намеченный путь. Прошло десять минут, прежде чем отец спросил сына:

— Алёша, а знаешь, кого ты только что погладил?

— Да, знаю. Собаку.

— Нет, сынок, это был волк!

Алёша не испугался, он в том возрасте ещё не знал, что волки очень опасны для людей и с ними лучше не встречаться, а уж тем более не гладить их по спине.

Видно, во время их неожиданной встречи ребёнок не источал чувства страха, и волк с уважением, а может, с желанием его защитить подошёл к нему как к своему дитёнышу. Но защищать было не от кого, так как отец Алёши внешне спокойно к этому отнёсся, не выразил страха, и волк решил, что ребёнок в безопасности. А раз в безопасности, то ему самому можно бежать по своим важным волчьим делам.

А может, почувствовав спокойствие и гармонию в семье человека с ребёнком, волк заторопился к своей семье?..

Вот такая прогулка была с мирным, умным, но диким хищником, не почувывшим страха у людей.

Атака

(отрывок из повести «Право вести в бой»)

Костычев оценивающе прошёлся взглядом по позиции врага. Недалеко до неё, почти рядом, свеженасыпанный песок, наспех отрытые окопы. Цепляются фашисты за каждый бугорок, пытаются спасти свой пресловутый «Восточный вал».

Уже вторая половина дня. На ещё зелёной траве повисли капли брызнувшего дождя и заиграли на выглянувшем солнце.

Осень и такой весёлый, чем-то знакомым, милым отдающийся в сердце день! Но чем? Степан не мог понять. На душе такое переплетение чувств! И частые выстрелы, несущие смерть. И вот эта забота — отбросить немцев, выполнить задачу. И письмо из дому, в котором мать просит побереечь себя, «не лезть на рожон».

Но что-то в памяти прояснилось. Теперь ему понятно, откуда потянулась эта светлая мысль. Однажды утром он шёл на сенокос. За березняком пешеходный мостик через тихую заплывшую речку и затем луг. На каждом лепестке — тяжёлые капли росы. Взошло солнце, и лучи его коснулись травы. Вспыхнули миллиарды огней — такое восхитительное зрелище! Он, потрясённый, остановился и прижал руку к груди. Через полчаса косил. Взмахнёт рукой, а с влажной травы, которая ложится влажным валком, будто горохом, слетают изумруды. Звенит сталь косы, парует луг под лучами солнца. Кажется Степану, что он в каком-то таинственном царстве.

Вскоре над окопами потускнело, солнце спряталось, а видение не исчезло — казалось, по-прежнему перед ним капли сверкающей влаги.

Прибыл связной от командира батальона: нужно подготовиться к атаке. Костычев передал команду по цепи. Затем через головы, сверля воздух, шипя, полетели снаряды нашей артиллерии. Они разрывались недалеко. Ответили орудия немцев. Завязалась дуэль.

Затем разрывы снарядов и мин перенеслись в глубину обороны. Костычев, выпустив две зелёные ракеты, поднялся из траншеи. Он не смотрел вправо, влево, не ждал, когда его нагонят. Он знал, что солдаты не отстанут, ещё обойдут его.

— Ура-а-а! — гремело по всей цепи.

Костычев тоже кричал во всё горло. Он не чувствовал под собой ног, прыгал через канавы, траншеи, бежал что есть духу, замедляя шаг только для того, чтобы дать очередь из автомата.

Не первый раз он в таких атаках. Можно сразу почувствовать, будет успех или нет. Тут какой-то психологический момент: если атакующие стремительны, настойчивы, с первых минут захватывают инициативу, давят на врага своей мощью, верой в победу — ему не устоять.

Но вдруг что-то произошло над полем боя, будто надвинулась тяжёлая туча. Степан ещё не знал, в чём дело, но понимал: вмешался противник. Костычев глянул вправо и увидел выдвинувшиеся из рожи «пантеры». От них потянулись огненные трассы. Рядом зацокали пули. Костычев бросился на землю. Залегла вся цепь. Степан прижимался к земле, чувствуя её запах, ругался, кипел негодованием. Ни минуты передышки. День и ночь. Предел должен быть. Младший лейтенант передал по цепи: приготовить гранаты.

По «пантерам» уже вели огонь наши орудия. Один из танков был подбит, но другие продолжали приближаться. Они уже близко. Плохо, что стрелки не в траншее, а там, где их застали пулемётные очереди. Кто в воронке, кто в случайном окопе. Степан отчётливо видел на танках чёрные с белой каёмкой кресты. Доносился сладковато-удушливый запах горючего. Машины были похожи на больших жуков, дёргали стволами, что те усиками. Он заметил, как резко опустилась пушка переднего танка, нащупывая цель, и ещё плотнее прижался к земле.

Кто-то слева метнул тяжёлую гранату в танк. Но не добросил. Руку занёс другой и упал, подкошенный очередью. Рядом с Костычевым ударил гром. Тугой струёй шибануло в лицо. Продохнуть нельзя. Но вроде цел. А танк продолжал идти на воронку, где он укрылся. В это время Степан заметил, что его сосед Иван Теплов с гранатой метнулся к машине. Степан не увидел, добежал тот или нет, но взрыв прогремел. А «пантера» всё шла, громыхая мотором, гусеницами. Костычев следил за ней. Нужно уловить момент, когда экипаж повернёт башню в сторону, и в это время приподняться, пробежать несколько шагов и метнуть гранату. Он вскочил, сделал несколько стремительных шагов, размахнулся, бросил и упал от жгучей боли. Старая рана дала о себе знать.

А танк? Он шёл мимо, неуязвимый, сея смерть. Костычев каким-то чудом уцелел. Что же сделать? Опять взрыв. Это тот же Теплов. Он всё же подбил «пантеру». Она завертелась на одном месте, а потом и остановилась совсем.

Два танка, атаковавшие взвод, с которым был капитан Мушинский, тоже были подбиты. Остальных уничтожили орудия прямой наводки. Костычев снова поднимал людей в атаку. Поредела уже цепь. «Ура» жиденькое — крикнули раз, другой и затихли. На пути речушка. Гитлеровцы, отстреливаясь, отходили влево, в сторону моста. Решение быстро созрело: не отстать от вражеских солдат, на их плечах вырваться на мост.

— За мной, товарищи! — крикнул Костычев охрипшим голосом.

У моста вспыхнула рукопашная. Степан выскочил вперёд. Где прикладом, где очередью из автомата проложил себе дорогу. Кто-то задел его за больную руку, и он чуть не упал от боли. В это время пуля ужалила в ногу. Он присел было, но сразу же выпрямился, снова рванулся вперёд. Не успел он сделать и несколько шагов, как получил ещё одно ранение — в шею. Стиснув зубы, окровавленный, Степан продолжал бежать.

Вдруг он оказался в окружении немцев.

— Командир в опасности! — подал кто-то голос.

И многие поспешили к нему. Опять рукопашная.

— На мост! За мной! — звал младший лейтенант подчинённых. Каску он потерял. Гимнастёрка пузырилась на спине. В руках вздрагивал огнедышащий автомат.

К мосту с другой стороны спешила группа немцев.

— Вперёд! — вёл за собой бойцов Костычев, стремясь опередить немцев. Высокий, с взъерошенными волосами, он крупными прыжками выскочил на мост. И это уже раненый. Откуда брались такие силы?

Никто сразу не обратил внимания на то, что командир вдруг остановился, будто на чём-то споткнулся. Его обогнали, проскочили вперёд. А со Степаном творилось что-то неладное. Он остановился оттого, что сильно, как большим шилом, кольнуло в грудь. Жгучая боль разлилась по всему телу. Помутилось сознание.

Он сделал ещё несколько шагов, придерживаясь за перила моста, ступил на обочину дороги. Сквозь какую-то дымку Степан старался понять, отбили ли наши тех немцев, что спешили к мосту. Кажется, отбили, вон лежат трупы. Ноги его подкосились, и Костычев медленно опустился на землю. У лица — наполовину завядшая, пахнущая прелью трава. Он ещё чувствовал её сырость и ещё что-то такое знакомое, далёкое. Перед ним возник тот залитый солнцем жёлтый и белый луг за мостиком. Будто каждая росинка на траве этого луга звенела, отдавалась в ушах. Звенела колокольчиком — то очень тонко, высоко, то мягко, нежно. Что-то светлое мелькнуло перед ним. Ему казалось, что он ещё стоит, раскачиваясь, и всё вокруг него вертится — и облака на чистой, словно вымытой синеве, и темнеющий лес, и близкие разрывы артиллерийских снарядов, поднимавшие вверх столбы чёрной земли.

Жизнь... Неужели она для него кончилась? Что он успел сделать за свои двадцать четыре года? Принёс ли он пользу людям? И сколько ещё боев на том большом пути, о котором он часто говорил?.. Какое счастье быть в строю, чувствовать себя солдатом, идти в атаку... Ты вроде отставшего журавля, притом израненного, истекающего кровью...

Офицеры. 1918

Драма

100-летию Вооружённых Сил
Республики Беларусь посвящается

Это есть наш последний и решительный бой...

Действующие лица

Б е л я е в, подполковник.
П е т е р с, капитан.
Ш л ы к о в, капитан.
А н к у д о в и ч, штабс-капитан.
В а к у л е н к о, поручик.
Л е п к о, прапорщик.
С о к о л о в, председатель полкового комитета.
Л ю ф а н о в, командир полка.
П е р в у х и н, комиссар.
Ж е н а Б е л я е в а.
1-й солдат.
2-й солдат.
Н е м е ц к и й с о л д а т.
С т а р ш и й л е й т е н а н т.
П р а п о р щ и к.
Б о е ц.
С о л д а т ы п о л к а.

Пролог

Наши дни. Огороженные позиции в лесу. Работают поисковики 52-го отдельного специализированного поискового батальона. Б о е ц почти полностью скрылся в раскопе. Сверху стоят старший лейтенант и прапорщик.

Б о е ц (*из раскопа*). Винтовка. Приклад почти сгнил.

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Трёхлинейка?

Б о е ц (*из раскопа*). Не, фрицевская. «Маузер-98».

П р а п о р щ и к. Ну, значит, немецкая позиция.

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Это с чего ты взял? С того, что винтовка немецкая? Так она трофейная может быть. Надо по совокупности всего выводы делать. (*В раскоп.*) Ещё чего есть?

Б о е ц (*из раскопа*). Гильзы. Тоже «Маузер», калибр 7,92. Много... (*Пауза*.) Станина пулемёта... «Кольт»... И гильз тоже много, видать, до конца отстреливались... Фуражка... Вроде русская, только без кокарды. Шинель... русская, без погон. На рукаве остатки повязки какой-то, по цвету не понять...

П р а п о р щ и к. Осторожно там с ней, а то разлезется под руками от времени. Останки есть?

Б о е ц (*из раскопа, тихо*). Так точно. Череп... Второй... Ещё один... Малая берцовая... (*Пауза*.) Тут все полегли, товарищ старший лейтенант...

Пауза.

С т а р ш и й л е й т е н а н т (*тихо*). Нашли кого-то...

П р а п о р щ и к. Звоню в Следственный?

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Давай.

П р а п о р щ и к (*вынимает телефон, набирает номер*). Алло... Прапорщик Иваницкий, старший инструктор 52-го оспб. Найдены останки и оружие. (*Пауза*.) Да, как обычно — криминального характера не имеет, относится к боевым действиям, захоронению более пятидесяти лет... Судя по всему, Первая мировая. Ал-ло. Да это в лесу связь плохая просто... Вилейский район Минской. Да, ждём. (*Прячет телефон, Старшему лейтенанту*.) Через час следаки будут. И как тут раньше чёрные копатели всё не разворошили?

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Мне это место Володя Богданов подсказал. У него самая большая база по захоронениям Первой мировой у нас. В свободное время ездит, ищет, сам восстанавливает...

П р а п о р щ и к. Молодец мужик, уважаю.

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Да ты его видел на «Линии Сталина», когда Нарочь реконструировали. Высокий такой, лысый, с фотоаппаратом все время.

П р а п о р щ и к. Это когда ещё Борис Борисович Цитович был? И заряды на поле заложили такие, что там всё дымом заволокло, ни черта не видно было?

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Во-во.

Из раскопа выбирается Б о е ц с металлодетектором, в маске и перчатках. Рукой в перчатке протягивает старшему лейтенанту значок.

Б о е ц. Там ещё вот такой значок лежал. Рядом с шинелью. Был на ней, наверное, а потом ткань выгнила...

С т а р ш и й л е й т е н а н т (*рассматривает*). Б, Н, С, Г... Никогда такого не видел.

П р а п о р щ и к (*озадаченно*). И что это может значить?

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Чёрт его знает... Одно ясно — наши, раз «Б» и «Г» кириллические. Сейчас Андрюху Аралина наберу, он в фалеристике лучше всех разбирается. (*Вынимает телефон, набирает*.) Алё... Алё-ё!.. Андрей? Ну здорово. Слушай, тут для тебя задачка интересная. В раскопе знак нашли. Ну или жетон, я плохо разбираюсь, это по твоей части... Скорее жетон. Жестяной, в центре пятиконечная звезда, по бокам лавровые ветви, снизу щиток, на котором буквы Б, Н, С, Г. Ал-лё... Да я в лесу, связь пропадает... Я говорю, может, ты сталкивался с

таким?.. Б, Н, С, Г. Что рядом? Останки, русская фуражка без кокарды, русская шинель без погон, «Маузер-98», гильзы маузеровские, станина пулемёта «Кольт»... Первая мировая, наверно. (*Пауза.*) Ну вот мы тоже тут головы ломаем. Давай я тебе сейчас фотку скину, посмотри. Если надумаешь что-нибудь, набери, будь другом. (*Вешает трубку.*) Он тоже такого никогда не видел. И что за буквы, понять не может. Сказал, подумает. Я попозже ещё Андриюхе Каркотко позвоню из вилейского музея. (*Бойцу.*) Ещё что-нибудь есть интересное?

Б о е ц. Труба какая-то... здоровая такая. Я об неё чуть БСП не сломал. И пластинка ещё.

П р а п о р щ и к. Какая ещё пластинка?

Б о е ц. Ну, как на проигрывателях были. У меня отец собирал ещё... Битлов особенно...

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Та-ак, нам только битлов тут не хватало. (*Спускается в раскоп, весело.*) Слышь, Петрович, а тут в самом деле меломаны сидели!.. Труба-то знаешь какая? От граммофона!.. И пластинка есть... обломки, вернее.

П р а п о р щ и к. Ну да, с комфортом люди воевали... (*Бойцу.*) Свободен.

Б о е ц козыряет и уходит.

Ладно, разберёмся. И не в таких случаях разбирались. А пятиконечная звезда на значке — советский, значит.

С т а р ш и й л е й т е н а н т (*выбирается из раскопа, отряхивает руки, иронично*). Советский? А звёздочки на погонах царских офицеров какие?

П р а п о р щ и к (*озадаченно*). Точно! Пятиконечные.

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Во-во. Николай Первый их ещё ввёл. В 1827 году. Он, по-твоему, тоже советский был?.. Учите матчасть.

Прапорщик присаживается на сложенные у раскопа ящики, достаёт электронную сигарету.

Старший лейтенант присаживается рядом, фотографирует телефоном значок и начинает копаться в телефоне.

(*Глядя в телефон.*) Бросал бы ты это дело.

П р а п о р щ и к. Так электронная же.

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Один чёрт. В них тоже всего хватает.

П р а п о р щ и к. Так везде всего хватает. Сейчас курить не вредней, чем сосиски есть.

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Это точно... Так, Андриюхе фотку значка отправил. А «Гугл», слышишь, это БНСГ тоже не знает. Все ссылки на БНС, Блэйд энд Соул, игра какая-то. (*Набирает номер.*) Алло... Музей? Добрый день, а Андрея Каркотко можно слышать?.. А, в командировке... Спасибо, извините. (*Вешает трубку.*) Ну ладно, потом тогда.

Пауза.

П р а п о р щ и к (*затягивается, задумчиво*). Вот сидим мы, а лет сто назад тут тоже, может, какие-то наши сидели. Тоже курили, языками чесали... Граммофон слушали...

С т а р ш и й л е й т е н а н т. Ага, только сигареты были не электронные и телефонов у них не было, а то всё в них ковырялись бы.

П р а п о р щ и к. Не, тогда люди с понятиями разговаривали, от души, подолгу... И мечтали, наверно, и надеялись, и думали о чём-то... Интересно, о чём?

Затемнение.

Действие первое

Занавес опущен. Звучит голос: «Конец 1917 года. Четвёртый год бушует пламя мировой войны. В Беларуси фронт стоит уже больше двух лет, разделив нашу землю пополам от Постав до Пинска. После Октябрьской революции в армию приходят революционные преобразования. 3 декабря 1917-го у офицеров были отменены погоны, чины и ордена, а сами они были уравнены с солдатами».

Занавес поднимается.

Та же позиция, но изменившаяся. Несколько столбов с витками колючей проволоки. К одному из них прислонена гитара. На снаряжных ящиках сидят подполковник Б е л я е в, капитан П е т е р с, капитан Ш л ы к о в, штабс-капитан А н к у д о в и ч, поручик В а к у л е н к о. На одном из ящиков накрыт импровизированный стол, стоят кружки, банки консервов. Входит прапорщик Л е п к о.

Б е л я е в. Ну что, достали?

Л е п к о. Ну а как же? *(Вынимает из-под полы шинели бутылку.)* Германский.

П е т е р с. И откуда дровишки?

Л е п к о. Из лесу, вестимо. Купил у наших солдатиков. Сорок керенок, и вся недолга. А тем немцы принесли. Братания же официально разрешены...

Ш л ы к о в. Солдаты ничего не заподозрят?

Л е п к о. Могут, конечно. Но тут уж, как говорится...

Б е л я е в. Н-ну-с, господа офицеры... Начнём, пожалуй?

Офицеры придвигаются к нему, вынимают жестяные кружки. Беляев открывает бутылку, наливает шнапс. Пауза.

(Тихо.) Сегодня у нас день, который мы с вами никогда не забудем. Даже когда настанет наш смертный час и, как говорится, вся жизнь будет проноситься у нас перед глазами, первым делом мы, наверно, увидим именно его... День, когда мы снимаем с себя погоны и ордена.

Пауза.

Давайте каждый из нас, господа, скажет несколько слов о том... да нет, не надо высокопарностей, а просто вспомнит самое волнующее и светлое, что было у него связано с погонами... Согласны?

В с е. Согласны... Конечно... Так точно, господин подполковник...

Б е л я е в. Начнём с младших по чину. Прапорщик Лепко, прошу вас. Можно сидя.

Л е п к о *(смущаясь)*. Господа офицеры... Не знаю, как вам, а мне горько, что уходит в прошлое само это обращение — господа офицеры!.. И не господа мы

больше, а граждане или товарищи, кому как больше нравится... и офицеров с сегодняшнего дня нет, а есть солдаты революционной армии... Но всё равно. Вы знаете, что я из простых, закончил учительскую семинарию, и учить бы мне детей где-нибудь в Полесье... но когда война, разве ж дело отсиживаться в тылу? Вот и пошёл в школу прапорщиков... (Пауза.) Знаете, как мы пели в школе? «Вчера копался в огороде я, сегодня — ваше благородие...»

В а к у л е н к о. А у нас пели: «Раньше был я дворником, звали все Володею, а теперь я прапорщик, ваше благородие...».

Л е п к о. Вот-вот... Три месяца, и ты уже офицер... Разве ж это учёба против тех, кто училища перед войной заканчивал? Я помню, когда в полк пришёл, первые полгода просто молча ходил да присматривался... К вам вот, Валерий Алексеевич, к вам, Дмитрий Петрович... Как ходите, как садитесь...

Офицеры смеются.

П е т е р с. Да полно вам.

Л е п к о. Да правда, Дмитрий Петрович... Я ж у вас учился глаза на погоны не скашивать. Первое время ходишь и с непривычки постоянно косишься: Господи, неужто и я тоже офицер? Я, Ваня Лепко из-под Мозыря?.. А теперь, выходит, и коситься не на что будет. Вот такая история про погоны у меня. Не чокаясь?..

Б е л я е в. Благодарю вас. Не чокаясь.

Пригубливают. Издалека доносится нестройный шум толпы, выкрики.

А н к у д о в и ч (Беляеву, вполголоса). Разрешите сходить узнать, что там происходит?

Б е л я е в. Давайте.

А н к у д о в и ч козыряет, выходит.

Поручик Вакуленко, ваша очередь.

В а к у л е н к о. А я помню, как плакал от радости, когда первые погоны вручали. Я ж из фельдфебелей в прапорщики вышел. В октябре шестнадцатого, когда газовая атака была, всех офицеров полка отравило... А к нам как раз пополнение пришло, маршевая рота, необстрелянные... Ну и бежать. Ну, остановил их, сказал всё, что следует, на понятном языке... Отбились. Начдив потом перед строем погоны вручал. А я, как дурак, стою и плачу. (Лепко.) Вот ты говорил — Ваня Лепко из-под Мозыря, а я стою и думаю: я, Петя Вакуленко из-под Полтавы...

П е т е р с. Позвольте дополню вашу мысль... Неважно, откуда ты пришёл в великую офицерскую семью, важно, что ты принёс с собой. А вы, господа, принесли с собой лучшую часть народной души. Да, высокопарно, но правда!..

В а к у л е н к о (смущённо). Ну, насчёт народной души — это вам виднее, Дмитрий Петрович... Мы-то простые... Да и не господа уже, выходит. И раньше ими не были, и теперь тоже...

Б е л я е в. Неважно. Вы — офицеры... За вас, господа.

Пригубливают.

Анкудович вышел, так что, капитан Шлыков, прошу.

Шлыков (*после большой паузы, медленно*). А у меня их было несколько. Помню счастье, когда в Полоцке надел самые первые, кадетские. Они красные были, с шифровкой «П. К.». Мне казалось, я сейчас полечу. Десять лет, сопляк, а чувствуешь себя таким взрослым, сильным. И уж во всяком случае гораздо лучше всех тех, у кого нет погон... Козыряли на улице всем подряд. Если долго не попадались офицеры, козыряли городовым, хотя это и не было обязательно...

Беляев. Знакомо, знакомо...

Шлыков. Потом юнкерство. Спишь и видишь — когда уже, когда... Помните ночь накануне выпуска? Кажется, что она никогда не кончится.

Петерс. Помним, конечно...

Шлыков. А потом наконец-то... (*Лепко и Вакуленко.*) Вам-то небось сразу полевые вручали, а мне — золотые... Я их целовал, не скрою. Да и все вокруг целовали. Дураки были сентиментальные.

Входит Анкудович, направляется к Беляеву.

Анкудович (*вполголоса*). Господин подполковник, это солдатский комитет выбирает нового командира полка и комбатов... (*Садится.*)

Шлыков (*тихо*). А потом вот такие вот... берут власть и отнимают у меня то, на что я жизнь положил. Я даже не о погонах сейчас, нет. И не о нём, который кровью оплачен. (*Распахивает шинель, на кителе виден орден Святого Георгия 4-й степени.*) Я о смысле. Я, Юрий Михайлович Шлыков, потомственный дворянин, отдаю Родине всё, что у меня есть, а мне в один прекрасный декабрьский день за это плюют в рожу?.. И сейчас вон на мою комбатскую должность выберут какого-нибудь неграмотного только за то, что он большевик?

Беляев. Юрий Михайлович, не трави душу ни себе, ни другим. Все мы, здесь собравшиеся, понимаем, что творится...

Шлыков. Понимать — одно, а действовать — другое. А мы уже давно не действуем, а плывём по течению... Ещё с тех пор, как арестовали Корнилова.

Петерс. Ну хорошо, Юра, а что ты предлагаешь? Бросить всё и разойтись по домам? Но война-то продолжается, немцы в пяти верстах отсюда стоят. Да, пока перемирие, но где гарантии, что оно не будет нарушено? И что тогда? Кто останется на позициях? Вот эти? (*Показывает в сторону кулис.*)

Анкудович. Дмитрий Петрович прав, Юра. В конце концов, мы ведь не ради погон служим. Пусть они даже и символы...

Шлыков (*вскочил, сорвался в крик*). Да, символы, чёрт бы вас побрал! Символы всего самого светлого и святого, что у меня было!.. Сестры младшей у меня уже год как нет — умерла от тифа, ухаживая за ранеными!.. Отца, полковника в отставке, два года как нет — застрелился от позора, когда узнал, что крепость Новогеоргиевск сдана без боя!.. А они — остались!.. А теперь вот выходит, и их отбирают?!

Беляев (*сухо*). Господин капитан! Офицерское собрание вчера постановило, что процесс снятия орденов и погон во избежание ненужных жертв пройдёт спокойно. Так что возьмите себя в руки и не истерите, как баба. Сядьте!..

Ш л ы к о в. Виноват, господин подполковник. Накатило. Нервы, знаете ли, ни к чёрту... (*Садится.*)

Пауза.

Б е л я е в. Ну что же, следующим у нас говорит штабс-капитан Анкудович. Прошу.

А н к у д о в и ч (*после паузы, тихо*). Знаете, я вот только что был на позициях, видел заседание полкового комитета... Погоны поотпарывали, кокарды поснимали. Соколов, Георгиевский кавалер, свой крест снял...

Б е л я е в. Это председатель комитета, тот, который на последнем митинге себя кем-то объявил, верно?

Л е п к о. Так точно. Энесом.

В а к у л е н к о. Не энесом, а эсером.

Л е п к о. Правильно, а то я все путаюсь — энесы, эсеры...

Б е л я е в. Энесы — это кто?

В а к у л е н к о. Народные социалисты, они за Керенского были. А эсеры — социалисты-революционеры, они во многом с большевиками совпадают.

Б е л я е в. Что в лоб, что по лбу. (*Анкудовичу.*) Простите, штабс-капитан, я преврал вас...

А н к у д о в и ч. Ну вот, я не выдержал, подошёл к Соколову. Соколов, говорю, ты же на Нарочи в шестнадцатом свою роту до штыкового удара довёл, когда все офицеры погибли. За это крест и получил. Что ж ты теперь?.. А тот смотрит на меня в упор... Трезвый, а глаза мутные... То, говорит, была бессмысленная империалистическая бойня, а крест — наследие проклятого царского режима. Теперь всё по-новому будет — ни крестов, ни погон, все равные... Иди, говорит, к своим, вам тоже сегодня есть о чём поговорить. О мире, о детках ваших, о том, что дальше со страной будет. Ну или о том, как грустно погоны снимать. Этого я тебе подсказать не могу, тут каждый сам решает...

Ш л ы к о в. И ты не смазал ему по роже?

А н к у д о в и ч (*с грустной усмешкой*). Бить солдат, Юра, даже в проклятой царской армии считалось бо-ольшим моветоном. А мы, чай, служим в революционной армии свободной России... И самое главное, ведь Соколов в чём-то прав. Мы действительно застряли во внешнем, в атрибутике, в ностальгии... А речь-то идёт о гораздо более глобальных вещах. Мир, смысл войны, будущее страны...

П е т е р с. Смысл войны заключается в том, что враг стоит на нашей земле, в пяти верстах отсюда. И если мы уйдём или рассиропимся, двинется на Минск. Что непонятного?

А н к у д о в и ч. Нам это понятно. А вот им?.. Им разве пытались объяснить, за что именно они воюют?..

Ш л ы к о в. Послушай, ты, кажется, пытался произнести тост о смысле погон в твоей жизни... Так вот я лично этого тоста до сих пор не услышал.

А н к у д о в и ч. Услышал, Юра... И тост был о том, что идёт время, которое отринет далеко не только одни наши погоны. И судить нас будет очень строгим судом. Так стоит ли сводить смысл своей жизни к знакам различия? Ты жил и без

них. В детстве. И в этом вполне был смысл. Так почему ты не можешь найти себя без них?.. Подумайте об этом, господа.

Ш л ы к о в. Этот тост — без меня.

А н к у д о в и ч. Как угодно.

Пригубливают. Пауза.

В а к у л е н к о. Хорош у фрицев шнапс, а против нашей горилки не потянет. Сто лет уж не пробовал.

Ш л ы к о в (*зло*). Ну так ехали бы к себе на Украину, Вакуленко. Там сейчас никаких большевиков, одна Центральная Рада, гайдамаки всякие, наверняка и горилка найдётся. Благодать!

В а к у л е н к о. Да не, господин капитан... Я уж тут... Помню, ещё летом ходил на митинг в украинизированный полк. Они там все с жовто-блакитными ленточками были... Полковник какой-то речь говорил. Звал в окопы защищать завоевания революции. Но, говорил, підем тільки під українським прапором... Мне тогда смешно стало. Ты ж, господин полковник, вчера ещё небось за веру, царя и Отечество был, а сегодня уже весь за неньку Украину. Смешно, как люди меняются... Ну а я не такой.

Б е л я е в. Не смешно, когда люди меняются... Страшно это.

А н к у д о в и ч. Лепко, вы гитару случаем не припасли?

Л е п к о. Ну а куда ж я без неё? (*Встаёт, берет стоящую поодаль гитару.*)

Ш л ы к о в. Пожалуйста, «Молитву офицера».

Б е л я е в. Только негромко, чтобы солдаты не услышали.

Л е п к о (*поёт*).

Христос всеблагий, всесвятый, бесконечный,
Услыши молитву мою.
Услыши меня, мой заступник предвечный,
Пошли мне погибель в бою...

Смертельную пулю пошли мне навстречу,
Ведь благодать безмерна Твоя,
Скорее пошли мне кровавую сечу,
Чтоб в ней успокоился я.

На Родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же восстал,
Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал...

Офицеры начинают присоединяться к пению.

Товарищи наши, в бою погибая
Без меры, числа и конца,
Нам всем завещали одно: умирая,
Войну довести до конца.

А нынче толкуют уже в Петрограде
О том, чтобы мир заключить,
Чтоб ради покоя и золота ради
Россию навек погубить.

Скорей же в окопы, друзья-офицеры,
Не будем мы этого ждать.
Скорей же подайте солдатам примеры,
Как надо в бою умирать!

Спешите ж в окопы, товарищи-братья,
Семьёй офицерской своей!
Нам смерть широко раскрывает объятия
И мы успокоимся в ней.

Пока здесь грохочет гроза боевая,
Мы здесь, никуда не уйдём
И, край наш родимый от немцев спасая,
За Родину нашу умрём...

Пауза. Лепко встаёт, убирает гитару. Шлыков вытирает глаза ладонью.

А н к у д о в и ч. Это про всех нас... И всё же я прав насчёт смысла войны.

Ш л ы к о в. А раз прав, иди к ним. Иди, давай! Глядишь, командиром полка выберут!..

Б е л я е в (*резко*). Отставить базар!.. Ведёте себя, как сугубцы первого курса!.. Прапорщик Лепко, спасибо за песню. Капитан Петерс, прошу вас, ваше слово.

П е т е р с. Мне кажется, господин подполковник, что наш разговор как-то плавно перешёл с темы погон на более общие, что ли... Конечно, всё это взаимосвязано, но всё же позвольте в завязавшемся споре занять сторону Анкудовича. Речь сегодня идёт о куда более глобальных вещах, чем ордена и погоны. Думаете, мне не горько их снимать? Конечно, это страшный удар и по мне, и по моему самолюбию, и по моим надеждам, и по чести... Но вам не кажется, что есть нечто более высокое, чем моя личная честь?

Ш л ы к о в. И что же это?

П е т е р с. Благо моей Родины.

В а к у л е н к о. Разрешите вопрос, господин капитан? Так в чём же сейчас это благо? Родина-то, она того... с ума сошла. Ещё в марте. А сейчас окончательно. Если солдаты сами себе командиров выбирают, какое ж это благо Родины? Вон мы же песню пели — «...на Родину нашу нам нету дороги, народ наш на нас же восстал...».

П е т е р с. Да вижу я это всё, поручик. Вижу!.. Но жизнь так устроена, что ни вы, ни я не можем сейчас сказать в точности: да, всё происходящее — безусловный вред. Потому что мы не знаем, чем он обернётся завтра. Мы не знаем, что здесь будет через сто лет. Мы не знаем, в конце концов, общей задумки Господа Бога!.. А может, всё нынешнее, весь этот бред и смрад — это великое благо, это родильная горячка, в которой рождается что-то совсем новое? То, чего не было никогда —

ни в древней Греции, ни в средние века, ни в Европе, ни в Америке?.. Помните, у Тютчева: «блажен, как посетил сей мир в его минуты роковые»?..

Л е п к о. Я на митинге был, в октябре ещё, в Минске. Там агитатор из Петрограда то же самое говорил...

Ш л ы к о в. Дмитрий Петрович, я поражаюсь вашим словам... Вы, потомственный дворянин, и такое...

П е т е р с. Да бросьте, Юрий Михайлович. Вы сами знаете, насколько всё уже относительно. У меня в роте полуграмотный рядовой Ванька Плескачевский из смоленской деревни, весь из себя сочувствующий большевикам, — и пожалуйста, столбовой дворянин семнадцатого века. А кто у нас главверхом был весной? Генерал от инфантерии Алексеев, внук крепостного крестьянина. А что касается моих слов... Так ведь вспомните, как вас самого тошнило от всего, что творилось ещё год назад. Распутин, царица, в Минске — очереди за хлебом и тут же очереди за бриллиантами, торговля вином из-под полы... Помните, в нашей артбригаде с месяц, наверное, снаряды разрывались сразу после выстрела, артиллеристов десятками хоронили?.. Это были снаряды, выпущенные на частном заводе. Более дешёвые, чем государственные... Миллионы, умирающие на проволоке, и тысячи, пирующие в тылу... Вы же мечтали, чтобы вся эта гнусность сгинула!..

Ш л ы к о в. Но я же не знал... я же не знал, чем это обернётся! Всё же дошло до самого края, до последнего ужаса!.. Если в армии отменены знаки различия и чины, а солдаты сами выбирают людей на должности — это уже не армия, это чёрт знает что такое!..

П е т е р с (*мягко*). Я понимаю вас, Юрий Михайлович. И все присутствующие здесь понимают, поверьте... Но наше время сильнее и больше нас. А Бог всегда испытывает любя. И тот крест, который выпал на нашу долю, — наш и ничей больше...

Пауза.

Б е л я е в. Ну что ж, господа... Предлагаю приступить к церемонии снятия погон. Я первый, остальные делай как я.

Крестится. Берёт нож, снимает шинель, отпарывает с шинели погоны. Отпарывает погоны с френча, снимает орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Снова надевает шинель. Снимает фуражку, снимает с околыша фуражки кокарду. Целует погоны и прячет их и кокарду в карманы. Вслед за Беляевым то же проделывают остальные, за исключением Шлыкова.

Юрий Михайлович, а вы?..

Ш л ы к о в (*хрипло*). Я не смогу...

А н к у д о в и ч. Мы поможем тебе.

Ш л ы к о в. Нет... Они вшиты в шинель и френч. Намертво. Я ещё летом вшил, чтобы солдатня не сорвала... Я не смогу их снять, даже если захотел бы...

Из-за кулис с разговорами и смехом входит группа вооружённых с о л д а т, впереди Л ю ф а н о в и С о к о л о в. Офицеры поворачиваются к ним и сдвигаются в кружок.

С о к о л о в. Ну что, граждане бывшие офицеры? Сидим, выпиваем? Ну правильно, а что вам ещё остаётся делать, как не пить с горя... Правильно, братцы?

С о л д а т ы. Точно... Да пускай хлебают, недолго осталось...

С о к о л о в. Ну ладно, шутки шутками, а теперь слушай приказ полкового комитета о выборах командного состава. *(Вынимает из кармана шинели смятую бумагу, читает.)* «Назначить: командиром полка — бывшего ефрейтора Люфанова, командиром 1-го батальона — бывшего фельдфебеля Самоненко, командиром 2-го батальона — бывшего прапорщика Лепко, командиром 3-го батальона — бывшего рядового Николаеню, командиром 4-го батальона — бывшего младшего унтер-офицера Дворковича. Председатель полкового комитета бывший рядовой Соколов, в смысле я, и секретарь полкового комитета бывший ефрейтор Ряхин. Западный фронт, 3 декабря 1917 года, печать прилагается». У кого какие вопросы?

Пауза. Офицеры ошеломлённо переглядываются.

Б е л я е в. Позвольте... А как же мы? В смысле кроме Лепко?

С о к о л о в. А до вас касается отдельное постановление комитета. *(Читает.)* «Бывший капитан Петерс назначается на должность полкового писаря». *(Петерсу.)* Хотя по вам большие вопросы были в связи с вашей нерусской фамилией.

П е т е р с. Господи, да сколько можно уже! Выясняли же это ещё в марте!.. Петерсы в России со времён Екатерины Великой живут, сто лет как православные...

С о к о л о в. Да ладно, не суетитесь. Отстоял вас комитет. Почерк-то у вас нормальный... *(Продолжает чтение.)* «Бывший штабс-капитан Анкудович — техническим помощником в штаб полка. Бывший поручик Вакуленко — кашеваром в третью роту. Бывшие подполковник Беляев и капитан Шлыков, как имеющие возраст старше 39 лет, имеют права остаться на должности рядовых или уволиться из армии без пенсии».

Ш л ы к о в. Как... без пенсии?

С о к о л о в. А вот так — без пенсии! А за что тебе пенсия? За то, что ты нашего брата четыре года в землю закапывал за интересы царского правительства? *(Всмотрелся в Шлыкова, осёкся.)* Та-ак... а чего это ты вообще в погонах стоишь, а? Тебя приказ не касается?

Шлыков молчит.

1-й с о л д а т. Чего молчишь, капитан?

С о к о л о в. Да какой он капитан? Он никто и звать его никак! *(Выхватывает наган.)* А ну сымай живо, сука!.. А то мозги наружу!..

Ш л ы к о в *(тихо)*. А ты давай, попробуй. Сними их с меня. *(Выхватывает наган.)*

Целятся друг в друга. Солдаты сдёргивают винтовки с плеч.

Б е л я е в *(Шлыкову)*. Отставить!.. Капитан, во избежание кровопролития приказываю вам снять погоны, кокарду и орден.

Л е п к о. Господин капитан, в самом-то деле... Жить же вам ещё...

Ш л ы к о в *(усмехается)*. Жить?.. С ними?.. *(Неожиданно прячет наган, Беляеву, официально.)* Господин подполковник, разрешите перед снятием погон выкурить папиросу?

С о к о л о в. Не у того спрашиваешь. Вся власть в полку принадлежит военно-революционному комитету. Я, как председатель комитета, не против. *(Люфанову)* Командир полка, ты как?

Л ю ф а н о в. Да пускай курит на здоровье.

Б е л я е в *(тихо)*. Ступайте, капитан.

Ш л ы к о в *(медленно смотрит в лицо каждому из офицеров, Петерсу)*. Наше время сильнее и больше нас, Дмитрий Петрович?

П е т е р с. Безусловно. А почему вы вспомнили мои слова?

Ш л ы к о в. Скоро поймёте... Честь имею, господа офицеры!

Ш л ы к о в козыряет. Офицеры козыряют в ответ. Уходит за кулисы. Пауза.

Л е п к о. Можно вопрос? Почему меня избрали комбатом? У меня ведь нет опыта командования батальоном...

Л ю ф а н о в. Ну ты даёшь, прапор! А у меня нет опыта командования полком. Ты пойми, тебя выбрали как знающего местную специфику, белоруса. Ну и происхождение у тебя правильное, из народа. Так что...

За кулисами выстрел. Двое солдат срываются с места, убегают туда, откуда раздался выстрел. Беляев молча снимает фуражку, крестится. Офицеры потрясённо переглядываются.

С о к о л о в. Ну и чёрт с ним... Одной сволочью меньше. *(Сплёвывает.)*

Возвращаются растерянные, пришибленные солдаты.

1-й с о л д а т. Там это... он, значит, лежит вот так, и кровячки кругом — мама дорогая...

2-й с о л д а т. Он ещё что-то сказать пытался... то ли про честь, то ли про долг... *(Протягивает Соколову орден.)* Я вот орден с него снял, уже с мёртвого...

С о к о л о в. Ну и на хрена он мне сдался? *(Бросает орден.)*

Л ю ф а н о в. Ладно, понятно. *(Офицерам.)* Ну что, граждане бывшие офицеры?.. Тем, кто получил назначения в полку, приказываю приступить к исполнению обязанностей. Тем, у кого есть выбор, остаться на должности рядовых или уволиться без пенсии, — приказываю определиться. Кто первый?.. Ну чего молчим-то, а?..

Затемнение.

Действие второе

Позиция. Митинг солдат полка. Они столпились в центре сцены. В стороне отдельной группой стоят Б е л я е в, П е т е р с, В а к у л е н к о, А н к у д о в и ч. Стоя на ящике, выступает 1-й с о л д а т.

1-й с о л д а т *(продолжает)*. ...И я вот смотрю на календарь и удивляюсь на вас, товарищи! Какое сегодня число? 5 января 1918 года от Рождества Христова. Уже не только на нашем Западном, а на всём фронте от Балтийского до Чёрного моря у нас перемирие. Перемирие — это что значит? Что войны нет. А если нет войны, то какого хрена армия в окопах гниёт? У нас что, дома дел нету?

2-й солдат (*из толпы*). Правильно! Раньше царь в окопах гноил, потом Керенский! А теперь, выходит, и большевики? Им надо воевать, так они пускай и воюют!

Люфанов. А ты, Замара, помолчи! Забыл, какой большевики сразу декрет издали? Декрет о мире!

2-й солдат. Ну так а я ж о чём?! Мир — значит мир! Если мир, так идём по домам, братва, и точка! А не торчим тут неясно зачем!..

Солдаты шумят.

Анкудович (*офицерам*). Ну вот сегодня, кажется, и решится всё.

Беляев. На соседних боевых участках уже решилось.

Вакуленко. А что там?

Беляев. Все ушли в тыл, кроме бывших офицеров. Где десять человек на позициях осталось, где семь...

Петерс. Что-то Соколова не видно.

Анкудович. Так он поехал комиссара встречать. Нам же комиссара назначили.

Петерс. О Господи, мало нам было комиссаров от Керенского...

Входят Соколов и комиссар Первухин. Соколов спихивает с ящика 1-го солдата, сам забирается на ящик. Солдаты смолкают.

Соколов. Товарищи солдаты, минуту внимания! Из Петрограда в наш полк прислан комиссар от Наркомата по военным и морским делам, товарищ Первухин.

Люфанов. Поприветствуем товарища комиссара!

Вялые аплодисменты солдат. Первухин поднимается на ящик.

Первухин. Здравствуйте, товарищи солдаты революционной армии!

Солдаты. Здорово... Здоровее видали... Ну здравствуй, здравствуй...

Первухин. Меня зовут Николай Сергеевич Первухин. Я назначен в ваш полк комиссаром с целью повышения боеспособности и политической сознательности.

1-й солдат. А до марта кем был?

Первухин. До марта я был узником царской Акатуйской тюрьмы. Слышал про такую? Это там, где с живого человека кожа слезает.

2-й солдат. Что-то она с тебя не слезла!

Первухин. А ты меня всего видел, что ли?

Солдаты хохочут.

Ну а теперь серьёзнее, товарищи. Ваш председатель комитета товарищ Соколов уже ознакомил меня с обстановкой в полку. И многое мне показалось непонятным. Вот вы вроде как все из себя за социалистическую революцию и дело товарища Ленина, верно?

Солдаты. Точно! Верно!..

Соколов. У нас в полку большевиков больше, чем в других полках дивизии.

Первухин. Это похвально. А вот чего вы своих бывших офицеров за людей не держите, это мне никак не понятно.

Л ю ф а н о в. Ну как не держим? Вот бывший прапор Лепко батальоном командует. Лепко, где ты там?

Солдаты выталкивают из своей среды Лепко.

Избран общим голосованием как сын трудового народа, знающий местную специфику...

П е р в у х и н. А остальные? На каких должностях у вас остальные?..

С о к о л о в (*мрачно*). На соответствующих. Кто рядовой, кто кашеварит...

П е р в у х и н (*солдатам*). А ну расступись.

Спрыгивает с ящика, идёт сквозь группу солдат к бывшим офицерам. Те недоверчиво смотрят на Первухина.

Здравствуйте, товарищи!

Б е л я е в. Здравствуйте.

П е р в у х и н. От имени Советского правительства и революционного народа огромное спасибо вам за вашу сознательность. (*Жмёт всем руки.*) В тяжкие для нашей республики дни вы не стали шкурниками, не бросили фронт, а честно несёте службу на переднем краю борьбы с внешним врагом Соввласти, хотя бы и рядовыми!

П е т е р с. Спасибо, конечно, но...

П е р в у х и н (*не слушая, солдатам.*) Вот с кого вам нужно брать пример, товарищи! С этих воинов-профессионалов, ставящих интересы Родины выше своих!

С о к о л о в. А ты ни с кем их не путаешь, комиссар? Ты с кого пример брать предлагаешь? С этих бывших офицеров?

П е р в у х и н (*вскакивает на ящик*). То, что я скажу вам сейчас, запомните на всю жизнь, товарищи! В нашей армии нет больше ни офицеров, ни нижних чинов. А в стране нет ни дворян, ни мещан, ни крестьян!.. Есть равные друг другу солдаты революционной армии, и каждый из них — свободный гражданин республики Советов. Тот, кто тычет бывшего офицера в его прошлое, есть несознательный и наносит делу Соввласти огромный вред. Запомнили? Что неясного?

1-й с о л д а т. Одно неясно. Власть в полку принадлежит военно-революционному комитету. А комиссар сюда каким боком?..

П е р в у х и н. Самым главным. (*Вынимает из кармана бумагу.*) Согласно приказу главковерха товарища Крыленко, комиссар в части имеет такую же власть, как и ВРК. Он же имеет право отменить приказ комитета. Вот теперь всё понятно, надеюсь.

Соколов берёт из руки Первухина бумагу, изучает, мрачно возвращает. Солдаты шумят.

Но не это главное, товарищи. Главное то, что теперь на основе старой, умершей армии на Западном фронте согласно приказу главкозапа товарища Мясникова будет создаваться новая армия. Называется она народной социалистической гвардией. Народной — потому что защищает интересы народа. Социалистической — потому что борется за дело социализма... И гвардией — потому что служить там будут только лучшие из лучших.

1-й с о л д а т. Да ё-моё! Это что ж, опять воевать?!

Первухин. Для понимания ситуации я разъясню вам политический момент, товарищи... (Пауза.) Момент, который сейчас мы переживаем, есть серьёзнейший момент. Дело мира в опасности. Немцы определённо говорят об аннексии в случае сепаратного мира с Россией. Они ссылаются при этом и на украинскую Раду. Они говорят, что раз русский Верховный Главнокомандующий не может управлять всеми фронтами, то они не согласны на прежние условия. Рада срывает мир. В этих условиях перед нами стоит возможность пасть жертвой хищной германской буржуазии. В случае победы она зальёт нашу землю кровью, потому что нет зверя жесточе, чем буржуазия, когда она мстит народу за минуты его торжества. Перед нами как грозная неизбежность стоит священная революционная война! Прежняя уставшая армия неспособна к такой задаче. За этим и нужна новая армия вооружённого народа. Доступ в неё будет предоставлен всем истинным поборникам Свободы и Революции...

2-й солдат. Товарищ комиссар, а что такое поборник?

Первухин. Борец.

2-й солдат. А, ну ясно.

Первухин. Товарищи! Перед лицом всего мира, истомлённых мировой бойней и собственной буржуазией народов Германии, Австрии, Италии, Испании, Швеции и других стран — записывайтесь в ряды гвардии народной свободы! Совнарком уже передал народу землю и банки, теперь очередь за передачей фабрик и заводов в собственность народа. Но тем сильнее должна быть готовность защищать начатое нами дело социализма. Голодные, холодные, раздетые, разутые, окружённые со всех сторон врагами — покажите, какой неисчерпаемый источник силы ещё хранят в себе революционный пролетариат и беднейшее крестьянство!

Солдаты аплодируют.

Сokolov (хмуро). Так а как запись-то будет идти? Насильно или как?

Первухин. Насильно в народную социалистическую гвардию я никого не гоню. В вашем полку будет сформирована команда гвардии. Если чувствуешь в душе жар — записывайся. И насчёт материального вопроса. Жалованье солдату — 50 рублей и полное довольствие. Всё понятно?

1-й солдат. А 50 рублей какими — николаевскими или керенками?

Первухин. Николаевскими.

1-й солдат. Я в душе жар чувствую!..

Солдаты. Ну так ничего жалованье-то!.. Так а как же декрет о мире?.. Сказали же тебе, плевали немцы на этот декрет... Да ну, охота была воевать...

Первухин (выбирается из толпы, подходит к бывшим офицерам, негромко). Ну, давайте знакомиться, товарищи... Первухин Николай Сергеевич, ваш комиссар. В прошлом студент Петербургского университета.

Беляев. Из образованных, значит?

Первухин. А что вас удивляет? Всё руководство нашей страны, в общем, из образованных...

Вакulenko. Так вы ж говорили, что вы каторжник.

Первухин. Одно другому не мешает. Арестовали за социал-демократическую пропаганду в тринадцатом...

Петерс. Ну, после Керенского меня не удивляет, что командовать нами будет шпак.

Первухин (*спокойно*). Я на фронте с апреля семнадцатого, товарищ. В августе под Ригой повёл свой полк в штыковую атаку под красным знаменем. Георгиевский крест с лавровой веточкой заслужил тогда честно. И в военном деле кое-что понимаю, поверьте. Но сейчас не об этом. Подойдите поближе...

Офицеры сдвигаются вокруг Первухина.

Товарищи, вы, наверное, знаете, какое катастрофическое положение сложилось на Запфронте. От него осталось, по сильно преувеличенным данным, примерно 140 тысяч штыков. Семь дивизий комплекта мирного времени... Слева и справа от вас участки обороняются только командами из бывших офицеров. Большинство солдат уходят в тыл, чаще всего с оружием, и уже не возвращаются. Позиции брошены, занесены снегом, кавалерия, артиллерия, авиация и автомобильные части перестали существовать. Штабы просто фиксируют картины этого развала. В частях царит голод, при суточной норме 122 вагона муки на фронт подаётся 8...

Петерс (*иронично*). Товарищ комиссар, не тратьте на нас свой душевный пыл. Мы тут живём и всё это видим своими глазами.

Первухин. Я к чему веду... Народная социалистическая гвардия в этой обстановке — наша последняя надежда. Остатки старой армии, если что начнется, позиции не удержат, это ясно. А вот зародыш армии новой... Тут может и сработать.

Анкудович. У вас есть какие-нибудь документы, подтверждающие всё, что вы говорите?

Первухин (*вынимает бумаги из кармана*). Вот резолюция общеармейского съезда по демобилизации старой армии. Решение о формировании коллегии по формированию новой армии... Видите, участвовал Ленин.

Беляев. Вы предлагаете нам защищать Советскую власть?

Первухин. И Советскую власть, и Родину. Родину — в первую очередь. Ваша помощь совершенно необходима!

Анкудович. Но мы такие же рядовые, как они... (*Указывает на солдат.*)

Первухин. Дело в том, что гвардии нужны не только рядовые, но и инструкторы. Вернее, инструкторы — в первую очередь.

Беляев. То есть офицеры?

Первухин. Пока что это слово вызывает слишком большое озлобление... Люди устали и не хотят выполнять ничьи команды. Поэтому — даже не командиры. Инструкторы. Жалованье 150 рублей. Николаевскими.

Беляев (*морщится*). Да ну при чём тут жалованье?

Петерс. Какая предполагается структура у гвардии?

Первухин. Корпусной комитет определяет, какой полк является наиболее устойчивым в боевом и революционно-социалистическом отношении. Из расчёта три полка на корпус... Полковой комитет объявляет в каждой роте формирование команды, которое происходит за двое суток... Дальше команды сводятся в

роты, те — в батальоны и так далее. Но, сами понимаете, пока это на уровне идеи. Главное — взяться.

Б е л я е в. Мы должны посоветоваться.

Первухин кивает, отходит к толпе солдат.

Какие будут мнения? Ну что, с младших по чину?

В а к у л е н к о. Так ведь чинов с месяц как нет уже... Не знаю, что и сказать, правда. Я как в тумане каком-то живу. Была бы война, а то ж действительно перемирие...

А н к у д о в и ч. ...которое может закончиться в любой момент. Вы что, не знаете о коварстве германцев? Нападут из-за угла, как бывало не раз. Тем более что мирный договор в Бресте никак подписать не могут... Я — за гвардию.

Б е л я е в. В смысле?

А н к у д о в и ч. В смысле что согласен пойти инструктором. В конце концов этот комиссар прав: если что случится, остатки старой армии позиции не удержат...

П е т е р с. А новой — удержат?

А н к у д о в и ч. Есть хотя бы надежда. Хоть какая-то.

Б е л я е в. И на чём она основана, позвольте спросить?

А н к у д о в и ч. Наверное, на чуде.

Пауза.

В а к у л е н к о. Не знаю я...

Б е л я е в. Ладно... Я вам, сами понимаете, давно не командир, и чинов действительно нет, так что... господа бывшие офицеры, оставляю ваше решение на ваше усмотрение. Лично я в эту самую гвардию не вступаю. Просто потому что она — оружие в руках большевиков, желающих любой ценой сохранить власть. Вот и всё. И брать от них эти самые 150 рублей...

П е т е р с (*удивлённо*). Валерий Алексеевич, позвольте, а чем, собственно, отличается эта гвардия от армии, в которой вы служите в данный момент? Она — тоже оружие в руках большевиков, и погон на вас нет, и жалованье вы получаете, хоть и мизерное...

Б е л я е в. Всё так, Дмитрий Петрович. Но... не знаю, для меня всё это — всё же какое-то странное, уродливое продолжение старого. А все эти гвардии — это уже совсем новое, понимаете? Это — надо начинать заново. А сил, желания и понимания, почему-то уже нет. Нет, конечно, и твёрдости, как у Шлыкова, но... (*Пауза.*) И ещё есть определённые обстоятельства, которые не позволяют мне сделать это...

П е т е р с. Понимаю... Ну что же, каждому своё. Что касается меня, то я вступаю в гвардию.

А н к у д о в и ч. Я с вами, Дмитрий Петрович.

В а к у л е н к о (*робко*). И я...

П е т е р с. Добро. (*Первухину.*) Товарищ комиссар!

Подходит Первухин.

Все мы, за исключением бывшего подполковника Беляева, согласны стать инструкторами в команде народной гвардии.

П е р в у х и н. Другого я не ждал. Лепко тоже согласен... Спасибо, товарищи. Там к кому-то жена, кажется, приехала, такая эффектная дама.

Солдаты и бывшие офицеры молча расходятся со сцены. На затемнённой сцене остаётся Беляев. К нему медленно подходит ж е н а. Беляев молча смотрит на неё, склоняется к руке, целует.

Ж е н а. Боже мой, Боже мой, Валера... Тебе же всего сорок два...

Б е л я е в. А выгляжу на девяносто два, верно?

Ж е н а. Я тоже?

Б е л я е в. Ну что ты... Ты прекрасно выглядишь.

Пауза.

Ж е н а. Я с таким трудом добралась... Хотела поездом, но на вокзале надо мной посмеялись... Билетов нет, паровозы стоят замёрзшие. Солдаты громят винные склады, на перроне стрельба... И сверху большой плакат: «Все на защиту социалистического Отечества!».

Б е л я е в. Скоты...

Ж е н а. Слава Богу, что мне попался какой-то батюшка... Он вёз из эвакуации колокол, который сняли в пятнадцатом и вывезли в тыл. Ну вот, он возвращался в своё село и взял меня на сани... Я дала ему сорок керенок, хотя он отказывался... А куда ехать от Вилейки, подсказал какой-то интеллигентный солдат с тонким добрым лицом. Знаешь, он так вежливо говорил, что я даже подумала, что это переодетый офицер...

Б е л я е в. Так это и был, наверное, бывший офицер... Катя, почему ты молчишь о главном? Что-то случилось?

Пауза.

Ж е н а. Да нет, всё в порядке... Просто у нас с тобой не будет детей, вот и всё. Ни этого ребёнка, никаких других. *(Изо всех сил пытается не плакать.)*

Б е л я е в *(потрясённо)*. Катя, Катенька... Господи Боже ты мой... да как же это?

Ж е н а. Обыкновенно... Так и бывает, когда тебя на базаре изо всех сил бьют прикладом в живот, потому что ты подвернулась под руку разгонявшему баб-спекулянтку патрулю... А ты падаешь и лежишь на холодной земле, и никто не подходит, чтобы помочь буржуйке...

Б е л я е в. У каких врачей ты была?

Ж е н а. Господи, да у всех... Их в Минске не так много осталось, все эвакуировались... *(Пауза.)* Это ты во всём виноват, Валера.

Б е л я е в. Я?!

Ж е н а. Да, ты. Это ты выбрал эту профессию. Это ты был недостаточно настойчив, чтобы сделать карьеру. Это ты три года назад сам попросился из штаба округа на фронт!.. За что ты меня так ненавидишь?!

Б е л я е в *(растерянно)*. Катя... я...

Ж е н а. Что «Катя»? Ну что «Катя»? Ты же не видишь ничего, кроме службы. Тебе же не интересны ни жена, ни дети, ни дом... да у тебя и не было никогда дома. Все вокруг живут, а ты... Да тебе даже ордена никогда не были интересны.

Садится на ящики, уронив голову в руки. Беляев садится рядом с ней, гладит по голове.

Б е л я е в. Тшш... Тише, моя маленькая. Не надо. Ты не права. Но сейчас не будем с тобой об этом...

Ж е н а (*резко поднимает голову*). Сейчас не будем? А КОГДА будем? Ты что, не видишь, что творится вокруг? Ты понимаешь, что есть только одно СЕЙЧАС и никакого ПОТОМ?! Что всё катится в пропасть, из которой не выбраться?!

Б е л я е в. Понимаю...

Ж е н а. И что?

Пауза.

Б е л я е в (*медленно*). Тебе сейчас нельзя нервничать, переживать... Лучше всего тебе будет поехать в Москву, к матери... Боёв там уже не будет, новая власть укрепились... В большом городе будет надёжнее... И фронт туда не дойдёт.

Ж е н а. При чём тут моя мать и при чём тут фронт? Я спрашиваю о нас с тобой!

Б е л я е в. Я и говорю о нас с тобой.

Ж е н а. Нет, ты говоришь обо мне. А ты? Что намерен делать ты?

Б е л я е в (*медленно*). Сейчас моё место здесь.

Ж е н а. Здесь? Но... ты же писал мне, что всё изменилось... Ты же не комполка, ты даже не офицер!.. Ты просто солдат!..

Б е л я е в. Да, просто солдат.

Ж е н а. Но солдаты сейчас думают прежде всего о себе и своих семьях!

Б е л я е в. Значит, это плохие солдаты...

Ж е н а. По-твоему, заботиться о семье — плохо?!

Б е л я е в (*со вздохом*). Да не передёргивай ты, ради Бога... Я имею в виду, что если люди перестанут выполнять долг в надежде спасти себя и своих близких, то в итоге не спасётся никто. Понимаешь? Никто! Немцы стоят в пяти вёрстах отсюда и ежедневно ходят к нам на братания! Они знают всё о наших позициях! И если они решат нарушить перемирие, дорогу на Минск им закроем только мы — сто восемьдесят пять солдат и шестеро бывших офицеров!.. Наш полк!..

Пауза.

Ж е н а. Господи, какой бред... С чего мы с тобой начинали... Помнишь, как мы сразу после венчания поехали в Ялту?.. Был январь, серо, холодно, море штормило, а нам с тобой было так тепло...

Б е л я е в. Девятый год.

Ж е н а. Кажется, что сто лет прошло... (*Встаёт.*) Я не знаю, какие сейчас и кому нужно подавать бумаги на развод...

Б е л я е в. Погоди, постой... какой развод? Ты о чём?..

Ж е н а. Ты сделал свой выбор, Валера. Уже очень давно, до меня. Какое-то время мы шли рядом, и нам казалось, что мы идём к одной цели, вместе. А время показало — просто попутчики.

Б е л я е в. Но у нас же был общий...

Ж е н а (*перебивает*). Всё, нет никакого общего. И уже не будет. И маме в Москву не пиши, я поеду не к ней. (*Уходит.*)

Беляев смотрит ей вслед. Бессильно опускается на ящик. К нему подходит П е р в у х и н, садится рядом, вынимает папиросы. Пауза.

П е р в у х и н (закуривая.) И моя вот так же ушла...

Б е л я е в (непонимающе). Ваша?

П е р в у х и н. Да. Столичный студент из богатой семьи нужен всем. Каторжник, уверяю вас, — очень немногим... Виноват, забыл предложить. Будете?

Б е л я е в. Благодарю, нет. Так как же вы... из богатой семьи...

П е р в у х и н. Вот так. Меня, знаете ли, не устраивало то, что я видел вокруг себя. Как и всех нормальных людей — кого больше, кого меньше. Как и вас, кстати.

Б е л я е в. Меня — устраивало.

П е р в у х и н. Лукавите. Помните о прошлом только хорошее, потому и лукавите. А на самом-то деле...

Б е л я е в. Знаете, если честно... я хотел бы немного побыть один.

П е р в у х и н. Простите, я некстати со своей болтовнёй. Уже ухожу. (Встаёт.)

К Первухину и Беляеву подходит группа солдат во главе с Соколовым и Люфановым.

Какие-то вопросы, товарищи?

С о к о л о в. Да наверное, самый главный вопрос, товарищ комиссар... Вы вот на митинге так гладко нам всё про гвардию рассказали, что полк и уши развесил. А про главное-то и промолчали...

П е р в у х и н. И что же это?

Л ю ф а н о в. Демобилизация, что ж ещё. Призыв второго года ещё 30 декабря уволился. Призыв третьего и четвёртого годов на очереди. Вынь да положь.

1-й с о л д а т. Я вот, к примеру, призыв четвёртого года и официально желаю знать, долго мне тут ещё в окопах гнить или как...

Пауза.

П е р в у х и н. Скрывать не стану. Увольнение в бессрочный отпуск призыва третьего и четвёртого годов начинается 10 января.

Солдаты радостно шумят.

А потом будет демобилизация призыва пятого года. Шестого. Седьмого. Восьмого. И так до тех пор, пока от полка ничего не останется, да?..

С о к о л о в. Есть приказ о демобилизации старой армии...

П е р в у х и н. А ещё есть приказ о создании новой гвардии. И есть вон там, за лесом, Вилейка, которую в пятнадцатом году от немцев отбили!.. А ещё дальше есть Минск, мирные жители которого тоже рассчитывают на вас!.. А ещё дальше есть колыбель нашей революции — Петроград, в котором на вас рассчитывает товарищ Ленин!..

Л ю ф а н о в (спокойно). Да ты Лениным нас не стыди, комиссар. Мы всё это сами понимаем. Просто главноверх Крыленко, который приказ о демобилизации издал, — он поглавнее тебя будет. Поэтому не сердчай.

С о к о л о в (*солдатам*). Братва! Которые призыва третьего-четвёртого года — шагом марш в полковую канцелярию оформляться! Айда до дому!..

Солдаты уходят, радостно переговариваясь. Беляев и Первухин остаются одни.

П е р в у х и н (*глядя в сторону, нервно*). Вы лучше знаете обстановку в полку... 22 января увольняется призыв шестого года, 25 января — седьмого. Сколько из них вообще останется?

Б е л я е в. Не знаю. Я с какого-то момента перестал их понимать. Вчерашние герои обернулись вдруг какими-то свинскими харями. И наоборот... (*Пауза.*) Думаю, человек пятьдесят останется.

П е р в у х и н. А по ту сторону фронта кто?

Б е л я е в. Баварская дивизия. Я с ними ещё в пятнадцатом встречался. Вот эта нашивка за ранение — от них. (*Показывает нашивку за ранение на рукаве шинели.*)

П е р в у х и н. Когда ехал — не думал, что всё так будет...

Б е л я е в. И я тоже, когда женился, не думал, что так будет. Думал — родится сын, пойдёт в кадетский корпус, как я... Потом в училище, потом в подпоручики выйдет... А тут вон оно как...

Пауза.

Ладно, товарищ комиссар. Что-нибудь придумаем. (*Хлопает Первухина по плечу.*) Кто, говорите, в вашей гвардии вместо офицеров будет? Инструкторы?

Затемнение.

Действие третье

Внутренность блиндажа. На деревянном столе разложены карты, стоит полевой телефон. Вокруг стола — А н к у д о в и ч, В а к у л е н к о, П е т е р с, Б е л я е в.

А н к у д о в и ч. ...В общем, все говорит о том, что если они пойдут, то пойдут непременно через нас. Здесь им кратчайший путь на Вилейку.

Б е л я е в. Это понятно... Непонятно, насколько мы можем на своих положиться. Те, которые гвардейцы, ещё ничего, а прочие...

В а к у л е н к о. Я за свою роту уверен. Пять большевиков, двадцать сочувствующих. Все гвардейцы. Инструктора, то есть меня, слушают, приказы выполняют...

П е т е р с. М-да... Рота — 25 штыков... Дожили.

Б е л я е в. Это всё равно больше, чем ничего.

Входит сияющий Л е п к о.

Л е п к о. Товарищи, гляньте, чего я из Минска привёз! (*Показывает бывшим офицерам значок на ладони.*)

Б е л я е в. БНСГ... Ну и что сие означает?

Л е п к о. Белорусская народная социалистическая гвардия!

В а к у л е н к о. А почему белорусская? Большевики же стоят на интернациональных позициях.

Л е п к о. Ну, чтобы подчеркнуть, что мы — тут, у себя, в Беларуси. Понимаете? Я сам рисунок придумал. Звезда и ветви лавровые, красиво, правда?

П е т е р с. Вам бы художником быть, Лепко.

Л е п к о. Ну война кончится, может и стану ещё...

А н к у д о в и ч. У частника заказали?

Л е п к о. Сто керенок слупил, гад. Ну ничего, зато красиво. Сразу видно — народная гвардия.

Входят 2-й солдат и немецкий солдат.

2-й с о л д а т. Здравия желаю, товарищи инструкторы... Тут, это, такое дело, значит.

Б е л я е в. Что за германец?

2-й с о л д а т. Так на братание пришёл. Это ж Карлуша Рихтер. Мы дружки с ним, ещё весной прошлого года познакомились... Он мне ещё всегда шнапс при-таскивал...

Н е м е ц к и й с о л д а т (*с акцентом*). Меня зовут Карл Рихтер. Я учил русский язык до войны в Берлинском университете. Я имею важную информацию для вас. 18 февраля наша армия перейдёт в наступление по всему фронту.

Б е л я е в. Почему мы должны вам верить?

Н е м е ц к и й с о л д а т. Мы с Мишей друзья. Он не любит войну, и я тоже. У меня война отняла мою работу. Ещё прошлой зимой моя невеста писала мне, что в Хайдельберге жарили ворон, потому что не было что есть. Теперь в Хайдельберге давно нет даже ворон. Я хочу, чтобы вы все вернулись домой, и мы тоже.

Б е л я е в. Понятно. (*2-му солдату*.) Спасибо, можете идти.

2-й солдат и немецкий солдат уходят.

Л е п к о. Провокация?

П е т е р с. Зачем им нас провоцировать? Похоже на правду.

Б е л я е в. Сейчас узнаем. (*Снимает трубку телефона*.) Дайте штадив. (*Пауза*.) Нет связи?.. А штакор?.. (*Пауза*.) Тоже нет? Давайте штарм. (*Коллегам*.) Чёрт знает что, связи ни с кем нет.

П е т е р с. Ещё хорошо, что телефон работает.

Б е л я е в. Алло, штарм?.. Бывший подполковник Беляев у аппарата. Есть сведения от германского солдата о том, что 18 февраля немцы перейдут в наступление по всему фронту... (*Пауза*.) Вилейка. (*Пауза*.) Вас понял. Всего хорошего. (*Вешает трубку*.)

В а к у л е н к о. Ну что?

Л е п к о. Что в штабе сказали?

Б е л я е в (*медленно*). Сказали, чтобы не сеяли панику и не поддавались нелепым слухам, которые распространяют германские провокаторы.

П е р в у х и н тяжело, отдуваясь, вносит граммофон.

П е р в у х и н (*весело*). Принимайте пополнение, товарищи!.. Для поднятия боевого духа. Люфанов подсказал — в соседнем имении граммофон видели, в

доме управляющего. Пошёл — и точно! И как его раньше не спёрли?.. У меня даже пластинка к нему есть, из Петрограда привёз...

Пауза. Никто не реагирует. Первухин ставит граммофон на стол.

Что-то случилось?

Б е л я е в. Случилось. Германец-братальщик сообщил, что 18 февраля они переходят в наступление по всему фронту.

П е р в у х и н. Ну, этого следовало ожидать. Перемирие-то заканчивается... В штадив звонили?

А н к у д о в и ч. Связи нет ни с дивизией, ни с корпусом. А в штаirme сказали, чтобы не наводили панику.

П е р в у х и н. Вот дундуки. Тут же главкозапу надо звонить, не меньше!.. *(Берет трубку.)* Дайте штафронт.

Б е л я е в. Есть же субординация...

П е р в у х и н. Да какая субординация, когда такие дела!.. *(В трубку.)* Алло, штафронт? Комиссар Первухин беспокоит. Дайте главкозапа по делу необычайной важности. Ну что значит занят?.. Я же говорю — информация весьма спешная!.. Слушайте, товарищ, вы меня Крыленкой не пугайте, а его лично знаю!.. Дадите Мясникова или мне в Могилёв в Ставку звонить?.. Так-то лучше. *(Пауза, офицерам.)* Это я нарочно, чтобы они зашевелились. Сам-то я с Николаем Васильевичем не знаком...

Л е п к о. А с кем знакомы?

П е р в у х и н. Ну, много с кем... С Позерном, Сталиным, Рошалем, Подвойским. Дзержинского пару раз видел. С Ремневым знаком.

В а к у л е н к о. А с Лениным, с Троцким?

П е р в у х и н. Врать не буду — нет. *(В трубку.)* Алло, товарищ главкозап?.. Комиссар Первухин с Вилейского направления. Имеется информация о том, что 18 февраля германские войска перейдут в наступление по всему фронту... Прошу скорейших указаний. *(Пауза.)* Вон оно как... Так а как же... *(Пауза.)* Чем вооружить? У нас у самих тут... *(Пауза.)* Ясно. До свиданья, товарищ главкозап. *(Кладёт трубку, устало садится на лавку у стола.)*

Б е л я е в. Ну что?

П е р в у х и н *(тихо)*. Они всё сами уже знают... Мясников приказал вооружить все надёжное местное население, казну и штабную документацию эвакуировать в Минск, а самим оказывать немцам сопротивление в виде партизанских вылазок.

В а к у л е н к о. Это как это?

П е р в у х и н. Не знаю.

Пауза.

П е т е р с. Что за бред? Какое местное население? Какие вылазки?..

Б е л я е в. Ладно, господа... то есть товарищи. До появления немца мы как раз обсуждали боевые возможности полка. И пришли к выводу, что если расположить пулемёты так, как предложил Анкудович, — продержимся не меньше суток.

П е р в у х и н. Вы всерьёз предлагаете сопротивляться?..

Б е л я е в (*спокойно*). А что, есть другие предложения?..

Пауза.

П е р в у х и н. Ладно... Сколько у нас патронов к пулемётам?

В а к у л е н к о. К «Максиму» две ленты, к «Кольту» — три. Ещё трофейный «Максим», германский, но к нему пол-ленты только. Калибр-то другой.

П е р в у х и н. Винтовок сколько?

Л е п к о. Пятьдесят четыре на полк. Из них трофейных «Маузеров» восемнадцать, «Арисаки» японских — четыре и одна берданка. Гранаты ещё есть. Восемь штук...

А н к у д о в и ч. Да уж, на местное население явно не хватит.

П е т е р с. Эх, была бы у нас команда траншейных орудий...

П е р в у х и н. А нету?

П е т е р с. С октября ещё. Её начальника поручика Волонсевича на штыки подняли, когда он отказался переворот в Петрограде признать...

П е р в у х и н. Понятно... Ну что, объявляю построение?

Б е л я е в. Давайте.

Л е п к о. Подождите... Все идёт к тому, что скоро у нас бой, верно?.. А как в бою солдаты будут инструкторов отличать?

П е р в у х и н. В смысле?

Л е п к о. Ну, надо же понимать, кто тебе приказ отдаёт, инструктор или такой же рядовой, как ты... Погон-то нет, все равные.

П е р в у х и н. Смысл отмены погон, товарищ Лепко, в том и заключался, чтобы убрать разницу между военными. У нас все равны — и бывший генерал, и бывший солдат! Что неясного?

Л е п к о. Да это понятно... я про управление в бою. Не для неравенства, а для боевого порядка. Ну я не знаю... повязку на руку, что ли, чтобы было видно: это комроты, а это комполка...

П е р в у х и н. Да ну вас, нашли время ерундой заниматься... Объявляю построение.

Из-за кулис выходит группа солдат с винтовками. От неё отделяются С о к о л о в и Лю ф а н о в.

С о к о л о в. Товарищ комиссар, у нас есть постановление военно-революционного комитета об отстранении вас от должности и аресте. Люфанов, зачитай.

Л ю ф а н о в (*вынимает из кармана смятую бумагу, зачитывает*). «Военно-революционный комитет постановил: за агитацию в сторону продолжения бессмысленной антинародной войны и препятствия, чинимые демобилизации солдат, отстранить комиссара Первухина от должности и подвергнуть его арестованию с дальнейшим препровождением в штафронт. Председатель ВРК Соколов. Командир полка Люфанов».

А н к у д о в и ч. Позвольте, это как же Первухин препятствовал демобилизации? Все, кто хотел, покинули полк, причём давно. Никто никого насильно не держит!

С о к о л о в (*угрожающе*). А это не твоё дело, офицер!

А н к у д о в и ч. Я тебе не офицер, а такой же, как ты, солдат революционной армии!

С о к о л о в (*солдатам*). Братва, разберитесь с комиссаром!

Несколько солдат вяло выходят из строя, подходят к Соколову.

Б е л я е в. Господа, делай как я!

Вынимает наган, быстро становится рядом с Первухиным. Бывшие офицеры делают то же. Солдаты, сделавшие было шаг вперёд, тут же останавливаются, мнутяся.

С о к о л о в (*солдатам*). Братцы, вы чего? Мы ж договаривались! Да кто, в конце концов, главнее в полку — комитет или комиссар?! Вон, смотрите, за него офицерёе заступается!

П е р в у х и н (*солдатам, негромко*). Встать в строй.

Солдаты так же вяло идут назад.

(*Тихо, бывшим офицерам.*) Спасибо, товарищи. (*Громко.*) Становись!

Бывшие офицеры и солдаты становятся в строй. Соколов и Люфанов остаются в стороне.

Соколов и Люфанов, к вам это относится тоже. За нарушение революционной дисциплины — расстрел.

С о к о л о в (*иронично*). Ра-а-астре-ел... Ты смотри какой смелый нашёлся. Да я тебя, тля столичная, самого сейчас в штаб Духонина... (*Расстёгивает кобуру.*)

Первухин выхватывает наган, стреляет в Соколова. Тот падает.

П е р в у х и н. Ну, кто ещё будет оспаривать власть комиссара?.. (*Пауза.*) Люфанов, встать в строй. Равняйсь! Смирно!..

Люфанов становится в строй. Строй выполняет приказ.

Товарищи солдаты революционной армии! Товарищи инструкторы и бойцы народной социалистической гвардии!.. Близится тот день, когда нам предстоит вступить в схватку с лютым врагом революционного Отечества — германским империализмом. По достоверным сведениям, 18 февраля немцы перейдут в наступление по всему фронту. Я не буду скрывать от вас, и вы это знаете сами, что против нас стоит вооружённая до зубов баварская дивизия. Мы же с вами голодны, разуты, раздеты и почти безоружны. Но у нас есть то, чего нет у немцев. Это любовь к Революции. Соколов тут пытался рассказывать вам о том, что меня нужно арестовать за агитацию в сторону бессмысленной антинародной войны. Но эта война, действительно бывшая антинародной, на наших с вами глазах становится войной народной. Войной за своё добро, за свои семьи, за свои достижения. За свою Революцию!.. А за неё не жалко и умереть, товарищи!..

Пауза.

Вы уже знаете меня. Знаете, что я на равных переносу с вами все трудности. И знаете, что когда начнётся бой, я буду не в тылу, а в одном строю с вами. Никакого тыла у нас нет, есть только фронт. И сегодня, перед лицом предстоящей нам

великой битвы за Революцию, я предлагаю всем нам, всем, в ком осталась честь и совесть, объявить себя полком народной социалистической гвардии.

Пауза. Солдаты переглядываются.

Ещё раз повторяю: народная гвардия — добровольное дело, и бой нас ждёт впереди тяжёлый. Мало кто выйдет из него живым. Может быть, и вовсе никто... Подумайте ещё раз. Если есть сомнения — никого не держу.

С о л д а т (из строя). Ага, мы щас уйдём, а ты нас как Соколова...

П е р в у х и н (спокойно). Можешь проваливать к чёртовой матери. Скатертью дорога.

Из строя медленно, один за другим, начинают выходить солдаты.

(Уходящим солдатам.) Только своего не забудьте забрать. Мне тут дерьмо не нужно. Ни живое, ни мёртвое...

Солдаты подходят к трупу Соколова и медленно уносят его со сцены.

Я рад, что в полку остались только те, кому дороги Родина и Революция. Голосуем за то, чтобы считать наш полк народно-социалистическим гвардейским. Кто «за», прошу голосовать!

Строй поднимает руки.

Кто «против»? «Воздержался»? Единогласно. Командиром полка народной социалистической гвардии предлагаю избрать бывшего подполковника Беляева Валерия Алексеевича.

1-й с о л д а т. Так он же не большевик!

П е р в у х и н. Да, он не большевик, но он честный и правильный человек. А таких людей Советская власть ценит и будет ценить!

2-й с о л д а т. Разрешите сказать, товарищ комиссар?..

П е р в у х и н. Говорите.

2-й с о л д а т (выходит из строя, обращается к солдатам). Всё правильно товарищ комиссар предлагает. Я подполковника Беляева помню ещё с Нарочи. Берег он тогда нашего брата и по-глупому в лобовые атаки на пулемёты не бросал. А под Барановичами кто первый из полка в немецкий окоп ворвался со знаменем в руках? Опять же Беляев, за что и получил Георгиевское оружие...

1-й с о л д а т. Так отменены ж награды все...

2-й с о л д а т. Неважно. А важно то, что видели мы его в деле и знаем, что это за человек!.. Вот такое моё мнение. (Становится в строй.)

П е р в у х и н. Спасибо. Прошу голосовать!..

Строй поднимает руки.

Единогласно. Товарищ комполка Беляев, прошу выйти из строя.

Беляев выходит из строя.

Поздравляю вас. Принимайте командование гвардейским полком.

Б е л я е в. Благодарю. (*Строю.*) Товарищи солдаты, спасибо за доверие! Вольно, разойтись по занятиям...

Строй расходится. Бывшие офицеры подходят к Беляеву.

А н к у д о в и ч. Поздравляю, товарищ комполка.

П е т е р с. Поздравляю, Валерий Алексеевич, вот вы и снова командир...

Л е п к о. Товарищ комполка, примите в знак уважения. (*Протягивает значок.*)

Ну хоть комиссар и против, а у вас же должен быть отличительный знак...

Б е л я е в. БНСГ? Спасибо. (*Крепит его на шинель.*) Пять минут перекура, и продолжим работу.

Бывшие офицеры отходят. К Беляеву подходит Первухин.

П е р в у х и н. Спасибо вам, товарищ комполка... Если бы не вы...

Б е л я е в. Не за что... А как вы теперь отчитаетесь за бессудный расстрел?

П е р в у х и н. Так революционные законы военного времени же. А кроме того, Соколов — эсер. В руководство комитета пришёл ещё при Керенском. Так что...

Б е л я е в. Как вы легко относитесь к людям...

П е р в у х и н. К людям — нет. К массе, из которой ещё предстоит сделать людей, — да, легко. Вы же сами видите, как они ведут себя. Верят тому, кто громче кричит. Бегут за тем, кто больше пообещает... Это масса, человеческий материал. Но будущий человек получится именно из него.

Б е л я е в. И ради будущего человека вы готовы жертвовать нынешним?

П е р в у х и н. Конечно. А в чём же тогда ещё был смысл революции?.. Предвижу ваш следующий вопрос — да, собой я тоже готов жертвовать. Иначе сидел бы сейчас где-нибудь в Петрограде, в отдельном кабинете, получал бы паёк и писал брошюры о преимуществах коммунизма...

Пауза.

Вам не страшно сейчас? Вы же понимаете, что нас ждёт.

Б е л я е в. Страшно. А ещё больно, потому что у меня нет уже ни жены, ни сына... (*Пауза.*) Но раз страшно — это хорошо. Это значит, организм здоров и нормально реагирует на опасность. Вот когда человеку не страшно ни в каких обстоятельствах — это повод сходить к врачу...

П е р в у х и н. Знаете, что я подумал? Наверное, Лепко прав. В бою действительно нужен какой-нибудь отличительный знак для инструктора. Та же красная повязка на рукаве. У вас красный материал найдётся?

Б е л я е в. От знамени отрежу кусок. Знамя огромное, нам его ещё Керенский вручал, в июле, так что не жалко...

П е р в у х и н. Ну давайте от знамени. Эх, было бы время, вручил бы я вам новое, советское...

Б е л я е в. Тоже красное?

П е р в у х и н. Тоже. Только смысл в этом красном уже совсем другой...

Затемнение.

На затемнённой сцене стоят освещённые прожектором Перухин, бывшие офицеры и немногочисленные солдаты полка народной социалистической гвардии. Все держат в руках винтовки. Над позициями — большое красное знамя. На рукавах офицеров — красные повязки. Издалека доносится рокот барабана, свист флейты, слитный топот многих ног. Анкудович рассматривает приближающихся немцев в бинокль.

Анкудович (*опускает бинокль*). В батальонной колонне идут, сволочи, с барабаном...

Лепко. На хапок нас думают взять.

Перухин. Все готовы?

Солдаты. Так точно... Готовы...

Пауза.

Беляев (*глядя перед собой*). Пока у нас ещё есть минута... я хотел вам сказать, товарищи солдаты... Мы все чувствуем, что сейчас присутствуем при чём-то очень большом и важном, чего не умеем выразить... При рождении новой армии, что ли, извините за эту высокопарность...

Перухин. Так оно и есть, товарищ комполка.

Беляев. Спасибо вам всем за то, что рядом именно вы.

Петерс. Господин подполковник, для меня всегда было честью служить вместе с вами.

Лепко. Товарищ комполка, и я то же самое хотел сказать...

Перухин. И я.

2-й солдат. Ну и я тоже, если уж на то пошло.

Барабан, флейта и топот ног смолкают. Пауза. В тишине раздаётся усиленный рупором голос, очень отчётливо выговаривающий по-русски: «Доблестные советские воины! Германские войска перешли в наступление по всему фронту. Мы видим, что вы хотите оказать нам сопротивление, и хотим предупредить вас, что оно бесполезно. Через полчаса мы будем в Вилейке, а через день в Минске. Если вы сложите оружие, мы обещаем сохранить вам жизнь и отправить в Германию, где вы можете жить как цивилизованные люди. Если нет — вы будете уничтожены. Даём вам пять минут на размышление».

1-й солдат. Во дела... Карлуша, что ли, упражняется?

2-й солдат. Ишь ты... советские воины.

Перухин. Все правильно, мы и есть советские.

Петерс. Как отвечать-то будем, комиссар?

Перухин. Сейчас.

Выходит из строя, возвращается, таща граммофон. Устанавливает перед строем, трубой в зал. Заводит. Все недоумённо смотрят на него.

Беляев. Комиссар, вы по принципу «Помирать — так с музыкой»?

Перухин. Что-то в этом роде. Я ж говорил, пластинка у меня к нему есть, из Петрограда привёз.

Ставит пластинку. Раздаётся «Интернационал»: «Вставай, проклятьем заклеимённый, весь мир голодных и рабов...».

Вот это и будет наш ответ, товарищи.

Музыка «Интернационала» крепчает, превращается в мощный хор. На сцене неподвижно стоят с оружием в руках первые командиры и бойцы народной социалистической гвардии Беларуси... На словах повторного припева («Это есть наш последний и решительный бой...») занавес опускается.

Эпилог

Наши дни. Огороженные позиции в лесу. На ящиках сидят прапорщик и старший лейтенант. Прапорщик курит, офицер ищет что-то в телефоне. Звонок.

Старший лейтенант. О, Андрюха Аралин. Может, нарыл чего. *(Снимает трубку.)* Здорово ещё раз. Ну, посмотрел фотку?.. *(Пауза.)* Ого... Слушай, а такая была?.. Ну да, надо учить матчасть... Ну спасибо. Пока. *(Вешает трубку.)* Во дела, Петрович.

Прапорщик. Что такое?

Старший лейтенант. Ну тут Андрюхе в голову пришло... Говорит, БНСГ — это может быть Белорусская народная социалистическая гвардия. Самые первые части Красной Армии, которые в начале восемнадцатого года создавались. Их всего по Беларуси около пяти тысяч человек было... Ну и он говорит, знаков различия у них не было, но кто-то из старших запросто мог значок себе такой заказать в частном порядке... Ну, для красоты и чтобы понятно было, что за часть... Во дела...

Прапорщик. То есть это мы их позицию нашли, что ли? Гвардейскую?..

Старший лейтенант. Ну наверное.

Прапорщик. Так а против кого они стояли-то? Против белых, что ли?

Старший лейтенант. Да какие тут белые в начале восемнадцатого года?!.. Может, немцы, может, поляки...

Прапорщик. Так с немцами вроде ж перемирие было... А граммофон им на кой сдался на позиции?..

Старший лейтенант. Да кто ж узнает теперь... Значит, нужен был зачехто. Слушали, может, в перерывах между боями...

Шум мотора, скрип тормозов. Хлопнули дверцы.

О, следаки приехали. Ну что, пошли?

Встают и уходят за кулисы. Музыка.

Занавес.

Революция и война

*К 100-летию Великой Октябрьской
социалистической революции
и Вооружённых Сил Республики Беларусь*

Республика Беларусь является единственной страной в мире, где официально как государственный праздник отмечается День Октябрьской революции, а День Независимости (День Республики) отмечается в день освобождения её столицы от немецко-фашистских захватчиков. Беларусь является также единственной страной из республик бывшего СССР, которая в 2018 году отмечает 100-летие Вооружённых Сил.

Это вполне закономерно, ибо факт остаётся фактом — без Белорусской ССР не было бы современной суверенной Республики Беларусь, ставшей духовным правопреемником всего лучшего, что было в Советском Союзе. Одновременно в нашей истории одной из самых ярких дат была и остаётся дата 23 февраля, с которой ассоциируются героизм Рабоче-Крестьянской Красной Армии, освобождение Минска 11 июля 1920 года и воссоединение великого белорусского народа в едином белорусском государстве, как сказано в законе Белорусской ССР от 14 ноября 1939 года. С этой датой ассоциируются создание армии, принёсшей Великую Победу и спасение человечества от фашизма, и, конечно же, мощь Советской Армии, сделавшей невозможной, иррациональную большую войну, в том числе ракетно-ядерную...

Накануне и в год 100-летия этих важнейших исторических событий тема социальной революции и истории Вооружённых Сил становится более чем актуальной. К ней обращаются историки, социологи, философы и, конечно же, политтехнологи. Последние реализовали серию информационных кампаний по поводу столетия Великой Октябрьской социалистической революции и Вооружённых Сил Беларуси.

Примечательно, что изыскания «белорусских» свядомых относительно революции идентичны деяниям радикалов всех мастей — от российской псевдолиберальной тусовки до неонацистов. Все они, на первый взгляд противоположные по политическим убеждениям, едины в своей ненависти к самому яркому событию истории XX века. Здесь и нацист-маргинал Просвирнин вместе со Стрелковым, и либероиды высшей школы экономики вместе с коммунистом-расстригой — специалистом по международному рабочему движению Суздальцевым. Здесь же «казаки-разбойники» — поклонники колаборантов-предателей генералов Краснова и Панвица, которым даже пытаются устанавливать памятники...

Тот факт, что Беларусь на государственном уровне отмечает и День Октябрьской революции, и 100-летие Вооружённых Сил, лишь подтверждает, что впереди

ещё немало кампаний против руководства страны и белорусского народа, не желающего предавать и продавать своё прошлое...

Тем не менее международное сообщество обречено на необходимость обращения к событиям 100-летней давности, коль скоро не потеряло ещё волю к продолжению своей истории. Ведь 100-летие со времени Великой Октябрьской социалистической революции — это не только память об очень важном историческом событии. В новом веке эта памятная дата настоятельно требует ответов на серию вопросов, непосредственно связанных с будущим цивилизации.

Что такое социальная революция и каковы её особенности в современных условиях? Вопрос этот особо актуален в связи с многочисленными примерами так называемых «цветных» революций — государственных переворотов, отбрасывающих страны в глубокую архаику и навсегда выводящих их «за рамки истории». Но можно ли вообще прекратить исторический процесс, остановить историю посредством современных технологий?

Каково соотношение войны и революции в современных условиях? В начале прошлого века именно мировая война явилась мощным ускорителем революционного процесса. Но являются ли сами революции непременным спутником войн или сама война, в том числе мировая война, её тайные пружины — не что иное, как большая геополитическая игра, попытка осуществления глобальных переворотов, учитывая, что именно Первая мировая война поставила крест на нескольких империях?

Здесь же вопросы — о сущности и причинах революций 1917 года, Гражданской и Второй мировой войны, а также о феномене создания и крушения СССР. Является ли всё это продолжением той Первой мировой войны и её закономерным итогом? Или правы те учёные, которые говорят, что «вся жизнь народов представляется в виде непрерывной войны, которая является как бы нормальным их состоянием, а короткие периоды мира между длинными периодами войны как бы только перемирием»¹?

Вопросы эти более чем актуальны, так как в новом веке глобальная нестабильность многими учёными рассматривается в контексте цивилизационных противоречий, объективно ставящих мир на грань новой мировой войны.

Прежде всего необходимо все важнейшие исторические события 1917 года рассматривать только в их диалектическом единстве и взаимосвязи.

Кстати, для познания сути данных исторических событий (и не в меньшей степени для познания сущности мировых проблем современности) очень важен методологический подход, сформулированный Ульяновым-Лениным ещё в 1913 году в работе «Слова и дела».

«У нас постоянно делают ту ошибку, что оценивают лозунги, тактику известной партии или группы, её направление вообще, по намерениям или мотивам, которые сама эта группа выдвигает. Такая оценка никуда не годится. Благими намерениями — это давно уже сказано — вымощен ад. Дело не в намерениях, не

¹ Снесарев А. Е. Философия войны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vk.com/doc393365273_278351457?hash=16059d169629435409&dl=284473f46c0d05bb2b. С. 222–223.

в мотивах, не в словах, а в той объективной, от них независимой, обстановке, которая определяет судьбу и значение лозунгов, тактики или вообще направления данной партии или группы»¹.

Какова же была объективная обстановка накануне Октябрьской революции?

Примечательно, что ещё в январе 1917 года ни о какой пролетарской революции в России речи не могло быть. В знаменитом «Докладе о революции 1905 года», прочитанном 9 (22) января 1917 года в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодёжи, Ленин заявил: «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции...»².

Более того, есть весомые основания считать, что в апреле 1917 года Николай II собирался взять Берлин. К весне 1917 года, когда, как признавал заместитель начальника кайзеровского Генштаба генерал Эрих Людендорф, положение Германии стало почти безвыходным, только русская революция спасла нас от гибели. В своих мемуарах он написал: «Мы с уверенностью учитывали, что революция понизит боеспособность русской армии; наши предположения осуществились»³.

Русская армия действительно была готова к генеральному наступлению, способному сокрушить вражескую оборону. Но накануне произошёл переворот...

В ноябре 1974 года вышла книга Николая Николаевича Яковлева «1 августа 1914». Выход книги известного учёного, профессора, друга Ю. В. Андропова и единственного беспартийного историка в СССР, кому позволялись зарубежные командировки, наделал много шума. Впервые в книге показана предательская роль российской буржуазии в войне, а главное — впервые автор прорвал блокаду на запретную и опасную тему роли масонства в подготовке и осуществлении февральского переворота 1917 года.

«В начале сентября 1915 года возник сверхзаконспирированный «Комитет народного спасения», издавший 8 сентября «Диспозицию № 1». В таинственном документе, найденном после Октябрьской революции в бумагах А. И. Гучкова, формулировались цели новой организации. В нём утверждалось, что на руках у России две войны — против упорного и искусного врага во вне и против не менее упорного и искусного врага внутри. Достижение полной победы над внешним врагом немислимо без предварительной победы над врагом внутренним. Под последним имелась в виду правящая династия. Для победы на внутреннем фронте необходимо оставить всякую мысль о «блоках и объединениях с элементами зыбкими и сомнительными», немедленно назначить штаб верховного командования, основную ячейку которого составят князь Г. Е. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский.

Отцы-основатели организации настаивали, что борьба «должна вестись по установленным практикой правилам военной дисциплины и организации». С самого начала подчёркивался избранный, а не массовый характер организации:

¹ Ленин В. И. Слова и дела // Рабочая правда. 1913. 16 июля. № 3 // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 335–336.

² Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года // Правда. 1925. 22 января. № 18 // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 328.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 / пер. А. А. Свечина. М.: Вече, 2014. С. 385.

«Сия работа не касается обыкновенных граждан, а исключительно лиц, участвовавших в государственной машине и общественной деятельности». Пригодными методами признавались, прежде всего, «отказ войск» иметь какое-нибудь «общение» с лицами, декретированными указанным штабом верховного командования, удалёнными от государственных и общественных функций (хотя, естественно, они продолжали занимать соответствующие посты в иерархической пирамиде империи!).

Речь шла о подготовке верхушечного, дворцового переворота. Эти люди, конечно, не были столь наивны, чтобы вместе с масонским жаргоном, на котором написана «Диспозиция № 1», брать всё у идейных предшественников. Пресловутые фартуки каменщиков, символика и обрядность исключались, в организацию допускались женщины, оставалось главное — глубокая тайна и клятва хранить её. Организация состояла из лож по пяти человек, подчиненных, в конечном счёте, штабу верховного командования»¹.

Но февральскую революцию 1917 года организовали не только адепты тайных обществ и тем более не большевики. Численность РСДРП (б) к началу 1917 года была ничтожна на фоне других политических партий, в том числе миллионной партии социалистов-революционеров. Численность большевистской партии в феврале 1917 года по одним источникам составляла 10 тысяч человек, по другим — 24 тысячи.²

Переворот осуществили родственники царя, подлая «элита» — российские аристократы, которым император пытался урезать льготы. Примечательно, что после свержения царя правительство возглавил князь Львов (родом из династии Рюриковичей). Командир гвардейского флотского экипажа — двоюродный брат императора сразу же вышел к «народу» с красным бантом...

Полное отсутствие даже намёка на некий инстинкт самосохранения со стороны русской аристократии и самого «креативного» (говоря современным языком) класса — буржуазии, решивших совершить переворот во время войны.

Важный методологический вывод из той войны — никогда не победит в войне страна, где на фронте умирает воинство, идя на величайшее самопожертвование, а в тылу процветают казнокрадство, лихоимство запредельных масштабов, льётся рекой шампанское, а в ресторане пьяная рожа купца лежит в салате — «жизнь удалась!».

Здесь же кроется сущностное, политико-экономическое содержание войны, сформулированные А. Е. Снесаревым: «Пережитая миром драма, называемая мировой войной 1914–1918 гг., разве она не продиктована в глубине купеческими расчётами, слабо прикрытыми более расплывчатым термином империалистических интересов»³.

И тому есть конкретные примеры.

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М.: Эксмо, 2003. С. 11–13.

² Земцов Б. Н. Становление советского государственного механизма // Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 324. № 6.

³ Снесарев А. Е. Философия войны.

В России 95 % пушек, винтовок и пулемётов (которых хронически не хватало) были изготовлены на казённых заводах. Частные же заводы непомерно взвинчивали цены.

Ижорский казённый завод в предвоенный период изготавливал корабельную броню по цене 4 руб. 40 коп. за пуд, а Морское министерство отдало заказ Мариупольскому частному заводу по цене 9 руб. 90 коп. за пуд.

В 1916 году 76-мм осколочно-фугасный снаряд на казённом заводе стоил 9 руб. 00 коп. и 12 руб. 13 коп. на частном; 122-мм снаряд — 30 руб. 00 коп. и 45 руб. 58 коп. соответственно; 152-мм снаряд — 42 руб. и 70 руб. и т. д.¹

Незадолго до февраля 1917 года начальник главного артиллерийского управления генерал Маниковский, желая спасти страну, приказал арестовать многих фабрикантов за то, что те завышали цены на снаряды для пушек (в два раза относительно государственных Путиловского и Обуховского заводов!). Он сказал императору, что при таких ценах войну не выиграть. Царь приказал отпустить арестованных, сказав, что в апреле он и так возьмёт Берлин.

Получилось иначе. Февральский переворот 1917 года избавил армию и от присяги, и от уставов. 1 марта был издан приказ Петроградского Совета № 1, вошедший в историю как приказ «о демократизации армии». Приказ не только узаконил создание так называемых солдатских комитетов, подчинение воинских частей Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

Пятый пункт приказа закреплял также положение о том, что всякое оружие должно находиться в распоряжении ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам...²

Временное правительство, намеренное продолжать войну, пыталось откреститься от приказа № 1 как якобы предназначенного только для Петроградского гарнизона. Тем не менее приказ сразу же был направлен во все воинские части.

Создание солдатских комитетов, введение временным правительством комиссаров быстро сделали своё дело. Русская армия перестала существовать. Кстати, идеологическая подоплёка так называемых «комиссаров» временного правительства не нуждается в особом комментарии, коль скоро образцом комиссара являлся известный террорист — социалист-революционер Борис Савинков (на фоне боевиков Савинкова современные террористы отдыхают).

Ещё один методологический вывод для современного времени. Нет ничего более мерзкого и отвратительного, чем слабая и безвольная власть. Русский император действительно в апреле 1917 года реально мог взять Берлин. Но он подписал акт отречения от престола.

Дело, разумеется, не только в отречении, явившем собой финал деградации соответствующей системы. Именно слабая безвольная власть — один из главных

¹ Широкоград А. Факты против мифотворчества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://topwar.ru/31315-stoletie-velikoy-voyny-fakty-protiv-mifotvorchestva-politikov.html>.

² Полный текст приказа опубликован в различных источниках. См.: http://hrono.ru/dokum/191_dok/19170301prikaz1.php

источников нестабильности, войн и величайших трагедий, в основе которых абсолютно неадекватные политические решения этой власти.

История не имеет сослагательных наклонений. Но ещё 11 июля 1905 года на яхте «Полярная звезда» у острова Бьёрке Николай II и Вильгельм II подписали союзный договор. Если бы Бьёркский договор вступил в силу, не было бы Первой мировой войны и вся история человечества пошла бы по другому руслу. Однако русский царь оказался абсолютно безвольным, что было равносильно самоубийству, ибо в России правили бал, говоря современным языком, «агенты влияния» Франции и Англии. По возвращении в Санкт-Петербург царь подвергся буквально атаке своих министров, включая премьера Витте, министра иностранных дел Ламздорфа и других. Царь просил «кузена Вилли» денонсировать этот договор.

Именно британская агентура влияния, сорвавшая русско-германское сближение после Бьёрка, активно подталкивала Россию к союзу с британцами, и в 1907 году русско-английским союзом было оформлено то, что вошло в историю под названием «Антанта», или «Сердечное согласие».

Тем не менее вторично Николай II хотел договориться с Вильгельмом в ходе встречи в Потсдаме 22 октября 1910 года. Однако сопровождавший царя министр иностранных дел Сазонов отказался подписать договор...

Более того. Экономических причин войны с Германией не было. Доля Германии в импорте России составляла 50 %. Для сравнения: Франции — 4,6 %, Англии — 13,3 %.

В переписке с Вильгельмом Николай II 15 июля 1914 года (по старому стилю) с горечью писал: «Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые поведут к войне».

Эти факты хорошо известны историкам. Можно познакомиться с работами А. Широкограда, который абсолютно прав, утверждая, что «первый раз в истории Россия воевала не за присоединение к себе каких-то территорий, а за собственное расчленение! И это теперь называют «Второй Отечественной...»¹.

Война явно не соответствовала национальным интересам страны. Политическая элита втянула её в союз, направленный против Германии, ибо к началу XX века Российская империя превратилась в самого большого в мире должника, вручив судьбу кредиторам — Англии и Франции. Они приволокли Россию на мировую бойню посредством финансовой удавки займов и инвестиций. Чудовищная экономическая зависимость заставила платить за чужие интересы океанами народной крови².

Ещё два урока, характеризующие объективные закономерности ведения войны, сформулированные Карлом фон Клаузевицем.

Один из них заключается в следующем: «Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя пред-

¹ Широкоград А. Факты против мифотворчества.

² Колистратов А. Война, проигранная до начала [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/21047>.

ставляет результат двух тесно сплетающихся факторов: размер средств, которыми он располагает, и его воля к победе».

Как показано выше, Россия вступила в войну без чётко очерченных целей и задач, и не только с безвольной слабой властью, но и без вмняемой военной доктрины, в обстановке стратегического раздора, а также абсолютно неподготовленной в материально-техническом отношении.

Сейчас псевдороссийские патриоты любят рассуждать якобы о запредельных темпах роста экономики империи накануне войны. Но факты таковы.

«В целом объем индустриальной продукции даже в благополучном для России 1913-м оставался вшестеро меньше, чем в Германии. До 50 процентов потребляемых промышленных товаров ввозилось из-за рубежа.

Урожайность зерновых в России была ниже, чем в Германии, в три раза, картофеля — вдвое. Но для удовлетворения потребностей в промышленных товарах, а знати — в предметах роскоши голодавшая страна ежегодно вывозила порядка 100 тысяч тонн зерна и огромное количество другого продовольствия. Распродавался на внешнем рынке по демпинговым ценам сахар, которым из-за его дешевизны в Британии кормили свиней. В официальных докладах, составленных на основе данных из церквей, от сельских старост и управляющих помещичьими имениями, приводятся жуткие цифры. «В зиму 1900/01 гг. голодали 42 миллиона человек, умерли же из них 2 миллиона 813 тысяч православных душ». В 1911 году, то есть после хвалёных столыпинских реформ: «Голодали 32 миллиона, потери — 1 миллион 613 тысяч человек»¹.

Ещё один урок. Важнейшим условием победы в войне является знаменитая триада Клаузевица — союз «власть — армия — народ».

Кстати, сегодня, как и в прошлом веке, кому не лень пользуются именем военного теоретика, не удосужившись хотя бы заглянуть в его фундаментальный труд «О войне». А напрасно. Ниже приводится тезис Карла фон Клаузевица из его труда, причём в издании Наркомата обороны СССР 1936 года.

Именно Клаузевиц предвосхитил произошедшие в последние десятилетия XX–XXI веков глубокие изменения сущности войны, сформулировав вывод о том, что война — не просто дело армии и всего народа. «Благодаря участию в войне всего народа не одно правительство и его армия, а весь народ со всем присущим ему весом брошен на чашу весов», — писал Клаузевиц. При этом автором подчёркивалось, что «грядущие войны тем более будут вестись с напряжением всех сил государства и вряд ли наступит время, когда кто-нибудь осмелится на отделение правительства от народа»², то есть разрушение триединства.

Именно «отделение правительства от народа» в совокупности с отсутствием координации, хладнокровного рационализма, научного подхода к делу, недооценкой роли техники, презрением власти к солдатской массе и своему народу в целом привели страну к катастрофе — к февралю 1917 года.

¹ Колистратов А. Война, проигранная до начала.

² Клаузевиц. О войне: в 2 т. / пер. с нем. А. Рачинского. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1936. Т. 2. С. 356–358.

Но был ли альтернативный вариант развития ситуации? Ведь именно Русская армия наряду с жестокими поражениями провела даже в тех жутких условиях недостатка материально-технических средств целый ряд ярких операций, достойных быть вписанными в мировую сокровищницу военного искусства.

В 1915 году благодаря невероятной стойкости войск, мужеству командного состава в условиях катастрофической нехватки боеприпасов удалось избежать стратегического окружения и полного разгрома объединёнными австро-германскими силами семи армий в Польше. В это страшное время расход боеприпасов для русской артиллерии лимитировался 10 выстрелами в сутки. Из-за полного отсутствия патронов контратаки проводились исключительно ночью и были штыковыми.

Жестокие сражения той войны произошли на белорусской земле. Именно эти сражения явили собой пример мужества, стойкости и доблести русского воинства.

История Первой мировой войны знает два примера, когда крепости и их гарнизоны до конца выполнили поставленные перед ними задачи: маленькая русская крепость Осовец и французская крепость Верден.

Кому обязаны французы спасением под Верденом?

В 1916 году именно там оказалась в тяжелейшем положении французская армия и по просьбе союзников раньше срока началась Нарочанская операция в районе Двинск — озеро Нарочь. Войска русской армии понесли огромные потери, но наступление немцев на Верден уже в конце марта 1916 года ослабло и затем прекратилось полностью.

Гарнизон русской крепости Осовец героически выдержал осаду многократно превосходивших немецких войск в течение полугода, а мировую известность эта крепость получила летом 1915 года в связи с контратакой гарнизона крепости после третьего применения германскими войсками химического оружия. Позже современники назовут эту контратаку как «атака мертвецов», ибо после массированного применения оружия массового поражения шансов выжить практически никому не было.

Когда немецкая пехота подошла к передовым укреплениям крепости, им навстречу в контратаку поднялись оставшиеся защитники первой линии. Это были остатки 13-й роты 226-го пехотного Землянского полка. Ими командовал подпоручик корпуса военных топографов Владимир Карпович Котлинский — уроженец деревни Веркалы Игуменского уезда Минской губернии.

В ходе атаки подпоручик Владимир Котлинский был смертельно ранен и передал командование подпоручику 2-й Осовецкой сапёрной роты Владиславу Максимильяновичу Стржеминскому. Под его командованием атака была успешно завершена. Несколько десятков русских бойцов обратили в бегство три германских пехотных полка!

Герой Великой войны и кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени Владислав Стржеминский тоже наш соотечественник — уроженец города Минска, сын польского дворянина, подполковника Русской армии Максимилиана Стржеминского.

В России всегда была великолепная школа стрелкового оружия. Как ни преклонялось перед западными оружейниками царское окружение, но Первую

мировую войну Россия встретила с винтовкой Мосина в руках. Именно русская винтовка настолько превосходила западные образцы по простоте изготовления и обращения, точности, кучности и безотказности, что царедворцы не смогли навязать русской армии иностранную винтовку.

Несмотря на бешеное сопротивление, русские оружейники смогли отстоять возможность работы при русском Артиллерийском управлении. Именно при Артиллерийском управлении вырос в знаменитого оружейника Владимир Григорьевич Фёдоров — изобретатель первого в мире автомата под винтовочный патрон калибра 6,5 мм, полковник царской армии, впоследствии ставший генерал-лейтенантом Красной армии.

Но автоматическая винтовка не стала «супероружием» в руках русской армии. Когда Владимир Фёдоров, уже будучи полковником, читал лекцию по артиллерийскому оружию в Михайловском училище, учебное заведение посетил царь Николай II, присутствовал он и на занятии Фёдорова.

Когда лекция была окончена, царь отвёл Фёдорова в сторону. Состоялся такой разговор.

— Полковник, вы изобрели автоматическую винтовку?

— Так точно, я, ваше императорское величество.

— Я против применения её в армии.

— Осмелюсь спросить, почему?

Царь, уже уходя, равнодушно бросил:

— А... для неё патронов не хватит...

А отсюда ещё один вывод — для Российской империи итог войны был вполне закономерен...

После февраля 1917 года деградирующая армия стала терпеть страшные поражения. Нужна была присяга и новые уставы, надо было распустить старую армию и создать новую на базе новых уставов, но для этого требовалось как минимум год мирного времени...

Первоначально после февральского переворота 1917 года военным министром Временного правительства был генерал Верховский, который в ультимативном порядке потребовал у Керенского заключения мира с Германией и Австрией на любых условиях. Страну надо было спасать. Но Керенский не имел реальной власти, западные «союзники» закономерно отказали в мире. Верховский был снят и заменён Маниковским, который также прекрасно понимал, что Временное правительство — марионетка в руках геополитических игроков, поэтому переговоры с ним о спасение России абсолютно бесполезны.

Кстати, состояние любой армии во все времена характеризуются во многом дисциплиной. На фоне картинок «победоносной» царской армии явно шокирующе выглядят факты реального состояния правопорядка в войсках. Только по официальным данным в плен ушло (не захвачено в боях, а именно ушло) 3 638 271 человек, или 23,66 % призванных в армию. Среди способов ухода от войны особо выделялись братания. Например, в братаниях на пасху 10 апреля 1916 года участвовали десятки полков, а после февральской революции в пасхальную

неделю 2–8 апреля 1917 года в них участвовали уже сотни полков. Братания продолжались в мае, июне и вплоть до осени¹.

Самый главный вывод из уроков Первой мировой войны в следующем. Кое-кто был бы не прочь уравнивать её с Великой Отечественной, назвать Второй Отечественной войной. Дело это абсолютно неверное и опасное.

Тем более что только для СССР война 1941–1945 годов стала Священной, Великой и Отечественной. Ибо для народов Советского Союза по всем параметрам не то, что победить, а выжить было невозможно. Для всех же остальных крупных держав это был лишь очередной передел мира, как и в ходе Первой мировой войны.

Никогда не ответят адекватно ни белая патриотика, ни псевдодемократы — почему Российская империя в 1914–1917 годах не смогла до конца противостоять заурядному противнику, атакованному союзниками по Антанте. И почему в 1945-м СССР победил несопоставимо более сильного противника, прошедшего торжественным маршем по Европе.

Речь здесь идёт о статусе повергнутого врага, подразумевающим также ответ на вопрос о субъекте победы. Если с одной стороны стоял враг человечества с его зловещей волей к власти, то на другой стороне не мог не стоять некий смысловой оппонент, равно мощный этому ордену. Ответить на вопрос о масштабе Победы в Великой Отечественной — значит признать величие красных смыслов и органичность этих смыслов для народов СССР. Красных смыслов, основанных на идеях Октябрьской революции.

II

В одной статье невозможно изложить все аспекты теории социальной революции, ярким примером которой является Великая Октябрьская социалистическая революция. Тем не менее ответить на ряд вопросов в связи с попытками уравнивать социальные революции с государственными переворотами эпохи постмодерна — цветными революциями, необходимо.

Являются ли события в странах Северной Африки, Ближнем Востоке, а ранее в Югославии, да и в самом СССР в 1991 году («революция с лицом Растроповича»), социальными революциями, то есть качественными изменениями в социальной жизни, обеспечивающими самое главное — поступательное, прогрессивное развитие этих стран? Конечно же, нет. Но именно эти события названы революциями.

Здесь, в сфере терминов, определений, понятий содержится основа понимания происходящих процессов. Ибо в глобальной войне в сфере смыслов особо важным является война за имена, после которой разворачивается серия иных специальных операций в различных сферах, которые ведутся по некому сетевому графику, хорошо известному специалистам по «управлению кризисами».

Кстати, как раз поэтому в предшествующий исторический период в глобальном масштабе из классического термина «революция» попытались вытравить её главное философское сущностное содержание — создание условий для прогресса,

¹ Александр Асташев. Воинские преступления как фактор криминализации России в Первой мировой войне // Россия XXI. 2016. № 5. — С. 62–83. (С. 64, 68).

скачка в развитии и прорыва в будущее... Более того, термином революция обозначили именно контрреволюционные перевороты, суть которых — глубочайшая архаика и остановка прогресса. Данная психолингвистическая операция не нова, в своё время с лёгкой руки Ханны Арендт и Фридриха Августа фон Хайека термином «тоталитаризм» попытались уравнивать абсолютно противоположные, альтернативные политические и идеологические феномены — «фашизм» и «социализм»...

С конца прошлого века нечто подобное проходит и в сфере формирования понимания сущности революции как закономерного явления, обусловленного законами диалектики, пытаясь подменить данное понятие постмодернистскими суррогатами распада и деградации...

Впрочем, это вполне объяснимо. Идёт ожесточённая борьба в сфере смыслов, отражающая современное состояние мира, обусловленное глобальными вызовами человечеству. На планете активно действуют силы, стремящиеся ответить на эти вызовы антиисторическим проектом расчеловечивания и глубокой дехристианизации. Именно в рамках данного проекта разворачивается серия политико-информационных сражений и войн, направленных на разрушение государств и уничтожение целых этносов, обусловленных конкретной целью — прекращением глобального развития.

Очень часто с явной издёвкой всё это называется «гуманитарными» акциями или операциями, а то и «бархатными» или «цветными» революциями.

Но сущность всех «васильковых», «оранжевых», «бархатных» и им подобных революций современности в действительности ничего общего не имеет с сущностью революции социальной. А обилие материалов, воспевающих их «демократический» характер, тем более не может претендовать на объективность. Ибо за всей этой «демократией» маячит тень новейшего оружия, уже изготовленного для ликвидации «антропологических избытков» человечества.

Впрочем, кое-что подобное в истории уже было (несопоставимо в меньших масштабах). Писал же А. С. Пушкин:

Вот эвхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мёрзлую струёй
И за здоровье тех и той
До дна до капли выпивали!..
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет, мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес»...

Кстати, практически все революции начиная с XVIII века проходили под лозунгом демократии. Часть из них действительно явила собой яркий прорыв к новому обществу, являясь закономерностью самого развития, ибо на то были объективные условия, которые невозможно отменить.

Но не всё так просто. Очень часто за «демократическим халатом», за красивой формой, облечённой в лозунги «свобода, равенство, братство», следовало нечто иное — у А. С. Пушкина это зашифровано в аллегории «кровавой чаши». И здесь речь идёт не только о том, что в ряде масонских лож в то время практиковался ритуал причащения живой кровью. В истории есть немало примеров, когда так называемые «революции» стали по существу своей противоположностью, не прорывом в будущее, а главным условием глубочайшей архаизации и самоуничтожения. Кстати, у Пушкина в приведённом выше стихотворении «Те», которые «в Неаполе шалят», — это революционеры-карбонарии, а «Та» — это свобода, которая «едва ли там воскреснет», поскольку «народы тишины хотят»...

Но есть действительно настоящие социальные революции, обусловившие приход к власти прогрессивных правительств и ставшие настоящими локомотивами истории или могущие быть таковыми. Таковой была Великая Октябрьская социалистическая революция. Таковой была революция в Чили. Приход к власти в Чили правительства Сальвадора Альенде был классическим примером социальной революции, причём осуществлённой мирным путём — попыткой прорыва уже тогда, в начале 70-х годов, в новый век.

Когда танки и самолёты Пиночета в 1973 году штурмовали дворец Ла Монеда, большинство людей, как на Западе, так и на Востоке, совершенно не представляло себе, что именно было истинной целью заговорщиков.

Речь шла не о «коммунистической угрозе». «Преступление» доктора Альенде состояло в том, что он осмелился на крупномасштабное социальное экспериментирование. Приглашённые чилийским президентом учёные — такие, как Стаффорд Бир, автор знаменитой книги «Мозг фирмы», — создавали в стране общенациональную компьютерную сеть, позволяющую эффективно управлять экономикой.

Всё это делалось задолго до появления современных компьютеров и Интернета, на технике, возможности которой сейчас могут показаться весьма скудными. Тем не менее система была создана и показала свою высочайшую эффективность (именно благодаря ей был блестяще разрешён ряд кризисных ситуаций в Чили). Всё шло к появлению нового общественного строя — «киберсоциализма». Он обещал быть эффективнее социализма советского образца...

Поэтому Пиночет, по приказу стоявших за ним главных мировых финансовых игроков захватив власть, первым делом приказал разрушить находившийся в подвале президентского дворца гигантский компьютер, сердце системы¹.

Во времена фашистской Германии сжигались книги и люди, а в конце прошлого века неофашистами уничтожался первый суперкомпьютер...

¹ Крылов К. Шокотерапия // Спецназ России 2003. № 09 (84). Сентябрь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.specnaz.ru/first/264/>.

Кровавый спектакль, учинённый фашистами Пиночета в Чили поверг в шок и величайшее смятение даже страны Западной Европы, а «стадион в Сантьяго», превращённый концлагерь, стал символом величайшей трагедии. К слову, особой жестокостью отличился участвующий в перевороте некто Мигель Краснов — сын Семёна Краснова, начальника штаба главного управления казачьих войск нацистской Германии... Убивать мирных граждан, детей и женщин — это же так естественно для фашистов!

В 2015 году газеты писали: «Любимец Пиночета, бригадный генерал чилийской армии, сын русского коллаборациониста Семёна Краснова Мигель Краснов и по сей день отбывает тюремный срок за участие в многочисленных пытках и убийствах чилийцев и иностранных граждан»¹.

Мигель (Михаил) Краснов (род. 15 февраля 1946, Тироль, Австрия) — бригадный генерал чилийской армии в отставке, внучатый племянник донского атамана Петра Краснова и сын Семёна Краснова, начальника личного конвоя барона Врангеля.

С. Н. Краснов — участник Белого движения начальник штаба Главного управления казачьих войск Имперского Министерства Восточных оккупированных территорий Третьего рейха, генерал-майора вермахта. П. Н. Краснов — донской атаман, участник Белого движения, начальник Главного управления казачьих войск Имперского Министерства Восточных оккупированных территорий Третьего рейха.

М. Краснов принимал участие в свержении правительства Альенде 11 сентября 1973 года. В 1974-м прикомандирован в Ставку Главнокомандования Армии. Начальник отдела безопасности и личной охраны главы Военной Хунты и Главнокомандующего вооружённых сил генерала Аугусто Пиночета.²

Доктор Альенде не сумел организовать защиту Чилийской революции, но в памяти людей он навсегда остался настоящим президентом, верным выбором народа Чили. Последняя фотография Альенде — с автоматом Калашникова — говорит сама за себя...

Всякая революция, особенно мирная, лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Слова классика не потеряли своей актуальности и сегодня. Но сначала несколько теоретических вопросов. Что такое революция вообще и социальная революция в частности? Можно ли называть «оранжевые» и «бархатные» революции революциями как таковыми?

Здесь проявляются две крайности.

Во-первых, с 90-х годов прошлого века в общественное сознание настойчиво пытались внедрить искажённое толкование социального явления «революция», полное примитивных антинаучных штампов. Революция отождествлялась только с насилием, её причиной объявлялась деятельность «тёмных», едва ли не сверхъестественно злых сил, результатом любой революции считалось только

¹ Глаза, полные лжи. Как Аугусто Пиночет вошёл в историю [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.aif.ru/society/history/glaza_polnye_lzhi_kak_augusto_pinochet_voshel_v_istoriyu 25/11/2015.

² Михаил Краснов — лучший генерал Пиночета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://via-midgard.info/news/mixail-krasnov-luchshij-general-pinocheta.htm>.

разрушение «нормальной» жизни и усугубление проблем, на решение которых она претендовала. Революция в этом случае оказывается не локомотивом истории, а диверсией на её дороге.

Во-вторых, в обиход также вошли понятия «цветные», «оранжевые» и «бархатные» революции, якобы носящие ненасильственный демократический характер и призванные покончить с тоталитарными и авторитарными режимами. Причём с точки зрения авторов псевдолиберальных проектов к «авторитарным», а то и к «тоталитарным» режимам были отнесены СССР и другие социалистические государства, а сегодня — несколько действительно независимых стран, включая Кубу, Иран, Беларусь.

С лёгкой руки Кондолизы Райс наша страна названа «последней диктатурой Европы». И аргументы по поводу того, что следует уважать демократический выбор подавляющего большинства белорусского народа, что Беларусь собственный парламент не расстреливала из танков, что наша страна не участвовала и не участвует в агрессиях против суверенных государств, в расчёт не идут. Псевдодемократические «независимые» издания, наоборот, захлёбываются от обилия материалов, в которых с завидным постоянством звучат призывы к «революции» в Беларуси, облечённой в форму «Площадь».

В этих условиях исследование проблемы социальной революции представляется как нельзя более своевременным.

Известно, что слово «революция» используется для обозначения прогрессивного скачка в развитии не только общества в целом, но и отдельных его сфер.

В самом общем плане, революция (франц. *revolution*, от позднелат. *revolutio* — переворот) — качественное изменение, коренной переворот в социальной жизни, обеспечивающий поступательное, прогрессивное развитие.

Революция социальная — коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя, необходимый, закономерный результат естественноисторического развития.

Вообще литература по проблемам революции необъятна и свидетельствует о колоссальной актуальности проблематики. Однако научная разработка многих проблем ещё только начата и с трудом поддаётся охвату единым взором. Тем не менее заслуживает внимание подход к пониманию революции как всеобъемлющего общественного переворота, обеспечивающего восходящее движение человечества от одной ступени развития к другой, то есть развитие.

При этом следует понимать философское различие «эволюции» как восходящих количественных и «революции» как восходящих качественных изменений. Именно такое понимание терминов «революция» и «эволюция» позволяет соотносить их с понятием прогресса как восходящего движения, включающего в себя количественные и качественные изменения¹. То есть «революция» есть философское понятие для обозначения коренного изменения в способе отношения

¹ Назаров Юрий Николаевич. Революция как предмет социально-философского исследования: дисс. ... доктора философских наук: 09.00.11 / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2006.

человека к окружающему его миру, а в системе социальной реальности революция представляет собой одну из сторон поступательного движения общества.

Таким образом, главным критерием социальной революции может быть только развитие. Именно такой революцией была Великая Октябрьская социалистическая революция. Революция, которая изменила мир.

Но было бы наивно полагать, что революции совершаются в белых перчатках, а рассматривать их только в лубочных картинках красивых ярких бескровных побед было бы верхом наивности.

Революция страшна. И революция 1917 года не является исключением. И Дзержинский занимался не только тем, что беспокоился за жизнь беспризорных. Хотя занимался этим тоже и делал это талантливо. И не только тем, что подавлял реальную уголовную преступность. Он занимался страшными вещами и всё это известно.

Но на революции лежит ли вся эта кровь?

Всегда во все времена ответственность за кровь, пролитую во имя победы, обернувшейся поражением, лежит только на власти. И за тот ужас, который состоялся во время Первой мировой войны, не может отвечать ни Ленин, ни Дзержинский. За него отвечает царь, весь правящий дворянский и буржуазный класс. Они отвечают за мясорубку Первой мировой войны. Они отвечают за то, что во время этой войны возникло десять миллионов мужчин, которым вручили винтовки и научили не бояться убивать и умирать самим.

Страшная мировая катастрофа, показавшая невероятное исчерпание мира, сотворена правящим классом. Затем правящий класс сам же позорно капитулировал. Ни в какую-либо эпоху российской истории никто из правящей династии не подписывал отречение. Когда к Павлу I пришли с таким предложением, он сказал: «Вы можете убить меня, но я умру вашим императором»...¹

Часто сравнивают Октябрьскую революцию с Французской революцией 1789 года. Такое сравнение вполне правомерно. Хотя по своей жестокости, беспощадности и кровопролитности Французская революция не уступает, а то и превосходит все иные. Французский революционный Конвент казнил королеву и короля, безжалостно свёл в могилу их сына и абсолютно не был лишён кровавости и свирепости. В 1794 году якобинцы издали ряд декретов, которые положили начало «великому террору».

Как здесь не вспомнить реплику Жоржа Жака Дантона: «Революция пожирет своих детей». Последние слова знаменитого деятеля Великой французской революции, погибшего от рук своих же соратников 5 апреля 1794 году в ходе «великого террора», были обращены к членам революционного трибунала: «Это я приказал учредить ваш подлый трибунал — да простят меня люди!». Речь идёт о том, что логика послереволюционных событий такова, что борьба между самими революционерами становится практически неизбежной и люди, которых революция выносит на вершину власти, как правило, гибнут первыми.

¹ Кургинян С. Е. У последней черты: ответ на вызов // Россия XXI. 2013. № 6. С. 6–25.

Тем не менее в национальном сознании французов нашлось место практически всем крупным персонажам той бурной жестокой эпохи...

В рамках Октябрьской революции были попытки реализовать несколько, по существу альтернативных, проектов. Один из них — проект Ульянова-Ленина, победивший все остальные. Альтернативным ему проектом был проект Троцкого, а также проекты левых социалистов-революционеров, анархистов и иные проекты, нити которых тянутся далеко за рубеж.

Уже к июлю 1918 года стало ясно, что «иные» проекты терпят крах. Именно тогда, 6 июля 1918 года, совершается мятеж левых эсеров, затем уничтожается царская семья...

Кстати, в истории расследования убийства царской семьи далеко ещё не поставлена точка. В этом отношении заслуживает внимания обычно не освещавшаяся ни в советской, ни в постсоветской историографии подробность: в 1919 году в Перми ревтрибуналом были приговорены за убийство царской семьи к расстрелу около 20 левых эсеров. Центр, не пожелав публично возлагать убийство царя и царской семьи на левых эсеров (что свидетельствовало бы о слабости самого центра), наказал эсеров за это убийство.

Кто стоял за убийством царской семьи — ещё предстоит выяснить (обстоятельства убийства русского царя Павла I стали известны лишь через 100 лет...). Кое-что об убийстве царской семьи стало известно следователю Н. Соколову, человеку честному, настроенному монархически, проявившему в своём расследовании поразительное упорство и заплатившему за это жизнью.

Ясно одно, руководству партии большевиков смерть царя была абсолютно не нужна, особенно в условиях беспрецедентных попыток выхода из войны и необходимости установления мира с Германией. Тем более что немецкая сторона настоятельно требовала обеспечить безопасность немецких принцесс — дочерей русского императора...¹

Нелишне также напомнить, что необходимость физического уничтожения русского царя обосновывали представители «демократической» элиты задолго до революций 1917 года. Написал же в 1906 году Бальмонт стихотворение «Наш царь» об императоре Николае II:

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно...
Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждёт.

¹ Подробнее: Черемных И. Убийство царской семьи: была ли санкция Москвы? // Суть времени. 2015. 30 сентября; Кургиния С. Е. Судьба гуманизма в XXI столетии // Суть времени. 2016. 18 апреля.

Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

Правы авторы, считающие, что взять власть 25 октября было совсем не трудно, и большевики взяли её красиво и практически бескровно¹. Но дело было не в том, чтобы стащить с политической арены полумёртвое правительство, а в том, чтобы решить практически неразрешимые проблемы, на что не были способны никто из политических сил того времени.

Партия большевиков дерзнула взять власть в октябре 1917 года, оставшись один на один с клубком противоречий и проблем, копившихся веками. Это полуколониальная экономика и отсталое неререформируемое сельское хозяйство, полностью сгнившая верхушка управленцев и неграмотные в прямом смысле низы.

Всё это в условиях неоконченной войны при разваливающейся армии, голода и останавливающихся заводах.

Как сказано выше, в середине 1918 года стало ясно, что революция идёт совсем не туда, куда толкали её устроители глобального хаоса. Тогда 30 августа 1918 года устраивается покушение на Ленина. Пока руководитель советского правительства был при смерти (две пули, отравленные ядом кураре, должны были сделать своё дело), издаётся приказ о заложниках. Но в качестве заложников оказываются далеко не представители сопротивляющегося класса, а, к примеру, конструкторское бюро Сикорского, профессора Технологического университета, чьи изыскания были бы востребованы лет через сто — в начале XXI века...

В революции самое главное — овладеть стихией, преодолеть хаос, направить энергию масс в конструктивное русло. Партии большевиков это удалось.

Но жесточайшая политическая борьба продолжалась до конца 30-х годов. Так что не следует проливать слёзы по поводу сторонников Троцкого, получивших свои первые сроки в 1927 году за первую «цветную» революцию в СССР. Победили бы тогда троцкисты, и 1937 год начался бы уже в 1927-м — «революция пожирает своих детей». Только тогда трагические последствия несостоявшегося террора коснулись бы не только народов СССР, но и всего человечества... Не было бы тогда второй экономики мира и самой читающей страны в истории человечества — СССР. Не было бы тогда Великой Победы...

Здесь уместно привести слова государственного секретаря США Стеттиниуса, заявившего, что именно Советский Союз спас США от поражения во Второй мировой войне:

«Людам свойственно слишком быстро забывать обстоятельства прошедших событий, и американскому народу следует помнить, что Соединённые Штаты были в 1942 году на грани катастрофы. Если бы Советский Союз не сумел одолеть Гитлера на своём фронте, немцы были бы в состоянии завоевать Великобрита-

¹ Прудникова Е. А. Конкретика успешного переворота // Революция 1917-го в России как серия заговоров. М.: Алгоритм, 2017. С. 7–53.

нию. Они смогли бы также захватить Африку, а после этого создать плацдарм в Латинской Америке...»¹.

III

Что же произошло с советским проектом? Почему не удалось защитить революцию 1917 года? На эту тему написаны горы литературы. Но, анализируя все аспекты разрушения советской системы, всё же поражаешься её прочности. Потребовалось почти 30 лет для разрушения системы после смертельного удара по ней. Ведь убийство советского проекта произошло даже не на XX съезде КПСС, а в 1961 году на XXII съезде партии, когда была принята программа построения коммунизма, понимаемого не как рывок человечества из царства необходимости в царство свободы, не как абсолютно новое качество творческого человеческого развития, а как довольно примитивная цель — «догнать и перегнать» общество потребления, как стремление построить «гуляш-коммунизм» по меткому выражению Эриха Фромма.

Конкурировать с обществом потребления в потреблении было равносильно самоубийству... Какой здесь может быть прогресс и развитие?

Главный итог попыток «догнать и перегнать» общество потребления — в глубокой трансформации взглядов и идеалов правящей элиты и значительной части интеллигенции СССР. Примером тому является трансформация взглядов представителей поколения «шестидесятников», в том числе знаменитого автора песни «Возьмёмся за руки, друзья...». Представители последних превратились в индивидов, оравших «Раздави гадину!» и испытавших «эстетическое удовлетворение» при залпах танковых орудий, стреляющих по российскому парламенту в 1993 году...

Но разве возможна подобная «эволюция»? Возможна.

Дело в том, что с точки зрения феноменологической мысли, любое явление существует только в том смысле, который вкладывают в него. СССР как «страна братства народов» — это оценка страны поколением Победы и поколением «шестидесятников», которые восхищались Юрием Гагариным, ехали осваивать целину и мечтали о том, что на «Марсе будут яблони цвести»...

Но стоит внести в сознание представителей элиты иные смыслы, что и было сделано за тридцать лет, например тезис о том, что «СССР — империя зла», и участь государства предreshена ...

Что касается оценки событий непосредственно в Республике Беларусь на рубеже начала 90-х годов в контексте социально-политических трансформаций, следует отметить: главным их критерием может быть только результат. К чему вели те или иные политические решения: к прогрессу и созданию условий для развития общества — или наоборот?

Здесь уместно обратиться к историческим событиям, связанным с особенностями распада СССР, инициированного перестройкой.

¹ Из книги Э. Стеттиниуса «Аргонавт» (кодовое название Ялтинской конференции) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ereading.club/chapter.php/141904/80>.

Уже в конце 80-х годов в СССР поспешили объявить о том, что перестройка — это революция, осуществляемая мирным путём. По этому поводу написано немало научных трудов и даже в фундаментальном издании, «Философском энциклопедическом словаре», содержится следующее утверждение: «В условиях социализма возможны революционные преобразования всех сторон общественной жизни в интересах его качественного обновления, примером чего является происходящая в СССР перестройка. Перестройка в нашей стране обладает признаками мирной ненасильственной революции. Она включает в себя также радикальные реформы, демонстрируя их диалектическое единство»¹.

Но это антинаучный механистический подход к оценке социальных процессов — попытка втиснуть в революционную форму содержание архаики, распада, регресса. О том, что это именно так, свидетельствуют исторические события, последовавшие вслед за перестройкой.

Многие деятели перестроечной поры позже заявляли, что они представить не могли, чем именно кончатся их политические затеи. При этом ссылаются на работы тех учёных, которые сулили триумфальное завершение начатых преобразований. Но о пагубных последствиях таких действий, как развал единой территории, обрушение ценностных опор общества, шоковый переход к рынку и так далее, эти политики были предупреждены загодя².

Итоги развала хорошо известны, а для нашей республики он был беспрецедентным по последствиям. Беларусь, занимавшая ведущее место по уровню развития, макроэкономическим показателям и качеству жизни, в одночасье осталась без всего: без золотого запаса, без нефти и газа. Страна оказалась перед пропастью с реальной перспективной не просто ликвидации провозглашённого суверенитета и независимости, а вообще перспектив существования белорусского народа.

Разрыв советских связей нанёс тяжелейший удар по высокоразвитой промышленности. Пустые полки магазинов, нехватка еды, карточная система и покупка товаров по записи в очереди, гиперинфляция — всё это естественная картина тех лет.

Историческая правда состоит в том, что хаос последних лет перестройки в Беларуси продолжался до избрания Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко.

Здесь есть несколько принципиальных моментов.

Во-первых, причиной краха Советского Союза и соответствующих последствий для Беларуси явилась совокупность факторов, которые у соратников того же Бжезинского и его коллег названы «выводом за рамки истории». Причём, несмотря на то, что часто именно экономические причины распада ставятся во главу угла (например, есть работы, показывающие, что СССР в послевоенное время тратил до 20 % и более от ВВП на военные расходы, якобы подорвав экономику³), ответ

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.

² Кургинян С. Е. Актуальный архив. Работы 1988–1993 годов. М.: МОФ ЭТЦ, 2010. С. 6.

³ Колистратов А. И. Революция в военном деле и советское военное искусство // Военная мысль. 2009. № 11. С. 28.

по поводу произошедшего в СССР следует искать не столько в экономике и не в социальной сфере, а по преимуществу в сознании советской элиты и её лидеров¹.

Здесь Белорусская ССР выгодно отличалась от других республик, но в силу ряда обстоятельств не смогла выдвинуть на первые роли достойного руководителя из числа представителей прежних партийных и советских элитных групп.

Во-вторых, за болтовнёй политиков начала 90-х годов о значимости и ценности суверенитета и независимости республики чётко просматривался курс на их ликвидацию и следование только в фарватере или западной политики (радикальные националисты всех мастей), или в результате инкорпорация республики той же Россией.

При этом бывшую номенклатуру, волей судьбы оказавшуюся у власти, в то время не очень-то интересовали последствия подобного развития ситуации, учитывая, что главные посылы дезинтеграции того же СССР были даны именно с территории России.

Кстати, в ходе президентской предвыборной кампании 1994 года целенаправленно тиражировались слухи, подогревавшие объективные желания и ожидания большинства населения, которое продолжало оставаться советскими людьми и переживало крушение СССР как личную трагедию, — «вот-вот начнётся вновь объединение с Россией, правительство В. Ф. Кебича уже заручилось поддержкой Российской стороны и на территорию Беларуси прибыли вагоны с российской валютой — совсем немного и мы вновь объединимся...».

Этим ожиданиям не суждено было сбыться. Более того, вполне реальным был приход к власти радикальной оппозиции — националистов, духовными предтечами которых были и остаются нацисты и белорусская коллаборация. Следует напомнить, что митинги националистов в то время собирали десятки тысячи людей, с запада шла мощная финансовая поддержка радикалов, а в изданиях «ветеранов-коллаборационистов», например в газете «Зважай», издававшейся в Канаде, даже премьер В. Ф. Кебич именовался не иначе как «диктатор», при котором в Беларуси нет места памяти о созданной нацистами молодёжной организации «Союз белорусской молодёжи».

Здесь следует отметить, что, несмотря на соглашательскую политику руководителей парламента того времени, в республике всё же не решались открыто рекламировать, к примеру, устав СБМ, где чётко просматривались идеологические ориентиры их авторов и последователей, почти пришедших к власти в начале 90-х годов: «Беларусь і Беларускі народ павінны атрымаць арыентацыю на Новую Еўропу, каб ісці да яе разам з усімі еўрапейскімі народамі пад правадырствам Веліканямеччыны. Яна (белоруская моладзь. — *Аўт.*) павінна зразумець гістарычны сэнс змагання супраць бальшавізму і жыдоўства і ацаніць эпахіяльную ролю вялікага нямецкага народа, які адчуў сілу і адвагу ўзяць на сябе місію крыжовага паходу супраць жыдоўска-бальшавіцкае навалы»².

¹ Кургинян С. Е. Цели и ценности // День. 1991. 24 ноября.

² Туронак Ю. Людзі СБМ; Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Смаленск, 2008. С. 164–165.

Тем не менее именно соглашательская политика руководителей республики непременно привела бы к власти в перспективе отъявленных националистов с вытекающими последствиями для страны. Говорят, после известных августовских событий 1991 года Шушкевич пытался вразумлять радикала Позняка: «Зенон Станиславович! Мы же по существу выполнили все ваши требования в парламенте, кроме одного — не расстреляли первого секретаря ЦК КПБ на площади...».

Всё это было на рубеже начала 90-х годов.

В-третьих, актуальным вопросом до настоящего времени остаётся вопрос о технологиях и механизмах осуществления столь радикальных и трагических для многих народов по своим последствиям трансформаций.

Ответ на этот вопрос следует искать в сфере национальной безопасности.

СССР сделал традиционную, в том числе ракетно-ядерную, войну невозможной в принципе. И до сих пор мир остаётся двухполярным с точки зрения обладания ядерными потенциалами, что на данном этапе исключает из арсенала большой политики мировую войну. Но критерием современной войны являются не огневые средства, а достигнутые цели. Для их достижения применяются совершенно иные технологии и принципиально новое оружие — оружие, поражающее сознание. Не случайно по итогам изучения сознания советских людей времён перестройки был введён термин «искусственная шизофренизация сознания».

Примером подобного же оружия являются также и философские учения, например постмодернизм. Что значит постмодернизм на практике, показывают технологии политической дестабилизации, реализованные в ходе «цветных» революций.

У многих аналитиков революции «бархатного» и «оранжевого» типов вызвали ассоциации с театральной постановкой¹. В действительности приём театрализации реальности есть один из достаточно проработанных механизмов свержения неугодных режимов. Ассоциативная связь политической борьбы и театра возникла ещё в Древнем Риме, актуализируясь в периоды гражданских войн и легионерских переворотов.

В форму театрализованного представления облечены также и революции Нового времени. Чтобы констатировать подмену спектаклем реальности, достаточно указать на постоянные, не проходящие шествия и карнавалы Великой французской революции. Все элементы сценического действия имели и карнавал штурма Бастилии, и казнь короля, и ритуалы создаваемой М. Робеспьером религии Разума².

«Бархатные» и «оранжевые» революции, начатые по существу с разрушения СССР, — это революции эпохи постмодерна. Для них, соответственно, деконструкция реальности, подменяемой вымышленными мирами, есть сущностное свойство.

¹ Якунин В. И. Западная: новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: ЭКСМО, 2010. С. 21-23.

² Обичкина Е. Евангелие от Робеспьера // Наука и религия. 1989. № 8.

Теория использования виртуальных конструкций в целях манипуляции толпой была разработана французским философом Ги Дебором ещё в конце 60-х годов прошлого века. Описанные им приёмы могли быть направлены «режиссёрами» как на укрепление государственного господства над массами, так и на их бунт против существующей государственности. Главное в выстраиваемых на основании деборовской методологии новых постмодернистских технологиях то, что человек в результате сценической виртуализации бытия утрачивает прежние традиционные смыслы и перестаёт адекватно осознавать собственные интересы.

Там, где реальный мир расщепляется на простые образы, эти простые образы обретают плоть и становятся эффективными мотивациями гипнотического поведения, красочным сном... Спектакль — это техническая реализация изгнания человеческих сил в преисподнюю; это окончательное разделение внутри самого человека¹.

Вместо своего онтологического я-интереса он уже исходит из интересов я — сценического, вымышленного. В итоге толпа сметает национальное государство, не будучи в тот момент способной осознать, что действует во вред себе. В этом отношении заслуживает внимания следующий тезис Ги Дебора: «Специалисты в области управления спектаклем, обладающие абсолютной властью в рамках его системы безответного языка, абсолютно развращены своим опытом презрения и успехом этого презрения, ведь они находят оправдание своему презрению в познании презренного человека, каковым в действительности и является зритель»².

Государственной власти крайне противопоказано втягивание в виртуальную игру, предложенную режиссёрами. При вхождении в чужую сценическую игру шансов на выигрыш у государственной власти крайне мало.

В мире есть всего несколько стран, вышедших победителями в этой дьявольской войне-игре. Известные учёные, авторы книги «Западня: Новые технологии борьбы с российской государственностью», В. Якунин, В. Багдасарян и С. Сулакшин пишут:

«Коммунистическая партия Китая в 1989 г. отказалась поддерживать виртуальную логику спектакля. В итоге, попытка дезинтеграции китайской государственности по советскому перестроечному сценарию была отражена.

Благодаря реалистической мудрости (несюрреалистического мышления) А. Г. Лукашенко сорванной она оказалась и в Белоруссии»³.

Но ещё раньше, в 1994 году, в Беларуси был разорван порочный круг подобного же спектакля, где, по замыслу главных игроков, всем борющимся за власть, и ставленникам правительства, и радикалам-националистам, была уготована роль ликвидаторов белорусского государства.

Избрание Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко знаменовало собой крутой разворот страны от пропасти и самоуничтожения.

¹ Дебор Г. Общество спектакля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://modernlib.ru/books/debor_gi/obschestvo_spektaklya/read_2/.

² Там же.

³ Якунин В. И. Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью. С. 21.

Объективно это была социальная революция, совершённая мирным путём. Революция, создавшая условия для выхода из кризиса и развития страны¹.

* * *

Последнее слово об Октябре 1917 года ещё не сказано. Вот выдержки из статьи «Генералы в октябре. Кто же совершил переворот в Петрограде?», опубликованной в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 11 февраля 2008 года:

«22 февраля из Могилева в Петроград приехала большая группа генералов во главе с начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего генералом М. Д. Бонч-Бруевичем.

Вечером они встретились с Лениным и Сталиным. Трудный разговор продолжился до утра, речь шла о спасении России.

Требования генералов: немедленное заключение мира, на любых условиях, новая армия строится на основе всеобщей воинской обязанности, запретить все солдатские комитеты и советы, никакого обсуждения приказов, железная дисциплина, за воинское преступление — расстрел, непременная национализация всей оборонной промышленности — горнорудной, металлургической и прочая (с этим требованием группа генералов во главе с начальником главного артиллерийского управления обращалась к царю ещё в 1916 г. — ответа естественно не последовало). Ленин принял все их требования².

В ночь с 22 на 23 февраля 1918 года действительно была встреча Ленина с генералом М. Д. Бонч-Бруевичем, о чём сказано в его книге «Вся власть Советам», написанной в 1956 году³. В этой же книге приведены также дичайшие примеры деградации, разложения и предательства правящей элиты России в годы Первой мировой войны. Трудно поверить, но в столице Российской империи в самый разгар войны собирались жертвования на германский подводный флот, причём на самом виду — в министерстве иностранных дел и других не менее почётных учреждениях?!⁴

Всё это во многом объясняет — почему на сторону советской власти перешла большая часть офицерского корпуса и фактически вся разведка императорской армии.

3 марта 1918 года был подписан мир (на условиях вдвое худших, чем это могло быть в декабре 1917 г.). 4 марта был учреждён Высший Военный совет, его возглавил генерал Бонч-Бруевич. Новую армию создавали генералы и офицеры старого русского Генштаба. С марта по май 1918 года была проделана громаднейшая работа. Были написаны на опыте трёх лет войны в Европе полевые уставы для всех родов войск и их боевого взаимодействия — лучшие уставы в мире. Была создана новая мобилизационная схема — система военных комиссариатов, ко-

¹ Макаров В. М. Революция Александра Лукашенко. Выбор белорусского народа — прорыв в будущее // Белорусская думка. 2011. № 2. С. 14–23.

² Олег Стрижак. Генералы в Октябре. Кто же совершил переворот в Петрограде и создал Красную Армию? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10248289@SV_Articles.

³ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М.: Воениздат, 1964.

⁴ Там же. С. 78–79.

торая служит до сих пор! В Красную Армию перешли сотни генералов и десятки тысяч офицеров, сохранилась историческая русская армия, но она преобразилась в лучшую сторону и стала непобедимой.

В период Гражданской войны в ряды Красной Армии было призвано 48,5 тысяч царских офицеров и генералов. В решающем 1919 году они составили 53 % всего командного состава РККА. Из 150-тысячного корпуса офицеров Российской империи в Красной Армии служило 75 тысяч бывших офицеров (из них 62 тысячи дворянского происхождения), в то время как в Белой — около 35 тысяч¹.

В концентрированном виде отношение офицерского корпуса к службе в Красной армии и Октябрьской революции может быть выражена словами генерал-лейтенанта М. Д. Бонч-Бруевича, военного руководителя Высшего военного совета Республики:

«История осудит не нас, оставшихся на Родине и честно исполнивших свой долг, а тех, кто препятствовал этому, забыл интересы своей страны и заискивал перед иностранцами, явными противниками и в прошлом, и в будущем»...

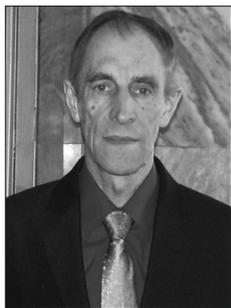
В конце XX века многие из ярких идей и смыслов Октябрьской революции оказались разрушенными и деформированными для того, чтобы попытаться возродить сегодня новое мощное геополитическое образование, если хотите — современную империю, только на тех же самых принципах.

Но что происходит сегодня в мире? Разве объединяющаяся Европа — это не строительство новой империи? Разве США — это не современная империя? Наконец, Китайская Народная Республика, уже вышедшая на первое место в мире по ряду макроэкономических показателей! Речь идёт о том, что главными геополитическими субъектами XXI века станут даже не цивилизации, а международные объединения и союзы, годовой валовой внутренний продукт которых превышает 20 трлн долларов, а внутренний рынок превышает 400 млн человек.

Гигантский макропроект, воплощённый в строительстве Союзного государства, предложенный именно лидером белорусского народа, является прорывом в новое тысячелетие. Но только при его реализации на условиях и принципах, предложенных Беларуси. На иных принципах любое объединение нежизнеспособно, а попытки воссоздания псевдоимперии по типу России начала XX века явно бесполезны и опасны.

Эта империя распалась в феврале 1917 года...

¹ В. Борисов Царские и белые офицеры на службе Республики Советов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gazeta.eot.su/article/carskie-i-belye-oficery-na-sluzhbe-respubliki-sovetov>

Приказано лететь

О лётчиках — героях транспортной авиации написано немало. Но о своём дяде Герое Советского Союза Павлове Владимире Фёдоровиче хотелось бы рассказать подробнее. В 1942 году он был назначен командиром корабля в транспортную авиацию Западного фронта. На тяжёлой транспортной машине Ли-2 с подмосковного аэродрома Внуково, где дислоцировалась 1-я гвардейская авиатранспортная дивизия Гражданского Воздушного Флота, он совершал боевые вылеты за линию фронта в глубокий тыл противника к партизанам Смоленщины, Белоруссии, Украины, Крыма. Сбрасывал десанты, доставлял оружие и боеприпасы, вывозил раненых. Летать приходилось в любую погоду, днём, ночью, под зенитным огнём, отбивая атаки вражеских истребителей. Будучи скромным человеком, Владимир Фёдорович не особенно любил делиться своими воспоминаниями о войне.

В июле 1972 года в присутствии его боевого друга и земляка Героя Советского Союза лётчика П. М. Михайлова мне пришлось быть участником разговора о спасении раненых американских лётчиков в годы Второй мировой войны. Об этом написано и в книге П. М. Михайлова «Сто ночей в горах Югославии». Об этом факте упоминает в заключение своего романа «Честь имею» писатель Валентин Пикуль: «Вы ошиблись, — поправила меня женщина. — Транспортный «дуглас» имел гарантию фирмы на двадцать одного пассажира, но забрал... не поверите! Он забрал даже тридцать второго, перегруженный до такой степени, что люди в его фюзеляже лежали друг на друге. Бой тогда шёл почти рядом с самолётом...».

Пилот «большого дугласа». Так в 1944 году на авиабазе союзников в итальянском городе Бари прозвали советского лётчика Героя Советского Союза Владимира Фёдоровича Павлова. За время войны он на транспортном самолёте «дуглас» СИ-47, которые поставлялись в СССР по ленд-лизу из США, сделал 350 боевых вылетов за линию фронта. В крайне сложных ситуациях ему приходилось доставлять оружие и боеприпасы белорусским партизанам и польским патриотам. В составе полка авиатранспортной дивизии была создана особая группа лётчиков, которая была предназначена для помощи Народно-освободительной армии Югославии.

Над морем и горами советские лётчики, прорываясь через зенитный огонь и заслоны истребителей, доставляли партизанам вооружение и боеприпасы, а обратно вывозили раненых. На аэродроме союзников Бари днём и ночью гудели моторы. В небо постоянно поднимались бомбардировщики и истребители союзников, шли тяжёлые бои. Многие лётчики-союзники были сбиты над военными объектами Австрии и Румынии. Спасшись на парашютах, они порой тропами пробирались в Италию и выходили к югославским партизанам. Ближе к осени 1944 года отряд югославских партизан в Сербии попал в окружение, боеприпасы были на исходе. Заодно надо было помочь экипажу самолёта СИ-47 № 5 Николая

Трифонова, потерпевшего аварию при посадке из-за неправильно выложенных посадочных знаков. Необходимо было доставить техников к месту аварии и необходимые детали, чтобы отремонтировать шасси и консольную часть крыла самолёта. Дорог был каждый час. Площадка под названием Глина находилась в зоне патрулирования ВВС противника, и повреждённому самолёту грозила ежеминутная опасность уничтожения. В этот день погода была нелётная, приближался мощный грозовой фронт, и самолёт гвардии лейтенанта Владимира Павлова был единственным, вылетевший в ту ночь с авиабазы г. Бари.

Только зная лётное мастерство, находчивость и мужество Павлова, командование решило направить его в такую погоду на выручку потерпевшего аварию пилота. И он задание выполнил. В союзническом клубе «Империал» было заключено пари на три бутылки виски, полетят русские или не полетят. Ставивший на русский экипаж выиграл пари. Самолёт Павлова, снижаясь, погрузился в туманное месиво, пробил облачность и точно приземлился по посадочным знакам, размещённым самим Трофимовым. Дружеские объятия, крики радости...

На площадке в Бойнике югославские партизаны быстро разгрузили самолёт, фашисты были совсем рядом. Погодная обстановка резко ухудшилась. Предстоял трудный взлёт. Командир партизанского отряда отвёл Владимира Павлова в сторону и сказал о тяжёлом положении партизан. Рядом шёл бой. Дело осложнялось тем, что в отряд стекались американские лётчики, чьи самолёты были сбиты во время боевых вылетов. Нужно было срочно вывести всех измученных и раненых лётчиков. Из темноты на свет костров к Владимиру Павлову подошёл пилот ВВС США капитан Карриган. Он передал просьбу союзного командования вывести лётчиков в Бари.

— Нас всего тридцать два, — сказал он, — поэтому полетят только больные, раненые и те, кому выпал счастливый жребий, а это двадцать один человек — сколько мест в «дугласе».

Взлётная площадка внушала серьёзные опасения. Павлов попросил партизан свалить несколько деревьев и откатить назад самолёт. Глядя на измученных лётчиков (у некоторых были забинтованы глаза), Павлов ощутил чувство жалости к своим боевым друзьям. У многих в Бари жёны и дети, они волнуются, ждут. После мытарств по холмам и ущельям в поисках югославских партизан им хотелось поскорее попасть на свою авиабазу. Раздумья своего командира прервал второй пилот Костин: «Разрешите принять на борт пассажиров? К полёту готовы». Павлов молча кивнул. «Счастливики» быстро заняли места. «Несчастливцы» столпились у трапа, дружески махали товарищам. И Павлов решился. Он сделал жест и сказал: «Грузитесь все!».

Советский лётчик Владимир Павлов решил рискнуть и взять всех сразу. Ему припомнилось, как, летая к белорусским партизанам, он брал на борт «дугласа» до тридцати раненых бойцов. Но здесь горы и сложная метеорологическая обстановка. Среди американских лётчиков росло напряжение, старший из офицеров показал на пальцах: можем разбиться. Потом штурман, находившийся в пассажирской кабине, рассказывал:

— Наш командир Павлов сказал: «Окей!», улыбнулся и пошёл к штурвалу. Пассажиры сидели оцепеневшие: что будет дальше? Высота взлёта с воробьиный нос, да и горы кругом, по прямой не выберешься на высоту, надо обязательно делать круг над площадкой.

Лётчик Павлов уверенно разогнал машину, на безопасной скорости поднял тяжело гружённый самолёт в воздух, заложив в наборе высоты большой крен, с тем, чтобы вовремя уйти от гор. Взлёт прошёл нормально, тяжёлый самолёт вовремя ушёл от надвигающейся возвышенности и лёг на курс в Бари. Бортовой радист Шевцов передал на авиабазу, что на борту находятся американские авиаторы со сбитых «летающих крепостей», «лайтнингов», «либерейторов». Ночь поглотила очертания горных склонов, исчезли партизанские костры в долине. Расстояние между самолётом и землёй росло мучительно долго. Да и взлететь в такой обстановке — чудо. Самолёт всё больше погружался в гущу пепельных облаков. Нарастало ощущение, что он валится в бездну.

Впереди новая опасность ждала экипаж корабля. Самолёт, продолжая движение вверх, попал в океан непроницаемых облаков. Перед самолётом встала чёрная стена грозового фронта, полыхающая вспышками молнии, которую нельзя было обойти или пролететь над ней и под ней. Неведомая сила бросала его вверх и швыряла вниз. Порой казалось, что он разломится надвое. Пилотажные приборы вышли из строя, действовал лишь высотомер, носовая часть корабля словно горела, узлы, детали и даже люди в кабине искрились, настолько они были наэлектризованы. Волосы у сидевшего в кресле Владимира Павлова шевелились и напоминали сияющую корону над головой, нечто вроде нимба. Ждать помощи было неоткуда.

Командир корабля в ответе за всё и всех. Этот натиск стихии не сломил его волю, напротив — удесятерил силы, обострил мысли и ответственность, заставил напрячь все человеческие силы и умение. В кабине было, как в погребке, темно, в глазах рябило. Облака «не пробивались». Ослепляющие зигзаги молний, толчки, броски следовали один за другим. Огненная пляска делалась всё яростней. Под ослепительный удар молнии второй пилот вскрикнул: «Командир, приборов не вижу!». Павлов кивнул: сам мол, знаю. Положение было крайне тревожным. Одна надежда — моторы. Но и они были озарены оранжевым сиянием. Лопасты винтов вычерчивали светящиеся круги. Казалось, всё — настоящий ад.

— Двадцать пять минут, — рассказывал позже Владимир Павлов, — самолёт трепала гроза, выматывая все силы. Но спасение пришло. Вдруг появился первый просвет, и самолёт вырывается из кипящих облаков. С момента вылета прошло тридцать минут. Но каких минут! Потом оказалось, что прямые удары молнии образовали две зияющие, словно выжженные автогеном, пробоины в хвостовом оперении самолёта.

Командир корабля Владимир Павлов в свои двадцать шесть лет поседел. Центр грозовой тучи был пройден. Штурман уточняет курс, бортрадист восстанавливает связь с аэродромом. Найти его ночью после такой встряски непросто. Распахнулось звёздное небо. Путь к аэродрому был открыт. Вспыхнула цепочка стартовых огней. Стали видны контуры посадочной полосы. Считая своих соот-

еественников пропавшими без вести, представители командования союзников устроили экипажу самолёта незабываемую встречу.

«Это “большой дуглас”», — сказал один из штабных офицеров авиабазы, насчитав тридцать два человека, вышедших из самолёта.

Всю многочисленную колонию союзнической авиалинии облетели слова «большой дуглас». На следующее утро в школу, где размещался лётный состав, пришла делегация женщин. Они спросили не «русского начальника», как прежде, а командира «большого дугласа». Им ответили, что «“дугласы” у нас все одинаковые, отличаются только по номеру на хвостовом оперении». Но женщины стояли на своём: «Один из ваших “дугласов” берёт тридцать два пассажира».

Пришлось товарищам насильно заставить Владимира Павлова выйти на встречу с женской делегацией (из-за скромности он не хотел выходить) и выслушать слова глубокой благодарности за спасение их мужей. Даже местные итальянские мальчишки уважительно стали называть Владимира Павлова пилотом «большого дугласа». Встречая Владимира, поднимали кверху палец и громко приветствовали его: «Пилот “большого дугласа”!».

28 августа генерал Твининг, командир авиачасти в Бари, вручил Павлову и членам экипажа Шелкунову, Лисину, Князькову, Шевцову благодарность за спасение американских лётчиков. На товарищеский ужин в гостиницу «Империал» пришли все тридцать два лётчика, даже те, кого уложили в госпиталь. На встрече все восхищались тем, как советские лётчики прорвались сквозь такую грозу. Это редкий случай в истории авиации. Риск большой. Спасти людей могло только

Экипаж самолёта Владимира Павлова (в центре). 1944 г.

чудо. И оно проявилось благодаря самообладанию, выдержке, находчивости и смелости командира корабля и всего экипажа.

В составе особой авиагруппы лётчиков Владимир Павлов на Балканах совершил несколько десятков боевых вылетов, доставил бойцам более 60 тонн боеприпасов, вывез из тыла противника свыше 300 раненых, высадил в отряды 213 солдат и офицеров.

В день похорон Владимира Павлова в Москве в апреле 1998 года атташе по вопросам обороны Китом У. Дейтоном в соболезновании от имени Соединённых Штатов Америки была выражена «благодарность за героическое спасение американских лётчиков из нацистского окружения» и подчёркивалось, что Владимир Фёдорович «был героем для тридцати двух вызволенных им американцев, для членов их семей и всех, кому было известно о его героическом поступке».

При жизни Владимир Фёдорович с теплотой отзывался о белорусских партизанах и очень дорожил медалью «Партизану Отечественной войны» первой степени и югославским орденом «Партизанская звезда первой степени». Бывая в Минске, он рассказывал о трудных и опасных полётах на партизанские аэродромы Белоруссии. Вспоминал своих учителей — командиров эскадрильи Героев Советского Союза Григория Тарана, Петра Еромасова и других лётчиков. Приходится сожалеть, что не удалось записать некоторые рассказы.

Экипаж самолёта не раз попадал в сложные ситуации. Команда «приказано лететь» не обсуждалась. Даже в условиях нелётной погоды приходилось вылетать за линию фронта.

В один из студёных зимних дней 1943 года командира корабля гвардии лейтенанта Владимира Павлова срочно вызвали в штаб. «Знаю, что недавно вернулись из полёта, погодные условия сложные, но получен приказ лететь в Белоруссию, — сказал командир эскадрильи. — Нужно срочно доставить боеприпасы и забрать раненых. Фашисты готовят наступление на партизан. Надеюсь на вас, верю, что экипаж справится с задачей».

Загруженный боеприпасами, тяжёлый транспортный корабль взмыл в хмурое небо, держа заданный курс через линию фронта. Её прошли спокойно, помогала непогода. Теперь предстояла сложная задача — во тьме ночи разыскать партизанские костры и посадить тяжёлую машину на площадку. Усилилась метель. Сквозь плотную снежную пелену мелькнуло пламя костров, и командир корабля Владимир Павлов повёл машину на посадку. Сыпануло сплошным снегом, пропала видимость. В этих условиях пришлось прекратить снижение самолёта и идти на второй заход. Но и он не получился. Начался поединок лётчика с природной стихией. Положение было опасное. Любое неосторожное решение, и ошибка могла погубить транспортный самолёт и его экипаж. Третий, четвёртый, пятый заход на посадку. И так продолжалось ещё несколько раз.

Лётчик Павлов сосредоточенно ловил те драгоценные секунды, которые позволили бы ему выбрать нужный момент в отсутствии видимости и посадить тяжёлую машину. И такой момент наступил — сработали интуиция и опыт. Самолёт как бы на ощупь сквозь снежную пелену плавно коснулся заснеженной площадки. Профессионализм, сильная воля командира и собранность всего эки-

пажа победили стихию. Посадка самолёта с боеприпасами прошла благополучно. Партизаны быстро разгрузили самолёт. Забрав раненых бойцов, он взял обратный курс и благополучно прибыл на подмосковный аэродром.

За этот полёт гвардии лейтенант Павлов был награждён медалью «За отвагу». И таких полётов у лётчика — Героя Советского Союза Владимира Фёдоровича Павлова было немало. После войны, находясь в правительственном отряде, он в качестве командира корабля выполнял ответственные авиарейсы по перевозке руководителей и членов правительства СССР, зарубежных делегаций, обучал лётному мастерству лётчиков других государств и летал на международных линиях. За тридцать шесть лет в авиации лётчик Павлов прожил в небе около двух с половиной лет.

Музей трудовой и боевой славы аэропорта «Внуково» в Москве, созданный в 1977 году, рассказывает о героических подвигах лётчиков транспортной авиации — крылатых помощниках партизан.

Белорусский спецназ на Северном полюсе!

В апреле 2015 года на Северном полюсе прошла уникальная учебная операция Коллективных сил оперативного реагирования государств — членов ОДКБ. В поисково-спасательной миссии на Крайнем севере впервые принял участие и белорусский спецназ. За его действиями в экстремально суровых условиях Арктики наблюдал и военный корреспондент Константин Гагарин.

Северный полюс. Магическое и суровое место, где прямо под ногами ось Земли, а вокруг — только холодное безжизненное пространство. Здесь борьба за существование — естественное состояние, а любая чрезвычайная ситуация грозит смертельным исходом. Но избежать такой вариант всё-таки можно, в этом и заключалась суть миссии спецназа во льдах Северного Ледовитого океана.

По сценарию учений, в Арктике потерпел бедствие лайнер, совершавший кроссполярный перелёт. На призыв о помощи откликнулись страны ОДКБ — Беларусь, Россия и Таджикистан. Единственный способ спасти пострадавших в океане — оказать экстренную помощь и эвакуировать, для чего необходимо высадить в район катастрофы десант. Разведывательная группа провела специальную работу для выбора подходящей льдины, обозначила площадку приледнения сигнальными огнями.

— Точки начала выброски определили с учётом не только ветра, но и дрейфа самой льдины — вот в этом заключается особенность десантирования на Северный полюс, — сообщил эксперт ВДВ России Сергей Войнов. — Ведь здесь не стационарная поверхность приземления, а движущаяся поверхность льдины.

Признаюсь сразу: первая встреча с Северным Ледовитым океаном оказалась неожиданной и обезоруживающей все ожидания. Дух захватывает здесь сразу же — и крепко прихватывает морозом. Уже через десять минут, несмотря на богатую экипировку, я понял, что начинающие замерзать скулы не позволяют бодро произнести и пару слов. Но это на льду и при комфортной доставке к полюсу. А что происходит с человеком, делающим шаг в бездну на высоте 1500 метров при температуре минус 60?! Именно в таких условиях совершали прыжок голубые береты — всего около 100 бойцов. Это было самое массовое в истории десантирование у полюса! Причём первыми борт военно-транспортного Ил-76 покинули именно белорусы, чем задали темп всей операции.

В тот миг в их тела впились сотни острых лезвий морозных струй воздуха. Как рассказал заместитель командира батальона 38-й мобильной бригады из Бреста майор Андрей Власенков, оказавшись в небе, он сразу почувствовал перепад температуры, а вот затем не мог поверить собственным глазам: вокруг была видна лишь белая пустыня. И — больше ничего.

Использовали бойцы парашютную систему специального назначения «Арбалет-2». Причём к каждому десантнику крепились контейнеры с грузом массой до 50 килограммов с различным имуществом, необходимым для выживания и спасения.

Внизу наибольшую сложность у подразделений вызвало опять же отсутствие конкретно выраженных ориентиров. К тому же здесь высокая плотность ледяных торосов и трещин. Ведь околополюсный район, по сути, — это множество беспорядочно дрейфующих со скоростью до 3 километров в час льдин, которые непрерывно сталкиваются, трескаются, слипаются. Одним словом, разломиться под ногами нерукотворный плот может в любую секунду. Как шутили бойцы спецназа, здесь не надо создавать условия, приближённые к реальным, здесь — надо с ними бороться.

Буквально каждую секунду на льду надо быть очень внимательным — что тоже непросто. Первое время человек на полюсе теряет концентрацию из-за резкой перемены давления, дефицита кислорода, магнитных аномалий и непрекращающегося света. Солнце водит безостановочный хоровод в параллельной плоскости, словно вычерчивая нимб над головой.

Определённые трудности вызывает и определение координат. Если ты на полюсе, вокруг — куда ни повернись — только юг. Ведь сюда сходятся все меридианы. По этой же причине полюс не относится к какому-либо часовому поясу. Время здесь — абстрактная субстанция. День и ночь делятся почти по полгода.

Понятно, что новички в Арктике не работали. Как сообщил заместитель командующего силами специальных операций по воздушно-десантной подготовке полковник Владислав Степанюк, все белорусские военные предварительно прошли специальную подготовку, в том числе психологическую, дома и у российских коллег во Пскове.

А специальная подготовка посреди океана необходима даже для того, чтобы совершить марш. В ходе операции перемещаться военным помогали снегоступы, лыжи, снегоходы. Но наиболее верное средство передвижения — собачьи упряжки. С мохнатыми помощниками взаимопонимание удалось установить буквально за двадцать минут. Сибирские хаски, самоеды, аляскинские маламуты, чукотские ездовые могут доставить в Арктике в любую точку даже в непроглядную метель.

Обучали десантников полярники со стажем — члены Русского географического общества, которые совершают экспедиции на льды ежегодно. Они же помогли возвести базовый лагерь, наладить авиасообщение.

Тренировка на полюсе не обошлась, конечно, без водружения национального флага. Он поднимался здесь и раньше, но никогда ещё у главного символа страны не было посреди океана такой защиты — белорусских десантников. Их буквально переполняла гордость за Отечество, тепло которого, как поделились со мной военные спецназовцы, не переставая согревало на самом краю света. А как признались старший офицер отдела воздушно-десантной подготовки командования силами специальных операций Игорь Кузьмич и заместитель командира батальона 103-й мобильной бригады из Витебска майор Евгений Сергун, все

десантники понимали, что представляли во льдах на макушке земли не только свои подразделения, но и всю страну.

Сегодня можно смело сказать, что белорусам удалось вписать яркую страницу в историю освоения Арктики, существенно расширив в ней пределы обеспечения безопасности. На планете Земля никогда ещё не проводились столь сложные гуманитарные операции. Ведь даже статус учебной миссии в таких обстоятельствах весьма условный. Уметь действовать здесь — значит быть способным спасти жизни и побеждать — везде.

Шестьсот суток в пехоте

Герой Советского Союза Иван Кустов — человек, известный в Беларуси. Знаком с главой государства, постоянно встречается с военным руководством страны, участник научного общества при Центральном Доме офицеров. В школах, училищах, университетах — Кустова ждут везде. И он всегда успевает.

Иван Ильич много рассказывает о мужестве людей в час тяжёлых сражений. При этом редко говорит о боях на крохотном пятачке земли, где сам добывал Победу. Да, в нём и сегодня живёт не только война крупных корпусов и армий, но и личная, полная тяжёлых переживаний и боли. Узнать об этой войне окопного чернорабочего для меня стало не столько журналистской удачей, сколько настоящим испытанием.

Станция Красный Сулим

Потоки идущих к фронту людских ресурсов вымывали и вымывали из Свердловской области людей. Сначала из семьи ушли на войну отец, старший брат. Затем пришёл черед и его, Ивана Кустова. На мандатной комиссии парня определили в Свердловское пехотное училище. Обрадовался: офицером буду. Не знал ещё, что в пехоте первые пули достаются взводным: первыми поднимают они бойцов в атаку. Много чего не знал он тогда и так и не узнал за восемь месяцев учёбы. Ускоренная программа подготовки взводных командиров напоминала непрерывный конвейер, который лихорадочно штамповал лейтенантские партии для огромной топки войны. Зелёные, мало обученные, эти партии уходили и уходили безвозвратно в это зарево — обучаться премудростям военного дела на месте, на передовой.

С войной они встретились за много километров до линии фронта. На станции Красный Сулим Ростовской области эшелон, полный необстрелянных офицеров, попал под ночную бомбёжку. Застигнутые врасплох, младшие лейтенанты бросились от вагонов врассыпную кто куда. Мчался прочь от станции и Кустов.

— Это был ад, ужас!.. — неохотно вспоминает ту ночь Иван Ильич.

Ночь, рёв, грохот, взрывы. Крики бегущих в темноту людей, вопли раненых. И разрывы, разрывы, разрывы.

С рассветом выжившие стали сбредаться к эшелону. Вернее, к тому, что от него осталось. А не осталось, собственно, ничего. Все вагоны состава сгорели, остатки

их валялись в страшном беспорядке на путях и возле. Разбитая станция курилась дымом, тут и там лежали разбросанные шпалы, топорщились вздыбленные рельсы, пахло керосином. И ещё — запах горелого мяса. Сгоревшие чёрные тела младших лейтенантов лежали вперемешку со шпалами.

А до фронта оставалось ещё двое суток пути.

Очкарик

В штабе 5-й ударной армии Южного фронта младшего лейтенанта Кустова распределили в 96-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В 291-м стрелковом полку он принял под командование 29 человек, взвод. Полк держал оборону на реке Миус.

— Удивило и поначалу сковывало то, что взвод состоял из довольно пожилых бойцов, — рассказывает ветеран. — Многие воевали раньше под Сталинградом, у некоторых за плечами по несколько госпиталей. А я такой молодой и должен был ими командовать!

Кустову повезло: дивизия два месяца стояла в обороне. Было время пообвыкнуться, вжиться в окопный быт, присмотреться к людям. Понял, как полезно советоваться с простым бойцом.

— Подойдёшь к ветерану, присядешь рядом, попросишь разъяснить обстановку на его участке наблюдения. Он тебе улыбнётся и всё до мелочей расскажет, покажет, ненавязчиво сделает выводы, предложит закурить. В общем, взвод принял меня хорошо.

Первый бой едва не стал для него последним. Полк брал высоту «Саур-могила». После артналёта — зелёная ракета: вперёд! Проскочили проходы в минном поле. Вломились в первую траншею. Стоны, лязг металла, топот, чужая рваная речь, тела под ногами, пелена в глазах — рукопашная. В тесноте вражеской траншеи Кустов столкнулся нос к носу с немецким пехотинцем в очках. Немец опешил и... забыл про автомат. Он ошеломлённо уставился на Ивана.

Странная штука война. «Очкарик» засел в памяти так глубоко, что Кустов в других траншеях, на других фронтах стрелял прежде всего в тех, кто был в очках. И ничего не мог с собой поделать...

А тогда он ударил очередь по немцу, перепрыгнул через врага и ринулся дальше. Какая-то пьянящая, уже неподвластная сила выхватила его из траншеи и понесла дальше, к другой. Крик, мат, трассы в упор. Кто уцелел, побежали, ворвались и снова сошлись в кровавой рукопашной.

Наступление остановила ночь. Подсчитали потери, поужинали, вот уже и рассвет. Позавтракали. И — зелёная ракета. Атака! Вечером Кустов заметил, что какая-то красная липкая жидкость закапала с пальцев левой руки.

— Я ничего не понял: ведь не почувствовал ни пули, ни боли. Кровь стекала с рукава, а жгло в груди. Свинцовое ядрышко, как оказалось, пробило руку и прошло настолько близко к телу, что разорвало на груди форму. Бегу дальше. Через несколько метров что-то резануло по ноге, и меня швырнуло на землю. Ну, думаю, конец везению...

Рядом с Кустовым разорвалась тогда мина. Её осколок ударил в ногу. Так взводный вышел из первого своего боя. Позже, когда солдаты сопровождали командира в госпиталь, он обнаружил ещё один след тех атак: пулей была пробита фляга. Всё-таки сказочно ему повезло тогда.

Пулемётная очередь

После излечения, в сентябре 1943 года, лейтенанта Кустова определили в 1052-й стрелковый полк 301-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии. Опять — командир взвода на передовой, у края смерти. Сегодня Иван Ильич сам себе не может ответить на вопрос, как удалось ему продержаться без ранений до самого 1945 года в 1052-м полку. Всего же на передовой он провоевал ровно 600 суток...

Однажды девятнадцатилетний командир взвода даже почувствовал себя «неловко» за уцелевшую жизнь. Самым обыкновенным вечером Кустов с двумя связными возвращался от комбата на передовую, в расположение своего подразделения. Участок фронта в этом месте уже несколько дней не тревожило войной: жидкие перестрелки сменялись успокаивающим затишьем.

— Сумерки сгустились, тишина, никакого предчувствия опасности. Стали спускаться в траншею, связные — справа и слева от меня. Вдруг пулемётная очередь. Короткая и какая-то даже безобидная. Ещё не утихло эхо — я увидел связных и обомлел: один прямо в траншее сидел с дыркой во лбу, другой лежал с пулей в сердце. Я — посередине, невредимый. Всю ночь не спал. Ходил туда-сюда по расположению. Смотрел в глаза живым подчинённым. Было неудобно. Не понимал, перед кем, за что, но успокоиться не мог.

Форсирование

— Форсирование... Я почему-то вспоминаю войну как сплошную переправу. С этого берега — на тот. Даже не припомню названий всех рек, которые преодолел. Наибольшие потери у нас были при захвате плацдармов.

Помню Днестр... Выше по течению его форсировала другая часть. И попала под сильнейший артобстрел. Мы переплывали Днестр весь в перевернутых повозках, плотах, мёртвых людях, лошадях, амуниции.

Место для переправы всегда выбирали тщательно. Гитлеровцев перехитрить удавалось только при форсировании реки на, казалось бы, невозможных для этого участках. Ночью получали у «инженеров» лодки, плоты. В лодке, как правило, размещалось семь человек. Вжимаешься в неё и гребёшь, гребёшь... Если удавалось зацепиться за берег, сразу окапывались. Бросок вперёд — опять окапываешься. Рассказывать легко, а на деле это ох как сложно...

Ещё запомнилась река Инголец. На ней нам болото подсобило. Ну не могли представить немцы, что русские через мхи да трясины попрут! Я со своей ротой аккуратненько во фланг им по камышам зашёл. Мы из зарослей, как черти из табакерки, повыскакивали. Дальше и рассказывать нечего: перебили фрицев. Да ещё и плацдарм захватили. За Инголец меня представили к ордену Богдана

Хмельницкого. Это был мой третий орден. До этого имел Красную Звезду и Отечественную войну.

Окоп

— На войне самое безопасное место — твой добротный окопчик. В нём только можно выжить. В этом солдатском земляном доме писали письма, переживали за погибших, вспоминали родных. Интересно было наблюдать за бойцом в окопе. Вот он зачем-то потёр рукой свою сухую щетину, зевнул, потянулся. Потом деловито утаптывает давно утрамбованную землю, что-то недовольно бормочет. Облокачивается на бруствер, улыбается. Невозможно представить, что завтра этот человек пойдёт убивать людей, а послезавтра товарищи уложат его бескровное тело в могилу, в последний его окоп...

Думаю, немец не меньше нашего окоп любил. После боя по ночам мы с фашистами иногда окапывались одновременно. При этом расстояние между нами — метров сто пятьдесят. Отлично было слышно, как копают немцы. Случалось, и они, и мы кирками мёрзлую землю долбали. А для этого-то надо на ногах стоять, а значит, быть уязвимым, беззащитным. Но существовал на войне неписанный закон: пока в одно и то же время с противником зарываешься, первый не стреляй. И не стреляли!

Местное значение

— Нет ничего губительнее для пехоты, чем так называемые бои местного значения, атака без должной артподготовки. Не могу понять, почему на фронте порой так бесчеловечно, спустя рукава планировали мелкие операции... В ноябре 1943 года во время позиционных боёв местного значения наш 1052-й стрелковый полк с неделю якобы прорывал немецкие позиции. Это «якобы» просматривалось не в приказе, в нём как раз задача ставилась строго и чётко: «захватить», «удержать». «Якобы» — это десять миномётных выстрелов. И — вперёд, пехота! Любой пехотинец перед атакой жадно прислушивается к гулу своей артиллерии. Бойца не проведёшь: у солдата под вой снарядов наступательный дух взмывает! И всё наоборот, если артиллерия не стреляет, а только обозначает артналёт. Вот это — страшно.

Кто ходил в атаку, знает, что такое нетронутые артогнём немецкие оборонительные позиции. Язычки пулемётного пламени словно выжигают бегущих людей, шквал свинца заставляет вращаться в землю. Атака захлёбывается сама по себе. В ноябре 43-го мы, прибитые огнём, лежали до самых сумерек. Нельзя было шелохнуться, так прицельно били их пулемётчики. А на следующий день то же самое.

Вскоре после подобных боёв мы узнавали о прорыве советских войск на других участках фронта и догадывались, зачем нас бросали в бой. Но что от этого тем, кто полёг?

Атака

К слову, атака — это и «наука», и искусство. Когда меня назначили командиром роты, перед наступательным боем собирал «актив» подразделения: взводников, секретарей партийной и комсомольской организаций. Мы делили роли в предстоящей схватке. По определённой команде «актив» первым должен был подниматься в атаку и увлекать за собой остальных. А это очень сложно — подняться первым, перебороть естественный для человека страх покинуть безопасное место, окоп. Этот страх вяжет конечности, заставляет бешено озираться по сторонам, тяжелит всё тело. Но стоит его перебороть — тебя заполняет нечеловеческая ярость. Наступает решающий момент. Если противник «не отошёл» после артналёта и позволяет продвинуться пехоте вперёд метров на пятьдесят — с каждым следующим шагом испаряется осознание опасности. Мозг не воспринимает опасность, рассудка в человеке нет — он весь на кончике штыка. Люди поглощаются одержимостью боя и перед вражескими траншеями находятся уже в некоем полубреду. Остановить тогда атакующего солдата невозможно.

Перебежчики

— Я не видел ни одного немецкого перебежчика... Но был свидетелем попытки перехода к фашистам нашего сержанта. Произошло это осенью 1943 года. Ко мне подошёл связной и доложил: так, мол, и так, заместитель командира соседнего взвода подбивает солдат сдать в плен, успел разработать для этого план. Мой подчинённый разузнал о месте, в котором сержант собирался перейти линию фронта. Я даже не передал услышанное командиру соседнего подразделения: не верилось, что побег возможен. Может, это минутное помутнение рассудка? Но пулемётчику я на всякий случай приказал постоянно обрабатывать данный участок местности.

Утром метрах в сорока от траншеи мы различили шинель убитого — может, нами, а может, немцами — перебежчика. Как впоследствии узнал, погибший беглец только-только прибыл с пополнением. Не смог, не успел человек смириться с огромной вероятностью своей смерти. Не обвыкся.

С необстрелянным пополнением всегда приходилось мучиться. Боролись не только со страхом прибывших, но и с излишней бравадой, другими проявлениями воспитанного в тылу лихого героизма. Если «героев» в первые дни на переднем крае не убивали, то через месяц-два они сами круто менялись: из окопов без надобности не высывались, сдуру на пулю не шли, болванки разные не подбирали, вдруг заминировано? Отлично помню, как дивизия захватила кавалерийский полк гитлеровцев. В пехоте у нас — в большинстве крестьяне, они с нескрываемой любовью на скакунов глазели. И никто даже не подошёл, не погладил коня. Война воспитала настороженность: боялись мин.

Трофеи?

— Трофеи? Зачем они стрелку, в чём таскать? На всю роту — одна повозка. Брали, правда, часы, бинокли, компасы. Офицеры щеголяли трофейными парабеллумами.

Так воевали за Польшу

1945-й Иван Кустов встретил на Мангушевском плацдарме. Немцы крепко вцепились здесь в землю. Батальону, в котором сражался Кустов, необходимо было выбить немцев из траншей и впоследствии захватить плацдарм на западном берегу реки Пилицы, одном из притоков Вислы. Предусматривалась активная поддержка действий пехоты авиацией и танковыми подразделениями. Однако погода внесла свои коррективы: землю окутал непроглядный туман, танки и авиация действовать не могли.

Роте капитана Кустова были приданы четыре взвода: станковых пулемётов, батальонных миномётов, противотанковых ружей, 45-мм орудий.

14 января подразделение в готовности к броску всматривалось в небо. Взлетела в кисель тумана зелёная ракета, вынырнула из земли пехота. Ударили туда, где тонко, — в стык вражеских позиций. Туман теперь был на руку наступающим. Ошеломлённые внезапным появлением наших бойцов, немцы в первой траншее активного сопротивления не оказали. Опомнились фашисты лишь тогда, когда «кустовцы» глубоко вклинились в их оборону. Ударами с флангов немцы ликвидировали брешь в своих позициях и не позволили советским войскам воспользоваться успехом роты дерзкого капитана.

Упоенные успехом, пехотинцы Кустова настойчиво шли вперёд. К вечеру рота пришла к Пилице. Решили передохнуть — график наступления они выполнили. Волновало одно: где соседи?

Наконец к ночи по радиации связались с комбатом. Враз охрипший после доклада о нахождении подразделения голос майора произнёс странное:

— Братцы! Держитесь, держитесь...

Вскоре смысл этих слов дошёл до каждого бойца. Рота в тылу немцев, в окружении. Наступление только удаляло от своих. Ночью фашисты сузили кольцо вокруг подразделения. Кустов решил прорываться. Но не назад, не к своим. Наоборот, вперёд! Туда, где их не ждали. Всю ночь окруженцы готовились к форсированию Пилицы. Разведали лёд, приготовили жерди, выбрали направление удара.

Утро немцев изумило: советская рота брала у них в тылу плацдарм! Пехота шла прямо на господствующую на противоположном берегу высоту. Взяли её за считанные минуты. Пока немцы приходили в себя, ротный организовал круговую оборону.

15 января 1945 года пятачок польской земли у села Марынка стал местом ожесточённого боя. Семь атак фашистов отбил капитан Кустов со своими бойцами. К вечеру подразделение состояло из убитых, раненых и легкораненых. Шестая атака врага засадила осколок глубоко в предплечье Ивана Ильича. Кто-то наложил

грязный жгут. Кустов стрелял одной рукой. А немцы завелись. Взятие высоты для них стало, очевидно, делом чести. Упорство их дошло до абсурда: остатки роты Кустова они штурмовали даже тогда, когда на восточном берегу реки появились советские танки.

* * *

— О присвоении мне звания Героя Советского Союза за бой у Пилицы я узнал в госпитале. Ранение оказалось тяжёлым. Заражение крови спровоцировало гангрену, руку еле спасли. О Золотой Звезде прочитал в письме командира полка. По правде сказать, я не представлял, что значит быть кавалером столь высокой награды. Из села — в училище, после училища — на фронт. Вот и вся жизнь. Для меня было полной неожиданностью, когда после известия о Звезде персонал госпиталя устроил в честь меня банкет. Помнится, подумал тогда: «А хорошо всё-таки быть Героем Советского Союза». И всё, больше ничего. Мы воевали не за награды, почёт и славу. Мы за Родину воевали.

Охота

Очерк

...На охоте шаг особый. Медленный. С частыми расстановками. Иногда ползком. Иногда перекатом.

Так проходит не один час. Ноги охотника начинают гудеть, наливаясь свинцом. В душу закрадываются сомнения: «Найдём ли... Зверь дикий чуток, умён, и осторожен. Выследить его непросто».

Вот он — кабаньих переход. Следы ведут вглубь непролазных зарослей и колючих кустарников. Вдруг охотники услышали стрекотанье испуганных сорок. Люди замерли, насторожились. Казалось, все их чувства обращены в слух. Время сжалось, точно резиновый мяч. Наконец слева послышалось едва уловимый шорох. Кабаны!

Звери шли опасно — треск веток постоянно затихал. Видимо, они останавливались, злобно, протяжно хрюкая, прислушивались. А затем снова начинали идти...

Один их охотников, Сергей Кравец, молодой, служивший в этих краях «старлей», насторожился. Кабаны всё ближе и ближе. Уже сквозь ветви можно было увидеть их чёрные силуэты. В сумраке таёжной глуши они казались преувеличенно высокими.

— Похоже на ещё не перезимовавший молодняк, — подумал он.

Тревога липким холодком закралась в душу. Ветер тянул не совсем выгодно. Подходить к зверью надлежит только с подветренной стороны. Но сейчас они выходили на людей сами...

Топот и хрюканье всё ближе... Сердце забило сильнее. Пальцы нащупали спусковой крючок двенадцатикалибрового ружья — обзавёлся по случаю. Картель тщательно уложена. Выстрел должен быть надёжным...

В этот момент звери неожиданно затихли. А потом сразу с большим шумом побежали в противоположную от людей сторону — кабаны почуяли охотников. «Ветер!» — в сердцах подумал Кравец.

Тот вечер так и прошёл без выстрела. Зато был получен урок: ветер игнорировать нельзя... То была ловля дикого зверя.

Думал ли Кравец, что совсем скоро ему предстоит совсем иная охота? Охота на караваны.

И выслеживать он будет людей. А люди его...

* * *

Тайга была заповедная. Приморская. Невероятно красивая. Весной сопки пестрели цветущим багульником — великолепным растением, сравнимым по красоте с японской сакурой. Не зря за ним закрепилось название «альпийская роза». В это время воздух наполняется дурманящим ароматом, источаемым

плотными яркими — от кипельно белого до многочисленных багряных оттенков — соцветиями.

Особенно хороша тайга становилась осенью. Наливалась до краёв золотом и расплёскивала его повсюду. Буйство цвета, света и многоголосие красок догорающего леса. Тишина, солнце и покой. Пятна кедров и елей, огненные кисти лимонника, упоительные запахи... тонкие перешейки песка между прозрачными озёрами, чистое небо. Осенью вся кусачесть — а на Дальнем Востоке кусается всё, что летает, — впадает в спячку.

Хасанский район — крайняя южная точка азиатской части России. Охотиться здесь нельзя. Но для молодых офицеров, служивших в отдельном пулемётно-артиллерийском батальоне аккуратно на стыке трёх границ — советской, китайской и корейской, это было единственным доступным развлечением. Места красивые, но глухие. Посёлок Краскино — три дома, две берёзы. Самое крупное здание — железнодорожный вокзал, единственный оплот цивилизации...

Кто-то, чтобы разнообразить тягучие липкие будни, начинал пить. Пить по чёрному от безысходной, беспросветной тоски. На Дальнем Востоке это было не редкостью.

Кто-то пытался найти дело по душе. Командир пулемётного взвода Сергей Кравец пристрастился к охоте. Потому и рисковал. Правда, отвести душу выбирался редко, оставляя за собой право только на один выстрел. Зачем злить пограничников?! Отношения с ними и без того были натянутыми. Взаимную нелюбовь к иному цвету околыша фуражки никто не отменял...

Его тяга к охоте была в чём-то понятна. Наверное, в каждом мужчине сидит забивающий мамонта первобытный предок. Не в каждом он просыпается. А в Кравце вот проснулся.

Он любил бродить по тайге в просветах солнечного света, лежавшего косыми срезами между деревьями. Шагать, точно по ковру, по мягкому сухому мху. Слушать гул, проходивший волнами по вершинам сосен, сухое дыхание лесов, щебет птиц, со свистом и лёгким шумом перепархивающих с ветки на ветку при его приближении. Вдыхать всей грудью запах можжевельника. Путь в тайге — это километры тишины, безветрия. Это дрожь листьев и тонких веток, сумерки, наполняющие тайгу сыростью и зеленоватым мерцанием светлячков в густой траве. Это закат, тяжело пылающий на кронах деревьев, золотящий их старинной позолотой...

Сергей полюбил лес. Полюбил охоту. Особенно на кабана. Встреча с таким бесстрашным дерзким и яростным зверем даёт возможность испытать и силу, и характер. Она сулит много острых ощущений.

Азарт, запал, адреналин...

Забава для крепких духом мужчин.

Забава ли?

В эти края Кравец приехал сразу после окончания Дальневосточного общевоинского училища¹, что в Благовещенске. Закончил его, как когда-то говорили, «по первому разряду» — с отличием.

Подготовка в училище была серьёзная. Каждый месяц на неделю выезжали в учебный центр. Программа занятий была насыщена и разнообразна: вождение, огневая, инженерная, тактическая подготовка, военная топография... Водили, как шутили курсанты, всё, что движется и стреляет: БМП, БТР, танки...

Учился Кравец во взводе морской пехоты. Романтика моря... Высадка десанта... Захваты плацдармов... И быть бы ему в славной когорте отважных смельчаков. Да не сложилось. Службу он начинал пехотинцем вполне себе земным.

...На Дальнем Востоке Кравец прослужил пять лет. А когда предложили отправиться в Афганистан, раздумывать не стал. Лихо отдал воинское приветствие и отчеканил: «Есть!».

Тёплым осенним днём 1985 года работяга «Антон»² доставил молодого офицера на серую бетонку шиндандского аэродрома, окаймлённого южной грядой древнего Гиндукуша. Тот год — время самых больших потерь шурави³. Так афганцы называли пришедших к ним из-за полноводной Амударьи солдат.

Аэродром находился на северной окраине города, слепого когда-то из нескольких крупных кишлаков в безводной долине. Несколько арыков, которые не пересыхали даже летом, стали источниками окрестной жизни.

По дороге в город Кравец с интересом разглядывал дехкан, возившихся на крохотных окружённых глиняными заборами делянках — метров 150 на 50, не более. В пыльных чалмах и потрёпанных халатах, с допотопными мотыгами в руках, они казались ему посланцами древних веков.

— И не лень же заборы городить, — подумал Сергей.

Потом он узнает, что эти невысокие стены из необожжённой глины, именуемые «дувалами», защищают плодородный слой от выдувания. Ветер «афганец»⁴ на протяжении веков осложняет жизнь местных земледельцев. Труд их тяжёл. И хлеб насыщенный век от века обильно орошается потом. То давний спор природы с человеком. Иногда человеку удаётся его выиграть. Дувалы — небольшие козыри в

¹ Дальневосточное высшее общевоинское командное училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского.

² «Антон» — военно-транспортный самолёт серии «Ан».

³ Шурави (перс. شوروش — русский эквивалент слова шурави — شورави: советский, от араб. شوروش — شورگ — совет) — образ советских военнослужащих в Афганистане, тесно связанный с образом советского солдата, произошёл от афганского названия советских специалистов и военнослужащих Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Образ получил распространение сначала среди афганцев, среди душманов был распространён лозунг «Margbarshouravi» (дари «موروش بگرم» — «Смерть советским»).

⁴ Афганец — сухой, пекущий местный ветер, с пылью, который дует в Центральной Азии. Имеет юго-западный характер и дует в верховьях Амударьи. Дует от нескольких суток до нескольких недель. Ранней весной с ливнями. Очень агрессивен.

этом мирном споре... О том, что они могут стать ключевой картой в другой, смертельной, игре — даровать жизнь или оборвать её, Кравец пока не догадывался...

Для него всё в этой стране было ново и незнакомо.

Дехкане, мотыги, глиняные дувалы, минареты, горы... Иллюзия безмятежной восточной жизни. Неспешной, вневременной, казалось, застывшей...

Правда откроется несколько позже.

И правда эта будет страшна...

* * *

По прилёту Кравец служил в 371-й гвардейском мотострелковом полку 5-й гвардейской мотострелковой дивизии. Первая должность — заместитель командира роты.

Времени на раскачку не было. Ротный¹, едва только новый «зам» принял дела и должность, тут же рванул в отпуск. Кравец же остался на хозяйстве. В его подчинении находились три сторожевые заставы, охранявшие отведённые участки трассы Шинданд–Фарахруд. На одной из них — «55 километр» — Кравец и провёл большую часть своей службы в полку.

Мимо проезжали тяжёлые «Уралы» и «наливники», мчались куда-то «газики», проползали автомобильные колонны, наполненные гуманитарным грузом, урчала двигателями военная техника... Разбавляли этот военизированный транспортный поток юркие афганские «бурбухайки». Так советские острословы окрестили местные грузовые автомобильчики — яркие, красиво расписанные цветным орнаментом или увешанные кистями, колокольчиками и подвесками. На некоторых были написаны цитаты из Корана или нарисованы символические знаки, обеспечивающие покровительство высших сил. В столь беспокойное время заручиться их поддержкой считалось совсем не лишним. Главное — верить.

В основном эти броские грузовички были японского производства. Двигатели у них были маленькие, но довольно мощные. Нередко груз укладывали в три яруса. И тогда они напоминали Сергею телегу, груженную огромным стогом сена.

Если же перевозили людей, то в машину набивалось не меньше 40–45 человек в каждой. Это при том, что рассчитаны они были человек на двадцать, не более. Даже крыши становились пассажирскими. Дети же просто висели гроздьями на заднем борту...

Но больше всего молодого офицера впечатлило выдвижение соединения на боевую операцию:

Сергей Кравец:

— Вы представляете, что представляет собой дивизия полного состава? Это огромное количество личного состава, техники и вооружения. И вся эта мощь огромной змеей тянется по дороге. Сверху авиация летит: самолёты, вертолёты. Всё гудит, гремит, рычит... Через некоторое время вся эта кишка обратно ползёт. Не знаю, каков эффект был от проведения подобных операций. Ведь разведка духов работала отменно. Любое наше передвижение они чётко отслеживали.

¹ Ротный — командир роты.

Открытых боестолкновений душманы избегали. Почувяв опасность, они просто растворялись в горах. Ищи — свищи. Их метод — засады, диверсии, налёты... Исподтишка выскочить, нагадить и исчезнуть.

В пехоте Кравец служил недолго. Всего месяц. До тех пор, пока в судьбу офицера не вмешался его величество Случай.

* * *

...В конце ноября он приехал в полк пополнить запасы воды. Зашёл по делам в штаб. Навстречу капитан из отдела кадров.

— Так... Ты у нас кто?

— Заместитель командира роты, старший лейтенант Кравец.

— А в спецназе служить не хочешь? Здесь «покупатели» из Москвы приехали, народ набирают ...

...В помещении находилось три офицера. Как потом выяснилось, один из них действительно прилетел из Москвы. Два других — из штаба Туркестанского военного округа. Вопросы задавали традиционные: что закончил? как учился?

Узнав, что Кравец служил на Дальнем Востоке, один из «покупателей» спросил:

— Наверное, водку пьёте?

Слава о любви дальневосточников к зелёному змею гремела по войскам. Репутация — штука прилипчивая, против неё не попрёшь.

— Как все. По праздникам, — невозмутимо ответил кандидат.

Ответив ещё на несколько, как показалось Кравцу, дежурных вопросов, офицер вышел из кабинета. В коридоре он вновь столкнулся с капитаном.

— Ну как? Взяли? — поинтересовался кадровик.

— Не знаю. Посмотрим. Знать бы ещё толком, что за зверь такой спецназ.

Капитан улыбнулся.

— Спецназ? Это, брат, круто! Будешь иметь всё. Правда, выжить в их мясорубке шансов немного...

* * *

В Афганистане находились две отдельные бригады спецназа ГРУ: 15-я и 22-я. В каждой — по четыре отдельных отряда. Это была невиданная для советских войск концентрация частей спецназа в одной общевойсковой армии.

Старшего лейтенанта Кравца перевели в 411-й отдельный отряд специального назначения на должность заместителя командира 3-й роты. Это был так называемый 8-й отдельный мотострелковый батальон. В то время слово «спецназ» старались не произносить. Часть входила в состав 22-й бригады.

Отряд находился в процессе формирования. Проходило оно в Шинданде. Рядом с мотострелками развернули палаточный городок, куда и прибыл новоявленный спецназовец Кравец. На одном из первых совещаний офицер познакомился с командованием отряда.

Командир, молодой худощавый капитан Александр Фомин, спокойно и грамотно ставил задачи. Голос ровный, невозмутимый. Было видно, что он точно знает, что и — главное — как надо сделать. Однако прежде чем принять решение, Фомин

внимательно выслушивал доводы присутствующих на совещании офицеров. Решение же принимал сам. И оно было незыблемо. Кравцу такая манера вести планёрку была непривычна. Но больше всего его удивило, что к нему, старлею, обращались исключительно по имени-отчеству. Служа в пехоте, к такому политесу офицер не привык — манеры там были проще, суровее, мнение его, лейтенантское, никого особо не интересовало. Потому и не спрашивали: приказ получил, вперёд — выполняй! При этом для ускорения процесса и стимуляции результата выстраивались такие витиеватые конструкции, от которых дух захватывало. Здесь же умудрялись обходиться без мата...

— А ведь он ведь всего-то на год старше меня, — думал Кравец, слушая командира. И чем больше он его слушал, тем больше проникался искренним уважением к этому чернявому молодому офицеру.

Это был совершенно другой мир. Мир, в котором всё построено на доверии друг другу. Всё разумно и грамотно устроено. Нацелено на результат.

* * *

Сергей Кравец:

— Наш отряд сформировали последним непосредственно в Афганистане. Уже был обобщён опыт предыдущих семи батальонов, сделаны определённые выводы. Большая часть офицеров и личного состава прослужили здесь около полугода, имели боевой опыт. Это отличало его от других батальонов.

В штате около 500 человек: три разведывательные роты, две — на БТР-70 и одна — на БМП-2, рота минирования, рота связи, рота материального обеспечения, автомобильная рота, зенитно-артиллерийская группа, медпункт. В каждой роте по три разведывательные группы и одна группа тяжёлого оружия: АГСы, «Утёсы» — крупнокалиберные пулемёты, огнемёты.

Командиров рот, групп отбирали из уже действующих отрядов 22-бригады спецназначения. На все остальные должности назначили офицеров и прапорщиков 5-й мотострелковой дивизии, резерва. Дислоцировалась она в Шинданде, где и проходило формирование. Личный состав в основном прибыл из учебного центра.

Знаете, почему заместителей командиров рот в новый отряд отбирали из пехоты? Если в Союзе основным средством вывода в район проведения операций оставался парашют, то в Афганистане спецназ был вынужден пересесть на БМП, БТРы... В Рязанском воздушно-десантном училище на факультете специальной разведки до Афганистана боевые машины совсем не изучали. Профессиональные спецназовцы прекрасно владели иностранными языками, но с техникой были на «вы». Здесь же ситуация изменилась в корне.

И этому изменению имелось логическое объяснение. В первые годы разведчики в Афганистане использовали классические тактику и способы выполнения задач. Эффективно и результативно провели ряд операций по разведке бандформирований и уничтожению складов с оружием и боеприпасами... Но уже к концу 1981 года душманы выработали свою тактику борьбы со спецназом. Как следствие — начались неоправданные потери среди разведчиков. Тогда-то и приняли решение о применении спецподразделениями новых, несвойственных

ранее им способов разведывательно-боевой деятельности. Специальная разведка приобрела силовую направленность. В основу был положен принцип «разведка — уничтожил». Засады на караванных маршрутах, уничтожение бандформирований, налёты на исламские комитеты и склады с вооружением и боеприпасами, проверка результатов бомбоштурмовых ударов стали обычной работой спецназа на той необычной войне.

Это потребовало усиления вооружения. Спецназ пересел на боевые машины пехоты и бронетранспортёры. А также их усилили авиационными, танковыми и артиллерийскими подразделениями.

Сергей Кравец:

— Нам были приданы танковый батальон, мотострелковая рота, которая несла караульную службу и при необходимости оказывала поддержку во время боевых выходов. Имелась своя артиллерия: две сорокаствольные установки «Град», батарея «Гвоздик» — это шесть самоходок. И самое главное то, что у нас была своя авиационная эскадрилья — восемь вертолётов: четыре боевых вертолёт Ми-24 и четыре транспортно-боевых Ми-8.

Спецназ обеспечивался всем необходимым. Топливо, боеприпасы, продовольствие... Да, мы не видели свежие овощи. Зато имелся широкий ассортимент консервированных продуктов. Даже картофель в банках. А какие были у нас сухие пайки!

* * *

Сергей Кравец:

— Пунктом постоянной дислокации отряду определили Фарахруд. Ближе к новому году, в конце декабря, колонна боевой техники выдвинулась из Шинданда. Отряд шёл в полном составе. К новому году были на месте. Там его и встретили.

Фарахруд — небольшой кишлак. А ещё так называют реку, которая даёт жизнь одноимённой долине и прекрасному оазису, центром которого был город Фарах. Отряд разместился на территории бывшего автокемпинга. Правда, до этого месяца два пришлось жить в палатках, пока не подготовили «зимние квартиры». За годы войны некогда процветающее заведение пришло в упадок и к приезду разведчиков представляло довольно жалкое зрелище.

Этот гостиничный комплекс был ярким воплощением воспетой советской пропагандой дружбы народов. Строили его советские специалисты совместно с болгарскими для дружественного афганского народа. А точнее, для его малой толики. Потому как население страны в своём подавляющем большинстве жило в страшной нищете и, во-первых, приобщиться к благам цивилизации для них было не по карману, а во-вторых, многие даже не догадывались о наличии подобных благ. Удалённый от столицы и огней больших городов афганский люд жил в махровом феодализме. Для них мир ограничивался рамками родного зажатого горами кишлака, глиняного дувала и мечети — центра культуры и просвещения...

...Гостиница была трёхэтажная. Сооружение — капитальное с мощными стенами, обстрелов можно было не бояться. Там разместили разведроты. Каждая группа имела свой кубрик, койки в два яруса. Командиры групп жили с личным

составом, командиры рот и заместители — в одной большой комнате. Здесь же, в гостинице, квартировали связисты и сапёры. На первом этаже в ресторане оборудовали солдатскую столовую, в баре — офицерскую.

В добротном одноэтажном здании, где, судя по всему, до войны находилась администрация отеля, разместился штаб со всеми службами. В бывших складских помещениях обосновались авторота и рота материального обеспечения.

Через дорогу от основных зданий стояло четыре двухэтажных коттеджа. Комнаты в них были маленькие, но уютные. Здесь поселили воздушных пахарей войны — вертолётчиков и командный состав отряда.

Один коттедж отдали женщинам, прибывшим из Союза: заведующей столовой и официанткам. Вместе с ними жила ещё одна дама — инженер по обеззараживанию воды. Воду брали в реке Фарахруд. Когда первый раз взяли анализы речной воды — схватились за голову: из бактериальной живности можно было шашлык готовить: тиф, паротит, гепатит, малярия... Потому перед употреблением воду тщательным образом очищали, пропускали через специальные фильтры, затем хлорировали. Хлорки же не жалели, сыпали от души — форма после стирки в такой воде белела моментально... За это острые на язык разведчики тут же окрестили инженершу «Хлоркой». Имя не запомнили, а вот кличка зацепилась...

Неподалёку от здания гостиницы находилась заправка. Между штабом и коттеджами оборудовали узел связи. Чуть дальше — вертолётная площадка. Автопарк построили самостоятельно, огородили глинобитным забором площадку, поставили технику. Дёшево и сердито. Получился полноценный военный городок. По периметру его покой охраняли приданные мотострелки и танкисты.

Так и жили. Без изысков. Минимум комфорта — максимум смекалки. Кондиционеры были только в штабе и в коттедже женщин. Себе же разведчики «климат-контроль» соорудили самостоятельно — у местных подсмотрели.

Сергей Кравец:

— Афганцы делали в стене отверстие. Вставляли в него деревянный короб, открытый с двух сторон. В этот короб закладывали верблюжью колючку. Если на колючку плеснуть немного воды, тяга усиливается и в помещение поступает холодный воздух. Мы себе в комнаты такие чудо-кондиционеры смастерили. Действительно освежало...

* * *

Отдельные отряды специального назначения располагались длинной дугой в полторы тысячи километров вдоль афгано-пакистанской и афгано-иранской границ.

Пакистан и Иран составляли основной плацдарм для подготовки и снабжения моджахедов. Поток караванов увеличивался с каждым годом. Новейшие образцы оружия, медикаменты, боеприпасы, наркотики, деньги — зарубежные друзья были щедры.

Не забывали и о духовной пище — агитационная литература, всевозможные инструкции и методички доставлялись исправно. Куда же без идеологии? Никуда...

Для переброски в Афганистан подготовленных групп мятежников, оружия, боеприпасов, материальных средств из Пакистана и Ирана использовали около ста караванных маршрутов. При выборе маршрута и формировании караванов мятежники избегали шаблонов, часто меняли направление движения.

Остановить эту реку изобилия должна была операция «Завеса», ставшая, пожалуй, самой яркой и остросюжетной главой в истории частей спецназа в Афганистане. Те самые восемь отрядов специального назначения, названные для конспирации отдельными мотострелковыми батальонами.

Правда, конспирация эта едва ли срабатывала. Как только разведчики прибывали в определённый им пункт постоянной дислокации, слух о том, что появились «рейнджеры», как окрестили спецназ афганцы, моментально облетал округу. Душманы сбавляли обороты. Вели себя тихо, на рожон не лезли, присматривались, пытались понять, насколько сильны и опасны пришлые воины. «Рейнджеры» тоже с места в карьер не летели. Проводили боевое слаживание, изучали местность, адаптировались...

Нередко душманы, решив проверить серьёзность намерений «рейнджеров», устраивали провокации. Начинались обстрелы пункта постоянной дислокации из миномётов или реактивными снарядами. Но после ответных залпов «Градов» тон менялся. К разведчикам приходили на переговоры старейшины и заверяли в своей лояльности и дружелюбии, заключали перемирие. Силу они уважали. Это, пожалуй, единственное, что на востоке вызывает уважение. Сила для них — самый бесприоритетный аргумент в любом споре.

411-й отряд прикрывал иранскую границу. Наиболее мощный поток негуманитарной помощи шёл из Пакистана. Однако Кравцу и его сослуживцам работы хватало, без дела не сидели. По караванным маршрутам фарахского направления осуществлялась доставка оружия и боеприпасов с территории Ирана для мятежных бандформирований как приграничных провинций, так центральных и северных районов страны. В основном использовали автомобильный транспорт.

Сергей Кравец:

— У нашего батальона была самая большая зона ответственности. В основном работали ночью — время, облюбванное караванщиками.

С душманами можно было воевать только их методами — хорошо подготовленными небольшими группами. Чем мы и занимались. Помню, после Афганистана, когда служил уже в Марьиной горке, газета «Вашингтонпост» писала, что единственные подразделения, которые эффективно воевали, это подразделения на вертолётах. Это как раз о нас.

* * *

На боевое слаживание ушло три месяца. Проводили стрельбы, налаживали связь, отрабатывали взаимодействие с авиацией и артиллерией...

Пока личный состав оттачивал своё ратное мастерство, командиры на вертолётах совершали облёты зоны ответственности. На карте отмечали все дороги, тропинки, каждую заметную колею... Первое время далеко от пункта постоянной

дислокации не ходили. Километров на пятнадцать-двадцать. Не зря говорят: «Осторожность — не трусость. Безумство — не героизм». Чем больше разведчики приобретали опыта, чем лучше ориентировались на местности, тем дальше продвигались в сторону иранской границы. И к новому 1986 году совершали уже дальние стокилометровые рейды к тенистым горным массивам, к узким скалистым проходам, к «золотым» караванным тропам. В самом сердце душманского края.

Сергей Кравец:

— Первоначально душманы чувствовали себя достаточно вольготно. Машины в караванах шли сплошной колонной, одна за одной. После нескольких успешно проведённых нами операций начали ходить по науке, грамотно, как положено. Впереди шла разведка, затем появлялась головная машина. Остальные шли на заметном расстоянии друг от друга...

Сообразив, что спецназ — это всерьёз и надолго, душманы стали внимательно отслеживать каждый их шаг. Цепкий взгляд наблюдателей моментально фиксировал любое передвижение шурави. Затем с помощью системы всевозможных условных сигналов оповещали об этом округу. В ход шли проверенные тысячами способами: сигнальные костры, зеркала, гонцы...

Не менее успешно применяли и последние достижения технического прогресса. Они активно использовали радиостанции. Хорошие, современные, компактные, с приличным радиусом действия. К тому же душманские «слухачи» мастерски перехватывали переговоры. Как результат — лишнего в эфире старались не болтать...

Казалось, у каждого придорожного камня здесь имелись глаза и уши. Чтобы перехитрить душманов, приходилось тщательно готовить каждый выход.

Сергей Кравец:

— Перед тем как отправиться на войну, проводили строевой смотр, проверяли экипировку, вооружение. Выходили, как правило, в вечерних сумерках. Иногда информацию о караванах нам давали сотрудники ХАДа¹. Но где именно пойдёт колонна, они не говорили. Дорог как таковых не было. Караван мог пойти по пустыне в любом месте. Плюс-минус пять километров или десять. Потому использование вертолётов в данном случае становилось эффективнее. Нередко полученная от ХАД информация требовала проверки и уточнения... Потому больше мы доверяли свободной охоте. Срабатывала интуиция, старались поджидать караваны в местах, которые очень трудно обойти.

В горах все тропы наперечёт. Уйти скрытно на гружёном транспорте невозможно. В горном проходе засаду организовать проще, главное — незаметно подойти к месту её проведения. Поэтому мы старались держаться подальше от кишлаков. Если фонарики в темноте светлячками запрыгали или дымы потянулись вверх — значит, заметили или услышали. В ночной тиши звук техники далеко слышен, а БМП гусеницами лязгают громко. Потому, когда я стал командиром первой роты, которая воевала на БМП, результативных выходов стало меньше, во всяком случае у меня. Отчего я больше любил воевать на БТРах. Они идут мягче и шумят меньше, к тому же они были более безопасными при подрывах на минах.

¹ ХАД — служба государственной безопасности Афганистана.

Но даже если ты всё-таки «засветился» и тебя заметили афганцы, надо уметь сбить их с толку. Иногда прежде чем выйти в район разведки, приходилось несколько раз менять направление движения, запутывая следы.

Группа на выходе — это около двадцати человек. А банды, которыми кишит округа, насчитывают человек сто-двести. И уж если ты с ними столкнулся, надо не количеством брать, а умением, хитростью, смекалкой и сообразительностью. Неслучайно символ спецназа — лиса. Иной раз и полторы тысячи обкладывали группу, бывало и такое.

...Вот когда Кравцу пригодились навыки, приобретённые в приморской тайге. Здесь, в Афганистане, в стране знойных пустынь и скалистых гор, он всё чаще вспоминал охоту в тенистых непролазных дальневосточных лесах. Противника надо было так же долго и утомительно выслеживать по едва уловимым приметам. Незаметно, бесшумно подкрасться и затаиться. А выследив — перехитрить, обыграть. И главное — победить и выжить.

Если же тебя обнаружат первым, то из охотника ты сразу превратишься в жертву. Вот тогда загонять начнут уже тебя. В этом деле афганцы имеют значительную фору: они выросли на этой земле, знают каждый камень, каждую тропинку, каждую расщелину в скале. Они зорки и метки, отважны и безжалостны, коварны и хитры.

А если ты заведомо сильнее, караванщиков просто предупредят. И разведчики будут вхолостую топтать остывшие в ночной тиши камни.

* * *

В существующих боевых уставах о том, как воевать с малыми, но хорошо подготовленными группами в условиях горно-пустынной местности, не было сказано ни слова. Действовать разведчикам приходилось, как говорят, по обстановке.

Сергей Кравец:

— У каждого отряда была своя тактика. 334-й — меньше роты «на войну» не ходили. У нас же местность равнинная, передвигались небольшими группами — человек восемнадцать. Зимой доходило до двадцати двух.

От сезона зависела и продолжительность наших выходов. Летом жара страшная. А вокруг пустыня. К полудню солнце окончательно зверело, с неба струился немилосердный жар. Броня, оружие раскалялись так, что обжигали руки. Горячий ветер сушил лицо, до рези жёг глаза. В тени — около пятидесяти градусов. Что говорить о пекле на солнце?! А ведь мы могли взять с собой ограниченное количество пластмассовых фляжек с водой. Главное — оружие и боеприпасы, которые были для нас гарантией на возвращение. На выживание. На успешное выполнение задачи. Поэтому летом мы уходили максимум на трое суток, а зимой, когда воды требовалось меньше, — уходили на пять-шесть.

Чтобы в жару вода была холодной, мы делали так: шили для фляги чехол из шинельного сукна, обливали его водой. Чехол высыхал — вода охлаждалась. Законы физики. Это мы у афганцев подсмотрели... От времени года зависела и периодичность движения караванов: зимой чаще, летом реже.

На войну выходили, как правило, две-три пешие группы и бронегруппа. Пешие группы выводили на вертолётах. Либо «броня» их высаживала и уходила. Но недалеко, чтобы в случае необходимости подскочить и поддержать разведчиков огнём.

Сначала выходили по десять-двенадцать БТРов. Ползёт такая «кишка», сигнальные огни не включаем. На связь не выходим — душманы могут услышать. Обязательно кто-то потеряется или отстанет. Поэтому я вначале сократил бронегруппу до шести машин. Потом до трёх — тремя, безусловно, управлять значительно легче. Однако позже стало понятно, что оптимальное количество — четыре машины. Если необходимо разделить, то две единицы техники могут и огнём поддержать. И помочь в случае поломки. Железо есть железо, ему свойственно ломаться и не всегда вовремя. Работать парой оказалось надёжнее. Поэтому вскоре все перешли на четыре боевые машины.

Так рождалась тактика. Методом проб и ошибок.

И ошибки эти были кровавые.

* * *

Сергей Кравец:

— Знаете, у каждого отряда были свои «маравары»¹. Были они и у нас. Это случилось 28 апреля 86-го. Мы только начали воевать. В тот день отряд понёс самые большие потери. Три человека погибло — младшие сержанты Ибрахим Абдурахманов и Юрий Максютя и рядовой Валдис Зенька. Двенадцать получили ранения. И что самое страшное, причиной тому стала человеческая глупость.

...Неподалёку от отряда, за горой километрах в десяти, кудрявилась зелёнка. Через неё по камням шумливо перекатывалась река. На её берегах прилепились несколько небольших затерянных во времени кишлаков. Вполне себе идиллическая картинка, если бы там не любили стрелять в спину шурави. Место было опасное, злое, испещрённое кяризами². Точно специально созданное для засад и хитроумных кровавых ловушек.

Потому и разведчики, и другие советские подразделения, и части без особой надобности старались туда не соваться, несмотря на то, что через эту зелёную зону шла дорога на Фарах. Однако все предпочитали лучше делать крюк, чем рисковать. Даже дивизия обходила опасный участок стороной от греха подальше.

...В тот день группа старшего лейтенанта Владимира Сидорова из первой роты возвращалась с задания в отряд. Вместе с ними «на войну» ходил замполит роты Ф-ов, которого в отряде за сходство с церковным служителем и зычный громогласный голос прозвали «отцом Фёдором». В спецназ он пришёл из пехоты. Видно, комплексы где-то застряли. Он часто и не к месту бравировал своей смелостью и удалью, пытаясь кому-то что-то доказать.

— А слабо через зелёнку пройти? — подначивал замполит командира группы. — Боишься, что ли?.. Давай... Пошли...

¹ Маравары — трагедия, произошедшая в апреле 1985 года в Мараварском ущелье. Тогда в ходе грамотно организованной моджахедами засады погибла рота 334-го отряда.

² Кяризы — подземные ходы, проделанные когда-то для орошения, используемые душманами для незаметного отхода и подхода к месту проведения засад.

И они пошли! Самолюбие офицера спецназа возобладало над здравым смыслом. Весть о приходе незваных гостей, опережая шурави, по цепочке побежала от кишлака к кишлаку. В крайнем их уже ждали...

Машины въехали в кишлак. И тут, как назло, одна БМП заглохла — топливо закончилось. Рядом остановилась вторая. Начали переливать солярку. Две другие машины успели выехать из кишлака. И тут ударили миномёты. Следом затрещали автоматные очереди, на разведчиков обрушился шквал огня. Два БМП подбили прямым попаданием — стрелки были точны и безжалостны.

Отдаваясь во власть привычных боевых инстинктов, разведчики занимали оборону кто где мог. Лязгали затворы, предохранители. В сторону нападавших потянулись первые нити трассёров. Успели сообщить в батальон. На помощь выдвинулась вторая рота Кости Кожмякова. В небо подняли вертолёты и пару штурмовиков.

Застравших в кишлаке вытаскивали всеми силами и средствами. Когда из кишлака вытащили легенду отряда сержанта Герасима, в обойме его автомата оставалось всего три патрона. Он на себе тащил тело Зеньки. В руке зажал гранату на взводе, с выдернутой чекой. Сам был тяжело ранен, контужен. Забегая вперёд, скажу, что Герасим ещё не раз попадал в подобные переплёты. В одном бою ему прострелили печень. В другом он упал вместе с вертолётом — и выжил. Заговорённый! Точно в рубашке родился...

...Последним же в одном из дувалов нашли замполита Ф-ова. Он был ранен в руку. Позже медики определили, что это самострел. Однако судить не стали, убрали в Союз — его отец оказался большой «шишкой», дело замяли.

Обычная история Афганской войны.

А пацанов было уже не вернуть...

* * *

В тот день 3-я рота находилась в резерве. Кравец с офицерами стоял рядом со своим БТРом, вслушиваясь в обрывки боя, долетавшие сквозь шум помех по радиостанции. Треск очередей, уханье взрывов, русский мат — в пылу боя он никому не был помехой. Даже помогал...

Бой шёл тяжёлый, нервный. Все долбят, где свои, где чужие — не разобрать, всё перемешалось...

— У меня двухсотый! У меня трёхсотый! — трещал эфир — Огонь!. Духи зажимают...

Стоявший рядом с Кравцом офицер побледнел. Он совсем недавно прибыл в отряд. Лихой такой ходил, всё рвался в дело. А тут сник.

Из штаба прибежал посыльный:

— Шесть БТРов вперёд! Остальные шесть в резерве...

Кравец ловко запрыгнул на машину. Протянул руку сникшему офицеру:

— Давай, запрыгивай!

— Нет... Я пока с резервом останусь...

«Не наш человек», — мелькнуло в голове.

Запустив двигатели, БТРы рванули на вырубку товарищей.

...Когда Кравец прибыл на место, бой уже стих. Он подошёл к БМП, раскуроченной миной. В глаза бросилась чья-то оторванная рука, вцепившаяся мёртвой хваткой в поручень обгоревшей машины. Грязная, кровавая, с ошмётками плоти и разорванной формы... Рядом застыли молодые бойцы. Точно заворожённые, они неотрывно смотрели на руку, беспомощно хлопая глазами, не в силах ни уйти, ни отвести взгляд в сторону.

Кравец молча снял её и приказал старослужащим отнести к телу погибшего. Солдаты встрепенулись. Сбросив наваждение, побрели в сторону. Офицер зашагал было дальше...

— Представляете, его в самое сердце срезали, — услышал он за спиной голос одного из солдат.

— Как же так! Он же в тельняшке был! — неподдельно поразился кто-то...

Сергей остановился. Оглянулся, пытаюсь понять, насколько серьёзно это было сказано. Оказалось — серьёзно. Он внимательно посмотрел на лицо солдата, который это говорил. Молодое, скуластое, с большими удивлёнными глазами лицо. Совсем мальчишка. Он и жизни-то ещё толком не видел и ничего о ней не знал. К горлу подкатил ком. Для него, опытного офицера, стало настоящим открытием, что пацаны, волей судьбы заброшенные на эту странную далёкую войну, так истоиво верили в защитную силу тельняшки.

Не в бронезилеты, не в броню... В тельняшку!

И вера эта придавала им и силы, и мужества.

* * *

Сергей Кравец:

— По сравнению с другими в нашем отряде потерь было немного. За два года войны, когда я выходил командиром группы, погиб только один человек — капитан Вадим Быков. Казалось, смерть обходила нас стороной. Были раненые, контуженные. В том бою я и сам думал, что уже не вернусь — в такой переплёт попали. Но мне повезло. А вот Вадима мы потеряли...

...Это был пятидневный выход в район кишлака Анардара — вотчины душманов. Кишлак считался неприступным. И было отчего. Находился он в узкой, метров сто в ширину, расщелине, по каменистому дну которой неспешно перекатывался горный ручей. Поселение надёжно скрывали от посторонних глаз высокие скалистые горы. Авиация до него добраться не могла. На высотах стояли ДШК и зенитные установки. Подойти их и взять не представлялось возможным. Неподалёку было ещё несколько кишлаков, которые контролировали моджахеды. Одним словом — душмания. Сплошная.

Группа, которую возглавлял Кравец, заместитель командира третьей роты, к тому времени уже капитан, «на войну» ушла на броню. На БТРах. Район капитан знал хорошо. Через него пролегало несколько караванных маршрутов. Два он здесь уже захватил и при удачном стечении обстоятельств мог увеличить свой актив.

Вместе с разведчиками «на войну» отправилось ещё три офицера: командир зенитной артиллерийской группы капитан Вадим Быков, начмед капитан Сергей

Воробьёв и зампотех Михаил Твердохлебов. На дворе стоял октябрь 1986 года. Кравец слыл в отряде опытным боевиком, имел хорошие результаты. И группы, которые он возглавлял, всегда возвращались в ППД¹ в полном составе. Нередко потрёпанными, измотанными. Зато все были живы. Он был везучим, горы его любили. Потому офицеры приданных подразделений и служб старались пойти воевать именно с ним.

К Анардару подходили обходными путями. Зашли в мандех — высохшее русло реки, довольно глубокое, созданное природой укрытие — их в этом районе было немало. Загнали туда броню, выставили «фишки» — наблюдателей, обустроили днёвку. А по ночам отправлялись на охоту.

Однако все усилия были напрасными. Караван не шёл, точно душманы чувствовали, что их ждут. Сергей гнал от себя назойливые мысли, прокручивая ситуацию с разных сторон: «Неужели нас заметили и предупредили?.. Хотя вряд ли. Тогда духи уже давно пытались бы массой задавить. Не упустили бы возможность заполучить нас в руки. Это их земля — только свистни, как набежит хренова туча. А тут тишина... Значит, не засветились... Надо ждать. Ждать, Кравец, ждать...».

Так минуло четыре ночи. Пустые, стылые осенние ночи. Со срывающимся дождём, пронизывающим ветром. Сырые и злые. Оставалась крайняя. Без результата в отряд возвращаться не хотелось. Вечером наблюдатели заметили на горе душманский расчёт ДШК. «В крайнем случае пулемёт возьмём. Всё не с пустыми руками в отряде появимся», — решил Кравец. В голове моментально созрел план: броню он оставит внизу, к высоте пойдёт сам, взяв несколько опытных «дембелей». С рассветом забросают расчёт гранатами и спустятся с трофеем вниз. В мыслях он уже стал прокручивать детали, примеряться, как подняться на вершину, прокладывая маршрут...

Ночь выдалась ветреная. Было зябко, с неба сыпал мелкий противный дождь. Кравец и группа уже порядком устали, хотелось спать. Проклиная пропавших караванщиков, и погоду, и мокрые остывшие за ночь камни, он напряжённо вглядывался в темноту. Вдруг вдалеке мелькнули огоньки фар. Затем они пропали. «Показалось», — в сердцах подумал офицер.

Однако спустя мгновение огоньки появились вновь и, медленно покачиваясь, начали приближаться. Сомнений не было: это была головная машина колонны — знакомый советский грузовик ГАЗ-66. Душманы часто использовали его из-за хорошей проходимости и неприхотливости в эксплуатации и обслуживании. Чаще всего они доставались им в качестве трофеев. Но иногда «газы» передавали в качестве «бакшиша»² переметнувшиеся на сторону душманов подразделения афганской армии. А такие перебежки были не редки.

Кравец находился довольно близко от наезженной колеи, по которой шёл караван.

— К бою! — скомандовал он.

¹ ППД — пункт постоянной дислокации.

² Бакшиш — подарок, взятка.

Изготовились. В спецназе есть правило: огонь первым открывает командир. Он должен убедиться, что это не мирные дехкане. Хотя мирных в такое время в этом месте найти было трудно.

Сергей Кравец:

— Как правило, у командира в автомате был магазин с трассирующими патронами. Он задаёт направление огня. Потом указывает, куда его перенести. Весь расчёт на внезапность. В Афганистане, как правило, кто первым огонь открывал, тот и побеждал. Тем более на близких расстояниях. Мы же практически в упор расстреливали друг друга.

Вдруг машина исчезла из виду. «Мандех! — пронзила Кравца догадка. — Уйти, сука, собирается».

Сергей побежал наперерез. Следом за ним бросился находившийся рядом Вадим Быков. Кравец выбежал навстречу нырнувшей в мандех машине. В этот самый момент в кабине загорелся свет — наверное, решили посмотреть карту, уточнить маршрут. Кравец отчётливо увидел водителя и ещё одного душмана, сидевшего рядом с ним. Вероятно, он был старшим. Афганцы что-то увлечённо разглядывали. Чёрные фигуры на светлом фоне окна кабины были идеальной мишенью для опытного стрелка. Дистанция небольшая. Капитан выпустил очередь, сначала он поразил водителя, затем пассажира.

Кравец точно знал, что водителя он убил. Но машина продолжала медленно катиться на шурави. Поливая кабину полыхающими красными нитями автоматных очередей, капитан пятился назад. Машина не останавливалась. Видно, нога убитого в предсмертной судороге уткнулась в педаль газа и продолжала под тяжестью осунувшегося тела давить на неё. Наконец, проехав ещё несколько метров, грузовик дёрнулся и, точно уткнувшись в невидимую стену, застыл на месте.

В это время группа перенесла огонь на вторую, шедшую следом, машину каравана. Мощным плотным огнём разведчики накрыли высыпавших из грузовика, точно горох, душманов. Клокоча ругательства, афганцы остервенело огрызались. А Кравец с Быковым из-за своего манёвра оказались ровно посередине — между двух огней.

В этот момент кто-то трассёром попал в топливный бак подбитого капитаном грузовика. Машина загорелась. Пламя переметнулось на кузов, в котором, как оказалось, перевозили боеприпасы, в том числе и реактивные снаряды. Боеприпасы сдетонировали...

И тут началось светопреставление! Оглашая округу страшным грохотом и шипящим визгом, из кузова вырвалась сконцентрированная нечеловеческая мощь, разбрызгивая огонь и чад. В небо взмывали огромные полыхающие клубы пламени и чёрного дыма, точно разверзлись врата ада, из которого вот-вот вылетят бесы. Стало светло, как днём. И шурави, и душманы, и застрявшие между ними два советских офицера видны как на ладони...

И в этот миг, выбрасывая дымящиеся полыхающие стрелы, начали стартовать эрэсы. На секунду Кравец замер, заворожённый мистической красотой этого огненного зрелища.

— Всё! Писец! Как в Берлине.. Твою ж мать... Вот влипли... Вадим, надо уносить отсюда ноги, пока целы... Побежали! — тут не к месту вспомнился кадровик и его слова про недолгую жизнь.

Кравец схватил автомат, вскочил и рванул к ближайшему БТРу. Забежав за броню, он оглянулся: Быков продолжал лежать на месте.

Кравец бросился назад.

— Ты чего разлѣгся?! Побежали, говорю...

— Не могу... Встать не могу...

В этот момент Кравец заметил на виске товарища кровь. Схватив Вадима под мышки, потащил его к броне. Вокруг же во всей своей мистической красоте полыхал ночной бой. В укрытии Кравец осмотрел рану. Она оказалась намного серьёзнее, чем показалось вначале.

Тем временем душманы, точно пауки, взобрались на скалы и били по разведчикам, подсвечиваемым всполохами огня уже с высот.

Вскоре подошли вызванные по рации «вертушки».

— Мужики, по высоте поработайте!.. Шумните духов... Головы не поднимать...

Хлопая лопастями, пара «крокодилов» Ми-24 вышли на цель и подавили огневые точки духов.

В это время чуть поодаль приземлилась «восьмёрка». Вадима, потерявшего сознание, потащили к вертолѣту. Кравец пытался его растормошить. Неуловимое, неосознанное ощущение беды сжимало в судорожный комок мышцы живота.

— Вадим, не спи. Слышишь, брат, не спи... Ну пошли меня, Вадим, пошли меня, пошли...

Он повторял свою дурацкую просьбу, точно мантру, от которой действительно зависела жизнь друга.

— Да пошёл ты... — с трудом выдавил он из себя.

— Всё, брат... Жить будешь...

Погрузили. «Восьмёрка» резко оторвалась от земли и круто ушла в небо. У Кравца точно камень с души упал. Теперь, когда вертушка скрылась из виду, он был уверен, что всё будет хорошо и Вадима успеют доставить в госпиталь вовремя...

...Оказалось, что пуля застряла у него в мозжечке. Быкову сделают операцию. Четыре дня он будет бороться со Смертью.

На пятый Смерть победит...

* * *

...Вскоре всё стихло. Остыло. Погасло.

Кравец устало брѣл по месту недавнего боя. Машина, та, что везла эрэсы, сгорела полностью. Температура пламени была настолько высока, что от тела водителя ничего не осталось. Только кучка пепла, обгоревшая берцовая кость да изогнутый закопчѣнный ствол от автомата...

Трофеи со второй, уцелевшей, машины оказались богатыми. Только радости офицеру это не приносило — мысли о Быкове не давали ему покоя.

На земле лежали трупы погибших душманов. Сергею бросилось в глаза одно обожжённое тело. Грудная клетка была черна и разворочена, а внутри алело, точно краской нарисованное, сердце...

Вдруг Кравец заметил здорового, выше его на голову, пленного духа. Закрыв глаза, афганец сидел, прислонившись спиной к камню. Руки плетью повисли вдоль массивного осунувшегося тела. Он уже смирился со своей участью, уверовав в скорый безрадостный конец своего земного пути. Силы оставили его. Душман был ранен в шею. Ранение оказалось тяжёлым, к тому же он потерял много крови.

— Товарищ командир, давайте я его добыю, — вызвался подскочивший сержант. Кравца передёрнуло.

Заметив это, сержант добавил:

— Чтоб не мучился...

— Я тебе добыю! Гуманитарий...

Вызвали начмеда, перевязали. Кравец не сразу сообразил, что не так было в этом афганце. Да он пьян! От раненого несло перегаром, точно от нашенского алкаша в подворотне. Когда ему оказали необходимую медицинскую помощь, афганец стал горестно причитать. Сидел, расшатываясь из стороны в сторону, и сетовал на шайтана, попутавшего его с товарищами. На то, что если бы они так долго не пировали, то уже были бы дома в объятиях своих любимых жён, к которым и спешили. По какому поводу была пирушка, так никто и не понял.

Сергей Кравец:

— Этот душман оказался главарём довольно крупной местной банды. Выяснилось, что в караване, который мы взяли, находилось пять лидеров бандформирований. Четверых мы уничтожили. Один, тот самый раненый, выжил. Его передали контрразведчикам. Показания, которые он дал, оказались очень ценными.

Потом мы узнали, что была ещё третья машина. Но она шла на удалении и, когда мы открыли огонь, повернула назад.

* * *

За тот караван капитана Кравца представили к ордену Боевого Красного Знамени. Представление ходило по штабным кабинетам и столам шесть месяцев. Вернулось с резолюцией: «недостаточно раскрыты командирские качества». Документ переписали, отправили вновь. Но с наградением в тот раз так и не сложилось...

К слову, к этой высокой награде за два года войны Кравца представляли трижды. Дважды наградили орденом Красной Звезды. В Афганистане такие трансформации были не редкостью. Спецназ не баловали наградами, к каждому награждению относились ревностно и придирчиво.

В пехоте могли представление отправить за количество боевых выходов, вне зависимости, участвовал человек непосредственно в боестолкновении или нет. Или за выслугу: год послужил, несколько раз ходил на боевые выходы, взысканий нет — достоин. Пора.

В спецназе же принцип награждения был совсем иной. Особенность боевого применения заключалось в том, что их оценивали только по уничтоженным и захваченным средствам противника. И только при предъявлении трофеев. Проводимые разведывательные мероприятия не учитывались.

Сергей Кравец:

— Пока результат конкретный не дашь, захваченные трофеи, оружие не представишь, ни о какой награде и представлении речи не шло. Группу обложили, выведешь всех из переделки живыми — как правило, никого не награждают. А вот если много убитых или раненых, тогда пишут представления. К сожалению, чем больше потерь, тем больше наград. Хотя, по-моему, должно быть всё наоборот...

Иногда случались просто вопиющие, дикие случаи. Помню, к нам приехал начальник военторга, капитан из Шиндадта. А у него на груди орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Мы, когда увидели, очень удивились: где это в военторге можно было так отличиться...

* * *

Место расположения отряда было выбрано очень удачно. До ближайших гор — километров шесть, незамеченными не подойти. Однако эрэсы доставали, чем душманы и пользовались, периодически обстреливая территорию. Жертв, к счастью, не было. Но и удовольствия такое внимание не доставляло.

Во время воздушного облёта группа Михаила Красильникова обнаружила около сотни готовых к пуску замкнутых в электроцепь реактивных снарядов. Каждый установлен на мешок с песком, а контакты выведены в специально оборудованный окопчик.

Сергей Кравец:

— И как хитроумно придумали! Пришли, всё выверили, установили, направили. А замыкатели в бурдюк с водой засунули. Один на поплавке вверху плавает, другой внизу. Когда конструкция была готова к применению, душманы, проделав небольшую дырочку в бурдюке, спокойно ретировались. Водичка медленно вытекает, замыкатели медленно сближаются, а душманы тем временем, очень довольные собой, быстренько уходят всё дальше и дальше. К моменту, когда цепь замыкается и начинается обстрел, духов и след простыл. И наша артиллерия громила опустевшую площадку вхолостую.

Этот бурдюк обнаружили совершенно случайно, когда до пуска оставалось всего несколько минут... Такую хитроумную конструкцию Красильников обезвреживал дважды. Он даже фото на память сделал. И во второй раз в цепи душманы установили 112 снарядов.

* * *

...Это произошло перед самой заменой. Возвращались с боевого выхода, одного из последних. БМП, поднимая пыль, неслись в отряд. Кравец сидел на броне, внимательно всматриваясь в однообразный пейзаж. Их путь лежал по равнине.

Было душно. Палящее солнце катилось к земле, завершая свой дневной путь. Горячий воздух обжигал лицо. Вдруг ротный заметил валун, на котором сидела

довольно крупная птица. В знойном мареве, поднимавшемся от земли, очертания его дрожали и колебались. На фоне затухающего неба колышущийся, точно живой, силуэт камня и сидевший на нём пернатый напоминали мишень. Сработал инстинкт охотника: офицер вскинул «калаш», прицелился, нажал курок. Кравец и до Афгана отлично стрелял. Война же отточила это умение до совершенства — птица, точно сбитая шаром кегля, рухнула вниз.

Подъехав, разведчики увидели на земле поверженного орла. Разбросав огромные, метра два в размахе, крылья, он лежал в пыли у самого камня. Орёл был ещё жив. Кравец посмотрел в глаза умирающей птицы. В угасающем взоре застыли величественное превосходство и царственная гордость. Спустя несколько мгновений его взгляд помутнел. Вольный полёт над землёй был завершён...

Сергей вздрогнул, обожжённый досадой на самого себя. Стало нестерпимо стыдно.

— Ах ты, дурак-человек, зачем орла зря сгубил?.. Ни за что сгубил... Ради забавы...

Там, над телом мёртвой птицы, он дал зарок никогда больше не охотиться. Никогда. На этой войне он узнал истинную цену жизни. Любой жизни. Вне зависимости, в чьём теле она бьётся. Отнимать её ради забавы он больше не считал для себя возможным. И зарок сдержал...

Его охота была завершена.

Он отдал свою дань молоху войны сполна. Да, он убивал. Но он — Солдат. Воин, защищавший интересы своей страны там, где это было необходимо. Арифметика войны — вычитание: либо ты, либо тебя. Никаких «если».

То было честное противостояние. Возможно, поэтому практически ни один памятник погибшим советским солдатам до сих пор не осквернён. Хотя советские войска покинули эту землю почти тридцать лет тому...

В Афганистане умеют ценить мужество воина и доблесть.

Умеют и ценят.

* * *

Кравец часто вспоминает ту равнину. Пыльную, окаймлённую чередой гор равнину, изъезженную вдоль и поперёк на боевых машинах.

Иногда начинает казаться, что опять «афганец», точно вырвавшийся из огненной печи дьявол, обжигает лицо, швыряет в глаза тучи песка и мелкого щебня. И вновь он, молодой капитан, несётся после очередной «войны» в отряд на раскалённой броне. Пламенеющий диск солнца, завершая дневной путь, скользит к земле.

А в закатном акварельном небе, распахнув огромные крылья, гордо реет царственный орёл, оглашая окрестности величественным кличем непобеждённого охотника. Кличем, не смолкающим в душе отважного воина все прошедшие после Афганистана годы.

И летать ему в этой бескрайности целую вечность.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Министра обороны Республики Беларусь.....	3
Классики белорусской литературы о Красной Армии	
Мы сложим стихи и песни о славных бойцах.....	4
Двенадцать песен (отрывок из поэмы).....	4
Янка Купала	
Слава тебе, армія!.....	6
Зноў будзем шчасце мець і волю.....	6
Якуб Колас	
На магілах герояў.....	8
Абаронцам роднай зямлі.....	9
Кандрат Крапіва	
Развітанне сына.....	10
Пятрусь Броўка	
Байцам-беларусам.....	11
Пімен Панчанка	
Байцу, які першы ступіў на беларускую зямлю.....	14
Максім Танк	
Два лісты.....	15
Иван Шамякин	
Да будет свет (отрывок из романа «Зенит»).....	17
Иван Мележ	
Несколько дней июня (главы из романа «Минское направление»).....	21
Василь Быков	
Третья ракета (главы из книги).....	38
Алесь Савицкий	
Ночной рейд. Рассказ.....	50
Современные белорусские поэты о Вооружённых Силах	
Михаил Поздняков	
Святое.....	59
В Севастополе.....	59
3 июля.....	60
*** От Лахвы до Днепра — и луга, и леса... ..	61
Беларусь и Россия.....	62
Николай Иванов	
В День Победы.....	63
Было ль страшно на войне?.....	63
Дорогами войны.....	64
Анатолий Аврутин	
*** Один убит... Другой, ещё проворен... ..	66
*** Привыкнуть засыпать среди войны... ..	66
*** Погоди, не умирай, слышишь, дядя Гриша?!	66
*** — Я з Крыніц... Жыва пакуль... ..	67

Александр Гура, генерал-майор	
Защитники страны. <i>Песня</i>	68
Баллада об офицерах.....	69
Мікола Мятліцкі	
Перамога.....	71
Буйніцкае поле.....	72
Бессмяротны полк.....	73
Пехацінец.....	74
*** У Магілёве, над магілай Пысіна..	75
Георгий Марчук	
Защитники Отечества. <i>Песня</i>	76
На службе Родины родной. <i>Песня</i>	77
Сергей Давидович	
Бессмертная дорога.....	78
Никто не забыт.....	78
Вечный огонь.....	79
Рывок в... Трептов парк.....	79
Осколок.....	80
Константин Цыбульский	
Женщинам войны.....	81
Страшная война.....	81
Валентина Поликанина	
Стихи поэта о войне.....	83
Василёчек.....	83
*** Каким он был, тот безымянный..	84
Медсестра.....	85
Озаричи.....	85
Андрей Бокза	
Защитник Отечества.....	87
Танкистам.....	87
Мама в погонах.....	88
Молодость.....	89
Тамара Залеская	
Офицеры Беларуси. <i>Песня</i>	90
Пусть ярче светят наши звёзды!.....	91
Музыка нашей Победы.....	91
Григорий Соколовский	
Армии родной.....	93
Афганистан.....	94
Иван Титовец	
Зиновий.....	95
Герой Карват.....	95
Алина Легостаева	
У музеі Вялікай Айчыннай вайны.....	97
Комбаты.....	97
Воспоминание о БАМе.....	98
*** Што для мяне.....	98
Иван Юркин	
Герои солдаты. <i>Песня</i>	100
Дымят развалины Берлина. <i>Песня</i>	101
Жёнам пограничников. <i>Песня</i>	101

Николай Шашков	
Уходят в армию ребята.....	103
Армии.....	103
Инна Фролова	
Штрафная рота.....	105
Старый забытый вальсок.....	105
*** Всё в мире когда-то не раз повторится... ..	106
Михаил Токарев	
Ночной бой.....	107
Тревога.....	108
Мария Павлюкевич	
Посвящается десанникам.....	109
Стоят на страже Родины сыны.....	109
И снова в бой.....	110
Татьяна Куприянец	
Т-34.....	113
Бой в море.....	114
Спасение разведки.....	115
Молчите.....	116
Сколько вас?.....	117
Кацярына Роўда	
Ветэранам.....	118
Мой любы дзед.....	118
Маналог салдата.....	119
Екатерина Моссэ	
война не снаружи, война — внутри.....	120
инъекция патриотизма.....	120
Анастасия Коротчикова	
*** Там заросли травой места... ..	122
Корабли.....	123

Современные белорусские писатели о Вооружённых Силах

Николай Чергинец	
Сыновья (<i>отрывки из романа</i>).....	124
Михаил Поздняков	
Возвращение.....	145
Дядя Давыд.....	148
Алесь Карлюкевич	
Педагог в генеральском мундире. <i>Очерк</i>	150
Анатолий Сульянов	
Генерал, который был самим собой (главы из книги).....	157
Евгений Коршуков	
Решение. <i>Рассказ</i>	168
Наследство. <i>Рассказ</i>	170
Владимир Величко	
На линии огня (<i>отрывок из романа «Пётр Машеров. Беларусь — его песня и слава»</i>).....	174

Сергей Трахимёнок	
Дело лейтенанта Приблагина.....	186
Должник.....	191
Валерий Алешко	
Идём на Восточную Пруссию (отрывок из романа «Крылья»).....	200
Валерий Чудов	
Героический переход.....	218
Сергей Климкович	
Лейтенант Капитан. Рассказ.....	230
Замок. Рассказ.....	234
Владимир Тулинов	
Поезд надежды.....	241
Вячеслав Варламов	
Плащ-палатка миномётчика Лавручика.....	262
Георгий Пляц	
Голубой родник. Рассказ.....	268
Игорь Грицков	
Сильные духом. Документальная повесть.....	281
Большая мечта маленького Лёни. Повесть.....	285
Людмила Сиволобова	
Оккупация. Повесть.....	292
Людмила Лазута	
Неугасаемый свет надежды.....	296
Раиса Павлючук	
Вынужденная посадка.....	299
Немецкий лекарь.....	300
Встреча с настоящим партизаном.....	301
Прогулка с собакой.....	303
Иван Скоринкин	
Атака (отрывок из повести «Право вести в бой»).....	305
Вячеслав Бондаренко	
Офицеры. 1918. Драма.....	308
Владимир Макаров	
Революция и война.....	337
Виктор Павлов	
Приказано лететь.....	361
Константин Гагарин	
Белорусский спецназ на Северном полюсе!.....	367
Шестьсот суток в пехоте.....	369
Лариса Кучерова	
Охота. Очерк.....	376

12+

Литературно-художественное издание

ОТЕЧЕСТВУ СЛУЖИМ

Сборник поэзии и прозы

Ответственный за выпуск *Г. Винярский*

Редактор *Ю. Медведева*

Набор *В. Орлова*

Верстка *Л. Городецкой*

Корректор *Ю. Медведева*

Подписано к печати 17.03.2012. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 32,41. Уч.-изд. л. 55,58.

Тираж 300 экз. Зак. .

ЧУП «Книгосбор».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, производителя,
распространителя печатных изданий № 1/377 от 27.06.2014.

Ул. Я. Лучины, 38-93, 220112, Минск.

Тел./факс (017) 207-62-33, тел. (029) 772-19-14, 682-83-86.

E-mail: bkniha@tut.by

Напечатано с оригинала-макета заказчика в ЗАО «Оргстрой».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, производителя,
распространителя печатных изданий № 2/182 от 15.02.2016.

Ул. Берестянская, 16, 220034, Минск.